

ISSN 0131-2812

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Положение в КНР и задачи советского
китаеведения

Статистика и политика

Пекин и движение неприсоединения

Инфляционные процессы в КНР

Противники и сторонники урегулирования
в Корее

Клобо Абэ: мысли и образы

2

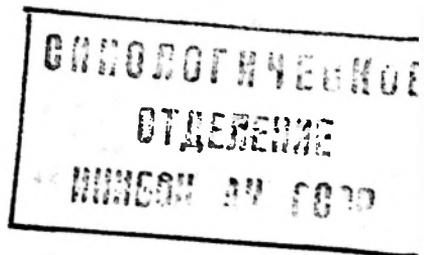
1982

Институт Дальнего Востока АН СССР

Гло-1485

СОДЕРЖАНИЕ

- Положение в КНР и некоторые задачи советского
китаеведения
3 *О. Б. Борисов*
- ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА**
- Советско-китайские отношения: проблемы и перспективы
15 *М. С. Украинцев*
Статистика и политика
25 *С. А. Иванов* ✓
Китай: некоторые аспекты внутреннего развития
38 *В. Я. Матяев,*
В. П. Фетов
Западная Европа в стратегии Пекина
50 *А. Г. Ларин*
Внешняя политика Пекина в оценке индийских ученых
60 *В. К. Гусаченко*
Пекин и движение неприсоединения
73 *В. С. Степанов*
Финансово-монополистический капитал и политический
механизм Японии
84 *А. А. Макаров*
Инфляционные процессы в КНР ✓
95 *П. Б. Капралов*
Противники и сторонники урегулирования в Корее
В. И. Андреев,
105 *В. И. Осипов*
- ИДЕОЛОГИЯ**
- Критика буржуазной синологии
Апологиеты «китайской модели» экономического развития
117 *А. Н. Желоховцев*
- ИСТОРИЯ**
- Историческая судьба китайского комсомола
121 *В. Н. Усов*
- БОРЦЫ ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО**
- 133 Сэнтэ Итикава — коммунист-трибун
- КУЛЬТУРА**
- Кобо Абэ: мысли и образы
140 *Н. Т. Федоренко*
Модель личности по-маоистски
151 *Н. Е. Боревская*

ОЧЕРКИ И СООБЩЕНИЯ

- 159 Был ли этот путь «шелковым»?
В. С. Кузнецов
162 Из истории китайской общины на Мадагаскаре
Е. Н. Петрова

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

- 167 Внешняя политика СССР на Дальнем Востоке (сентябрь 1939 — июнь 1941 гг.)
С. Л. Тихвинский
169 Актуальные проблемы современной Японии
А. И. Сенаторов
173 Экскурсе в историю китайской революции
Ю. С. Семенов
176 Важная веха в истории КПК
В. И. Глушин
179 Фальсификация истории Киргизии
В. А. Моисеев

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 183 Вторая Всесоюзная конференция китаеведов
190 XIII конференция молодых китаеведов
191 Проблемы молодежного движения в Китае

Адрес редакции: Москва, 117218
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

© «Проблемы
Дальнего Востока»
1982

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (главный редактор),
В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора),
Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДА-
НОВ, Б. Г. ГРЕБЕННИКОВ (зам. главного редакто-
ра), М. С. КАПИЦА, И. И. КОВАЛЕНКО, В. А. КРИВ-
ЦОВ, К. М. ПОПОВ, О. Б. РАХМАНИН, Б. В. САГА-
РЕВ (отв. секретарь), В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИТА-
РЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Р. А. УЛЬЯНОВ-
СКИЙ, Н. Т. ТИТАРЕНКО, В. И. ШАБАЛИН

Положение в КНР и некоторые задачи советского китаеведения

О. Б. Борисов

В Советском Союзе уделяется большое внимание изучению Китая и отношениям с этой великой страной, являющейся нашим соседом. Выступая с трибуны XXVI съезда КПСС, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР тов. Л. И. Брежнев заявил:

«Ну, а что касается китайского народа, то мы глубоко убеждены: его подлинным интересам отвечала бы политика мира, только политика мира и нормальных отношений с другими государствами.

Если советско-китайские отношения остаются замороженными, то причина здесь не в нашей позиции. Советский Союз не искал и не ищет конфронтации с Китайской Народной Республикой. Мы следуем курсу, определенному XXIV и XXV съездами КПСС, и хотели бы строить связи с ней на добрососедской основе. Остаются в силе наши предложения, направленные на нормализацию отношений с Китаем, как остаются неизменными наши чувства уважения и дружбы к китайскому народу».

Выступая в Ташкенте 24 марта с. г., тов. Л. И. Брежнев вновь подтвердил эту принципиальную позицию нашей партии и выразил готовность «договариваться без всяких предварительных условий о приемлемых для обеих сторон мерах по улучшению советско-китайских отношений на основе взаимного уважения интересов друг друга, невмешательства в дела друг друга и обоюдной пользы — и, разумеется, не в ущерб третьим странам».

Таким образом, руководство нашей партии и государства на самом высшем уровне еще раз выразило свою добрую волю и искреннюю готовность к улучшению отношений с Китаем, будучи уверенным в том, что это отвечало бы коренным интересам обеих стран, делу всеобщего мира.

Именно этим духом указаний съездов КПСС руководствовались участники проходившей в Москве 25—27 января с. г. второй Всесоюзной конференции китаеведов, организованной научным советом Академии наук СССР по проблемам зарубежного Дальнего Востока.

На конференции отмечалось, что принятые нашей партией, особенно после октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС, политико-организационные меры позволили вывести советское китаеведение на передовые рубежи в изучении как Китая, так и проблем мира и безопасности на Дальнем Востоке в целом. Благодаря этому исследования советских китаеведов стали надежной научной базой в разработке долговременной политики в отношении КНР и борьбы за социалистическую перспективу Китая.

С точки зрения научной, методологической и политической исключительно большое значение в развитии советского китаеведения имели решения съездов, пленумов ЦК КПСС и высказывания тов. Л. И. Брежнева, касающиеся Китая.

В самом начале антинародной маоистской кампании, получившей название «культурной революции», тов. Л. И. Брежнев, выступая на декабрьском (1966 г.) Пленуме ЦК КПСС, дал оценку этой антисоциалистической кампании, раскрыл националистические, мелкобуржуазные истоки идеологии маоизма, в особенности антисоветизма. Тогда же было указано, что «культурная революция» ставит под угрозу социалистические завоевания китайских трудящихся, ведет к подрыву авторитета Коммунистической партии Китая и ее внутреннему развалу. Жизнь подтвердила правильность этих выводов. И если сейчас в решениях VI пленума ЦК КПК говорится, что «культурная революция» не имела отношения к марксизму-ленинизму, что она не отвечала интересам китайского народа, то это свидетельство (хотя и слишком запоздалое) банкротства маоистских экспериментов и глубокой правоты научного подхода нашей партии к анализу событий тех лет.

Если говорить о международной политике китайского руководства, то еще на февральском (1964 г.) Пленуме ЦК КПСС об этой политике говорилось: «Как бы не получилось, что, идя по своему неверному, антиленинскому пути, китайские руководители не пришли бы к фактическому смыканию с самыми реакционными, воинственными силами империализма».

В речи тов. Л. И. Брежнева на Московском совещании представителей коммунистических и рабочих партий в 1969 г. были всесторонне проанализированы классовая природа и идеология маоизма, показано, что политика маоистского руководства противоречит коренным интересам развития Китая по пути социализма, а его гегемонистская политика таит в себе опасность для дела мира в Азии и во всем мире. Эта оценка также подтвердилась дальнейшими событиями, когда правящая верхушка Пекина, чтобы отвлечь внимание народа от внутренних провалов, разжечь враждебные настроения в отношении соседних с КНР государств, предприняла целую серию враждебных провокаций против соседних с Китаем государств. Это имело место и во время неоднократных агрессивных действий Пекина против Индии, против Советского Союза, Вьетнама, Монгольской Народной Республики, Лаоса и других государств.

Научный анализ политики Пекина позволил дать правильный прогноз относительно ее целей и методов осуществления. Благодаря этому социалистические страны, все миролюбивые силы смогли предпринять соответствующие меры по противодействию провокациям маоистов, мобилизовать мировую общественность на разоблачение подрывной политики Пекина. Это позволило сорвать планы маоистов по расколу социалистического содружества и международного коммунистического движения и созданию своего центра. Это помешало также расчетам маоистов повернуть национально-освободительное движение и движение неприсоединившихся государств в антисоциалистическое, антисоветское русло.

Курс КПСС и Советского государства в отношении Китая — это ленинский курс, отличающийся интернационалистским подходом, последовательностью и принципиальностью. Он является формой морально-политической поддержки социалистических тенденций в политической жизни Китая. Разумеется, Советскому Союзу чуждо вмешательство во внутренние дела КНР. Критика с его стороны не соответствующих социалистическим принципам и нормам многих установок маоизма, особенно в области внешней политики, извращений принципов научного коммунизма является важной формой борьбы за чистоту марксистско-ленинской идеологии. Под влиянием нашей критики маоисты и их последователи вынуждены маневрировать и кое в чем сдавать свои позиции, признавать по сути дела правильность наших оценок.

XXVI съезд КПСС подтвердил преемственность политического курса нашей партии в отношении КНР, который определен предшествовавшими

ми съездами. Этот курс сочетает отпор агрессивной политике Пекина, защиту интересов Страны Советов, социалистического содружества, мирового коммунистического движения, борьбу против враждебной марксизму-ленинизму маоистской политики и идеологии с готовностью нормализовать советско-китайские отношения на принципах мирного сосуществования.

XXVI съезд нашей партии обратил внимание на происходящие в КНР процессы. На съезде отмечалось, что истинный смысл этих процессов еще не определен и что главное здесь содержится в том, в какой мере нынешнему пекинскому руководству удастся преодолеть маоистское наследие.

Руководствуясь принципиальными установками XXV и XXVI съездов КПСС, пленумов ЦК КПСС, выступлениями тов. Л. И. Брежнева, советские ученые провели значительную работу по изучению актуальных проблем развития китайской экономики, положения трудящихся, классовых истоков событий в Китае, социально-политической природы маоистской идеологии, истории Китая и отношений этой страны с соседними государствами. Большая работа проведена по разоблачению разного рода маоистских фальсификаций истории русско-китайских и советско-китайских отношений, истории китайской революции, критике гегемонистской внешней политики Пекина, его проимпериалистического курса.

Советское китаеведение в изучении проблем КНР придерживается последовательной и принципиальной линии, оно опирается на объективный научный анализ всех аспектов китайской действительности, как во внутренней, так и во внешней сферах, в частности в вопросе советско-китайских отношений.

Партия, ее XXVI съезд четко определили задачи советского китаеведения на современном этапе. Важнейшая из них — дать объективный ответ на вопрос: действительно ли в Китае происходит процесс качественной, радикальной переоценки основополагающих установок маоизма, а также политических и социально-экономических событий прошлого и какова степень (глубина) этой переоценки. Наше марксистское китаеведение ставит также задачу с полной научной достоверностью установить, что же по существу означают происходящие в КНР изменения — попытку действительно найти выход из кризиса на путях прогрессивного развития или это лишь стремление пекинского руководства повысить эффективность своего гегемонистского милитаристского политического курса, исходя из соображений внутривнутриполитической борьбы и глобальной маоистской стратегии. «Всесторонний марксистско-ленинский анализ классового содержания событий в Китае за последние годы и корней нынешнего курса руководителей КПК, ставящего под угрозу социалистические завоевания китайского народа, — большая и серьезная задача», — говорил Л. И. Брежнев¹.

* * *

Вся работа в области китаеведения как комплексной страноведческой науки проходит с учетом международной политической ситуации и, конечно же, в тесной и неразрывной связи с конкретной политической практикой Пекина.

Заслугой советского китаеведения в трудные 60-е и 70-е годы, когда ситуация в Китае стала крайне сложной и противоречивой, является то, что оно, следуя указаниям партии, пользуясь полной поддержкой ЦК КПСС, других братских партий, сумело объединить все марксистско-ленинские силы в интернациональном китаеведении, способствовало выработке совместных мероприятий по консолидации наших творче-

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. М., 1970, т. 2, с. 392.

ских усилий. В результате возникла широко признанная система координации действий по китайскому вопросу с нашими друзьями из братских стран на всех уровнях.

Значение борьбы КПСС и других братских партий против маоизма, политической доктрины и практики нынешнего пекинского руководства, противоречащих социалистическим принципам, выходит далеко за рамки двусторонних советско-китайских отношений. Ведь речь идет об идеологической ориентации международного революционного движения, основополагающих принципах марксистско-ленинского учения, о творческом применении на практике общих закономерностей социалистической революции и социалистического строительства.

Общие закономерности строительства социализма, аккумулированные в совокупном международном опыте реального социализма, — это достояние мирового коммунистического движения, всего прогрессивного человечества. Тщетны попытки Пекина, разного рода оппортунистов представить отстаивание общих закономерностей строительства социализма и социалистического интернационализма как некое навязывание «советской модели» другим партиям и странам. Умение творчески применять эти закономерности и этот опыт в каждой социалистической стране — одна из важнейших гарантий успеха созидательной работы коммунистов. И наоборот, отход от этих закономерностей, игнорирование исторического опыта социализма приводит к тяжелым последствиям. Кризисные ситуации, возникшие в некоторых социалистических странах, в том числе в Китае, — наглядное тому свидетельство.

КПСС вместе с другими марксистско-ленинскими партиями решительно выступает против любых отступлений от основополагающих принципов социализма, ведет непримиримую борьбу с оппортунистическими и реакционно-националистическими концепциями.

Борьба против политической и идеологической доктрины Пекина, извращений научного социализма позволяет эффективно противодействовать другим формам оппортунизма, которые существуют и в Европе, и в Азии. Это тем более важно в настоящее время, когда складывается своеобразный альянс, куда входят антикоммунисты типа Рейгана, социал-шовинисты Пекина, а также разного рода оппортунисты и правые националисты. Эти, казалось бы, разношерстные силы едины в стремлении использовать реакционный национализм, националистические предрассудки, временные трудности в строительстве социализма для подрыва единства рядов коммунистов, нашего содружества, для дискредитации идеалов Великого Октября и его знамени — ленинизма.

Советское китаеведение, если говорить в целом, оказало серьезную помощь нашей партии в изучении и глубоком осмыслении актуальных проблем Китая, во многом содействовало созданию научной основы для выработки эффективной политики в отношении КНР, в пропаганде ленинского курса нашей партии в китайском вопросе, разоблачало маоистскую политику сколачивания блоков на милитаристской, антисоветской основе. В период «культурной революции» в КНР наши китаеведы расширяли научные исследования, разрабатывали культурное и идейное наследие Китая, по существу делая эту работу вместо самих китайцев, лишенных тогда этой возможности.

Неразрывная связь с жизнью, высокие достижения в научных исследованиях, интернационализм в подходе к изучению Китая завоевали советскому китаеведению высокий престиж за рубежом, в том числе в КНР.

* * *

Активизация враждебной социализму политики Пекина на международной арене, смычка китайских руководителей с империалистами, с международным оппортунизмом вызывают необходимость дальнейшего

расширения и углубления научных исследований относительно роли Китая в современном мире, возможной угрозы делу мира во всем мире со стороны пекинских гегемонистов. Речь идет о широком круге вопросов, о разработке научно обоснованных концепций эволюции политики КНР, а также прогнозов развития Китая на ближайшие годы и до конца текущего столетия. Видимо, предстоит более глубокое изучение социально-экономических, политических и идеологических процессов, происходящих в Китае, проблем и политики милитаризации страны, а также содержания, методов и форм организации пекинской пропаганды, антисоветских аспектов деятельности Пекина.

Советскому китаеведению также предстоит провести немало действительно комплексных исследований по экономике, истории, идеологии, международным отношениям, по изучению классовой структуры, социальных и межнациональных отношений в Китае. Все это, разумеется, требует совершенствования организации научно-исследовательской работы, повышения качества исследований. Необходимо, чтобы наша китаеведческая мысль была на уровне современной марксистско-ленинской науки, чтобы в исследованиях использовался самый современный арсенал научных методов.

Если говорить об историческом аспекте китаеведения, то учеными в этой области ведется большая работа по подготовке к изданию двухтомника «История КПК». Эта ответственная работа имеет не только научное, но и большое политическое значение. Изучение научной «Истории КПК», свободной от грубейших маоистских фальсификаций, послужит целям восстановления исторической правды, ярко покажет историческую интернациональную роль Советского Союза, международного коммунистического движения в победе китайской революции. Актуальность этой задачи тем более возрастает, что принятое недавно на VI пленуме ЦК КПК Решение по вопросам истории КПК со времени образования КНР усугубило фальсификацию истории КПК.

Обобщить исторические материалы, связанные с деятельностью КПК, борьбой в ней между интернационалистской и мелкобуржуазно-националистической линиями, показать роль международного фактора в победе китайской революции, значение сотрудничества с СССР для строительства социализма в КНР — вот далеко не полный перечень проблем, которые предстоит раскрыть советским китаоведам, участвующим в подготовке «Истории КПК». Реализация этой задачи нелегка. Именно в исторической науке в КНР разворачивается острая борьба, в ходе которой нередко меняются акценты. Так, в последнее время начали пересматривать решения VI пленума ЦК КПК, ослаблена критика Мао Цзэдуна и усиливается пропаганда его «заслуг».

Пекинские власти грубо спекулируют на авторитете в партии имен Лю Шаоци, Чжу Дэ и Чжоу Эньлая для оправдания маоизма, пытаются представить его в качестве «китанизированного марксизма». При этом более энергично подчеркивается, что «идеи» Мао утверждались в борьбе с КПСС, против Коминтерна и революционного опыта и авторитета Советского Союза. Пекинские фальсификаторы боятся правды, фактов. Поэтому они обрушивают потоки клеветы на документальные и мемуарные издания о КПК и китайской революции, выпущенные в СССР. С грубой бранью, например, обрушились в Пекине на книги Ван Мина, О. Брауна, П. Владимирова, представляя их документированные воспоминания, проникнутые чувством интернационализма, глубокой любви к китайскому народу, верой в революционные потенции рабочего класса Китая, как «зловонную клевету». И одновременно смакуют и возвеличивают антикоммунистические писания американских и японских китаеведов. Особенно ожесточенным нападкам подвергаются труды советских ученых-марксистов, в которых в ходе глубокого анализа исторических фактов и документов показана борьба двух линий в КПК — марксист-

ско-ленинской, интернационалистской и мелкобуржуазной, националистической, а также раскрыта огромная интернациональная помощь, которую оказывали китайскому народу на всех этапах его борьбы мировое революционное движение в лице Коминтерна и особенно Советский Союз и КПСС. Пекинские фальсификаторы глумятся над священной памятью китайских коммунистов-интернационалистов, пытаются задним числом изобразить их «друзьями» Мао.

Издание научно обоснованной «Истории КПК», равно как и работ по истории советско-китайских отношений, актуальным аспектам социально-экономического развития современного Китая, на широком фактическом материале, путем глубоких научных обобщений раскроет конкретно-историческое содержание тезиса XXVI съезда КПСС о том, что «опыт социально-экономического развития КНР за два последних десятилетия — тяжелый урок, показывающий, к чему ведет извращение принципов социализма, его сути как во внутренней, так и в международной политике»².

Из решений XXVI съезда КПСС вытекает крупная задача тщательного и всестороннего исследования тех изменений, которые происходят в Китае в области партийно-государственного, культурного строительства. Нужно дать точную оценку курса китайского руководства на осуществление «четырёх модернизаций», глубоко проанализировать, куда ведут нынешние тенденции развития китайского общества, каковы возможности реализации выдвигаемых задач, какова в этом роль международного империализма.

Необходимо, отталкиваясь от экономической и социальной политики и практики пекинских лидеров, раскрыть сущность борьбы вокруг маоистского наследия, основные направления модификации маоизма, учитывая сложность и многоплановость процессов, развивающихся в китайском обществе, в том числе и в связи с предстоящим XII съездом КПК.

Официальная китайская пропаганда и реакционные силы на Западе, прежде всего буржуазная пропаганда, пытаются создать картину положения в Китае, далекую от действительности, посеять иллюзии о стабильности нынешнего пекинского режима, о том, что народ поддерживает политику китайского руководства, что сотрудничество с Западом якобы откроет путь к прогрессу Китая, к успешной модернизации его экономики и обороны.

Мы глубоко убеждены, что искажение идей научного социализма и непризнание общих закономерностей строительства нового общества, проверенных на опыте СССР и других стран социализма, правонационалистический курс на смыкание с империализмом не вернут Китай на здоровый путь развития. Как подчеркнул Л. И. Брежнев на XXVI съезде КПСС, «империалисты друзьями социализма не будут. За готовностью США, Японии, ряда стран НАТО расширять военно-политические связи с Китаем кроется простой расчет — использовать его враждебность к Советскому Союзу, к социалистическому содружеству в своих собственных, империалистических интересах»³.

При оценке перспектив социально-экономического развития Китая хотелось бы обратить внимание на изучение и научную критику концепции Мао Цзэдуна о так называемой «новой демократии», которая ныне активно пропагандируется в Китае. Именно эту концепцию пекинские лидеры пытаются положить в основу разработки некоей «китайской модели» строительства социализма, противопоставив ее научному социализму, опыту мирового социализма и собственной генеральной линии КПК, утвержденной VIII съездом КПК (1956 г.), опиравшейся на этот опыт и успехи первого 10-летия существования КНР. С помощью

² Материалы XXVI съезда КПСС. М., Политиздат, 1981, с. 10.

³ Там же, с. 11.

этой «теории Мао Цзэдуна» хотят оправдать антисоветизм, смычку с империалистами.

Из публикаций китайской печати просматривается примерно следующий маневр правонационалистических сил Китая с маоцзэдуновской идеей «новой демократии»:

— В 40-х годах, — говорят они, — Мао Цзэдун осуществил «китаизацию марксизма-ленинизма» и создал якобы приемлемую для Китая и вообще отсталых стран Азии модель перехода к социализму — «новую демократию». Однако после победы китайской революции и образования КНР в силу ряда «специфических обстоятельств» (имеется в виду прежде всего отказ США и стран Запада принять протянутую к ним руку Мао Цзэдуна и введение ими эмбарго на торговлю с КНР) «Китай вынужден был» обратиться к Советскому Союзу. Под давлением СССР и сложившихся обстоятельств Мао Цзэдуну ничего не оставалось, как отойти от концепции «новой демократии» и принять за основу «советскую модель» перехода к социализму, заменить «новую демократию» концепцией «народной демократии».

— Далее утверждается, что в середине 50-х годов в связи с VIII съездом КПК Мао Цзэдун попытался вернуть партию «на правильный путь новой демократии», выдвинув свои «десять важнейших взаимоотношений». Но VIII съезд не принял маоцзэдуновскую линию. Тогда Мао под националистическим флагом «возрождения величия Китая» начал борьбу против линии VIII съезда КПК, за дискредитацию опыта Советского Союза, развернув в дальнейшем печально известные эксперименты «большого скачка» и «культурной революции».

— Ныне в Пекине, по сути дела, приходят к такой точке зрения: жертвы «большого скачка» и «культурной революции», то есть всего последующего 20-летнего периода существования КНР, являются якобы ценой, заплаченной КПК и народом за то, чтобы понять необходимость возврата на путь «новой демократии».

Изложенная схема националистов из КПК, по их расчетам, позволяет переложить вину за «большой скачок» и «культурную революцию» с Мао Цзэдуна на внешний фактор, особенно на Советский Союз. Так выглядят контуры новой диверсии Пекина, грубой фальсификации истории, которую уже начали осуществлять пекинские лидеры и их теоретики.

Перед советскими китаеоведами в сотрудничестве с учеными в области других общественных наук стоит задача разоблачения этого маоистского подлога.

Известно, что Мао Цзэдун при изложении этой «теории» использовал ряд ленинских положений, документы КПСС и Коминтерна о некапиталистическом пути развития слаборазвитых в экономическом отношении стран. Но в маоистской трактовке концепция включает в себя также целый ряд националистических, антимарксистских, народнических положений, которые необходимо подвергнуть научной критике не абстрактно и не изолированно, а в общем контексте маоистской политики. Вместе с тем очевидно, что главные пороки теории «новой демократии» состоят, во-первых, в абсолютизации китайской специфики и игнорировании общих закономерностей строительства социализма; во-вторых, в игнорировании и недооценке роли международного фактора в китайской революции, компенсирующего относительную слабость пролетариата Китая, и, в-третьих, в стремлении использовать идеи социализма для удовлетворения великодержавно-гегемонистских амбиций, оправдания великоханьского господства в самом Китае, утверждения гегемонии в Азии на основе договоренности с империалистами о разделе сфер влияния.

Буржуазное китаеведение давно пытается доказать, будто социализм для Китая в принципе неприемлем, что марксизм-ленинизм — это чужеродное явление, привнесённое в Китай из России, что его применение на

китайской почве не могло дать позитивных плодов и рано или поздно он должен быть отброшен. Получается странная картина: феодализм, колониальные, компрадорские, маоистские порядки Китая и китайскому народу подходят, а социализм — нет. Такая логика ведет и дальше: под углом абсолютного доминирования китайских традиций и специфики возникновения маоизма преподносится как естественное явление. Он якобы призван утвердить некую национальную концепцию китайского общества и государства.

Складывается впечатление, что отдельные исследователи за рубежом оказываются в той или иной мере в плену китайского своеобразия (которого, конечно же, никто не отрицает). Однако, как показывает социально-политическая практика КНР, выпячивание китайской специфики, чрезмерное ее акцентирование является следствием отхода от научной методологии. Это объективно льет воду и на мельницу маоистских теоретиков, которые назойливо пропагандируют тезис о необходимости «китаизации марксизма», тезис, который подхватили разного рода оппортунисты и националисты. Такие, с позволения сказать, «идеи» в целом могут укреплять позиции национал-коммунизма — антипода научного коммунизма, антипода реального социализма с присущими ему общими закономерностями, открытыми В. И. Лениным и подтвержденными 65-летним опытом строительства социализма в нашей стране и опытом других государств социалистического содружества. Кстати, в период успешного строительства основ социализма в первое десятилетие существования Народного Китая сами китайские руководители признавали эти закономерности и следовали им. Об этом, в частности, свидетельствовала и позиция делегации КПК на Московском совещании коммунистических и рабочих партий в 1957 году.

Никто не отрицает важности учета национальных особенностей в строительстве социализма. Об этом четко говорили В. И. Ленин и продолжатели его дела. Это строго зафиксировано в партийных документах КПСС.

Но в связи с задачами нашего китаеведения необходимо подчеркнуть два момента:

— во-первых, исследования китайских традиций, специфики Китая, проявляющейся во многих социально-экономических и политических явлениях в этой стране, идеологических концепциях, конечно, нужны. Более того, они необходимы. Без них нельзя строить ни текущего, ни долгосрочного прогнозирования политики Китая;

— во-вторых, и это главное, в исследованиях необходимо строго руководствоваться марксистско-ленинской методологией, видеть, как в китайской специфике проявляются общие социально-экономические закономерности развития человеческой цивилизации.

Нельзя не учитывать ленинские указания о том, что Китай уже «окончательно втянулся в поток всемирной капиталистической цивилизации» и что в будущем на Востоке, в том числе в Китае, «сотни и сотни миллионов людей примут отныне участие в борьбе за идеалы, до которых доработался Запад»⁴. В. И. Ленин, как известно, имел в виду социалистические идеалы. Если говорить о периоде после Октябрьской революции и образования КНР, то следует, видимо, учитывать, что всем ходом событий Китай 40—50-х годов втягивался в поток созидания социалистической цивилизации.

* * *

Из решений XXVI съезда КПСС для советских китаеведов вытекает и важная задача провести комплексный анализ происходящих в Китае

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 402.

изменений, дать научный прогноз развития КНР на 80-е годы и более длительный период. В этой работе нельзя проявлять ни особой поспешности, ни чрезмерной медлительности. Недопустимы здесь и схоластическое теоретизирование и прожектерство. Исследования экономики, истории, философии, культуры Китая как в прошлом, так и в настоящем должны вестись на основе марксистско-ленинской методологии и в тесной связи с потребностями практики, без отрыва от задач борьбы за социалистический Китай. Об актуальности этой работы советским ученым еще раз напоминает ташкентская речь тов. Л. И. Брежнева от 24 марта 1982 года.

Анализ положения в КНР, главных тенденций внутренней и внешней политики Пекина приводит к выводу о том, что в конце 70-х — начале 80-х годов курс китайского руководства все отчетливее эволюционирует вправо. Поэтому, видимо, есть основания уже говорить о новом этапе такой эволюции. Это находит свое выражение в появлении целого ряда новых моментов, характеризующих внешнюю и внутреннюю политику Пекина.

Китайское руководство перешло от развития обычных межгосударственных отношений с капиталистическими странами (что вполне нормально и естественно) к блокированию, смычке с ведущими империалистическими державами на антисоветской платформе. Пекин даже открыто призывает создать некую систему совместного сопротивления «советскому гегемонизму». С этой же целью китайское руководство вынашивает планы перевооружения КНР с помощью современного американского оружия.

Таким образом, в мировой политике возникло и укрепляется новое опасное явление — партнерство империализма и пекинского гегемонизма. Правда, это еще не союз, партнеры кое в чем и расходятся, но какие-то стратегические интересы их совпадают (антисоветизм, антиразрядка, фактически согласованная борьба против стран Индокитая, Афганистана и т. п.).

Пекин открыто раздвигает рамки «широчайшего международного фронта» борьбы против СССР и социалистического содружества путем вовлечения в него, помимо капиталистических и развивающихся государств, также и оппортунистических, националистических элементов в революционном и демократическом движении и даже некоторых социалистических стран (с помощью более гибкой политики «дифференцированного» подхода). Этим же целям в последнее время служит и тактическое маневрирование Пекина, направленное как на шантажирование Запада возможностью улучшения отношений Китая с Советским Союзом, так и на «размягчение» единства стран социалистического содружества.

Взяв курс на укрепление социально-политической и материальной базы китайского гегемонизма за счет упорядочения политической системы и расширения социальной опоры режима, форсированного наращивания военно-экономического потенциала КНР (особенно новейших видов ядерно-ракетного оружия) с помощью США, других стран НАТО и Японии, включая привлечение иностранного капитала, развития многоукладной экономики, в том числе частного сектора. Происходит своеобразная гальванизация пресловутой политики «открытых дверей». И это все в условиях слаборазвитого Китая. В результате в социальном развитии КНР также происходит дальнейший сдвиг вправо.

В КНР осуществляется модификация маоизма с целью идеологического и политико-теоретического оправдания блокирования Пекина с империалистами и различного рода оппортунистами и националистами, маоизму придается большая гибкость и, так сказать, привлекательность при сохранении в неприкосновенности его основ — «китаизированного марксизма», гегемонизма и антисоветизма.

В число важнейших задач советской китаеведческой науки входит разработка мер по противодействию антисоветским планам Пекина и империализма, внимательное изучение всех нюансов китайской политики в отношении США, Японии, стран НАТО, стран АСЕАН и других государств и соответственно политики империалистических государств и развивающихся стран в отношении Китая. Особого внимания при этом заслуживает изучение существующих и потенциальных противоречий между Китаем и этими государствами.

Блокирование империализма и китайского гегемонизма осуществляется в условиях, когда в Китае после смерти Мао Цзэдуна, особенно после III пленума ЦК КПК, в некоторых сферах жизни наблюдаются определенные изменения, которые имеют неоднозначный характер и вызваны действием многообразных факторов.

Во внутренней политике осуществляется известный отход от ряда наиболее дискредитировавших себя волюнтаристских лозунгов и методов, практиковавшихся маоистами в периоды «большого скачка» и «культурной революции». Многие из этого выглядят как попытки преодолеть тяжелое маоистское наследие в области экономики, политики, партийно-государственного, культурного, национального строительства, хотя зачастую принимаемые меры имеют поверхностный и вынужденный характер, подчинены приспособлению текущей политики к неотложным требованиям жизни. Тем не менее если эта тенденция получит преобладающее влияние и приведет к переоценке коренных основ политики Пекина, то она может вывести Китай на здоровый путь развития.

В определении своей политики нынешнее китайское руководство вынуждено учитывать и существующие в стране элементы социалистического базиса, влияние идей социализма и успешной практики строительства социалистического общества в период первого десятилетия развития КНР. В Китае сохраняются возможности движения по социалистическому пути, если в этой стране будет преодолено маоистское наследие. Именно за этот путь борются братские партии социалистических стран.

Вместе с тем в КНР происходят, и это главное, глубинные процессы и реализуется политический курс, направленный на дальнейшее закрепление великодержавно-националистических стратегических установок в области внутренней политики и усиление их взаимосвязи с гегемонистской, антисоветской внешней политикой. Декларируя и пропагандируя изменения, которые в большей мере учитывают реальности нынешнего Китая, пекинское руководство намеренно камуфлирует великодержавно-националистическую суть своей политики.

Более того, возрождение многоукладной экономики, поощрение деятельности китайской и иностранной буржуазии, фактическое отступление в деле кооперирования в деревне и т. п., по сути дела, ведут к определенной сдаче завоеванных социализмом позиций в Китае. Проимпериалистический курс и враждебность Пекина к социалистическому содружеству также ослабляют позиции социалистических сил в КНР, питают и усиливают правую тенденцию в политической ориентации общественного развития страны.

Исходя из этого, думается, что «ножниц» между внутренней и внешней политикой пекинской верхушки, прежде всего правонационалистической группировки Дэн Сяопина, нет. Изменения во внутренней политике представляют собой вынужденные действия, без которых нынешнему руководству было бы трудно удержать в повиновении китайский народ, наладить дела в области экономики, сохранить основы режима. Эти изменения нацелены как раз на то, чтобы подвести более надежную материальную и политическую базу под гегемонистский, антисоветский внешнеполитический курс.

Возрождение многоукладной экономики, поощрение развития китайской и иностранной буржуазии, фактическое отступление от принципов кооперирования в деревне, как уже сказано, ведут к определенной сдаче завоеванных социализмом позиций в Китае. Проимпериалистический курс и враждебность Пекина социалистическому содружеству также ослабляют позиции социалистических сил в Китае. И в этом смысле, если уж говорить о «ножницах», то точнее сказать о противоречии между общим политическим курсом нынешнего китайского руководства и объективными потребностями развития Китая по социалистическому пути.

Вместе с тем следует учитывать важнейшее обстоятельство, заключающееся в том, что пекинское руководство полностью вывело из-под критики курс и установки Мао на международной арене. К ним не только не предъявляются какие-либо претензии, но, более того, на VI пленуме ЦК КПК было заявлено, что, несмотря на ошибки Мао внутри страны, проводимая им внешнеполитическая линия была «абсолютно правильной» и Пекин будет продолжать и развивать ее.

Как известно, советская сторона неоднократно предлагала китайскому руководству начать политический диалог на любом, в том числе и на самом высоком, уровне. Ведь именно по нашей инициативе начались в 1969 г. пограничные переговоры, а в 1979 г. — переговоры по нормализации межгосударственных отношений. Известно и то, что именно Пекин прервал эти переговоры и не проявляет готовности возобновить их. Нынешняя пекинская верхушка открыто призывает весь мир к «крестовому походу» против СССР, который обвиняется в «гегемонизме», «агрессии», «экспансии», изображается в качестве «главного врага» Китая и других стран, «главного источника новой мировой войны».

В течение только 1981 г. китайские руководители более ста раз открыто выступали с антисоветскими заявлениями. Пропагандистский аппарат Пекина нацелен на то, чтобы опорочить политику КПСС, посеять вражду к СССР, спровоцировать обострение наших отношений с другими странами, сколотить фронт борьбы против Советского Союза. Эпизодические «позитивные» сообщения, касающиеся культурной жизни в СССР, спорта, советской литературы, — это песчинки, которые тонут в море враждебной китайской пропаганды. Лишь в «Жэньминь жибао» за 1981 г. опубликовано около 2,5 тысячи антисоветских материалов.

Нельзя обойти молчанием и то, что борьба против Советского Союза, согласно действующей Конституции КНР и Уставу КПК, является уставной и конституционной обязанностью гражданина КНР, каждого члена КПК. Китайские руководители постоянно твердят, что борьба с Советским Союзом — это долговременная задача, она включена в число трех основных задач Китая на все 80-е годы.

Вместе с тем хотя бы того или не хотя нынешние антисоветчики в китайском руководстве, но авторитет Советского Союза в глазах китайских трудящихся, несмотря на 20 лет оголтелой антисоветской пропаганды в Китае, сохраняется. Советский Союз остается как верный друг в памяти тех, кто рука об руку с советскими людьми сражался с общим врагом, строил мосты и заводы, железные дороги и электростанции, создавал вузы и воспитывал кадры специалистов для КНР. О нашей стране напоминают братские могилы советских воинов, отдавших свои жизни за освобождение Китая, предприятия современной индустрии, созданные в КНР в ходе плодотворного советско-китайского сотрудничества.

Учитывая реальное положение в стране, проимпериалистическая группировка в Пекине вынуждена считаться с тем, что советский опыт, советская культура и искусство вызывают большой интерес трудящихся Китая, особенно интеллигенции, кадровых работников, партийцев.

Нашей целью была и остается борьба за социалистическую перспективу Китая. На это как раз и направлена наша деятельность в китай-

ском вопросе, в том числе и идеологическая борьба с маоизмом и практикой китайского руководства. В то же время это борьба за нормализацию отношений между СССР и КНР.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что борьба КПСС и других марксистско-ленинских партий против маоизма, показ его антинародной, антисоциалистической сущности всегда носили и носят последовательный интернационалистический характер, сочетаются с глубоко уважительным отношением к китайскому народу, его древней культуре и истории.

Новым убедительным подтверждением такой позиции Советского Союза является выступление тов. Л. И. Брежнева в Ташкенте 24 марта 1982 г., в котором он поддержал справедливые стремления китайского народа по вопросу о принадлежности Тайваня Китаю и осудил империалистическую концепцию «двух Китаев». Такой подход демонстрирует единство слова и дела в советской политике.

Товарищ Л. И. Брежнев напомнил о добрых временах, когда СССР и народный Китай объединяли узы дружбы и товарищеского сотрудничества, и подчеркнул, что со стороны Советского Союза не было и нет никакой угрозы Китайской Народной Республике. Одновременно в этой речи подчеркнута наша готовность к улучшению отношений с КНР и конструктивному диалогу и на переговорах по пограничным вопросам, и на переговорах по нормализации отношений между СССР и КНР.

Словом, как и прежде, дело за китайской стороной.

Однако официальная реакция Пекина на советские инициативы, как и в прошлом, носит неконструктивный характер.

Прежде китайские руководители не только не проявляли желания вести переговоры с СССР по вопросам нормализации двусторонних отношений, считая их, как они выражались, «неуместными», но всякий раз обуславливали возможность их проведения такими заведомо неприемлемыми предварительными условиями, как отказ от поддержки Афганистана, стран Индокитая, МНР, как признание так называемых «спорных районов» и отказ от «гегемонистской политики», приписываемой Советскому Союзу, и т. д., причем выраженными в ультимативной форме. И ныне Пекин по-прежнему ставит возможность сдвига в советско-китайских отношениях в прямую зависимость от «изменения в целом позиции СССР и КПСС».

31 марта с. г. зам. председателя ЦК КПК Ли Сяньнянь в беседе с перуанской делегацией вновь повторил целый набор китайских предварительных условий, сделав акцент на том, что «не может быть и речи о каком-либо значительном изменении в наших двусторонних отношениях с СССР, пока Советский Союз, КПСС не изменят своей позиции». Такое заявление свидетельствует о том, что в Пекине теряют чувство реальности, выдвигая подобные требования.

* * *

Документы XXVI съезда КПСС, решения и указания ЦК КПСС поставили перед советской наукой о международных отношениях, и в частности перед китаеведением, задачу глубже изучать процессы на мировой арене и вносить продуманные предложения о реализации внешнеполитической Программы мира, выдвинутой Л. И. Брежневым с трибуны партийного съезда.

Точная оценка положения в Китае, тяжелых последствий политики маоизма, оценка, которую дали КПСС, другие марксистско-ленинские партии, марксистское китаеведение, помогает подлинным сторонникам социализма в КНР правильно понимать обстановку в своей стране, укрепляет их веру в возможность преодоления маоистского наследия, социалистической перспективы для Китая.

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

Советско-китайские отношения: проблемы и перспективы

М. С. Украинцев

Китайская революция развивалась под непосредственным воздействием Великой Октябрьской социалистической революции и при поддержке Советского Союза. Даже Мао Цзэдун признавал, что без этого не было бы победы революции в Китае. Двум соседним социалистическим государствам нечего было делить, не из-за чего было ссориться. Граница между ними была определена задолго до их образования — в XVII—XIX вв., и до начала 60-х годов была границей дружбы и сотрудничества. Советский Союз помогал Китаю в восстановлении и развитии экономики, в защите его безопасности, укреплении обороны. Китайская Народная Республика в свою очередь поддерживала внешнеполитические акции Советского Союза и его усилия, направленные на укрепление социалистического лагеря, содействие национально-освободительным революциям и защиту мира.

Одна проблема за другой. Однако постепенно, одна проблема за другой стали отягчать отношения между СССР и КНР. Одна из них возникла тогда, когда Мао Цзэдун, а за ним некоторые другие китайские руководители заявили о желании включить МНР в состав Китая. Советский Союз указал, что в этом деле нужно прежде всего учитывать позицию монгольского народа, который продемонстрировал твердую решимость жить в независимой социалистической Монголии; что же касается Советского Союза, то он против поглощения этой страны Китаем.

После смерти И. В. Сталина Мао Цзэдун стал претендовать на роль вождя мирового коммунистического движения; в Китае были изданы массовым тиражом плакаты с изображением в профиль Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Мао Цзэдуна. Однако коммунистические партии отклонили эти притязания.

Затем появились расхождения в связи с тем, что Мао Цзэдун хотел как можно быстрее развернуть огромную военную ракетно-ядерную программу, а Советский Союз считал, что это с экономической и военной точек зрения неразумно, что это осложнит борьбу за разоружение и сохранение мира и что у Советского Союза достаточно военной мощи, чтобы защитить все социалистические страны. В Пекине такая позиция была воспринята болезненно.

Наконец, в конце 50-х годов все более острый характер стал принимать спор по важнейшему для человечества вопросу — по вопросу войны и мира. Во время встреч с советскими руководителями на высшем уровне в 1957—1959 гг. Мао Цзэдун настойчиво подбрасывал тот тезис, что Советский Союз должен нанести ракетно-ядерный удар по США и их союзникам, что задача ликвидации империализма, и прежде всего американского, и обеспечения победы мировой революции стоит жертв, которые придется принести. Советские руководители твердо отвергли

призывы к войне. Они подчеркивали, что необходимо сделать все возможное, чтобы предотвратить ракетно-ядерную войну и обеспечить мир и международное сотрудничество на базе мирного сосуществования.

С таким грузом проблем, отягчающим советско-китайские отношения, СССР и КНР подошли к тому рубежу (конец 50-х — начало 60-х годов), когда пекинское руководство решило порвать с СССР и социалистическим содружеством и через различные этапы, обрабатывая психологически китайский народ, подготавливая империалистические государства, выйти на блокирование с империализмом, прежде всего с американским. ЦК КПСС, Советское правительство предлагали различные меры, чтобы приостановить ухудшение отношений, не допустить выхода Китая из социалистического содружества. Они предлагали провести встречи руководителей на высшем уровне, прекратить полемику, сохранить и расширить экономическое сотрудничество, продолжать обмен опытом и информацией. В СССР продолжали питать глубокое уважение к китайскому народу, к культурному наследию Китая. Даже когда в годы пресловутой «культурной революции» в стране устраивались дикие оргии хунвэйбинов, происходило избивание творческой интеллигенции, сжигались книги, как бы перечеркивалась сама история китайской цивилизации, в СССР осуществлялись переводы китайских произведений, относящихся к различным эпохам, выходили труды по истории Китая, его культуре, истории революционной борьбы китайского народа. Однако Мао Цзэдун и его группа делали все для того, чтобы обострить отношения с СССР, воздвигнуть стену ненависти между китайским народом и народами Советского Союза.

Вооруженные провокации на советско-китайской границе в 1969 г. были устроены маоистами, чтобы отравить сознание китайского народа неприязнью к СССР, а заодно просигнализировать империализму, прежде всего американскому, что Пекин ищет сближения с ним на антисоветской основе. Враждебная СССР и другим социалистическим странам политика Пекина, сползание правящих кругов Китая на проимпериалистические позиции привели к появлению новых проблем в советско-китайских отношениях.

Как и почему все это произошло. Почему Китай из союзника социалистических государств превратился в младшего партнера империализма? Почему КНР, успешно строившая социализм в течение первого десятилетия своего существования, к настоящему времени погрязла в социально-экономическом кризисе и оказалась перед сложнейшими проблемами?

Дело в том, что во время революции в Китае и после ее победы в Коммунистической партии Китая шла ожесточенная борьба между интернационалистами и национал-шовинистами. К концу 50-х годов группе Мао Цзэдуна удалось истребить, скомпрометировать или оттеснить многих коммунистов-интернационалистов. Те из них, которые еще остались живы и оказались, так сказать, на поверхности, были брошены в исправительные лагеря и уничтожены в годы «культурной революции». По мере укрепления позиций группы Мао Цзэдуна все большее воздействие на китайскую политику, на ее формирование оказывали этнопсихология, различные стереотипы мышления, которые стали складываться еще при Конфуции 2500 лет тому назад и даже раньше, а затем были сформированы, закреплены и распространены феодальными правителями Китая. Среди этих стереотипов — прежде всего китаецентризм, эгоцентризм, из которого вытекают многие постулаты: Китай — самая культурная и могущественная страна; вокруг него живут вассалы, данники; Китай не должен допускать появления рядом с собой сильного государства; связь Китая с другими странами возможна лишь в том случае, если она ему выгодна; руками варваров надо подчинять варва-

ров; в борьбе против варваров все средства хороши — от простого обмана до войны, причем война при этом называется карательным походом, уроком, наказанием.

В силу этого Мао Цзэдун, который стремился, как он говорил, «поставить древности на службу современности», и его соратники все более беспокойно чувствовали себя в мире, где, оказывается, есть другие крупные державы. В 1959—1962 гг. они предприняли нападение на Индию и стали вести подрывную деятельность против этой страны, чтобы добиться ее ослабления и даже расчленения. Они всячески пытались столкнуть СССР с США, вызвать «драку двух тигров», а «мудрая обезьяна» (Китай) сидела бы на горе и наблюдала за их схваткой. Когда не удалось убедить советских руководителей нанести ракетно-ядерный удар по США, Пекин пошел влево, обвиняя Советский Союз в недостаточной «революционности», и вышел в конечном счете справа и с тех пор настойчиво пытается толкнуть США на войну против Советского Союза.

Важным побудительным мотивом враждебной СССР политики Пекина явился еще один стереотип мышления: для того, чтобы держать народ в повиновении, нужен внешний враг; если его нет, его надо придумать. Запутавшись в противоречиях, столкнувшись с гигантскими проблемами, стоящими перед Китаем, не будучи в состоянии улучшить жизнь трудящихся и предложить им убедительную позитивную программу, правящие круги КНР пытались и пытаются убедить китайский народ, будто ему угрожают с Севера, что СССР якобы окружает Китай, что у него нет другого выхода, кроме как трудиться, подчиняться директивам центра и ничего не требовать взамен. Сколько денег и усилий стоили китайскому народу подземные убежища и траншеи, которые строились в течение 10 лет для обороны от «угрозы с Севера»! Миф об «угрозе с Севера» оказался мыльным пузырем, а деньги, строительные материалы и труд людей — это реальность, которую китайские правители «закопали» в землю, уменьшив и без того незначительные ресурсы страны.

Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай в прошлом, Дэн Сяопин и некоторые другие китайские руководители сегодня пытались и пытаются убедить народ в том, что империалистические державы помогут Китаю осуществить модернизацию, а для того, чтобы империализм помог, нужно чем-то за это платить. И опять же с необыкновенной энергией пекинские стратеги пытаются внушить прежде всего империализму США, что вражда между Китаем и СССР — надолго, что Китай готов служить противовесом Советскому Союзу на Дальнем Востоке, но империалистические державы должны сделать его более развитым и сильным. Дэн Сяопин не раз утверждал при встречах с иностранными визитерами, что не только при его жизни, но и при следующем поколении отношения Китая с СССР не улучшатся, а органы пропаганды, чтобы подтвердить эти заверения, особенно стали изощряться в антисоветских заявлениях.

Вот что породило многие проблемы в нынешних советско-китайских отношениях. Большинство из них явилось следствием перехода китайского руководства на позиции национал-шовинизма и попыток оперировать в нынешнем мире мишурой, которая была изобретена китайскими феодалами тысячи лет тому назад.

Конструктивная политика СССР и китайская игра в гегемонистских целях. Во время переговоров в Москве в сентябре — ноябре 1979 г. китайская правительственная делегация в Предложениях об улучшении отношений между СССР и КНР, сославшись на наличие «военной угрозы Китаю с Севера и с Юга», указала следующие «препятствия», которые должны быть устранены с целью создания предпосылок для нормализации отношений между двумя странами: одностороннее сокращение чис-

ОТДЕЛЕНИЕ

ленности советских вооруженных сил в районах, граничащих с Китаем; вывод советских воинских контингентов, дислоцированных на территории Монгольской Народной Республики; прекращение поддержки Советским Союзом «в какой бы то ни было форме» Социалистической Республики Вьетнам; решение пограничных вопросов на основе признания так называемых «спорных районов» на территории СССР вдоль советско-китайской границы, что означало бы признание китайских территориальных претензий к СССР.

Эти «препятствия» (или проблемы) возникли как следствие перехода китайского руководства на позиции вражды к СССР и осуществления им националистических, захватнических устремлений.

Советская делегация показала несостоятельность требований Китая. Она заявила, что СССР осуществляет лишь необходимые меры оборонительного характера и нет оснований говорить о какой-то «концентрации» советских войск в районе Дальнего Востока, создающей «угрозу» Китаю. Указав, что по китайскую сторону границы войск больше, чем у нас, советская делегация неоднократно ставила вопрос: какие обязательства намерен взять на себя в связи с этим Китай? Ответа на этот вопрос не последовало.

Советская сторона отклонила и попытки китайских властей вмешаться в отношения СССР с Монголией и Вьетнамом, подчеркнув, что сотрудничество нашей страны с другими суверенными государствами не может быть предметом советско-китайских переговоров. Если бы Китай не имел захватнических притязаний, то в отношениях с этими странами, а также с Советским Союзом у него не возникло бы никаких трудностей.

Было также указано, что если бы китайская сторона действительно проявила желание уточнить линию границы, то за десять лет с начала переговоров по пограничным вопросам можно было бы обследовать каждый метр границы, определить ее соответствие русско-китайским договорным документом и снять вопрос о границе. Китайская же сторона заинтересована не в достижении договоренности, а в создании пограничной проблемы, чтобы использовать ее в политических целях.

Наконец, что касается еще одного «препятствия», то есть ввода ограниченного контингента советских войск в Афганистан, которое китайские власти «повесили» на советско-китайские отношения позднее, то об этом вообще не было бы и речи, если бы Пекин не пошел на альянс с империализмом.

В Советском Союзе исходят из того, что наносы в советско-китайских отношениях рассосутся и исчезнут, если не будет причин, их породивших, как только начнет восстанавливаться атмосфера дружбы и сотрудничества. Какие-то проблемы, если они останутся, можно было бы решить на основе равенства и взаимопонимания, другие отложить на будущее.

Советская делегация в ходе переговоров в сентябре — ноябре 1979 г. уже на первом пленарном заседании выдвинула на обсуждение проект Декларации о принципах взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой — документ большого политического значения, выражающий принципиальную позицию советской стороны по вопросу отношений с Китаем.

В соответствии с проектом декларации обе стороны должны взять на себя обязательство строить и развивать отношения друг с другом на основе соблюдения принципов мирного сосуществования, включая принципы полного равноправия, взаимного уважения государственной независимости и суверенитета, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга, неприменения силы и угрозы силой, взаимной выгоды.

В развитие этих общих положений советская сторона предложила конкретизировать и отдельно зафиксировать обязательства сторон, свя-

занные с отказом от применения силы в какой бы то ни было форме и от угрозы ее применения. Учитывалось, что этот принцип, будучи одним из важнейших в Уставе ООН, приобретает все больший вес в современной международной жизни. СССР и КНР, в соответствии с Уставом ООН, должны воздерживаться в своих взаимоотношениях от применения силы в какой бы то ни было форме и от угрозы ее применения; они не будут применять друг против друга вооруженные силы с использованием любых видов оружия, включая обычное, ракетное и ядерное.

Было предложено зафиксировать, что стороны сами не претендуют на какие-либо особые права или гегемонию в Азии или в мировых делах, а также берут на себя обязательство выступать против чьих бы то ни было притязаний на особые права или гегемонию в мировых делах.

Советский Союз, который сам не имеет никаких гегемонистских устремлений или замыслов, естественно, решительно выступает против гегемонистской политики, кто бы ее ни проводил. Как известно, СССР внес на рассмотрение XXXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН предложение «О недопустимости политики гегемонизма в международных отношениях». В то же время СССР придает важное значение пресечению попыток с чьей бы то ни было стороны спекулировать на термине «гегемонизм», запутывать его подлинный смысл, использовать это для демагогического прикрытия собственных гегемонистских вожделений.

Гегемонизм — это стремление одного государства доминировать над другим. Это политика угнетения различных стран и народов, попытки подчинять других с помощью силы, давления, угроз, шантажа, вмешательства во внутренние дела. Это политика территориальных притязаний, экспансии и агрессии, установления зон и сфер влияния. Это попытки диктовать другим странам линию поведения, навязывание своего курса другим государствам и проведение политики вражды в отношении той или иной страны.

Такая политика всегда была чужда Советскому государству. Со времени своего возникновения СССР следует ленинской политике обеспечения мира и безопасности во всем мире, укрепления дружбы и всестороннего сотрудничества между странами и народами. Эта миролюбивая политика закреплена и развита в решениях XXIV, XXV и XXVI съездов КПСС.

С целью создания общей благоприятной атмосферы в отношениях между СССР и КНР советская делегация предложила, чтобы стороны обязались проявлять сдержанность в своих взаимоотношениях и делать все необходимое, чтобы не допустить возникновения ситуаций, могущих вызвать опасное обострение отношений между ними. В случае появления проблем, которые могли бы вызвать такое обострение, СССР и КНР должны незамедлительно вступать в контакт в целях урегулирования возникших вопросов мирным путем, в духе взаимности, с учетом законных интересов друг друга. Советская сторона предложила также, чтобы СССР и КНР прилагали усилия для утверждения в своих отношениях атмосферы взаимного уважения и доверия, в том числе путем использования в этих целях печати и других средств информации, воздерживались от пропаганды, вызывающей недружественные чувства у советского и китайского народов друг к другу.

Выдвигая предложение о прекращении недружественной пропаганды, советская сторона исходила из того, что это само по себе является важнейшим элементом улучшения межгосударственных отношений. С другой стороны, общее улучшение отношений вело бы к снятию многих имеющихся в них сложностей, открыло бы путь к решению различных вопросов. Как известно, Советский Союз и в прошлом неоднократно предлагал китайской стороне воздерживаться от полемики в печати и не раз по своей инициативе и в одностороннем порядке прекращал публикацию полемических материалов, но это не находило отклика в Пекине. Более

того, в Китае не только не прекращается, но и наращивается, в частности в последнее время, враждебная СССР пропагандистская кампания.

В проекте декларации далее предусматривалось проведение в необходимых случаях встреч руководящих деятелей, вплоть до встреч на высшем уровне, для обмена мнениями по наиболее важным вопросам межгосударственных отношений, которые не найдут решения в ином порядке. Советская сторона исходила при этом из того, что такие встречи в настоящее время являются широко применяемой международной практикой, можно сказать, нормой регулирования межгосударственных отношений.

В соответствии с выдвинутыми в проекте принципами советская сторона предложила записать, что сторонами будет оказываться содействие расширению и углублению торгово-экономических, научно-технических, культурных и других мирных связей между ними.

Никаких предварительных условий проект декларации не содержит, никаких требований одна из сторон к другой в нем не предъявляет, ни одна из сторон не ставится в неравноправное положение, обязательства сторон, предусмотренные в проекте, не направлены против третьих стран, в основе его лежат взаимные интересы китайского и советского народов, он отвечает целям обеспечения мира и международной безопасности в Азии и во всем мире.

Разве не ясно, что, если бы такая декларация была выработана и легла в основу советско-китайских отношений, то под отношения между СССР и КНР была бы подведена прочная основа, сложилась бы новая атмосфера, в которой легче было бы договариваться, имеющиеся «препятствия» или проблемы исчезли бы сами по себе. Но проект декларации китайская сторона отвергла, а 20 января 1980 г. заявила, что «проведение китайско-советских переговоров в настоящее время является неуместным».

Итак, сработали те же факторы, которые привели к ухудшению советско-китайских отношений: этнопсихологические стереотипы мышления китайских правителей, их геополитические и гегемонистские амбиции. Значит ли это, что люди типа Дэн Сяопина и впредь будут в состоянии навязывать Китаю роль младшего партнера империализма в политике вражды к Советскому Союзу, социалистическому содружеству? На этот вопрос не может быть дан однозначный ответ.

Два курса в международных отношениях. Советско-китайские отношения в настоящее время как бы состоят из двух слоев: первый слой — двусторонние отношения, второй — международные аспекты отношений между двумя странами.

После «культурной революции» вплоть до настоящего времени китайские власти стараются сохранить ограниченный объем двусторонних отношений. Действуют посольства в Москве и Пекине; осуществляется небольшая торговля — ее объем был 320—360 млн. руб. в год, и только в прошлом году он сократился до 160 млн. руб.; поддерживается авиационное и железнодорожное сообщение; не было крупных инцидентов на границе; ежегодно собирается смешанная комиссия по судоходству на пограничных участках рек. При этом, однако, китайская печать продолжает возбуждать реваншистские настроения в отношении СССР в китайском народе. Мультируется тема так называемых «утраченных» территорий, и делаются попытки доказать, будто те или иные районы Советского Союза когда-то принадлежали Китаю.

Что касается международных аспектов советско-китайских отношений, то они проявляются в столкновении двух курсов — курса на разрядку и сохранение мира и курса на обострение обстановки в мире и войну; образ действий Пекина отличается яростным противодействием укреплению международного мира и углублению разрядки, переговорам

о разоружении, провоцированием конфликтов и обострением обстановки в различных районах мира. СССР называют «главным источником войны», «врагом народов». Апогеем этой политики является настойчивый призыв к созданию «международной структуры» борьбы против СССР с участием Китая, империалистических государств и реакции всех мастей. Особенно обрадовал китайских руководителей приход к власти администрации Рейгана, взявшей курс на взвинчивание гонки вооружений и усиление противоборства с СССР и другими социалистическими странами. Пекин оказался куда более надежным и активным партнером американского империализма в этом нечистом деле, чем западноевропейские союзники по НАТО.

Советские инициативы и позиция Пекина. С советской стороны предпринимается одна инициатива за другой, предлагаются и «большие» и «малые шаги», чтобы вывести отношения между СССР и КНР из состояния кризиса, перевести их на рельсы диалога и контактов и дать положительный импульс их развитию. Не будем перечислять предложения, которые были сделаны Советским Союзом в течение 70-х годов. Упомяну лишь четыре проекта соглашения о сохранении статус-кво границы, проекты договоров о ненападении и неприменении силы. Новыми инициативами СССР начал и 80-е годы.

С трибуны XXVI съезда КПСС было сказано, что «Советский Союз не ищет и не ищет конфронтации с Китайской Народной Республикой. Мы следуем курсу, определенному XXIV и XXV съездами КПСС, и хотели бы строить связи с ней на добрососедской основе. Остаются в силе наши предложения, направленные на нормализацию отношений с Китаем, как остаются неизменными наши чувства уважения и дружбы к китайскому народу»¹.

7 марта 1981 г. посольством СССР было передано в МИД КНР предложение обсудить совместно вопрос об осуществлении мер доверия на Дальнем Востоке, которые могли бы привести к ослаблению напряженности и укреплению мира в этом важном районе земного шара. В обращении к правительству КНР Советское правительство указало, что в Европе некоторые меры доверия уже успешно осуществляются. Это предварительные уведомления о военных учениях, обмен наблюдателями для присутствия на военных учениях и т. д. В Советском Союзе, говорилось далее в советском обращении, исходят из того, что разработка и применение мер доверия на Дальнем Востоке — с учетом, разумеется, его специфики — могли бы не только разрядить обстановку на месте, но и стать делом, очень полезным для укрепления основ всеобщего мира. В разработке мер доверия могли бы участвовать Советский Союз, КНР, КНДР, Япония, которые соседствуют на Дальнем Востоке, а также США, имеющие свои военные базы в Японии, Южной Корее и на других территориях, которые китайской стороне хорошо известны, и ведущие здесь активную военную деятельность. Применение таких мер на Дальнем Востоке, где переплетаются интересы многих государств, способствовало бы уменьшению подозрительности.

Советское правительство, сообщив, что по этому вопросу оно обращается также к КНДР, Японии и США, отметило в своем обращении, что если возникнет необходимость в каких-то рабочих консультациях, обмене мнениями между представителями наших стран — а это нельзя исключить, — с тем чтобы поставить на практическую основу диалог по этим вопросам, то Советский Союз, разумеется, готов к этому.

¹ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1981, с. 14—15.

С советской стороны выражалась надежда, что правительство КНР внимательно отнесется к высказанным нами предложениям и обдумает, какие шаги можно было бы предпринять в этой связи.

Правительство КНР не дало официального ответа на советское обращение. В китайской печати было заявлено, что в условиях, когда осуществляется наблюдение со спутников, меры доверия «бесполезны»², что советское предложение «направлено против военного союза США и Японии, а также против стратегической координации между США, Японией и Китаем»³.

25 сентября 1981 г. МИД СССР передал посольству КНР ноту, в которой, сославшись на то, что последний раунд переговоров по пограничным вопросам состоялся в 1978 г., предложил продолжить переговоры в Москве в четвертом квартале 1981 г. или в любое другое приемлемое для китайской стороны время. МИД КНР в ответной ноте от 26 декабря 1981 г., согласившись с тем, что переговоры по пограничным вопросам должны быть продолжены, предложил отложить их на неопределенное время под предлогом необходимости для обеих сторон провести «основательную подготовку» к их возобновлению.

В ноте МИД СССР посольству КНР от 3 февраля 1982 г. было сказано, что принимается к сведению заявление китайской стороны о том, что она, как и советская сторона, считает необходимым продолжить переговоры об урегулировании пограничных вопросов. Советская сторона готова продолжить переговоры и ожидает сообщения китайской стороны о ее готовности к ним.

Дело за китайской стороной. Время покажет, заинтересована она в продолжении переговоров или предпочитает использовать вопрос об их продолжении как средство торга, и не только с Советским Союзом.

Советская сторона возражала против сокращения торговли в 1981 г. предложила расширить ее в 1982 г. Вновь было высказано предложение вернуться к практике приграничной торговли.

16 декабря 1981 г. МИД СССР сделал посольству КНР заявление, в котором предложил возобновить контакты между двумя странами в области научно-технического сотрудничества, обменявшись для начала на эквивалентной основе одной-двумя группами специалистов для ознакомления с научно-техническими достижениями по одной-двум из тем: технология производства тканей из натурального шелка, технология производства фарфора, производство минеральных удобрений и сырья для них, производство химических средств защиты растений. В случае если у китайской стороны возникнет желание обменяться опытом по другим проблемам и темам, советская сторона будет готова рассмотреть соответствующие предложения. Ответ на это предложение не поступил.

9 февраля 1982 г. Министерство высшего и среднего специального образования СССР выразило готовность наладить ежегодный обмен группами студентов и преподавателей (по 10 человек с каждой стороны) для совершенствования языковых знаний сроком до 10 месяцев.

В 1981 г. в Китае побывали четыре группы советских представителей, которые приняли участие в различных международных семинарах и симпозиумах по новой технике, а в СССР на научные форумы приехало 17 групп китайских ученых.

Китайская спортивная делегация приняла участие в 21-м чемпионате мира по гимнастике и в 57-м конгрессе Международной федерации по гимнастике, состоявшихся в Москве в ноябре 1981 г. Советская спортивная делегация в составе 7 человек будет участвовать в соревнованиях по легкой атлетике в Пекине в июне 1982 г. В феврале 1982 г. четыре

² «Жэньминь жибао», 13.III.1981.

³ Там же, 3.IV.1981.

китайских спортсмена участвовали в соревнованиях по биатлону в Минске. Спорткомитет СССР пригласил китайские команды принять участие в международных соревнованиях по настольному теннису в Могилеве и по фигурному катанию на коньках в Москве, но китайская сторона не приняла эти приглашения, сославшись на недостаток времени для подготовки. Группа гимнастов из КНР участвовала в международных соревнованиях на приз газеты «Московские новости», которые состоялись в конце марта — начале апреля 1982 г. в Москве и Риге.

Большая работа ведется Союзом советских обществ дружбы и Обществом советско-китайской дружбы. В СССР проведен ряд мероприятий, посвященных значительным событиям из истории советско-китайских отношений, национально-освободительной борьбы китайского народа, а также памяти видных китайских коммунистов-интернационалистов и известных деятелей литературы и искусства.

Советская сторона охотно поощряет поездки ученых и активистов ОСКД в Китай.

Что касается Китая, то положение выглядит следующим образом. Немало маоистских деятелей, которые навязали Китаю этноцентристские стереотипы, похоронено на кладбище Бабаошань. Многие, однако, еще живы и занимают высокие посты, они-то и отравляют атмосферу миазмами национал-шовинизма. Но растет число людей, которые видят, что нынешний мир — это не «Поднебесная» эпохи Танской или Цинской династий, что Китай отстал от некоторых «варваров» на десятки и даже сотни лет, что для осуществления модернизации надо не заниматься шаманством, а тяжело трудиться в течение 50—70 лет и вести правильную политику, что, наконец, империалисты не преподнесут Китаю модернизацию на блюдечке. По мере приобретения Китаем опыта международного общения там все более распространяется убеждение, что роль младшего партнера империализма противоречит и интересам и достоинству китайского народа.

Политика «малых шагов» и перспективы советско-китайских отношений. Недальновидная политика, лишившая Китай союзников и друзей и приведшая его в обоз империализма, отвергается все большим числом трудящихся, интеллигентов, политических деятелей по мере того, как они освобождаются от маоистских шор, «раскрепощается их сознание» и они получают возможность мыслить и высказывать свои думы. Судя по материалу с анализом обстановки в Китае, подготовленному аппаратом НАТО в декабре 1981 г., даже в высшем эшелоне китайских руководителей некоторые деятели высказываются за смягчение напряженности в китайско-советских отношениях, полагая, что это обеспечило бы Китаю большую свободу маневра на международной арене. В Китае все яснее видят, что даже развитые капиталистические государства не могут обойтись без торговли, экономического и научно-технического обмена с СССР, контактов с ним в области культуры.

В этих условиях китайские власти идут на какие-то «малые шаги». Закупается почти полмиллиона книг, расширяется изучение советской литературы, научных и технических достижений, экономического опыта — все это просматривается и с позиций изучения «врага», и с целью заимствования полезных достижений. После резкого сокращения торговли в 1981 г. китайские власти предложили несколько увеличить объем торговли с СССР, в 1982 г. она составит 230 млн. руб., не достигнув все же уровня 70-х годов; обратились с просьбой расширить перевозку грузов из Европы в Китай и обратно по советским железным дорогам, и уже имеется договоренность об этом. Китайские представители стали участвовать в различных международных (но не двусторонних) форумах и спортивных соревнованиях, проводимых в СССР, и допускать советских представителей на такие же форумы и соревнования, когда они проходят

в Китае. Отдельным советским ученым и специалистам, выезжающим в Китай — правда, только в качестве гостей посольства СССР, — оказывается содействие в посещении некоторых предприятий, научных и учебных учреждений. В феврале — мае 1982 г. в СССР в качестве гостей посольства КНР находилась группа китайских ученых-экономистов; они побывали в Госплане СССР и Госстрое СССР, посетили ряд научно-исследовательских институтов, предприятий, колхозов. Другими словами, им были предоставлены широкие возможности для ознакомления с экономикой Советского Союза.

В настоящее время еще рано делать выводы, означают ли эти «малые шаги» новые ростки в советско-китайских отношениях или они случайны. К сожалению, приходится констатировать, что уже после упомянутых предложений советской стороны китайские власти выступили с рядом заявлений, в которых подталкивают американский империализм на новые антисоветские действия, стараются уверить его, что враждебная СССР политика Пекина остается без изменений, что судьбы и интересы Китая и империалистических государств переплетаются и им, дескать, нужно придерживаться единой линии⁴.

В Советском Союзе считают, что подобная риторика бессмысленна и не отвечает интересам самого Китая. Наша страна, наша партия имеют конструктивную программу и на будущее. Ее сформулировал Л. И. Брежнев в речи в Ташкенте 24 марта 1982 г. Она гласит: «Принципиальная позиция нашей партии и Советского государства в вопросе советско-китайских отношений ясно изложена в решениях XXV и XXVI съездов КПСС. Здесь мне хотелось бы дополнительно напомнить о следующих моментах.

Первое. Несмотря на то, что мы открыто критиковали и критикуем как не соответствующие социалистическим принципам и нормам многие аспекты политики (особенно внешней) китайского руководства, мы никогда не пытались вмешиваться во внутреннюю жизнь Китайской Народной Республики. Мы не отрицали и не отрицаем наличия в Китае социалистического общественного строя. Хотя смычка Пекина с политикой империалистов на мировой арене противоречит, конечно, интересам социализма.

Второе. Мы никогда не поддерживали и не поддерживаем ни в какой форме так называемую «концепцию двух Китаев», полностью признавали и признаем суверенитет КНР над островом Тайвань.

Третье. Со стороны Советского Союза не было и нет никакой угрозы Китайской Народной Республике. Мы не имели и не имеем никаких территориальных претензий к КНР и готовы в любое время продолжить переговоры по имеющимся пограничным вопросам в целях достижения взаимоприемлемых решений. Мы готовы также обсуждать вопрос о возможных мерах по укреплению взаимного доверия в районе советско-китайской границы.

Четвертое. Мы хорошо помним те времена, когда Советский Союз и народный Китай объединяли узы дружбы и товарищеского сотрудничества. Мы никогда не считали состояние враждебности и отчуждения между нашими странами нормальным явлением. Мы готовы договариваться без всяких предварительных условий о приемлемых для обеих сторон мерах по улучшению советско-китайских отношений на основе взаимного уважения интересов друг друга, невмешательства в дела друг друга и обоюдной пользы — и, разумеется, не в ущерб третьим странам. Это касается как экономических, научных, культурных, так и политических отношений — по мере того, как обе стороны будут готовы к тем или иным конкретным шагам в любой из этих сфер»⁵.

⁴ См.: «Жэньминь жибао», 6.II.1982.

⁵ «Правда», 25.III.1982.

Статистика и политика

С. А. Иванов

В Пекине впервые за время существования КНР издан альманах по экономике Китая¹. В этом обширном сборнике (около 1100 страниц) опубликованы документы и материалы, обзоры, статьи и статистические данные, которые дают наиболее полное за последние два десятилетия представление о народном хозяйстве КНР и его отдельных отраслях, экономической политике и науке Китая.

Альманах состоит из восьми разделов.

В первом разделе даются общие сведения о Китае: краткий исторический очерк, физико-географический и экономико-географический обзоры, административное деление страны, национальный состав населения, данные о партийных, государственных и правительственных органах, общественных организациях.

Во второй раздел включены материалы пленумов ЦК КПК, сессий ВСНП и другие директивные документы после III пленума ЦК КПК (декабрь 1978 г.), провозгласившего перенос центра тяжести всей работы в область экономического строительства и обозначившего сдвиг вправо в политическом курсе китайского руководства. Здесь же помещены основные законодательные акты КНР, решения, постановления и циркуляры по экономическим вопросам ЦК КПК, Госсовета КНР, министерств и ведомств за 1978—1980 гг., характеризующие официальные установки экономической политики Пекина.

В третьем разделе публикуются статьи видных китайских ученых-экономистов, практических работников хозяйственных ведомств по узловым вопросам экономической политики Китая, «урегулирования» и хозяйственной реформы, написанные специально для ежегодника и преследующие цель обосновать идею некой «китайской модели» экономики.

Заметный интерес представляет самый большой по объему, четвертый, раздел ежегодника, где помещены материалы об основных отраслях промышленности и сельского хозяйства, транспорте, торговле, финансах и денежном обращении, капитальном строительстве. Здесь же публикуются очерки хозяйственного развития отдельных регионов КНР. Содержание раздела отражает напряженное положение в народном хозяйстве КНР, неравномерность развития производства, резкие различия в уровнях экономического развития отдельных районов страны.

В пятом разделе помещены важнейшие статьи центральной печати по вопросам экономической теории за 1978 — первую половину 1981 гг., что дает основание, как говорится в предисловии к сборнику, рассматривать его в известной мере и в качестве ежегодника китайской экономической науки. Материалы раздела свидетельствуют о заметном оживлении в Китае экономических исследований, которые были серьезно подорваны в период «десятилетнего хаоса культурной революции». Центр экономиче-

¹ Экономический ежегодник Китая за 1981 г. (далее — Ежегодник). Пекин, 1981.

ских дискуссий ныне сместился с критики «теорий банды четырех» на вопросы «урегулирования» экономики, хозяйственной реформы, китайской «модели» модернизации.

Шестой раздел ежегодника состоит из статистических таблиц, большинство из которых обнародовано впервые и представляет большой научно-практический интерес. Они являются первой после известного справочника «Великое десятилетие» (1959 г.) китайской публикацией ряда сводных данных о развитии народного хозяйства страны.

В седьмом разделе освещаются основные события экономической жизни КНР за период с декабря 1978 по декабрь 1980 г., а в восьмой включены различные приложения: перечень основных научно-исследовательских учреждений и учебных заведений экономического профиля, периодических изданий по экономике, научных обществ (в том числе общество изучения экономики СССР), вышедших в Китае книг по экономической тематике и т. д.

Даже этот краткий перечень освещенных в ежегоднике вопросов свидетельствует об уникальном характере данного издания. Материалы сборника расширяют информационную базу исследования экономики КНР и заслуживают серьезного изучения и оценки специалистами по Китаю.

Факт издания ежегодника и содержание помещенных в нем материалов говорят о том, что в Китае в последние годы заметно усилилось внимание к проблемам экономики, в определенной мере повысился уровень научных исследований и публикаций, начала укрепляться статистическая база хозяйственной работы. Это объясняется стремлением Пекина вывести народное хозяйство из кризиса, с «границ катастрофы», до которой оно было доведено в результате политики Мао Цзэдуна и его окружения.

Решение о выпуске ежегодника было принято центром экономических исследований при Госсовете КНР. Редколлегия альманаха возглавил руководитель центра, директор института экономики при Госплане Сюэ Муцяо. В нее вошли также видные деятели, которые не только руководят организацией экономических исследований в Китае, но и принимают непосредственное участие в составлении народнохозяйственных планов и разработке экономической политики. Все это также подчеркивает значение, которое придается в Китае ежегоднику. Он далеко выходит за рамки рядового справочника, являясь, по существу, официальным изданием, несущим большую политическую и идеологическую нагрузку.

С этой точки зрения альманах нацелен прежде всего на экономическое обоснование нынешнего политического курса Пекина. Он призван дать свидетельства оздоровления обстановки в Китае после долгого периода политических и экономических потрясений, способности нынешнего руководства обеспечить устойчивое поступательное развитие страны. Газета «Жэньминь жибао», комментируя выход ежегодника, подчеркивала, что его издание должно укрепить «веру и решимость» в осуществление «четырех модернизаций»².

Материалы ежегодника рассчитаны также и на внешнее потребление. Не случайно в предисловии к нему сказано о «настоятельной потребности» в таком издании для распространения «за рубежом». Маоистские политические и экономические «эксперименты» не только дорого обошлись китайскому народу, но и серьезно подорвали международный престиж Китая. Пекинскому руководству, набивающему ныне в «друзья» к мировому империализму, важно представить Китай как солидного политического и экономического партнера. Китайская печать отмечает, что ежегодник привлек внимание в ряде стран Запада, в том числе в Японии, США, Англии, Франции, Италии. Выход ежегодника, таким об-

² «Жэньминь жибао», 8.XII.1981.

разом, является недвусмысленной пропагандистской акцией по укреплению авторитета Пекина.

* * *

Помещенные в ежегоднике данные представляют собой наиболее полную на сегодняшний день официальную систему показателей развития народного хозяйства КНР после 20-летнего «статистического пробела». Конечно, заполнение этого «пробела», вызванного развалом учетно-статистической службы Китая в результате «большого скачка» и «культурной революции», еще далеко не закончено.

Однако материалы ежегодника уже сегодня позволяют представить динамику, важнейшие тенденции экономического развития КНР, в том числе в наиболее «темные» для исследователей китайской экономики периоды (многие данные, например за 1965 и 1975 гг., приводятся впервые), дают определенную картину нынешнего состояния экономического потенциала Китая. Вот некоторые из этих данных:

	1952 г.	1965 г.	1975 г.	1979 г.
Валовая продукция промышленности и сельского хозяйства, млрд. юаней	82,7 (в ценах 1952 г.)	198,4 (в ценах 1957 г.)	450,4 (в ценах 1970 г.)	617,5 (в ценах 1970 г.)
В том числе:				
промышленность	34,3	139,4	321,9	459,1
сельское хозяйство	48,4	59,0	128,5	158,4
Национальный доход (в текущих ценах), млрд. юаней	58,9	138,7	250,5	335,0
Основные виды продукции:				
уголь, млн. т	66,00	232,0	482,0	635,0
нефть »	0,44	11,3	77,0	106,2
сталь »	1,40	12,2	23,9	34,5
электроэнергия, млрд. кВт·ч.	7,30	67,6	195,8	282,0
хлопчатобумажные ткани, млрд. м	3,80	6,3	9,4	12,2
зерновые, млн. т	163,90	194,6	284,5	332,1

Необходимо отметить, что использование официальных китайских данных возможно лишь с определенными оговорками, требует взвешенного подхода, тщательной проверки «корректности» количественных и качественных показателей. Такой подход полностью обоснован и признается многими китайскими экономистами.

Одна из причин этого заключается в недостаточной надежности китайской статистики, слабости учетно-статистической службы КНР, только начинающей восстанавливать относительно нормальную деятельность после длительного пребывания в состоянии развала. По свидетельству вице-президента Академии общественных наук КНР Юй Гуаньюаня, в отдельные периоды времени «статистической работой в Китае занималось всего 14 человек»³.

Статистическая отчетность к тому же была прямо подчинена политическим интересам маоистов. Наиболее одиозный пример такой отчетности — «сверхвысокие» показатели прироста производства в годы «большого скачка»: в 1958 г. в Китае было собрано всего 200 млн. т зерна, а объявлено о сборе 500 млн. т. Нередко аналогичным образом обстояло дело и с «выполнением» планов производства других видов продукции.

³ «Кэянь гуаньли», 1981, № 1.

Несмотря на принятые в последние годы меры по укреплению статистической службы, количество статистических работников на уровне уезда и выше составляет всего 76 %, по сравнению с 1965 г., а в ГСУ КНР — 50 %⁴. По словам известного ученого-экономиста Сунь Ефана, «поверие фиктивных данных» не преодолено до сих пор, «статистические данные неточны», «методы учета несовершенны», «уровень анализа низок»⁵. Это особенно касается стоимостных показателей: валовой продукции промышленности и сельского хозяйства, национального дохода.

Вызывает сомнение и «качество» многих натуральных показателей. Например, объем угледобычи в стране в 1980 г. составил, по официальным данным, 620 млн. т, и по этому показателю Китай занимал одно из первых мест в мире. Однако из этого количества лишь 344 млн. т приходилось на так называемые «шахты единого государственного распределения», где объем добычи учитывается более или менее строго. Остальной уголь добыт на шахтах местного подчинения, в том числе 113 млн. т — на мелких и мельчайших угольных копях сельскохозяйственных коммун и бригад. Учитывая низкую сортность угля, его сильную засоренность, о чем неоднократно писала китайская печать, объем угледобычи в Китае в пересчете на уголь среднего качества существенно ниже официальной цифры.

Кроме того, в цифрах, приводимых в ежегоднике, много расхождений. Так, на странице III-28 сказано, что норма накопления в 1979 г. составила 34,6 %, а на с. IV-36 — 33,6 %. На с. III-39 сообщается, что в 1980 г. из 266 видов материально-технических ресурсов номенклатуры единого государственного распределения 224 вида поставлялись потребителям методом так называемого «открытого снабжения» (то есть по хозяйственным договорам). А на с. IV-6 в том же контексте говорится о 146 видах из 210. Никак не увязываются данные о масштабах развития коллективного сектора в торговле и сфере обслуживания, приводимые на с. IV-7 и IV-122. В первом случае сказано, что число предприятий этого сектора только в городах (выше уездного уровня) в 1980 г. превысило 1,3 млн. Во втором же случае указывается, что их число в целом по стране (включая и сельские районы) составило 763 тыс.

Китайские экономисты вынуждены сегодня так или иначе признавать, что показатели экономического роста в последнее двадцатилетие во многом неточны, что возрастание «статистической» стоимости не всегда сопровождалось соответствующим ростом производства конечного продукта, что значительная часть продукции не находила сбыта. Достаточно сказать, например, что в условиях острого «товарного голода», дефицита важнейших видов продукции производственного назначения и потребительского спроса не реализованные по разным причинам запасы промышленной продукции в 1980 г. составляли около 85 % всего созданного за год национального дохода. На складах мертвым грузом лежало 20 млн. т проката (в 1981 г. его годовое производство составило 26,7 млн. т), машиностроительная и электротехническая продукция на 60 млрд. юаней.

Таким образом, «статистические успехи», которые активно пропагандируются Пекином, зачастую свидетельствуют не об увеличении национального богатства КНР, а, наоборот, о его растратировании в результате провалов экономического курса.

Выполняя определенный «политический наказ», составители сборника попытались закамouflировать многие из этих провалов. В статистическом приложении, например, авторы приводят выборочные данные по относительно «благоприятным» для народного хозяйства Китая годам и периодам (1952, 1957, 1965, 1975, 1979), создавая иллюзию поступатель-

⁴ См.: «Цзинцзи гуаньли», 1981, № 2.

⁵ Там же.

ного, динамичного развития экономики. Этим же целям служит и такой прием, как замалчивание положения в «неблагополучных» отраслях общественного производства, например в гражданском машиностроении, выпуск продукции которого в 1980 и 1981 гг. резко сократился. За два года производство энергетического оборудования упало в 4,2 раза, горно-шахтного — в 2,6 раза, металлорежущих станков — в 1,4 раза, тракторов — в 2,4 раза, локомотивов — в 1,4 раза. В 1981 г. машиностроительные мощности КНР были загружены менее чем на $\frac{1}{3}$ ⁶. Не случайно статья ежегодника о ведущем секторе машиностроительной промышленности — предприятиях 1-го министерства машиностроения, куда входят тяжелое и энергетическое машиностроение, станкостроение, автомобилестроение и др., — оказалась втрое меньше по объему, чем статья о фармацевтической промышленности.

Однако, несмотря на эти ухищрения, в ежегоднике вольно или невольно признается огромный ущерб, нанесенный экономике КНР маоистскими извращениями принципов хозяйственного строительства, беспрепятственными политическими кампаниями, резкими шараханиями из одной крайности в другую, характерными для экономической политики Пекина.

Особенно дорого обошлись китайским трудящимся «большой скачок» и «культурная революция». Прямые потери народного хозяйства за три года «большого скачка» превысили 100 млрд. юаней⁷. Резко снизилась эффективность общественного производства. «Скачок» обернулся подлинной трагедией для китайских трудящихся — в 1960 г. смертность превысила уровень 1957 г. на 10 млн. человек. В результате дезорганизации промышленного и сельскохозяйственного производства, разрушения механизма планирования и управления объем произведенного в 1962 г. национального дохода (в постоянных ценах 1957 г.) сократился по сравнению с 1959 г. более чем на треть. Производство сельскохозяйственной продукции в 1961 г. упало по сравнению с 1958 г. более чем на четверть⁸. Уровень 1960 г. был превышен китайской промышленностью лишь в 1966 г.

«Культурная революция» обошлась Китаю в 500 млрд. юаней. В 1967 г. спад промышленного производства составил 13,8 %, в 1968 г. — еще 5 %⁹. В 1968—1969 гг. сельскохозяйственное производство практически топталось на месте¹⁰.

Весьма напряженная ситуация сложилась в народном хозяйстве Китая в последние годы жизни Мао Цзэдуна. Только в 1974—1976 гг. страна недополучила промышленной продукции на 100 млрд. юаней, стали — 28 млн. т, финансовых поступлений — 40 млрд. юаней. «Великий кормчий» оставил после себя поистине тяжелое наследие. Китайская печать признает, что «потребуется 20—30 лет, чтобы залечить раны, нанесенные десятью годами бедствия», как в Пекине именуют сегодня «культурную революцию»¹¹.

Отход от основных положений марксистско-ленинской теории, игнорирование общих закономерностей социалистического строительства, великодержавная ориентация социально-экономического курса, гипертрофированное развитие военной промышленности, пренебрежение насущными интересами трудящихся, свертывание взаимовыгодных экономических связей со странами социализма — все это породило серьезные диспропорции в экономике. Сегодня китайские экономисты не могут не при-

⁶ «Жэньминь жибао», 15.II.1982.

⁷ См. там же, 19.I.1981.

⁸ См.: Ежегодник, с. VI-10.

⁹ См. там же, с. VI-13.

¹⁰ См. там же, с. VI-10.

¹¹ «Жэньминь жибао», 3.VII.1980.

знавать (и это прослеживается по материалам ежегодника), что народное хозяйство Китая отличается нерациональной отраслевой и территориальной структурой, низкой эффективностью и бесплановостью производства.

Конечно, структура народного хозяйства КНР за период после 1949 г. подверглась значительной перестройке. Доля промышленности в валовой продукции промышленности и сельского хозяйства, составлявшая в 1949 г. 30 %, возросла в 1980 г. до 81 %. Однако этот показатель говорит не только об уровне индустриализации экономики КНР, но и о глубокой хронической отсталости сельскохозяйственного производства, которое по-прежнему опирается главным образом на ручной труд, характеризуется низкой товарностью и продуктивностью. Производительность труда в сельском хозяйстве с 1957 г. сократилась почти на четверть. Свыше 300 млн. человек, занятых в аграрном секторе (всего в деревне проживает 850 млн. человек), не в состоянии на стабильной основе обеспечить снабжение промышленности сырьем, а 130-миллионного городского населения — продовольствием. В стране, где 70 % национального дохода создается в сельском хозяйстве и отраслях, связанных с переработкой сельскохозяйственного сырья, более 20 % зернового пайка городского населения по-прежнему удовлетворяется за счет импорта.

Обескровливание сельского хозяйства в результате его форсированной «коммунизации», выкачивания средств на нужды военного сектора экономики привело к подрыву производительных сил деревни, обнищанию сельских тружеников. В конце 70-х годов в каждой четвертой производственной бригаде годовой доход на душу населения составлял менее 50 юаней, не обеспечивая элементарного прожиточного минимума 100 млн. крестьян.

Промышленная база КНР, заложенная в 50-е годы при огромной интернациональной помощи СССР и братских социалистических стран, в последующий период получила определенное развитие. Однако в целом в условиях быстрого научно-технического прогресса в мире она является технически отсталой, низкопроизводительной. Из 350 тыс. имеющихся в стране промышленных предприятий 99 % — мелкие и средние. На них приходится 75 % выпускаемой промышленной продукции и 80 % занятых в промышленности рабочих и служащих. Около четверти предприятий убыточны. По 43 % изделий, выпускаемых предприятиями государственной собственности, не достигнуты наивысшие показатели качества, а по 56 % — показатели расхода сырья и материалов на производство единицы продукции. Около трети мощностей китайской промышленности простаивает из-за нехватки топлива и электроэнергии.

Серьезные провалы обнаружились в области капитального строительства, масштабы которого, искусственно раздуваемые в угоду политическим амбициям маоистов, значительно превышали материально-технические возможности страны. Коэффициент ввода в эксплуатацию крупных и средних объектов упал с 43 % в первую пятилетку до 6,2 % в 1980 г. Средний срок строительства объектов составил более 16 лет. Строительной индустрии КНР потребовалось бы 5—6 лет, чтобы только закончить сооружение незавершенных плановых объектов, не начиная новые стройки¹².

Народное хозяйство КНР испытывает острую нехватку квалифицированных кадров. По признанию авторов ежегодника, проведенное в конце 1979 г. обследование показало, что 8 % рабочих и служащих неграмотны или полуграмотны. В общей численности занятых в промышленности на долю работников с инженерной и технической подготовкой приходится лишь 2,8 %¹³. Только треть управленческих кадров, занятых

¹² См.: Ежегодник, с. IV-9.

¹³ См. там же, с. IV-35.

в сельском хозяйстве, «разбирается в вопросах управления и хозяйствования»¹⁴. В стране, по официальным данным, насчитывается более 150 млн. неграмотных.

Приводимые в ежегоднике, а также в других публикациях китайской печати данные показывают острое противоречие между великодержавно-националистической, милитаристской направленностью экономического курса и чрезвычайно низким жизненным уровнем китайских трудящихся. Китай сталкивается со сложнейшими социально-экономическими проблемами: хронической нехваткой жилья, продовольствия, важнейших потребительских товаров, инфляцией.

В 70-х годах норма накопления значительно превышала рациональный в условиях Китая уровень и составляла в 1975 г. 33,9 %, в 1978 — 36,5 %, в 1979 — 34,6 % и в 1980 — 32,4 %. Вместе с тем в 1968—1978 гг. реальная заработная плата рабочих и служащих ежегодно снижалась, стоимость трудодня в деревне сократилась на одну треть¹⁵. В 1980 г. номинальная заработная плата составляла 63,5 юаня в месяц, ежемесячные доходы крестьян от коллективного хозяйства равнялись 7,2 юаня.

С 1957 по 1978 год потребление городским населением КНР зернопродуктов сократилось на 3,2 %, растительного масла — на 33,3 %. Уровень жизни крестьянства, по признанию китайской печати, в целом ниже, чем в 1957 г.¹⁶. Потребление сахара в расчете на душу населения ниже среднемирового уровня в 8,5 раза, молока — в 90 раз, мяса — в 2,5 раза, яиц — в 2,8 раза. Сохраняется жесткое нормирование основных продуктов питания, одежды, обуви, промышленных товаров.

Неблагоприятная демографическая ситуация вновь обострила проблему безработицы, с которой было в основном покончено к концу первой пятилетки. По официальным данным, о которых авторы сборника предпочитают умалчивать, в 1980 г. в Китае насчитывалось 13 млн. безработных, или более 10 % всех городских жителей¹⁷.

Маоистский курс сказался на всех отраслях народного хозяйства, жизненном уровне населения, привел к отставанию Китая от промышленно развитых стран, которое составляет в настоящее время как минимум 20 лет в промышленности и 50 лет в сельском хозяйстве. Обладая крупнейшими в мире трудовыми ресурсами, богатыми запасами полезных ископаемых, необходимых для комплексного развития страны, китайская экономика в состоянии производить лишь несколько более 240 долл. национального дохода на душу населения, находясь по этому показателю на уровне слаборазвитых стран мира.

Претендуя на всеобъемлющий охват всех аспектов экономической политики Китая, авторы сборника тем не менее предпочитают обходить вопрос о коренных причинах провалов в экономике и обострения диспропорций, в частности о милитаризации народного хозяйства. В китайских специальных экономических изданиях, рассчитанных на узкий круг читателей, время от времени проскальзывают факты, свидетельствующие об уродливом развитии экономики, чрезмерном разрастании военного сектора, изъятии значительной доли национального дохода в целях утоления милитаристских амбиций китайских гегемонистов. Журнал «Синьхуа юэбао» был вынужден, например, признать, что «военное производство выделено в обособленную систему, наблюдается отрыв военного производства от гражданского, удельный вес военной промышленности слишком велик»¹⁸.

¹⁴ Там же, с. IV-17.

¹⁵ См.: «Цзефан жибао», 1. XII.1979; «Нунье цзинцизи вэньти», 1980, № 1.

¹⁶ См.: «Нунье цзинцизи вэньти», 1980, № 1.

¹⁷ In: "China Daily", 29.VIII.1981. По мнению ряда иностранных специалистов, реальный уровень безработицы составляет около 30 млн. человек.

¹⁸ «Синьхуа юэбао», 1980, № 6.

Факты свидетельствуют о том, что жернова милитаристской мельницы перемалывают колоссальные средства, остро необходимые для решения стоящих перед страной социально-экономических проблем. Как известно, прямые бюджетные ассигнования на военные нужды в 1977—1979 гг., то есть после прихода к власти новых руководителей страны, возросли почти на 50 %. В государственном бюджете 1980 г. прямые военные расходы в 1,2 раза превышали общую сумму государственных средств, отпускаемых сельскому хозяйству, и в 1,3 раза — ассигнования на науку, культуру, образование и здравоохранение.

Столкнувшись с обострением народнохозяйственных проблем, дефицитом финансовых и материальных ресурсов, а также решительным осуждением милитаристского курса Пекина, его преступной агрессии против СРВ со стороны социалистических стран, всей миролюбивой общечеловечности, китайское руководство в последнее время вынуждено пойти на некоторое «приглушение» милитаристских аспектов своей экономической политики, сокращение прямых бюджетных ассигнований на военные нужды (с 19,3 млрд. юаней в 1980 г. до 16,9 млрд. в 1981 г.), перенацеливание части мощностей оборонной промышленности на производство гражданской продукции.

Однако эти маневры Пекина не дают еще оснований для вывода о переориентации экономической политики на решение прежде всего задач гражданского строительства. Китайское руководство не отказывается от курса на наращивание военно-экономической мощи, особенно ракетно-ядерного потенциала. Некоторое сокращение прямых военных ассигнований в государственном бюджете компенсируется увеличением соответствующих расходов по статьям гражданских министерств и ведомств, местных бюджетов. По китайским данным, например, при сокращении в 1981 г. бюджетных расходов на науку затраты на исследования в военных и военно-прикладных областях возросли по сравнению с 1980 г.¹⁹ На состоявшемся в сентябре 1981 г. совещании по промышленности и транспорту в провинции Хунань было заявлено, что и в условиях «урегулирования» предприятия военной индустрии должны развиваться опережающими темпами, в первую очередь обеспечиваться дефицитными видами топлива, сырья и материалов. В последние годы в Китае осуществлены испытания межконтинентальной баллистической ракеты, проведены крупнейшие в истории КНР военные маневры, очередные испытания атомной бомбы и другие мероприятия, свидетельствующие о наращивании Китаем военно-промышленного потенциала.

Да и многие заявления китайского руководства свидетельствуют о том, что нынешний курс в экономике отнюдь не помеха его милитаристским расчетам. Журнал «Пекин ревью» открыто заявил, что в Пекине «не намерены отказываться от задачи модернизации национальной обороны»²⁰. Как сообщалось, военная промышленность перевыполнила план 1981 г., сократив «отставание Китая от развитых стран по качеству основных видов современного оружия».

Опубликованные в сборнике материалы показывают, к каким последствиям привело экономику Китая длительное господство маоизма, какой ценой вынуждены расплачиваться трудящиеся страны за великодержавно-националистические амбиции Пекина, и в целом подтверждают высказанное на XXVI съезде КПСС положение о том, что «опыт социально-экономического развития КНР за два последних десятка лет — тяжелый урок, показывающий, к чему ведет извращение принципов социализма, его сути как во внутренней, так и в международной политике»²¹.

¹⁹ См.: «Кэнь гуаньли», 1982, № 2.

²⁰ «Beijing Review», 1981, № 48.

²¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 10.

* * *

Материалы сборника довольно наглядно показывают, что в экономическую политику КНР после смерти Мао Цзэдуна, особенно после III пленума ЦК КПК, вносятся определенные коррективы и изменения.

Основное содержание этих изменений сводится к следующим моментам. Провозглашено и в известной степени осуществляется «перенесение центра тяжести работы всей партии на осуществление социалистической модернизации». Задача укрепления материальной базы китайского гегемонизма выдвигается Пекином в качестве основного аспекта деятельности партийных, государственных и хозяйственных органов. Отбрасываются некоторые наиболее однозвучные, показавшие свою несостоятельность установки маоистской экономической политики при сохранении ее великодержавно-националистических целей. Осуждаются такие «левацкие руководящие идеи» в экономическом строительстве, как «слепая погоня за темпами», ставка на «скачки» и неизбежность диспропорций, односторонний упор на развитие тяжелой промышленности в ущерб сельскому хозяйству и т. д. Предпринимаются попытки оздоровить положение в экономике, сгладить наиболее острые диспропорции в рамках «урегулирования». Признается роль планирования, осуществляются мероприятия по реформе системы управления народным хозяйством, более активному использованию экономических рычагов, внедряются элементы материального стимулирования.

Вместе с тем, как явствует из материалов сборника, в Китае взят курс на реставрацию многоукладности экономики: так, например, возрождается государственно-капиталистический и расширяется частный секторы. В сельском хозяйстве внедряются различные «системы производственной ответственности» (ими охвачено уже более 90 % производственных бригад), ведущие к «индивидуализации» крестьянского труда, размыванию коллективной собственности в деревне. По китайским данным, из 6 млн. основных хозрасчетных единиц в сельском хозяйстве к октябрю 1981 г. более 38 % перешло на систему так называемой «полной ответственности двора за производство», на деле означающую возврат к формам землепользования, существовавшим до кооперирования²². Эта политика привносит в китайскую деревню элементы неуправляемых товарных отношений, создает опасность возрождения кулацкой прослойки, серьезной деформации сложившейся социально-экономической структуры сельского хозяйства.

Быстро набирает силу частный сектор. К октябрю 1981 г. в городах насчитывалось более 1 млн. частных хозяйств (в 1978 г. — 150 тыс.). Разрешена сдача в частную аренду нерентабельных государственных предприятий сферы обслуживания, а также использование наемного труда в ограниченных масштабах. Частное и коллективное предпринимательство начинают играть все более заметную роль в сфере торговли, общественного питания, бытового обслуживания. Доля этих предприятий в общем обороте розничной торговли и общественного питания, по данным ежегодника, возросла с 8,9 % в 1979 г. до 12,6 % в 1980 г.

Принятые Пекином в последние годы законы легализуют хозяйственную деятельность в Китае западных капиталистических компаний, получивших определенные финансовые и налоговые льготы. На начало 1981 г. иностранные капиталовложения в Китае составили около 1,5 млрд. долл. К концу 1979 г. Китай подписал соглашения о получении в странах Запада кредитов и займов на сумму 27,6 млрд. долл.²³

²² См.: «Цзинцзинсюэ чжоубао», 11.I.1982.

²³ См.: Ежегодник, с. IV-133.

Ряд мероприятий скорректированной экономической политики, в известной мере стимулирующих хозяйственную деятельность предприятий, коллективов и отдельных производителей, могут способствовать некоторому оздоровлению положения в народном хозяйстве, решению текущих задач по упорядочению экономики.

Вместе с тем содержание сборника убедительно свидетельствует о том, что за пять лет пребывания у власти нынешнее руководство Китая, хотя и усилило внимание к проблемам развития народного хозяйства, оказалось не в состоянии отказаться от целей маоистской экономической политики, задач наращивания военно-промышленного потенциала, коренным образом нормализовать экономическую обстановку в стране. Внедрение некоторых новых принципов экономического строительства, в том числе заимствованных из различных буржуазных, правореформистских концепций и рассчитанных, как заявляют в Пекине, на «оживление» народного хозяйства, привело к общему сдвигу экономической политики вправо, усилению хозяйственной зависимости КНР от капиталистического мира.

Положение в народном хозяйстве и сегодня остается сложным, неустойчивым, являясь постоянным катализатором социально-политической напряженности. До сих пор не выработана действенная программа преодоления хозяйственных трудностей. Текущая экономическая политика и практика Пекина отличается резкими шараханиями. Отсутствуют научно обоснованные народнохозяйственные планы. Включенные в сборник тексты многих важнейших постановлений, докладов и законопроектов, решений по экономическим вопросам войдут в историю КНР как хронология невыполненных обещаний, противоречивых установок, волюнтаристских зигзагов и несбывшихся надежд. Достаточно напомнить лишь некоторые из них.

Первая после смерти Мао Цзэдуна сессия Всекитайского собрания народных представителей в марте 1978 г. утвердила «Основные положения десятилетнего плана развития народного хозяйства КНР на 1976—1985 годы», которые предусматривали форсированное развитие экономики. Была, в частности, поставлена задача увеличить к 1985 г. добычу нефти со 100 до 250 млн. т, производство стали — с 30 до 60 млн. т, сбор зерна — с 280 до 400 млн. т. Попытки «подхлестывания» экономики в угоду далекому идущим политическим расчетам без кардинального решения проблем, наслоившихся за многие годы маоистских «экспериментов», привели к обострению народнохозяйственных диспропорций и социально-экономической обстановки. В Пекине вынуждены были признать, что при разработке десятилетнего плана «недооценили трудности», «завысили показатели» и план «утратил свое значение, как его ни пересматривай».

2-я сессия ВСНП (июнь 1979 г.) объявила об отказе от десятилетнего плана и переходе к «урегулированию» народного хозяйства, рассчитанному, как было официально объявлено, на трехлетний период (1979—1981). Выдвижение курса на «урегулирование» было названо «великим историческим поворотом», однако фактически знаменовало собой серьезный провал планов послемаоцзэдуновского руководства в сфере экономики.

На 3-й сессии ВСНП (сентябрь 1980 г.) прозвучало обескураживающее признание о том, что, за исключением первого пятилетнего плана (1953—1957), который, как известно, составлялся с помощью СССР и был успешно выполнен, в КНР вообще «не было возможности составить полноценные планы», и в течение длительного периода плановая работа «была почти парализована»²⁴. Однако, как и в прошлом, признание ошибок не привело, да и не могло в условиях сохранения вели-

²⁴ «Жэньминь жибао», 15.IX.1980.

кодержавно-националистического, милитаристского стержня в политике китайского руководства, привести к отказу от ее прежних целей. Сессия ВСНП потребовала ускорить проведение реформы хозяйственного механизма, с 1981 г. распространить ее на все предприятия государственной промышленности. Были приняты решения о существенном расширении сферы «рыночного регулирования» экономики, «развертывании конкуренции» между предприятиями, взят курс на создание многоукладной экономики, включая государственно-капиталистический и частный секторы, проведение политики «открытых дверей» в экономических связях с Западом.

Неподготовленная перетряска всего хозяйственного механизма вызвала новый спазм в экономике. В проведении реформы сказалась старая болезнь забегания вперед. Все это, как отмечают сегодня китайские экономисты, привело к оживлению местнических тенденций, затруднило сокращение масштабов капитального строительства, ослабило контроль центра над экономической жизнью и затруднило реализацию курса «урегулирования» в целом. Как отмечалось в китайской печати, «народнохозяйственные диспропорции не получили коренного выправления, а в некоторых областях еще более усугубились. Цели урегулирования, выдвинутые 2-й сессией ВСНП, еще далеко не осуществлены»²⁵.

Вновь был дан отбой. В декабре 1980 г. рабочее совещание ЦК КПК по экономическим вопросам озаменовало, как сообщало агентство Синьхуа, очередной «поворотный пункт в экономической работе». Был сформулирован курс на дальнейшее «серьезное урегулирование» народного хозяйства. Он сводится, с одной стороны, к всемерному сдерживанию инвестиционной активности и замораживанию уровня доходов населения, а с другой — к попыткам увеличения рыночных товарных фондов, в том числе за счет перевода части мощностей тяжелой промышленности на выпуск товаров широкого потребления. Было отложено проведение только что намеченной сессией ВСНП «широкой и всесторонней реформы хозяйственного механизма». Пекин заявил о необходимости укрепления централизованного планового руководства. Принятые всего лишь за три месяца до указанного совещания высшим государственным форумом решения о «развертывании конкуренции», реформе системы ценообразования, дальнейшем расширении хозяйственной самостоятельности предприятий стали «спускаться на тормозах». Комплекс мер в области «дальнейшего серьезного урегулирования» экономики характеризовался как «решительное отступление там, где это необходимо». С помощью этих мер предполагалось уже в 1981 г. достичь сбалансированности государственного бюджета, сдержать денежную эмиссию, стабилизировать цены.

Однако 4-я сессия ВСНП (декабрь 1981 г.) была вынуждена признать, что «кризисная ситуация, таящаяся в народном хозяйстве, все еще не полностью ликвидирована». В 1981 г. спад производства в отраслях тяжелой промышленности составил 4,5 %. За 1979 — 1981 гг. суммарный дефицит государственного бюджета достиг астрономической величины — более 32,5 млрд. юаней. В этих условиях Пекин заявил, что курс «на урегулирование экономики» будет осуществляться как минимум в течение всей шестой пятилетки (1981 — 1985). Было также признано, что работа по составлению шестого пятилетнего плана «еще не завершена», хотя ранее предполагалось обсудить этот план на сессии. Намечалось рассмотреть и десятилетнюю программу развития экономики на 1981 — 1990 гг. Однако и это решение осталось на бумаге.

Постоянная перекройка планов, непоследовательность и противоречивость хозяйственных установок порождают в стране атмосферу не-

²⁵ «Жэньминь жибао», 23.XII.1980.

определенности, сомнения в стабильности экономического курса и перспективах развития Китая в целом. «Сейчас идеологических проблем очень много, в идеологии полная неразбериха, — сетует орган ЦК КПК журнал «Хунци», — какое же может быть единство в осуществлении четырех модернизаций»²⁶.

С одной стороны, сохранение целей маоистской политики объективно питает левацкие тенденции, имеющие довольно глубокие корни в китайском обществе. «Левый уклон в экономической работе — это не только вопрос, имевший место в истории, — писала газета «Гунжэнь жибао» 8 ноября 1980 г., — он по-прежнему существует и ныне». Поэтому многие прагматические установки и декларации китайского руководства встречают сопротивление местных руководителей, саботирующих их реализацию. В Китае есть люди, которые «выступают против больших перемен», «хотят повернуть вспять развитие событий», «свергнуть нынешнюю систему и руководство»²⁷.

С другой стороны, весьма сильны правые тенденции. Их развитию во многом способствует взятая Пекином на вооружение так называемая «открытая» политика в области экономических связей с Западом, предусматривающая создание на китайской территории смешанных предприятий, а также предприятий, полностью принадлежащих иностранному капиталу, анклавов капитализма в виде «специальных экономических зон». Этот курс существенно расширяет каналы западного влияния на Китай, негативного воздействия буржуазной политики и идеологии. В Пекине вынуждены признать, что у «некоторых людей недостаточна сопротивляемость буржуазному влиянию и разлагающему воздействию», они «слепо преклоняются перед западной буржуазией»²⁸.

Резкие колебания маятника экономической политики, шарахания от амбициозных планов форсированного развития к «урегулированию» экономики, от попыток внедрения рыночных методов хозяйствования и децентрализации управления к подчеркиванию роли государственного планирования и административных методов хозяйственного руководства, от безудержного «распахивания дверей» перед Западом к отказу от многомиллиардных сделок на иностранное оборудование — все это, а также продолжающаяся борьба в китайском руководстве обусловили конъюнктурность, рыхлость хозяйственной политики, своеобразную «всеядность» экономических дискуссий, в ходе которых высказывались как «левые», так и правые взгляды.

В этой атмосфере противоречивых тенденций главным течением экономической теории в Китае, как показывают материалы альманаха, стал поиск так называемого «китайского пути социалистического строительства», противопоставляемого опыту реального социализма, пути, отрицающего или ревизирующего общие закономерности строительства социализма под флагом «национальной специфики». Эта «китайская модель» экономического развития представляется китайским экономистам в следующих основных чертах: многоукладность экономики, мелкогрупповое и единоличное землепользование в деревне, «очаговая» модернизация ряда приоритетных отраслей и производств, прежде всего военно-промышленного комплекса, сочетание в определенных пропорциях централизованного планирования и рыночного регулирования, использование финансового и технико-экономического содействия Запада.

Претензии Пекина на создание собственной «модели» под предлогом учета «национальных особенностей» имеют очевидную политиче-

²⁶ «Хунци», 1980, № 14.

²⁷ «Жэньминь жибао», 9.II.1982.

²⁸ «Гунжэнь жибао», 19.X.1981.

скую подоплеку. В недалеком прошлом гиперболизация этой «специфики» использовалась Пекином для обоснования различных левацких концепций общественного развития типа пресловутого «казарменного коммунизма». Сегодня «национальные особенности» вновь выступают главным аргументом нынешней версии «социализма китайского типа», китайской «модели» социально-экономического развития, которая, по заявлениям пекинских теоретиков, должна «отличаться от советской модели и моделей других стран»²⁹. Эти «особенности» призваны оправдать принижение исторического опыта построения социализма в СССР и братских социалистических странах, игнорирование общих закономерностей социалистического строительства.

«Советский Союз никому не навязывает никаких шаблонов и «моделей» государственного устройства, игнорирующих особенности той или иной страны, — говорится в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик». — Он оказывает растущее влияние на ход истории самим фактом своего существования, реальной практикой нового типа социальных, межнациональных отношений, силой примера в решении сложнейших проблем...»³⁰.

На страницах ежегодника тесно переплетаются положения, отражающие реальные экономические проблемы Китая, и пропагандистские ухищрения, скупая статистика и своекорыстные политические расчеты. Показывая происходящие в экономике КНР изменения, альманах не дает ответа на злободневный вопрос: сумеют ли в Пекине преодолеть маоистское наследие? А именно от этого зависит выход страны на здоровый путь развития. Только научный коммунизм, отказ от тех аспектов нынешней политики, которые не соответствуют принципам и нормам строительства социализма, будут способствовать решению трудных проблем в экономике, ибо нет и не может быть дороги к социализму в обход общих закономерностей, открытых марксизмом-ленинизмом, подтвержденных опытом СССР и других стран социализма, международной практикой революционной борьбы и социалистического созидания.

²⁹ Ежегодник, с. III-41.

³⁰ «Правда», 21.11.1982.

Китай: некоторые аспекты внутреннего развития

В. Я. Матяев,
В. П. Фетов

Прошло более пяти с половиной лет со времени смерти Мао Цзэдуна (9 сентября 1976 г.) и устранения «банды четырех», то есть наиболее близких ему деятелей, главарей крайне «левого» крыла маоистов (6 октября 1976 г.). Правомерно посмотреть, каких результатов достигли наследники Мао, оценить проводимую ими политику. Словно упреждая такие попытки, пекинские лидеры сами занялись подведением некоторых итогов, изображая послемаоцзэдуновский период как чуть ли не самый плодотворный этап в жизни КПК и КНР.

Камертоном для официальной пропаганды прозвучал доклад наиболее влиятельного сегодня лидера Дэн Сяопина, сделанный 16 января 1980 г. перед 10 тыс. представителей руководящих кадров. В докладе утверждалось, что в Китае со времени III пленума ЦК КПК (декабрь 1978 г.) обозначился «великий перелом», «политическая обстановка вступила в этап стабильности и сплоченности, живости и бодрости», «всесторонне подготовлены позиции для победоносного продвижения вперед». Дэн заявил и об «огромных успехах в экономике», хотя конкретно свои слова ничем не подтвердил. Он объявил «абсолютно ошибочными и безосновательными» любые сомнения относительно самых оптимистических оценок внутреннего положения и перспектив развития Китая, потребовал от кадров «не проявлять никаких колебаний»¹.

С тех пор в Китае ведется постоянная кампания пропаганды «достижений» режима, якобы обеспеченных им «стабильности» и «подъема». Состоявшийся в конце июня 1981 г. VI пленум ЦК КПК 11-го созыва дал новый импульс этой кампании, приглушив критику недавнего прошлого. Пленум выдвинул положения о «сплоченном продвижении вперед», о якобы происшедшем на руководящем уровне «выправлении всех ошибок и восстановлении всего правильного»². Всячески внушается мысль, будто у руководства есть научно обоснованная, ясная и четкая согласованная «линия» («восстановлена марксистско-ленинская линия», как заявляется в принятом пленумом Решении ЦК КПК по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР).

Такие утверждения, мягко говоря, выглядят преждевременными. Действительно, в жизни современного Китая, во внутреннем его развитии, происходят довольно серьезные перемены. Но они во многом являются неизбежным и вынужденным отходом от провалившейся маоистской практики, политическим маневрированием, которое абсолютно необходимо для вывода страны из тупика, из созданного Мао Цзэдуном кризиса.

На XXVI съезде КПСС Л. И. Брежнев говорил: «Во внутренней политике Китая происходят сейчас изменения. Истинный смысл их

¹ «Чжэнмин» (Гонконг), 6.III.1980.

² «Жэньминь жибао», 30.VI.1981 и 1.VII.1981.

еще покажет время. Оно покажет, в какой мере нынешнему китайскому руководству удастся преодолеть маоистское наследие. Но о каких-либо переменах к лучшему во внешней политике Пекина, к сожалению, пока говорить не приходится. Она по-прежнему нацелена на обострение международной обстановки, смыкается с политикой империализма. Это, конечно, не вернет Китай на здоровый путь развития. Империалисты дружьями социализма не будут»³.

* * *

В сравнении с положением, которое было в стране еще 5—6 лет тому назад, перемены произошли немалые. Руководство отошло от основополагающих левацких постулатов Мао Цзэдуна, в первую очередь от «теории» и практики периода «культурной революции». В политической жизни восстанавливается функционирование конституционных органов власти и управления, различных ведомств, формально действуют комсомол, профсоюзы, другие общественные организации. Вновь ожили демократические партии в рамках органа единого фронта — Народного политического консультативного совета Китая. Вводится система прямых выборов в органы государственной власти на уровне уезда.

Впервые в истории КНР приняты уголовный и уголовно-процессуальный кодексы, разрабатываются другие законоположения. Делаются шаги в направлении развития науки, просвещения, образования. Есть некоторые позитивные сдвиги в сфере литературы, искусства, издательского дела.

Большое политическое значение имеет осуждение маоистских репрессий, посмертная реабилитация бывшего председателя КНР Лю Шаоци и других жертв маоистских политических кампаний, а также признание исторической значимости VIII съезда КПК. Состоялся суд над ближайшими приспешниками Мао Цзэдуна времен «культурной революции», включая его вдову Цзян Цин. Все это нельзя расценить иначе, как свидетельство банкротства политического курса Мао Цзэдуна в его важнейших звеньях, объективно ставящее под удар былой авторитет «великого кормчего».

Нынешние китайские руководители пришли к признанию важности экономической работы, необходимости планомерного и пропорционального развития народного хозяйства, использования экономических рычагов, отказа от уравниловки и восстановления системы материального стимулирования. Принимаются меры по преодолению диспропорций в народном хозяйстве, выражающихся прежде всего в гипертрофированном для китайских условий развитии тяжелой промышленности, экономически не оправданном разбухании доли накопления в национальном доходе, отсталости аграрного сектора. Подчеркивается задача преодоления крайней запущенности сельского хозяйства, подтягивания слабых звеньев экономики, повышения эффективности производства и системы управления хозяйством. Декларируется также цель улучшения жизни трудящихся на базе роста производства, проведено некоторое увеличение заработной платы значительной части трудящихся, которое, однако, оказалось перекрыто инфляционным ростом цен.

На протяжении 1979 и 1980 гг. в Китае, в частности и на высшем уровне, был сделан ряд заявлений, весьма критических в отношении Мао и его «идей». Говорилось, что «идеи Мао Цзэдуна» к современному Китаю «неприменимы», что они не могут считаться развитием марксизма-ленинизма и их политическая ценность вообще невелика. Подверглись суровой критике «большой скачок» и другие волюнтарист-

³ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1981, с. 14.

ские эксперименты Мао. «Культурную революцию» называли «несчастьем», «катастрофой», «фашистско-феодальной диктатурой» и т. д.

Иными словами, фактически были подтверждены те оценки Мао Цзэдуна, его «идей» и политики, которые давались ранее КПСС и другими марксистско-ленинскими партиями.

Но все это — лишь одна сторона сложных процессов. Силы, возобладавшие в китайском руководстве после смерти Мао, круто повернули «вправо», навязывая стране националистическую политику правореформистского толка. Проводились мероприятия, означающие отступление с позиций, уже занятых социализмом. Это выразилось в установках на длительное существование многоукладной экономики и в практическом восстановлении государственно-капиталистического и частного секторов⁴.

При Мао Цзэдуна деформация и извращение социализма имели место главным образом в результате того, что социалистические формы собственности на средства производства (государственная и кооперативная) использовались в антисоциалистических целях через надстроечный механизм. Теперь же сфера действия социалистического хозяйственного уклада сужается, ибо возникли негативные базисные процессы, входят в жизнь чужеродные социалистическому базису формы хозяйствования. Опасность для позиций социализма в Китае усугубляется в силу общей проимпериалистической политики Пекина, его ориентации на иностранные займы и кредиты, привлечение в страну иностранного капитала.

Многоукладная экономика, мелкогрупповое и индивидуальное хозяйство в деревне, выборочная «модернизация» прежде всего военных и связанных с ними отраслей, сочетание централизованного планирования с «рыночным регулированием», использование финансового и технико-экономического содействия ведущих капиталистических стран — все это стало выдаваться за «китайский путь» развития, отвечающий условиям страны, за «социализм, подходящий Китаю»⁵. Принимая во внимание такую ситуацию, империалистические «партнеры» Пекина стремятся всеми средствами столкнуть Китай с рельсов социализма, втянуть его в систему международного капиталистического разделения труда.

Правопрагматическая политика, позволяющая смягчить некоторые трудности и решить отдельные сиюминутные проблемы (например, оживить рынок и увеличить сельскохозяйственную продукцию путем максимального использования мелкокрестьянского производства), не привела к серьезным позитивным сдвигам в социально-экономической жизни страны. Вопреки официальным оценкам она не стала фактором, обеспечивающим стабильность, преодоление кризисных явлений. Напротив, со временем отчетливее выявляется ее дестабилизирующая роль как в народном хозяйстве, так и в социально-политической действительности Китая.

Если взять главные детали политической картины послемаоцзэдуновского Китая, то они выглядят следующим образом: продолжается острая борьба фракций в верхушке и в разных звеньях партийно-государственного аппарата; происходят частые персональные перемещения в руководящих органах партии и государства как отражение этой борьбы; наличие неудачи в попытках вывести партию из серьезного идейного и организационного кризиса, восстановить ее руководящую роль; усиливается социальная напряженность, что находит выражение в разных

⁴ Появляются государственно-капиталистические предприятия, создаваемые на основе привлечения капиталов как национальной, так и иностранной буржуазии (в 1981 г. инвестиции последней в разных формах составили около 1,5 млрд. долл.). Создаются мелкие частные предприятия.

⁵ «Хунци», 1982, № 6.

формах народного протеста и недовольства и в «кризисе веры», который сама китайская печать толкует как неверие народа в способность руководства обеспечить осуществление провозглашенного курса «четырех модернизаций», улучшить жизнь трудящихся, твердо поставить страну на рельсы поступательного развития; не дают должного эффекта попытки наладить функционирование экономики, появляются новые социально-экономические трудности (серьезное падение темпов роста производства, образование новых диспропорций, рост безработицы, усиление инфляции, бюджетный дефицит)⁶; отсутствует четкая социальная ориентация в вопросах дальнейшего развития Китая; происходят острые полемические столкновения по этим вопросам.

Политика пекинских лидеров отмечена половинчатостью, неустойчивостью, постоянным внесением коррективов в одобренные установки. «Левые», потесненные в высших эшелонах власти, в целом по стране располагают немалым влиянием и опорой. Правым деятелям во главе с Дэн Сяопином, которые по основному вопросу придерживаются проимпериалистических взглядов, приходится считаться с этим, равно как и с особыми позициями группировок заместителя председателя ЦК КПК, известного экономиста Чэнь Юня и заместителя председателя ЦК КПК, председателя Постоянного комитета ВСНП Е Цзяньина. За ширмой разговоров о «сплоченности» и «коллективном руководстве» каждая из группировок стремится обеспечить себе ключевые позиции в партийном и государственном аппарате. Из-за бесконечных споров и борьбы за влияние откладывается принятие перспективных хозяйственных планов, уже не раз переносились сроки созыва XII съезда КПК.

Хотя долгосрочное планирование неизменно объявляется первоочередной задачей, за последние годы так и не появился ни шестой пятилетний, ни какой-либо другой перспективный план, а текущие годовые планы развития народного хозяйства принимаются с опозданием, сводятся к разрозненным наметкам, постоянно изменяются. Велика амплитуда качаний маятника экономической политики: от попыток форсировать темпы роста производства к их резкому замедлению, от упования на капиталистические методы и децентрализацию управления к признанию роли государственного планирования, от курса на автаркию к широкому «распахиванию дверей» в надежде «купить модернизацию» на Западе, а затем некоторому отрезвлению в этом плане.

«Демократизация» в Китае во многом носит фасадный характер, проводится в основном в таких формах, которые не ограничивают властей предрержащих и направлены на то, чтобы «облагородить» сохраняющиеся основы режима, особенно в глазах зарубежного общественного мнения. Вместе с тем усиливается репрессивный аппарат, увеличиваются расходы на его содержание. Армия остается опорой режима, хотя и не выступает, как прежде, на авансцене.

При разворачивании борьбы с «леваками» дозированная критика «идей Мао Цзэдуна» отвечала расчетам фракции Дэн Сяопина, закулисно инспирировалась ею. Но чем дальше, тем больше руководство и сам Дэн Сяопин стали опасаться углубления критики маонизма, воспринимая это как опасность для режима в целом.

В Пекине прибегли к модификации маонизма, взявшись за перетолкование «идей Мао Цзэдуна» в соответствии с потребностями текущей политической практики, преподнося их нынешнюю интерпретацию как «восстановление подлинного облика идей Мао Цзэдуна» в виде «целостной научной системы». В этом своем качестве «идей Мао Цзэдуна» уже не представляются просто «китаизацией марксизма», а выдаются вновь (подобно тому как это было при Линь Бяо и «четверке») за «развитие марксизма-ленинизма». Более того, по сути, утверждается,

⁶ См.: «Жэньминь жибао», 5.III.1982.

что сам по себе марксизм-ленинизм не может быть руководящей идеологией КПК, поскольку он «является европейским как по форме, так и по содержанию». Иными словами, усиленно паразитируя на марксизме-ленинизме, прикрываясь заявлениями о «применении марксизма-ленинизма в условиях Китая», в Пекине продолжают подменять его маонизмом.

Внося определенные изменения во внутреннюю политику, пекинские руководители идут все дальше маонистским курсом в международных делах. Теперь они «стратегически взаимодействуют» с империализмом во имя совместной борьбы против социализма, национального освобождения, демократии и прогресса. Об «изменениях» в этой области можно говорить только в смысле углубления классового предательства, которое характеризует внешнюю политику КНР. Как и при Мао Цзэдуне и «четверке», китайский народ обманывают, навязывая ему под разными предлогами и лозунгами откровенно антисоциалистическую внешнюю политику, вытекающую из общего великодержавно-гегемонистского курса и превращающую Китай в очаг агрессии, опасный источник угрозы миру и безопасности народов. Скатываясь дальше по наклонной плоскости «сотрудничества» с империалистами, направленного против СССР, других стран социализма и приобретающего все больше военно-стратегический, милитаристский характер, Китай становится младшим партнером империализма, его подручным.

Политика, подчиняющая развитие страны китаецентристским, гегемонистским замыслам, приходит в противоречие с коренными интересами китайского народа. В Пекине усиливается пропаганда «китайского пути», «китайской экономической модели», противопоставляемых опыту СССР и мирового социализма. «Модернизация» же рассматривается через призму антисоветизма, с ее осуществлением связывается возможность играть «еще большую роль» в борьбе против СССР, «скользывать» советские вооруженные силы⁷.

Таким образом, политическое развитие Китая в период после Мао глубоко противоречиво. Объясняется это главным образом не инерцией прошлого, а системой взглядов наследников Мао, в которых на первое место ставятся идеалы гегемонизма и великодержавия. Их амбиции берут верх над долговременными и подлинными интересами китайского народа, над необходимостью учитывать реальные нужды и возможности страны. Китайские руководители не желают подходить к решению социально-экономических задач страны с позиций марксистско-ленинского учения и под предлогом «поиска пути, который подходит реальным условиям Китая», навязывают ей националистическую линию развития. Эта политика глубоко противоречит программным положениям VIII съезда КПК, значение которых якобы снова признается в Китае, но которые на деле приводятся в соответствие с нынешним курсом пекинского руководства.

* * *

Определенной вехой на отмеченном пути политического развития Китая стал VI пленум ЦК КПК. Он обозначил очередную временную сделку в верхах, достигнутую на великоханьской основе маонизма, причем компромисс в сфере распределения власти дополнен компромиссом в сфере идеологии, фиксируемым в пространном противоречивом Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР, одобренном пленумом.

Как и предшествовавшие, этот пленум не подвел принципиальной черты под прошлым, не дал анализа ошибок и провалов, допущенных

⁷ См.: «Сысян чжаньсянь», 1981, № 4.

при Мао Цзэдуна и после него, не вскрыл их корни и причины, не обрисовал ясные и научно обоснованные перспективы. События как до пленума, так и особенно после него показали, что он лишен приписываемой ему в Пекине эпохальности. Это еще одно промежуточное звено в цепи явлений, связанных с внутриполитической борьбой. Итоги его работы выразились в утверждении системы исторических и идеологических фальсификаций, предназначенных оправдать нынешнюю линию руководства, подретушировать маонизм в отмеченном выше духе и в таком виде превратить в идейно-политическую платформу послемао-цзэдуновского режима, в «единообразную» идеологию партии и народа.

Практическое значение пленума в том, что он показал предел исторической правды, до которого готова идти нынешняя правящая верхушка. Этот предел означает, что она стремится замазать истину, оперируя полуправдой, ограничиться такой тенденциозной «критикой» Мао Цзэдуна и «самокритикой», которые помогали бы сохранять китаецентристское ядро маонизма, а самое главное — представить теперешних лидеров и как законных наследников Мао, и как новаторов, творчески прокладывающих путь вперед в современной обстановке.

Пленум сосредоточился на решении политико-идеологических и кадровых проблем, отложив из-за отсутствия согласованных позиций важнейшие вопросы экономики, внешней политики, сроков созыва XII съезда КПК. Принятие Решения по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР было приурочено к 60-летию КПК. Это второй документ такого обобщающего характера, принимаемый за более чем 60-летнюю историю КПК. Первый — Решение по некоторым вопросам истории нашей партии⁸ — был принят в самый канун VII съезда КПК (1945), провозгласившего «идею Мао Цзэдуна» руководящей идеологией партии. В нем давалась угодная Мао Цзэдуну интерпретация истории партии в преддверии того момента, когда Мао предстояло сделать решающий шаг к закреплению своего господства в КПК. Нынешний документ также принят перед съездом КПК и предназначен закрепить маонизм в той его вариации, которая в целом отвечает потребностям нынешних руководителей. «Идея Мао Цзэдуна» вновь объявляются «руководящими идеями партии», которые «будут направлять и впредь нашу деятельность на протяжении длительного периода времени».

История КПК и КНР подается как процесс становления и «побед» «идеи Мао Цзэдуна», противопоставляемых линии интернационалистских сил КПК, по которым в Решении открывается огонь. События, связанные с узурпацией Мао Цзэдуну власти в партии, выпячиваются как важнейшие вехи ее истории. В целом производится противоречащая действительности «сдвигка» в определении и хронологии этапов китайской революции и развития КНР, имеющая целью приписать Мао Цзэдуну все успехи, приглушив и затенив связанные с его установками ошибки, провалы, репрессии и беззакония.

Ход революции в Китае и становление КНР изображаются как результат «самостоятельной и независимой» линии КПК, действовавшей вне рамок мирового революционного процесса. Решение, фальсифицируя историю, игнорирует международные факторы китайской революции, пропитано высокомерием и пренебрежением к международному коммунистическому движению, даже не упоминает о странах и силах мирового социализма, клеветает на КПСС, СССР, Коминтерн.

Преступления и просчеты Мао преподносятся только как «ошибки», ответственность за которые перелagается к тому же на всю партию. Под маркой учета национальной специфики китайские руководители

⁸ См.: Мао Цзэдуна. Избр. произв., т. 4. М., 1953, с. 321—405.

утрируют, доводят до абсурда правильное и важнейшее ленинское положение о сочетании интернационального и национального, в воинствующей манере противопоставляют интернациональному марксистско-ленинскому учению теоретически и практически несостоятельную концепцию «китанизированного марксизма».

Пытаясь «скрестить» маонизм с марксизмом-ленинизмом путем перипарирования и извращения последнего с праворевизионистских позиций, китайское руководство, по существу, продолжает оперировать представлением мелкобуржуазного социализма, который по своей сути противоречит марксистско-ленинскому учению. Сказывается то, что большая часть кадров, ныне занимающих руководящие посты, внутренне связана с воззрениями и деятельностью Мао Цзэдуна. Они прошли вместе с ним немалый путь по мелкобуржуазной тропе, а сегодня имеют то или иное отношение к модификации маонизма. Будучи маонистами различных оттенков, они объединены общим стремлением сохранить «китанизированный марксизм», «идеи» гегемонизма.

Решение развивает установки III пленума ЦК КПК. Но очевидно, что реанимация маонизма приходит в столкновение с теми настроениями, которые получают распространение в партии и обществе. Пекинские лидеры дают понять, что в «преемственности» политики на маонистской основе видят ключ к «стабильности». На деле, однако, их линия ведет к образованию в общественной жизни Китая всеобъемлющего и долго действующего противоречия между объективной потребностью разделаться с маонистским наследием и субъективной нацеленностью руководства на продолжение основных элементов маонистской политики. Нет сомнения в том, что это противоречие еще не раз приведет к коллизиям той или иной интенсивности в различных областях жизни страны.

* * *

События второй половины 1981 и начала 1982 гг. подтверждают указанный вывод. Разумеется, официальная пекинская пропаганда, как и прежде, старается рисовать радужную картину общественно-политического развития страны. По ее словам, уже «достигнуты единство взглядов внутри партии по важнейшим вопросам исторической правды и неправды, а также проводимых ныне политических установок, партия выполнила свою историческую задачу покончить с хаосом и вернуться на правильный путь в сфере руководящей идеологии». Заявляется также, что «найден новый путь развития народного хозяйства, соответствующий специфическим условиям страны, народное хозяйство вступило на дорогу здорового развития»⁹.

В таких же, если не еще более радужных тонах изображает ситуацию в стране и Ху Яобан и Дэн Сяопин в своих интервью зарубежным гостям. Подобные мысли, правда несколько осторожнее, высказал и другой заместитель председателя ЦК КПК — Ли Сяньнянь. Выступая 24 января на приеме в здании ВСНП, он заявил: «Достигнута дальнейшая идеологическая сплоченность народа, общество стало еще более стабильным, урегулирование народного хозяйства осуществляется еще более успешно»¹⁰.

Однако действительность не подтверждает такого рода оценки. «Трудностей очень много, проблем — гора» — таким резюме встречала 1982 год газета «Хэйлуцзян жибао»¹¹. 27 ноября 1981 г. пекинская «Бэйцзин жибао» констатировала: «Идеологическая обстановка в пар-

⁹ «Жэньминь жибао», 1.1. и 15.11.1982.

¹⁰ Там же, 25.1.1982.

¹¹ «Хэйлуцзян жибао», 30.XII.1981.

тии и в массах очень сложная. Не только глубоко влияние левоуклонистской идеологии, но и имеют место такие серьезные явления, как субъективизм, бюрократизм, крайний индивидуализм, анархизм, фракционность, обособление и другие проявления непролетарской идеологии».

В китайской печати также признается, что «часть партийных кадров отступает от линии ЦК КПК, вплоть до открытых выступлений против ЦК», прибегает к «ожесточенным нападкам на ЦК, на линию III пленума ЦК КПК»¹². Как можно понять из некоторых материалов, именно разногласия по поводу нынешней политики ЦК КПК представляют собой доминирующую тенденцию в партийных организациях.

Следует со всей определенностью подчеркнуть, что как раз полоса «изучения» принятого VI пленумом ЦК КПК Решения принесла новые доказательства сохраняющегося кризиса в партии, ее неспособности играть сегодня роль руководящей силы общества. Публикуемые в Китае материалы говорят о том, что для КПК характерны саботаж решений центра, злоупотребления кадров властью, коррупция и разложение, местничество, фракционность и групповщина, отсутствие контроля за выполнением решений, разобщенность и конфликты среди кадрового состава. О действительном положении в КПК свидетельствует тот факт, что, несмотря на указание ЦК КПК провести конференции по выборам делегатов на XII съезд партии до ноября 1980 г., провинциальные партийные организации в большинстве своем не смогли провести такие конференции.

Характерное для партии состояние идейного разброда и разобщенности многократно усугубляется в масштабах общества в целом. Особую тревогу вызывает вступление в активную жизнь молодежи (более половины миллиардного населения страны), среди которой маоистская политика посеяла настроения апатии, анархизма, нигилизма. Отмечается, что молодежь «политически незрела, легко воспринимает как правильные, так и неправильные взгляды», является неуправляемой¹³.

Вопреки заявлениям о том, что «найден новый путь развития народного хозяйства», деятельность Пекина в области экономики показала, что, во-первых, эмпирическое экономическое стимулирование само по себе не ведет к позитивным сдвигам в политическом и социальном развитии, а во-вторых, у руководителей страны вообще нет долгосрочной и реальной экономической политики, они погрязли в спорах по вопросам экономики, постоянно колеблются в выборе приоритетных отраслей и производств, цепляются то за одну практическую меру, то за другую.

В исследовании китайской экономики, проведенном Международным банком реконструкции и развития, отмечалось, что в руководстве страны отсутствует «политический консенсус» относительно путей и перспектив развития экономики, нет также и серьезного анализа ее состояния. Имеется лишь набор различных вариантов развития событий, но не программа действий. Печать Пекина констатирует, что в области планирования «отсутствует единое понимание»¹⁴.

Не внесла ясности во все эти вопросы и 4-я сессия ВСНП, проведенная в конце 1981 г. Утверждения руководства о наличии уже готовых «наметок» шестого пятилетнего плана на 1981—1985 гг. повисли в воздухе, ибо сессии этот план не был представлен и она его не обсуждала¹⁵. Она ограничилась «принятием в принципе» наметок народнохо-

¹² «Жэньминь жибао», 8.I.1982.

¹³ См.: «Чжунго циннянь бао», 10.XI.1981.

¹⁴ «Жэньминь жибао», 28.XII.1981.

¹⁵ В январе 1982 г. объявлено, что наметки шестой пятилетки должны быть представлены 5-й сессии ВСНП в 1982 г. — минимум через полтора года после начала пятилетки.

зяйственного плана на 1982 г. Вновь наглядно подтвердилось, что в Китае утрачен опыт перспективного планирования, вскрылась и неэффективность работы соответствующих ведомств. Руководство провозгласило на сессии продолжение политики «урегулирования» как минимум еще в течение пяти лет. Не вырисовывается никакой конкретной программы «модернизации», только ставится задача «определить общую цель модернизации... и конкретные цели каждого этапа». Пекинские деятели все больше убеждаются в том, что стратегия «забегания вправо» приносит новые осложнения.

Используя требования общественности покончить с бюрократизмом, ставшим поистине политической проказой Китая, пекинские лидеры начали в январе — феврале с. г. крупномасштабную реорганизацию органов власти и управления, предусматривая при этом существенное сокращение количества министерств и ведомств, а также численности их персонала. По имеющимся сообщениям пока трудно судить, насколько продуманной и подготовленной является данная реформа, затрагивающая статус миллионов кадровых работников, крайне ревниво относящихся к любым изменениям в их положении. Но уже вполне очевидно, что принимаемые меры, несмотря на уверенность в обратном, не означают коренной ломки косной политической системы с ее кадровой кастовостью¹⁶. Не приводят они и к существенному сокращению административных расходов. Эти преобразования скорее выглядят как средство отвлечения внимания общественности от требований покончить с бюрократической машиной, с которой у широкой общественности ассоциируется политическая практика маонизма и весь присущий ему волюнтаризм. Хотя работа по совершенствованию механизма управления объективно необходима и актуальна, на практике она, подобно предыдущим «начинаниям» китайского руководства, ведется кампаниейскими методами и приобретает черты широкой чистки.

Наконец, все зримее выступает такое явление, как дестабилизирующее воздействие на внутреннюю обстановку в Китае внешнеполитического курса, проводимого пекинским руководством. Было время, когда именно внешняя политика, основанная на дружбе и сотрудничестве с Советским Союзом и странами социализма, выступала могучим фактором морального и политического сплочения КПК, всего китайского народа под знаменами прогресса и социализма. Иное дело сейчас. Антисоветский, проимпериалистический курс Пекина оказывает пагубное, разобщающее воздействие на идейно-политическое состояние китайского общества как в силу непосредственного проникновения в страну буржуазной идеологии (опасность чего уже признается в Китае) и иностранного капитала, так и в силу перехода Китая на сторону империалистической реакции, фактического отказа от передовых идей современности, от марксизма-ленинизма.

* * *

Важным показателем общественного кризиса в Китае являются лихорадочные меры властей на идейно-политическом фронте. Коренная причина неудач послемаоцзедуновских лидеров в этой области кроется в отсутствии надежного фундамента в виде устойчивого, научно выверенного социально-экономического курса, в присущем маонизму разрыве между словом и делом, в данном случае — между наполненными социалистической фразеологией декларациями и многими конкретными мероприятиями, ставящими под угрозу уже и без того подорванные социалистические завоевания народа. В этом смысле показательна кампания по изучению принятого VI пленумом Решения. Оно рассматри-

¹⁶ «Хунци», 1982, № 6.

валось китайским руководством в качестве объединительной платформы для преодоления идейного разброда, царящего в партии и в обществе, как документ, «очень важный для унификации идеологии внутри партии»¹⁷. Однако внутренне противоречивое, извращающее правду Решение породило в партии и обществе новые дискуссии, серьезную борьбу мнений, в целом показавшую, что маоизм как идеология и основанные на нем резолюции — негодный инструмент сплочения.

Сразу после пленума развернувшаяся было чистая апологетика этого документа весьма скоро сменилась попытками дополнительно «разъяснить» содержащиеся в нем положения, затем появились материалы оправдательно-защитительного тона, а когда стало ясно, что приводимые «аргументы» не срабатывают, раздались директивные указания прекратить рассуждения и принимать все так, как оно есть.

Именно отсюда идут признания «неудовлетворительного» положения на идейном фронте, крайней неэффективности политической работы, «отсутствия коренного перелома» в настроениях и взглядах членов партии и беспартийных масс, прозвучавшие на проведенных в начале этого года всекитайских совещаниях по идейно-политической работе в армии, в промышленности и на транспорте, среди молодежи, на январском заседании Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины. Подобная обстановка вызвана тем, что помимо сохраняющегося «левого» влияния все больше дают себя знать другие настроения и разные проявления недовольства, названные в КНР «буржуазной либерализацией».

Многочисленные маоистские ошибки и искривления, особенно практика «культурной революции», привели к деформации идеи социализма, к извращению самого понятия и представления о социализме в сознании широких народных масс Китая, в первую очередь молодежи. Вместе с тем курс «четырёх модернизаций» был выдвинут без четкого политического и идеологического определения, без ясных классовых позиций и социальной ориентации, без утверждения руководящей роли компартии (пусть даже и трансформированной по-маоистски). Брошенные сторонниками Дэн Сяопина в пылу борьбы за власть аморфные призывы типа «раскрепощения сознания» и «практики как единственного критерия истины», по существу, создавали почву для возрождения и распространения нигилистических, ультраиндивидуалистских и откровенно антикоммунистических взглядов, мнений и концепций, для выступлений с неприкрыто буржуазных позиций, отрицающих возможность социалистической перспективы для Китая, негативистски оценивающих путь, пройденный КНР за три с лишним десятилетия в целом, а социалистические преобразования первого десятилетия — в особенности.

Этот процесс стимулировался форсированным «раскрытием страны» на Запад, некритическим, а то и просто в розовом свете освещением средствами массовой информации Китая экономического положения и условий жизни трудящихся в развитых капиталистических странах при очернении действительности в странах реального социализма.

Носители отмеченных выше настроений недовольны любыми шагами и заявлениями, которые хоть в какой-то степени препятствуют демонстражу основ социализма в Китае. Через такую призму смотрят они и на Решение, в котором формально провозглашается приверженность социализму и утверждается руководящая роль КПК.

Но, как показывают факты, руководство в Пекине тревожит активизация в КПК тех людей, которые критикуют маоизм с марксистско-ленинских или близких к марксизму-ленинизму позиций, считают «идею Мао Цзэдуна» «историческим идеализмом в сочетании с узким эмпи-

¹⁷ Выступление Дэн Сяопина на VI пленуме ЦК КПК 29 июня 1981 г.

ризмом», «мировоззрением мелких производителей в лице крестьянства», называют приверженцев взглядов Мао Цзэдуна «антинаучной, антидемократической, косной группировкой, которая под вывеской марксизма берет за основу крестьянский социализм и феодализм»¹⁸. Кампания изучения Решения вскрыла, что в партии есть «люди, которые выступали и выступают против идей Мао Цзэдуна», отрицая данную в Решении оценку его роли и места в истории КПК и КНР¹⁹. «Есть и такие товарищи, — отмечается в одном из материалов, — которые считают, что идеи Мао Цзэдуна были пригодны лишь для периода новодемократической революции и не могут быть применимы в условиях социалистического строительства»²⁰. Оспаривается тезис об успехах в развитии КНР как результате якобы исключительно проведения в жизнь маоистской линии и руководства Мао Цзэдуна.

Как ни странно, подобные взгляды также относят к проявлениям новых социально-политических течений так называемой «буржуазной либерализации», причем ясно дается понять, что именно они и представляют наибольшую опасность. В первую очередь и главным образом под маркой борьбы против «буржуазной либерализации» организуется давление на всех, наиболее последовательных критиков маоистской политики, недовольных пекинской верхушкой. Такой акцент отвечает интересам проимпериалистической группировки Дэн Сяопина, поскольку отвлекает внимание от разгона «вправо», взятого ею во внутренней и внешней политике.

По этим же соображениям, а также в связи с продолжающейся схваткой за власть Дэну и его сторонникам невыгодно и слишком сильное приглушение борьбы на «другом фронте» — против «левизны», хотя это в определенной мере мешает маскировать нерасторжимую связь между «идеями Мао Цзэдуна» и террористическо-репрессивной практикой маоизма времен «культурной революции». То и дело раздаются призывы сконцентрировать основные усилия на полном искоренении «остаточного влияния левизны»²¹.

С точки зрения расстановки сил (и соответственно фракционных противоречий) развертывание тотального наступления на «буржуазную либерализацию» сдерживается тем, что подпадаемые под это понятие взгляды высказывают прежде всего представители наиболее грамотной части населения, без привлечения которых невозможна модернизация страны. При сохранении «левацкой» оппозиции такое наступление на «буржуазную либерализацию» объективно может способствовать усилению позиций критиков нынешнего курса «слева». В этих условиях призывы сверху активизировать идейно-политическую работу дают чрезвычайно слабую отдачу, нередко наталкиваются на открытый саботаж. Наученные горьким опытом «культурной революции» и других пролабораторных кампаний «идеологической борьбы», кадровые работники воспринимают такие призывы как прелюдию к чисткам. Их пассивность вызвана также сохраняющейся неясностью борьбы в высшем руководстве, нежеланием связывать себя с неустоявшейся политической линией.

Стремясь взять под контроль формирование общественного сознания, китайское руководство несколько запоздало выдвинуло задачу создания «социалистической духовной цивилизации» как неотъемлемой части модернизации страны. Каково реальное наполнение этого тезиса — пока далеко не ясно. Ясно лишь, что, вернувшись к возвеличиванию Мао, снова навязывая стране маоизм, пекинские лидеры опять возрождают многие из прежних установок Мао, еще недавно осуждавшихся как

¹⁸ «Синьхуа жибао», 16.IX.1981.

¹⁹ См. там же; «Цзефан жибао», 18.IX.1981.

²⁰ «Синь шицзе», 1981, № 9.

²¹ «Хунци», 1982, № 1, 3.

проявление «левацкой линии»: проповедь «учиться духу Дацина»²², принцип «политика — командная сила»²³, призывы к «учебе у Лэй Фэна» и т. д. Появились сообщения о специально изданном указании ЦК КПК начать с 1982 г. «широкое изучение произведений Мао Цзэдуна всеми кадрами»²⁴. Восхваляется пресловутый «чжэнфэн» — маоистское политическое средство искоренения инакомыслящих.

Каких-либо других зримых контуров «социалистической духовной цивилизации» Пекин не дает. Китайскому обществу снова навязываются отвергнутые им и изжившие себя маоистские установки. Негативное отношение к реальному социализму не позволяет использовать достижения социалистических стран в качестве примеров и образцов. Гипертрофия национальной специфики, искусственное отгораживание от социалистических стран лишают аргументированности ряд объективно верных тезисов, предлагаемых для поднятия идейно-политической работы.

* * *

«Опыт социально-экономического развития КНР за два последних десятилетия, — говорилось на XXVI съезде КПСС, — тяжелый урок, показывающий, к чему ведет извращение принципов социализма, его сути как во внутренней, так и в международной политике»²⁵. Нынешняя обстановка в Китае вновь убедительно подтверждает справедливость этого вывода.

Как подчеркивал Л. И. Брежнев, выступая в Ташкенте, 24 марта с. г., «мы не отрицали и не отрицаем наличия в Китае социалистического общественного строя. Хотя смычка Пекина с политикой империализма на мировой арене противоречит, конечно, интересам социализма».

Действительно, на протяжении уже почти четверти века, нарушая общие закономерности социализма и социалистического строительства, втягивая страну на орбиту националистической эволюции, руководящие круги Китая пришли к курсу, нынешний этап которого характеризуется «партнерством» с империализмом, в стремлении сколотить антисоветский, антисоциалистический «фронт» из мировой реакции и любых ее попутчиков, подвести материальную базу под политику гегемонизма.

Толкая дальше страну по пути великодержавия и гегемонизма, китайские руководители действуют вопреки урокам истории и не устраняют корней и причин общественного кризиса в Китае. Не размыкается тот кризисный цикл, порочный круг, когда нерешенность актуальных проблем развития Китая стимулирует острую борьбу в руководстве, а внутриполитическая борьба препятствует разработке эффективных путей и средств устранения трудностей, обеспечения прогресса страны, воплощения чаяний ее народа.

Исторический опыт показал, что действительно эффективным и единственно отвечающим чаяниям и интересам народа является тот путь развития Китая, который основан на научном социализме, на марксистско-ленинском учении.

²² «Жэньминь жибао», 26.XII.1981.

²³ Там же, 14.I.1982.

²⁴ «Фэньдоу», 1982, № 1.

²⁵ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад ЦК КПСС XXVI съезду КПСС, с. 14.

Западная Европа в стратегии Пекина

А. Г. Ларин

На рубеже 70—80-х годов главным внешнеполитическим партнером Пекина стал Вашингтон, положивший в основу своих глобальных стратегических замыслов безудержный антисоветизм. Но и в этих условиях интерес китайских лидеров к Западной Европе не снизился. Наоборот, пытаясь навязать миру свой план сколачивания «структуры совместного сопротивления Советскому Союзу», они отводят в ней западноевропейским державам исключительно важное место. Вновь и вновь китайские руководители повторяют, что «Европа, США, Япония, Китай и третий мир должны объединиться» против СССР¹.

Настойчивость, с которой Пекин стремится втянуть капиталистическую Европу в проектируемый им альянс, объясняется прежде всего тем, что именно с Европейским континентом он связывает свою основную стратегическую задачу — углубление взаимоотношающей конфронтации двух противоположных мировых систем, провоцирование их на крупномасштабное столкновение. Эта задача определяет сущность западноевропейской политики КНР уже на протяжении многих лет. Однако в настоящее время ряд обстоятельств побуждает китайских лидеров прилагать новые усилия, чтобы подтолкнуть ход событий в регионе в выгодном для себя направлении. Во-первых, их подбадривает ухудшение политического климата в Европе, вызванное намерением империалистических держав сломать равновесие сил, добиться превосходства над социалистическим содружеством и получить таким образом возможность диктовать ему свои условия. Во-вторых, перейдя к политике агрессии против социалистических стран Индокитая, руководство КНР рассчитывает на возрастание напряженности у западных границ социалистического содружества как на фактор, который мог бы ослабить сотрудничество СССР, других братских социалистических стран с Вьетнамом, Кампучией и Лаосом. В-третьих, пекинские лидеры убеждаются, что кризисы, возникающие в Азии или Африке, на «периферии» борьбы двух мировых систем, хотя и ведут к дестабилизации мировой обстановки, однако не перерастают в конфликт глобальных размеров, который остается в планах Пекина «закрепленным» за Европой. Не случайно в КНР считают нужным подчеркивать, что появление новых «горячих точек» на земном шаре отнюдь не умаляет значения Европы как «центра тяжести схватки сверхдержав за мировую гегемонию»².

В попытках подорвать европейскую безопасность китайское руководство делает ставку в первую очередь на США, чья стратегия в европейском регионе в высшей степени отвечает его интересам. Смыкание с Вашингтоном, пособничество американскому империализму, навязыв-

¹ «Жэньминь жибао», 6.X.1981.

² «Шинцзе чжэши», 1981, № 10, с. 2.

вающему свой диктат союзникам по НАТО, стало отличительной чертой западноевропейской политики Пекина.

В блокировании КНР и США важную роль играет поддержка Пекином попыток США разместить новое американское ракетно-ядерное оружие на территории европейских членов Североатлантического пакта. Китайское руководство с ликованием встретило в свое время решение НАТО о размещении в Западной Европе американских ракет³ и призывало к его реализации. В унисон с Вашингтоном оно развернуло кампанию против «умиротворенчества» — так Пекин называл все те явления в политической жизни Западной Европы, которые препятствуют раскручиванию нового витка гонки вооружений. К ним отнесены и массовые протесты против ядерного «довооружения», и колебания, и сомнения некоторых западноевропейских правительств относительно новых ракетных систем. Так, намерение правительства Нидерландов отложить окончательное решение об установке этих систем на своей территории было охарактеризовано Пекином как «голландская болезнь», наносящая ущерб «обороне Западной Европы»⁴.

Безусловно, в подобных случаях Пекин выступает с общих позиций не только с США, но и с влиятельными силами в самой Западной Европе, следующими в фарватере Вашингтона. Однако блокирование руководства КНР с Соединенными Штатами простирается особенно далеко, и при возникновении расхождений между союзниками США Пекин неизменно подыгрывает более жесткой линии Вашингтона. Так, в обеих столицах подвергли критике стремление западноевропейских стран продолжать контакты с СССР на высшем уровне, с раздражением прореагировали на встречи Л. И. Брежнева с французским президентом Жискара д'Эстэном и канцлером ФРГ Г. Шмидтом в 1980 г., а также на поездку Л. И. Брежнева в Западную Германию в 1981 г. Китайские руководители одобрительно отнеслись к попыткам США уклониться от переговоров с СССР о ядерных средствах средней дальности, а также к требованию Вашингтона, чтобы европейские капиталистические страны свернули экономическое сотрудничество с СССР.

Особое удовлетворение вызывают у китайского руководства заявления представителей вашингтонской администрации относительно возможного использования Европы как театра «ограниченной» ядерной войны — обмена «тактическими» ядерными ударами. Правящие круги США рассматривают «локальный» ядерный конфликт как способ расчистить путь к мировой гегемонии. Нарастание авантюризма в стратегии Белого дома оживляет надежды Пекина на возникновение мировой ядерной катастрофы, после которой Китай дескать стал бы сильнейшим государством на земле. Не случайно китайские руководители, несмотря на свое показное «миролюбие», никак не могут расстаться с тезисом о неизбежности новой мировой войны. Так, Дэн Сяопин в беседе с итальянской журналисткой Фаллачи прямо утверждал, что «третья мировая война разразится из-за Европы», причем не позже 80-х годов⁵.

Делая ставку на такое развитие событий, пекинские лидеры опасаются, как бы в результате активной миролюбивой политики СССР, всего социалистического содружества в Западной Европе не восторжествовал дух политического реализма. Они пытаются воспрепятствовать этому, распространяя вымыслы о «советской угрозе», извращая намерения социалистических стран, смысл выдвинутой XXVI съездом КПСС Программы мира на 80-е годы. Китайское руководство охаивает, например, многочисленные инициативы Советского правительства, направленные на снижение уровня военной конфронтации в Европе.

³ См.: «Жэньминь жибао», 14.XII.1979.

⁴ Там же, 15.VIII.1981.

⁵ In: "Corriere della Sera", 29.VIII.1980.

Безоговорочной поддержкой китайского руководства пользуется все, что способствует наращиванию военной мощи капиталистической Европы и консолидации ее сил, попыткам Запада обеспечить себе превосходство над социалистическим содружеством. В Пекине с одобрением воспринимают разнообразные военные приготовления западноевропейских стран — от увеличения военных бюджетов до участия в небывалых по масштабам натовских маневрах, пополнение состава Североатлантического пакта новыми участниками (в связи с вопросом о вступлении в него Испании), планы перевода европейской интеграции на военно-политические рельсы⁶. Во время встреч с представителями европейских капиталистических государств китайские деятели неизменно подчеркивают свою заинтересованность в создании «единой и сильной» Западной Европы, противостоящей Советскому Союзу. Об этом было, например, заявлено посетившей Китай в конце 1981 г. делегации «европарламента»⁷.

Стремление пекинских лидеров использовать Западную Европу как ударную силу против социалистического содружества отчетливо проявилось и в связи с протестами контрреволюционных сил в Польской Народной Республике. Китайское руководство фактически присоединилось к натовским странам, подхватив их «протесты» против действий польского правительства, направленных на нормализацию жизни в стране, «предостережения» и угрозы в адрес СССР. Однако наиболее близкой его интересам оказалась линия Вашингтона, поскольку тот, не ограничиваясь психологическим нажимом, пошел на применение «санкций» против Советского Союза и Польши и применил тактику «выкручивания рук», добиваясь того же от своих западноевропейских союзников.

Китайское руководство назойливо рекомендует влиятельным кругам капиталистической Европы вести диалог с СССР «с позиции силы», но с еще большей охотой подключается к США в их попытках сузить или вовсе сорвать этот диалог, навязать западноевропейским странам линию крайней вражды к СССР, вернуть Европу к временам «холодной войны».

Важным средством подрыва разрядки китайские руководители считают как можно более глубокое втягивание европейских капиталистических стран в международные кризисы, спровоцированные реакцией в различных регионах мира, особенно на Среднем Востоке и в Индокитае. Пекинские лидеры опасаются, как бы в Западной Европе в конце концов не признали необратимость прогрессивных перемен, происшедших в Афганистане и Кампучии, и считают тревожным признаком отказ европейских капиталистических государств присоединиться к запретам и ограничениям американского правительства на торгово-экономические и другие связи с СССР в «наказание» за его помощь Афганистану, требуют от западноевропейских стран «поддержки народов» Афганистана и Кампучии, то есть контрреволюционных сил, вышвырнутых с территории этих стран. В беседе с английским министром иностранных дел Каррингтоном Дэн Сяопин, например, заявил, что ни события в Польше, ни какие-либо другие кризисы «не должны заслонять Афганистан и Кампучию»⁸. Китайская печать постоянно упрекает Западную Европу в том, что она будто бы не хочет подняться выше своих «частных интересов», чем невыгодно отличается от Соединенных Штатов, обладающих якобы глобальным кругозором⁹.

В наибольшей степени в этом смысле отвечает интересам Пекина позиция Великобритании, которая при консервативном правительстве

⁶ См.: «Жэньминь жибао», 6.X.1981.

⁷ См. там же, 2.IX.1981.

⁸ Там же, 4.IV.1981.

⁹ См.: «Шинзе чжиши», 1981, № 1, с. 4.

М. Тэтчер заметно расширила свою деятельность в Азии. В 1981 г. Каррингтон, побывав в лагерях афганских мятежников в Пакистане, вслед за тем посетил КНР. Демонстрируя единство позиций с Пекином, поставляющим оружие Исламабаду и афганским бандитам, он заявил, что «Англия и другие западноевропейские страны обязаны обеспечить независимость Пакистана», и недвусмысленно призвал к наращиванию сил кхмерской реакции¹⁰.

Несколько по-иному строится политика Китая в отношении ближневосточной проблемы, хотя и здесь явственно прослеживается его намерение использовать остроту ситуации для нагнетания антисоветизма в европейских капиталистических странах. В данном случае на первый план выдвигается содействие сохранению и укреплению позиций империализма в кризисном районе. Рассчитывая и в этом отношении прежде всего на Соединенные Штаты, Пекин не может оставить без внимания линию западноевропейских государств, их попытки выступить от имени ЕЭС со своей программой урегулирования кризиса, несколько отличной от американской. Смысл занятой странами Западной Европы позиции состоит в укреплении собственных связей с нефтедобывающими странами Ближнего Востока, а также в стремлении сделать политику Запада в целом более эффективной в условиях «пробуксовывания» кэмп-дэвидского курса и довольно ощутимых антиамериканских настроений в регионе.

Эти цели не противоречат интересам китайского руководства. Вместе с тем оно опасается, как бы расхождение между Западной Европой и Вашингтоном не ослабили влияние империализма на Ближнем Востоке. С точки зрения пекинских лидеров, империалистические державы должны действовать более согласованно. Практически это означает, что западноевропейские страны должны поддерживать курс Вашингтонской администрации, кое в чем, может быть, подправляя его, дополняя своими действиями. Поэтому «Жэньминь жибао», комментируя западноевропейский проект, одобряла стремление стран ЕЭС выступать на Ближнем Востоке «в качестве самостоятельной силы в международной политической жизни», но одновременно призывала страны Западной Европы «учесть трудности, с которыми сталкиваются США», а их в свою очередь — признать, что «Общий рынок» может «сыграть связующую и дополняющую роль»¹¹.

Такой подход вообще характерен для отношения Китая к «европейской» вершине в «треугольнике» Западная Европа — США — развивающиеся страны. Пекин поощряет расширение политических, экономических и военных связей капиталистической Европы с развивающимися государствами, изображая это как «сплочение» в борьбе против «гегемонизма». Однако при этом он постоянно подчеркивает, что европейские капиталистические страны не должны действовать вразрез с Соединенными Штатами.

Проамериканскую окраску имеет линия пекинских лидеров и в отношении военных усилий империализма в зоне развивающихся стран: Пекин побуждает Западную Европу к максимально широкой поддержке военных приготовлений США. Наибольшим одобрением лидеров КНР в этом плане пользуется опять-таки политика Великобритании, предоставившей Вашингтону возможность создать крупнейшую стратегическую базу на острове Диего-Гарсия и активно содействующей сколачиванию «сил быстрого развертывания».

Итак, политика Пекина в отношении западноевропейских капиталистических стран во всех ее региональных аспектах несет на себе отпечаток его тесного партнерства с США как главной силой, выступающей

¹⁰ См.: «Жэньминь жибао», 4.IV.1981.

¹¹ Там же, 17.II.1981.

против разрядки. Это обстоятельство явственно отражается на его общем концептуальном подходе к взаимоотношениям между капиталистической Европой и Соединенными Штатами. Если прежде китайские руководители охотно поддерживали претензии европейских стран на «равноправное партнерство» с США, то теперь они предпочитают, чтобы между теми и другими «расширилась сфера взаимопонимания», возросло «стремление к консультациям и сотрудничеству»¹², рисуя все это как якобы необходимую и оправданную реакцию на пресловутую «советскую угрозу».

При посредстве Соединенных Штатов руководство КНР стремится втянуть капиталистические государства Европы в нарастающую конфронтацию с мировым социализмом по всему земному шару — как на самом Европейском континенте (что для Пекина особенно важно), так и за его пределами. Китайские лидеры рассчитывают, что конфронтация окажется особенно эффективной с точки зрения их интересов, если капиталистическая Европа станет одним из звеньев международной «структуры противодействия» Советскому Союзу. Рассматривая как наиболее реальный костяк «структуры» свое военно-политическое сотрудничество с Вашингтоном и возглавляемым им Североатлантическим пактом, пекинские лидеры надеются в будущем наладить «стратегические связи» и с самой Западной Европой. Ясные намеки на это уже делаются в китайской пропаганде¹³.

Одним из основных видов участия Западной Европы в этом альянсе и предпосылкой к установлению непосредственного военно-политического сотрудничества с нею должно быть, как рассчитывают в Пекине, предоставление ею Китаю современной техники, технологии и научно-технических знаний, в том числе в военной области, без чего невозможна реализация амбициозных планов превращения КНР в «сверхдержаву». Даже при налаживании и расширении экономических и военных связей с США Китай нуждается в западноевропейских странах, чтобы иметь как можно более широкий круг партнеров и не зависеть всецело от Вашингтона.

Кроме того, склоняя эти страны к военному сотрудничеству, пекинское руководство преследует и политическую цель: оно хочет таким путем вызвать ухудшение их взаимоотношений с социалистическими государствами. Западные наблюдатели давно уже отмечали, что Китай «приветствовал бы» подобное развитие событий как «вознаграждение за свои закупки оружия»¹⁴.

Со своей стороны европейские империалистические круги стремятся содействовать развитию Китая и по политическим, и по коммерческим соображениям. Во-первых, их интересам отвечает усиление страны, враждебной Советскому Союзу и расположенной у его восточных границ. Не случайно некоторые влиятельные западноевропейские политические деятели заявляют о своем желании видеть Китай «сильным». Во-вторых, открывая Пекину доступ к своему экономическому и научно-техническому потенциалу, они надеются привязать КНР к мировому капиталистическому рынку и этим способствовать закреплению ее на проимпериалистических, антисоветских позициях.

К настоящему времени Западная Европа утвердилась в качестве одного из крупнейших экономических партнеров Китая. Развитие торгово-экономических отношений сторон поставлено на долгосрочную договорно-правовую основу в виде целой серии двусторонних договоров и соглашений об экономическом сотрудничестве, торгового соглашения с ЕЭС (1978), а также документов, обеспечивающих Китаю крупные кре-

¹² «Жэньминь жибао», 12.III.1981.

¹³ См.: «Шицзе чжиши», 1981, № 10, с. 5.

¹⁴ «New Statesman», 23.VIII.1978.

днты, в значительной части — под правительственные гарантии. Европейский капитал участвует в крупных смешанных проектах, касающихся поиска и добычи в Китае топливно-энергетического и промышленного сырья, в первую очередь нефти. Так, соглашение КНР с итальянской компанией ЭНИ (1979), названное «делкой века», предусматривает участие Италии в разведке нефти на китайской территории, а также поставку Китаю оборудования для добычи, переработки и транспортировки топлива. Контракты с французскими компаниями СНЕА и «Тоталь» (1980) обеспечивают совместную разведку и эксплуатацию месторождений нефти на двух обширных участках, площадью до 10 тыс. кв. км каждый, в Бохайском и Тонкинском заливах.

Европейские монополистические круги, стремясь закрепиться на китайском рынке в условиях конкуренции со стороны Японии и Соединенных Штатов, идут на предоставление Китаю разного рода экономических льгот и привилегий (то же самое делают и США). ЕЭС и некоторые не входящие в него страны (Швеция, Испания, Австрия, Норвегия) предоставили ему режим наибольшего благоприятствования; ФРГ, Франция и другие государства в вопросе о льготах стали в ряде случаев подходить к КНР как к развивающейся стране. Были повышены квоты на импорт в «Общий рынок» китайского текстиля, обсуждался вопрос о том, чтобы распространить на Китай преференции, которыми пользуются развивающиеся страны в торговле с ЕЭС (благо Китай объявил себя не просто «социалистической», но и «развивающейся» страной). В 1980 г. Организация экономического и социального развития (ОЭСР) признала за КНР статус развивающегося государства.

Заинтересованность капиталистической Европы в экономическом партнерстве с Пекином и в наращивании его военной мощи позволяет ему рассчитывать в перспективе на получение широкого доступа к европейским арсеналам НАТО. Уже сейчас сделано многое: после 1977 г., когда китайское руководство выдвинуло далеко идущие планы военной модернизации страны, оно подробно ознакомилось с европейскими рынками современного военного снаряжения, установило прочные контакты с представителями военно-промышленных концернов, а также с правительственными органами, ведающими экспортом оружия.

В сфере внимания Пекина оказались английские истребители «Харrier» и французские «Мираж», английские танки «Чифтен» и западногерманские «Леопард», зенитные и противотанковые ракеты французского производства, западногерманские подводные лодки, итальянские торпедные катера, английские артиллерийские орудия, а также подводные лодки, военно-транспортные самолеты, современные электронные системы обнаружения целей и наведения огня и т. п. По данным западной прессы, список военных товаров, интересующих Китай, насчитывает до 5 тыс. наименований.

Большое значение придаст пекинское руководство приобретению техники и научно-технических сведений «двойного назначения», то есть имеющих применение не только в народном хозяйстве, но и в военном деле. Сотрудничество такого рода охватывает электронную, ядерную, авиационно-космическую и другие области, имеющие первостепенное военно-стратегическое значение. Какие задачи ставит при этом перед собой китайское руководство, видно хотя бы из следующего факта. При подписании в ноябре 1979 г. пятилетнего экономического соглашения с Бельгией, касавшегося, в частности, вопросов обогащения урана и обработки ядерных отходов, заместитель премьера Госсовета Фан И заявил: «Китай не заинтересован в соглашении, если в нем будет условие не использовать бельгийскую технологию в военных целях».

Оживленный характер приняло сотрудничество Пекина с Западной Европой в области авиа- и ракетостроения. По английской лицензии в Китае во второй половине 70-х годов началось строительство завода по

производству реактивных авиадвигателей. В 1980 г. было подписано соглашение с Францией о строительстве предприятия для выпуска вертолетов. Ознакомление с ракетой «Ариан» западноевропейского производства существенно помогло китайским инженерам в создании собственных систем для запуска спутников.

По мере сближения с Западом Пекин стал все отчетливее проявлять стремление расширить формы военного сотрудничества с европейскими империалистическими кругами. С конца 70-х годов китайские делегации неоднократно посещали сухопутные, военно-воздушные и военно-морские учебные заведения в Англии и других западноевропейских странах. Учитывая этот интерес, английский министр обороны Ф. Пим во время пребывания в КНР в 1980 г. предложил услуги британских ВВС для подготовки китайских пилотов. Анализ многочисленных фактов такого рода показывает, что руководство НОАК стремится с помощью Запада постепенно перестроить на современный лад всю систему подготовки военных кадров.

Более того, Пекин явно пытается, установив доверительные отношения с милитаристскими кругами капиталистической Европы, организовать обмен информацией с ними, воспользоваться их консультациями для выработки военных доктрин, наконец, подготовить почву для координации стратегических планов. Показательно, что начальник генерального штаба НОАК Ян Дэжи, посетивший в 1981 г. ряд западноевропейских стран, обсуждал там вопросы «политики в области обороны».

Попытки лидеров КНР наладить военные связи с Западной Европой во многом отвечают интересам ее наиболее агрессивных кругов, поскольку открывают для них возможность вести политическую игру: предпринимая те или иные шаги навстречу Пекину, оказывать тем самым давление на Советский Союз. Достаточно упомянуть, например, о решении пресловутого КОКОМ исключить Китай из списка социалистических стран, в которые запрещен экспорт оружия, и отменить запрет на продажу ему как оборонительных, так и наступательных средств (кроме ядерных) ¹⁵.

Тем не менее правящие круги капиталистической Европы по-разному представляют, как и в какой степени следует содействовать Китаю в наращивании его военной силы, стоит ли предоставлять ему военную технику или лучше ограничиться экономической помощью. Рьяными поборниками прямого участия в переоснащении китайской армии выступили правые политические партии, тесно связанные с военно-промышленным бизнесом, — такие, как западногерманские ХДС и ХСС, британские консерваторы. Правительство тори вскоре после своего прихода к власти (1979) сняло ограничения на продажу Китаю военной техники и заявило о своей готовности поставлять ему боевые самолеты, ракеты, оборудование для эсминцев ¹⁶.

Более осмотрительную позицию заняли Италия и особенно Франция, президент которой Ф. Миттеран заявил, что его страна будет «крайне осторожной» в решении вопроса о поставках оружия в КНР. В связи со своей поездкой в Китай (которую он совершил еще не будучи избранным на пост президента) Миттеран подчеркнул: «Франции не следует вооружать Китай. Она не должна вмешиваться в то, что может приблизить войну» ¹⁷. Высказались против такого вида сотрудничества с Китаем правящая коалиция СДПГ — СВДП в ФРГ и некоторые другие партии, поддерживаемые широкими кругами общественности. Г. Шмидт подчеркнул в одном из своих выступлений: «Федеративная Республика Германии не будет поставлять Китаю никакого оружия, как

¹⁵ In: "Mainichi", 13.XI.1980.

¹⁶ In: "Daily Telegraph", 25.III.1980.

¹⁷ "Monde", 16.II.1981.

это делают некоторые другие»¹⁸. В целом же Западная Европа (за исключением Англии) проявляет определенную сдержанность в том, что касается продажи Пекину военных товаров, заметно отличаясь в этом от Соединенных Штатов.

Следует отметить, что по целому ряду международных проблем между позициями Китая и капиталистической Европы прослеживаются расхождения, дают о себе знать факторы, препятствующие сближению сторон, тормозящие их блокирование.

Основной, наиболее важный из этих факторов — сложившееся соотношение сил на международной арене, настойчивая борьба социалистического содружества во главе с СССР за упрочение мира и безопасности на континенте. Позитивные результаты, достигнутые в деле оздоровления политического климата в Европе, убедительно показали, что разрядка может быть достигнута, что она является реальной альтернативой «холодной войне», сползающей к войне в полном смысле этого слова. В таких условиях глубокое несоответствие политики Пекина интересам западноевропейских государств приобрело отчетливый характер, что и обусловило неэффективность, пробуксовывание маоистской дипломатии.

Западноевропейские государства, при всей неоднозначности и противоречивости их курса, не могут не быть заинтересованы в сохранении мира, а следовательно, и в диалоге с социалистическим содружеством. Даже переходя к «силовой» тактике, они не хотят полностью отказываться от позитивных результатов, накопленных ранее, в годы успешно-го развития разрядки.

Что же касается китайских лидеров, то их не устраивает даже наиболее жесткий вариант политики, к которому пытаются прибегнуть влиятельные круги в Западной Европе в отношении Советского Союза. Пекинское руководство ставит своей целью срыв всякого диалога между Западом и Востоком Европы, доведение конфронтации между ними до крайних форм.

Это различие во взглядах отчетливо проявляется в ходе встреч китайских лидеров со многими западноевропейскими руководителями. «Мы не верим в неизбежное возникновение войны», — заявил, например, во время своего пребывания в КНР премьер-министр Швеции Т. Фельдтин¹⁹. О заинтересованности Бонна в разрядке и сотрудничестве со странами Восточной Европы, а также в проведении конференции по сокращению вооружений в Европе заявил, находясь в Пекине в 1981 г., министр иностранных дел ФРГ Г. Геншер.

Но разногласия на этом не заканчиваются. Правящие круги капиталистической Европы не просто уклоняются от роли, которую навязывает им Пекин. Они сами не прочь переложить наибольшую тяжесть борьбы против социалистического содружества на плечи своего китайского партнера. А это вызывает с его стороны громкие протесты, обвинения в адрес «умиротворителей агрессора» в том, что они хотят «вернуть зло на Восток». Критика попыток «направить зло на Восток» нашла отражение даже в документах X и XI съездов КПК, что явно свидетельствует о серьезности отмеченного противоречия.

В Западной Европе с известной осторожностью относятся к идее альянса с Китаем. Правда, попытки «разыграть китайскую карту» — оказать нажим на СССР, пойдя на политическое и военное сближение с КНР или даже просто пригрозив возможностью такого сближения, — представляются определенным кругам весьма соблазнительными. Однако в целом действия Пекина в этом направлении не вызывают в капиталистической Европе ожидаемого им отклика. Реалистично настроенные

¹⁸ Цит. по: «Известия», 13.1.1979.

¹⁹ Цит. по: «Жэньминь жибао», 8.IV.1981.

западноевропейские деятели не хотят ставить под удар отношения со своими восточными соседями. Французский президент Ф. Миттеран подчеркнул: «Неправильно до бесконечности делать ставку на перспективу противостояния» СССР и КНР²⁰.

Оценивая плюсы и минусы предполагаемого альянса с Китаем, руководители европейских капиталистических стран не могут не принимать во внимание авантюризм пекинских лидеров, их настойчивое стремление подорвать международную стабильность, втянуть своих западных партнеров в военное столкновение с социалистическими странами. Такого рода соображения повлияли в свое время на отношение стран Западной Европы к нападению Китая на Вьетнам. Правда, европейские капиталистические государства отказались объявить Китай агрессором, надеясь использовать его действия как средство нажима на социалистическое содружество. Однако понимая, к каким опасным последствиям может привести эта авантюра, они вынуждены были в большинстве своем высказаться за вывод китайских войск с территории СРВ.

Определенные расхождения между интересами китайского руководства и европейских капиталистических стран существуют и в отношении Кампучии. Хотя правящие круги капиталистической Европы действуют параллельно с Китаем, пытаясь заставить Вьетнам перестать оказывать НРК необходимую ей помощь, перспектива повторного превращения Кампучии в сателлита Пекина явно не соответствует их планам. Они отдают себе отчет в том, что экспансионистские притязания Пекина отнюдь не замыкаются на социалистических странах Индокитая и в будущем могут затронуть позиции империалистических держав в ЮВА. Поэтому западноевропейские державы пытаются противопоставить планам Китая идею «нейтрализации» Кампучии, некоторые из них, к неудовольствию Пекина, разорвали отношения с кликой Пол Пота, пошли на развитие экономических связей с Вьетнамом.

Опасения Западной Европы, вызываемые гегемонистской, провокационной политикой Пекина, усиливаются по мере его сближения с Вашингтоном, откровенно нацеленного на обострение мировой обстановки. В Западной Европе многие понимают: этот альянс таит в себе угрозу создания таких конфликтных ситуаций, в которые может оказаться вовлеченной и сама Западная Европа. Не случайно еще в 1979 г. в связи с установлением дипломатических отношений между КНР и США ряд западноевропейских политических лидеров выразили тревогу по поводу последствий, к которым может привести формирование альянса этих стран. «Союз между США и Китаем, направленный против Советского Союза, был бы очень скверным делом», — заявил, например, председатель фракции СДПГ в бундестаге Г. Вернер²¹.

Бесспорно, такая позиция выражала интересы многих западноевропейских стран, как ведущих, так и малых. Присоединяясь к ней, австрийский канцлер Б. Крайский отверг пекинскую идею антисоветского «единого фронта» и заявил, что США «должны уйти от всего этого». Европа, подчеркнул он, «нуждается в политике разрядки. Я не хочу крестового похода, не хочу холодной войны»²².

К рассмотренным выше мотивам, побуждающим правящие круги капиталистической Европы к сдержанности в отношениях с Китаем, добавляются важные обстоятельства, ограничивающие активность самого пекинского руководства; в частности, скудость его реальных финансовых возможностей. Экономическая отсталость Пекина серьезнейшим образом повлияла на развитие его экономических отношений с Западом. Пекин вынужден был свернуть переговоры о закупке военного снаряже-

²⁰ "Monde", 16.II.1981.

²¹ "Neue Ruhr-Zeitung", 1.II.1979.

²² "Kleine Zeitung", 7.II.1979.

ния, отказавшись, например, от приобретения английских истребителей «Харриер», которых он домогался в течение многих лет и которые Англия в 1979 г. согласилась поставить ему. Свой отказ китайские представители мотивировали необходимостью «пересмотреть очередность расходования своих средств»²³.

Не удалось и попытки наладить в обозримые сроки собственное производство современной продукции военного назначения по западным лицензиям. Китай так и не смог приступить, например, к серийному производству реактивных авиадвигателей, предусмотренному соглашением 1975 г. с фирмой «Роллс-Ройс».

В «гражданских» областях сотрудничества отрицательное воздействие внутрикитайских экономических факторов проявилось еще более выпукло, чем в военных сделках. Заключив в 1977—1978 гг. большое число контрактов с западноевропейскими фирмами, Китай уже с начала 1979 г. стал отказываться от сделок, затягивать переговоры, выдвигать заведомо неприемлемые условия. Так, был аннулирован заказ на изготовление стана холодной прокатки в Баошани стоимостью 500 млн. марок, который должна была выполнять международная группа компаний во главе с западногерманской «Шлеман — Демаг». Такая же участь постигла контракты с фирмами ФРГ и Англии на строительство нефтехимических предприятий. Отсрочен контракт с голландским консорциумом «Порт энд Дельта», специально созданным для реализации проекта портового и гидротехнического строительства в КНР, объемом около 2 млрд. долл. По некоторым подсчетам, убытки только западногерманских и английских фирм превысили миллиард долларов.

Хотя отсрочки и отказы от ранее заключенных сделок затронули ряды с Западной Европой и других партнеров Китая, ее торговля с КНР пострадала в наибольшей степени. В 1980 г. при общем росте китайского внешнеторгового оборота по сравнению с 1979 г. (на 23,6 %) и значительном увеличении торговли с США (на 46 %) и Японией (на 32 %) торговля с ЕЭС осталась фактически на прежнем уровне — около 5 млрд. долл. Не было заключено ни одного крупного контракта. Ухудшился баланс «Общего рынка» в торговле с Китаем за счет сокращения (более чем на 20 %) китайского импорта. Совершенно очевидно, что Пекин отдает предпочтение Соединенным Штатам и Японии, руководствуясь как коммерческими мотивами, так и политической значимостью для него этих партнеров.

В то же время пекинские лидеры явно не хотят, чтобы в Западной Европе утратили интерес к китайскому рынку, и убеждают своих партнеров, что спад в торговле носит «временный характер»²⁴, что они не собираются отказываться от внешнеэкономического курса «открытых дверей».

Итак, отношения Китая с европейскими капиталистическими странами представляют собой сложный механизм. Его настойчивые попытки превратить Западную Европу в одно из звеньев глобальной «структуры сопротивления» Советскому Союзу наталкиваются на серьезные препятствия политического и экономического характера, ибо явно противоречат ее интересам. Тем не менее было бы ошибкой забывать, что поджигательская политика Пекина смыкается с жестким «силовым» курсом Вашингтона и с позицией наиболее экстремистских кругов Западной Европы, и опасность ее для европейских стран возрастает, как никогда прежде.

²³ Ип: "Daily Telegraph", 28.III.1980.

²⁴ «Жэньминь жибао», 31.III.1981.

Внешняя политика Пекина в оценке индийских ученых

В. К. Гусаченко

Мир является свидетелем нарастания опасных тенденций во внешней политике китайских руководителей. Ее неотъемлемой составной частью предстают агрессивность, грубое вмешательство в дела других стран и народов, гегемонистские вождедения.

Неудивительно поэтому настороженность к внешнеполитическому курсу КНР в сопредельных с ней, как малых, так и больших, странах, включая и крупнейшее неприсоединившееся государство — Индию. В последнее время в Индии опубликован ряд исследований по внешней политике Китая, которые глубиной, доказательностью и выверенностью оценок не могут не привлечь внимания специалистов, а также широкого круга читателей, интересующихся международной проблематикой.

Добротный и квалифицированный анализ ряда кардинальных аспектов внешнеполитической стратегии Пекина содержится в монографии «Индия, Китай и Индокитай», автором которой является видный индийский специалист по международным отношениям профессор Т. Н. Кауль, занимавший в свое время посты государственного секретаря министерства иностранных дел, посла Индии в СССР, США, Англии, Иране и участвовавший в подготовке и обеспечении успешной деятельности серии крупных конференций и других форумов.

Работа Т. Н. Кауля начинается с рассмотрения истоков современных индийско-китайских связей, с того времени, когда в результате второй мировой войны и коренных преобразований в системе международных отношений два великих народа смогли встать на путь свободного развития. Первый премьер-министр независимой Индии Дж. Неру, как известно, искренне стремился к установлению с КНР отношений нового типа, основанных на принципах мирного сосуществования и добрососедства, в выработке которых он принимал непосредственное и самое живое участие. Такой подход отвечал чаяниям индийского и китайского народов. «Неру надеялся, что дружба между Индией и Китаем уберезит Азию от «холодной войны», принесет ослабление международной напряженности и уменьшит угрозу мировой войны»¹. Но, отмечается в книге, в Пекине на международные отношения смотрели под иным углом зрения, и именно в этом была первопричина грядущего конфликта между двумя странами.

Надо сказать, что Дж. Неру уже в начале 50-х годов отметил великодержавные экспансионистские тенденции во внешней политике КНР. Он предупреждал, что Пекин рассматривает Индию как основное пре-

¹ Т. Н. Kaul. India, China and Indochina (Reflections of a "Liberated" Diplomat). New Delhi, 1980, p. 5.

пятствие на пути к установлению своей гегемонии в Азии. К сожалению, его опасения подтвердились. В 1959 г. китайские войска совершили ряд вооруженных провокаций в районе китайско-индийской границы. В 1962 г. КНР развязала против Индии вооруженную агрессию в широких масштабах. В результате мир в Азии был серьезно поколеблен, а перед Индией встала сложная и долговременная внешнеполитическая проблема.

Размышляя о нынешнем состоянии индийско-китайских отношений, Т. Н. Кауль обращается к периоду начала 50-х годов, когда он был переведен на работу из Москвы в посольство Индии в Пекине. Естественным было решение посла Паииккара поручить вновь прибывшему дипломату поддерживать тесные связи с работниками представительства СССР в КНР, среди которых ему более всего запомнились посол Н. В. Рошин и советник Н. Т. Федоренко. Но особенно тепло Т. Н. Кауль пишет о своих частых встречах и тесной дружбе с молодым тогда сотрудником советского посольства М. С. Капицей, «блистательным и живым дипломатом, бегло говорившим по-английски и легко вступающим в контакт». Как бы полемизируя с нынешними утверждениями Пекина о «конъюнктурности» линии СССР на развитие добрососедских связей и сотрудничества с Индией, Кауль повествует о малоизвестном, но вдвойне примечательном в этом контексте историческом факте. «Я вспоминаю неофициальную беседу в 1951 г. с Капицей, — рассказывает автор, — когда мы по собственной инициативе обсуждали возможность заключения соглашения о взаимном сотрудничестве и ненападении между Индией и СССР. Мы посчитали, что это хорошая идея, и тем ограничились. Несколько недель спустя Капица сказал мне, что его посол хочет обсудить ее с моим. Я сообщил об этом своему послу, соответственно упомянув, что Капица и я неофициально уже обменивались мнениями на сей счет. Он согласился встретиться с Рошиным. Капица и я присутствовали на встрече. Рошин заявил, что его правительство готово рассмотреть идею такого пакта. Паниккар ответил, что он информирует об этом свое правительство»².

Однако, с сожалением констатирует Т. Н. Кауль, в Дели в тот период по ряду причин еще не были готовы пойти на заключение подобного договора. Реакция же Советского Союза «была примечательной. Она показала важность, — подчеркивает индийский ученый, — которую СССР придавал Индии еще в 1951 г. То, что такое соглашение было подписано в 1971 г., не вызывает поэтому удивления. Если бы оно было подписано в 1951—1952 гг., ход последующих событий был бы, возможно, иным, — заключает он. — В частности, Китай мог бы и не отважиться на широкую агрессию против Индии в 1962 г.»³.

В Пекине постепенно сбрасывали маску миролюбия, которую, считает автор, старательно носили в первой половине 50-х годов, и под знаменами шовинизма и гегемонизма приступили к крупномасштабному вмешательству в дела соседей, стали осложнять международную обстановку. «Для Мао цель оправдывала средства, и потеря миллионов человеческих жизней, даже жизней китайцев, являлась всего лишь незначительной и, вероятно, неизбежной платой за достижение желаемого. В 1954 г. Мао заявил Неру, что не боится атомной войны; если в ней погибнет 300 миллионов китайцев, сказал он, то еще столько же останется в живых... Мао был макнавелланцем. Его главное устремление заключалось в том, чтобы выдвинуть Китай на роль сверхдержавы, верховного властелина Азии... Мао... рассматривал Китай в качестве центра вселенной, Средней империи, вокруг которой вращается весь остальной мир...»

² Т. Н. Kaul. India, China and Indochina, p. 3—4.

³ Ibid., p. 4.

Подход Мао Цзэдуна к международным отношениям, пишет Т. Н. Кауль не был случайным, это было выражение его представлений о месте и роли Китая в мире ⁴.

Индия, Индонезия, Непал, Бутан и многие другие азиатские государства на себе испытали всю меру моральной деградации Пекина. Но нигде, пожалуй, падение правителей «Поднебесной» «не проявилось с такой поразительной наготой и в столь отвратительных формах, как в полном насилии конфликте между Китаем и Вьетнамом в феврале и марте 1979 г.», «Каким образом, — задает вопрос автор книги, — страна, клянувшаяся в верности ленинизму, марксизму, могла выступить с открытыми угрозами по адресу... Вьетнама, «наказать и прочить его»? Наказать за что? За дружбу с другой социалистической страной, Советским Союзом, за стремление отстоять свою независимость и не превратиться в вассала Китая...?» ⁵

Китайские войска, вторгшиеся на вьетнамскую землю, пишет Т. Н. Кауль, не просто осуществляли разбойничью акцию, но вели себя как отъявленные головорезы. Уже после объявления перемирия они «продолжали обстреливать и уничтожать все, что не могли прикарманить в ходе отступления, — мосты, электростанции, гидросистемы, школы, рынки, фабрики, ирригационные дамбы и т. д. Поскольку им не удалось взять в плен большое число вьетнамских военнослужащих, они забирали с собой молодых женщин, детей и стариков. Поведение китайских солдат по отношению к захваченным женщинам из гражданского населения было жестоким...». Некоторые эксперты, говорится в книге, трактуют моральное разложение китайских офицеров и солдат как логическое следствие «великой культурной революции», когда «сотни генералов и тысячи обученных кадровых военных были либо ликвидированы, либо смещены» ⁶. Как бы там ни было, сегодняшний Китай предстает перед международным сообществом в старых одеждах экспансионизма, гегемонизма и расизма. «Ничто другое не может объяснить безнравственную агрессию Китая против небольшого дружественного неприсоединившегося социалистического соседа — Вьетнама» ⁷.

Тревогу и возмущение, пишет Кауль, вызывает и политика Пекина в отношении другого индокитайского государства — Кампучии. Правда, наследники богдыханов и Мао не развязывали против нее открытую войну, но советники из КНР подстрекали Пол Пота, повторившего циничную формулу Мао и заявившего о том, что Кампучия должна стать «чистым листом бумаги, на котором мы заново напишем историю страны», на уничтожение своих сограждан. Рассчитывая превратить Пномпень в трамплин для дальнейшей экспансии в Индокитае, китайские лидеры решили испробовать в Кампучии метод колонизации, аналогию которому можно найти лишь в истории самой «Срединной империи», а также в анналах внешней политики горстки империалистических держав.

Их замысел был настолько же прост, насколько ужасен: имелось в виду «заменить» уничтоженных кампучийцев этническими китайцами и, таким образом, растворить эту страну в «ханьской семье» на манер Тибета и Внутренней Монголии ⁸. Бесчинства, спровоцированные маоистами в Кампучии, «нужно увидеть, чтобы поверить в них. Ничего подобного этой человеческой трагедии не имело места в современной истории», — заключает автор.

Аппетиты прошлых и нынешних правителей Китая не ограничиваются Индокитаем. Схожую участь, предостерегает индийский ученый,

⁴ Т. Н. Кауль. India, China and Indochina, p. 6—7.

⁵ Ibid., p. 24.

⁶ Ibid., p. 26.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid., p. 25.

уготовливали и уготовливают они и другим странам Юго-Восточной Азии: Таиланду, Малайзии, Сингапуру, Филиппинам и Индонезии. Вот почему Китай превращается в первоочередную угрозу всем народам этого района. Государствам АСЕАН пора понять, указывает Т. Н. Кауль, что гарантия их самостоятельности лежит в гармоничном сотрудничестве с Индокитаем, который «в дружбе с Индией, Южной Азией и АСЕАН станет бастионом мира, прогресса и сможет оградить Юго-Восточную Азию от угроз, вмешательства и гегемонии...»⁹.

В рядах тех, кому приходится или еще предстоит решать «китайскую проблему», с сожалением констатирует автор, пока нет единства. В некоторых сопредельных с КНР странах испытывают немалую робость перед гигантским соседом. Причин тому несколько. Здесь и фактор «пятой колонны» Пекина — хуацяо, захвативших командные высоты в экономике государств Юго-Восточной Азии, и страх малых стран перед действующими в джунглях маоистскими повстанцами, и, наконец, фарисейство Вашингтона, который фактически убаюкивает бдительность соседей Китая и разрушает их иммунитет к «пекинскому вирусу».

Отталкиваясь от впечатлений, которые он вынес из поездки во Вьетнам, Кампучию, Индонезию, Таиланд, Сингапур и Малайзию, Т. Н. Кауль пишет, что страны — члены АСЕАН зачастую попросту не рискуют продемонстрировать свое истинное отношение к Китаю. Бангкок, например, не может не опасаться обученных Пекином отрядов полпотовцев, окопавшихся в пограничных с Кампучией районах Таиланда¹⁰. Сингапур не имеет возможности занять отвечающую его истинным интересам позицию и вынужден проводить антивьетнамскую линию в значительной мере потому, что выходцы из Китая составляют подавляющую часть граждан этого города-государства. Малайзия по схожей причине восприимчива к нажиму со стороны Пекина (до 40 % ее населения составляют этнические китайцы), а также из-за провоцируемых пропекинскими подрывными элементами столкновений в районе малайзийско-тайландской границы. Индонезия и Филиппины, по мнению автора, несколько меньше подвергнуты страху, поскольку территориально они находятся от Китая дальше других стран — членов АСЕАН, а Индонезия еще и потому, что в прошлом накопила кое-какой опыт борьбы с «китайской подрывной деятельностью и проникновением»¹¹.

На позиции этих стран в известной мере сказывается, пишет Т. Н. Кауль, и массивная антивьетнамская и антисоветская пропаганда Пекина, маскирующая его собственные далеко идущие планы. Существует даже мнение, осуждающе подмечает автор, будто китайско-советский конфликт, если бы он произошел, или новое столкновение между Китаем и Вьетнамом будут якобы выгодны странам АСЕАН. «Это самоубийственный и противоестественный подход к проблемам региона»¹². Полемизируя со сторонниками этой опасной точки зрения, Т. Н. Кауль убежденно заявляет: «Вьетнам не только борется за свою свободу и независимость, но и является главной преградой на пути китайской экспансии к Югу и Юго-Западу. Интересы Южной и Юго-Западной Азии жизненно связаны с интересами Вьетнама, Лаоса и Кампучии. Индокитай — не угроза или враг странам Южной и Юго-Восточной Азии. Чем быстрее это осознают в соответствующих странах, тем будет лучше для мира и прогресса в регионе». И далее, развивая свою мысль, автор приходит к знаменательному выводу: «Угроза этому району исходит не от Вьетнама или Индокитая, не от находящегося вдалеке Советского Союза и даже не столько от Америки или Японии, сколь-

⁹ Т. Н. Кауль. *India, China and Indochina*, p. 28.

¹⁰ *Ibid.*, p. 36.

¹¹ *Ibid.*, p. 37, 34, 36.

¹² *Ibid.*, p. 149.

ко от Китая. Очевидно, что США и их союзники поощряют Китай в его экспансионистских замыслах, так как чувствуют, что могут погреть руки на возможном китайско-советском конфликте. Это близорукая политика»¹³.

Что же касается утверждений Пекина и Запада о каком-то стремлении СССР к гегемонии в Азии, в том числе посредством поддержки Индии и стран Индокитая, то они, подчеркивает Кауль, не имеют ни малейших оснований. Добрые отношения между Советским Союзом и этими государствами не направлены против интересов третьих стран. «Каждое суверенное государство имеет право и обязано защищать свои жизненные национальные интересы и выбирать таких друзей, которые смогут помочь ему в минуту нужды. Советский Союз доказал своими делами, что он является надежным другом Индии и Индокитая. Он ... лишь помогает им устоять на собственных ногах в отражении агрессивных угроз их независимости и суверенитету»¹⁴.

Необходимо, пишет Т. Н. Кауль, чтобы руководители всех обхаживаемых ныне Пекином стран разобрались, наконец, кто их истинные друзья, а кто коварные враги. Упрочение за последние годы отношений взаимного сотрудничества между Пекином, Вашингтоном и Токио «только поощряло нынешнее китайское руководство в осуществлении его экспансионистских замыслов в Юго-Восточной Азии»¹⁵. События в Индокитае должны открыть нам глаза, подчеркивает индийский ученый, показать всю серьезность исходящей из Пекина опасности. Вьетнам, Лаос и Кампучия наглядно продемонстрировали, каким путем малые страны могут отстоять обретенную ими свободу. «Угроза со стороны Китая, вероятнее всего, будет возрастать, а не уменьшаться, пока в Китае не осознают, что агрессия не принесет плодов, а великодержавный шовинизм и экспансионизм не будут терпимы. Индия и Индокитай испытали на себе агрессию Китая и понимают это лучше других»¹⁶. Залог сохранения мира в Азии и благополучия ее народов Т. Н. Кауль усматривает в решительном и согласованном отпоре стран Азиатского континента экспансионистским поползновениям Пекина, что помогло бы отбить у него охоту к международному разбою, в равной мере чреватому серьезными последствиями как для соседей КНР, дела всеобщей безопасности, так и для самого китайского народа. Это вместе с тем отвечало бы, с полным основанием говорит автор в заключении книги, и его высшим жизненным интересам¹⁷.

В книге другого индийского специалиста, Сайлена Чоудхури, «Маоистское предательство. Исследование на примере Индии», анализируется эволюция внешнеполитического курса Пекина с того времени, когда китайское руководство предало забвению дух Бандунга и вступило на путь гегемонизма. В предисловии автор пишет: «Тридцать лет существования Китайской Народной Республики, за исключением первых нескольких лет, наглядно продемонстрировали миру, что ее основная цель заключается в установлении контроля над Азией»¹⁸. На настоящем этапе, утверждает С. Чоудхури, китайское руководство использует развивающиеся страны в качестве разменной монеты в торге с империализмом, затеянном с целью получить от него согласие на более выгодное для КНР «перераспределение сфер влияния». В Пекине надеются, что «через сотрудничество с лагерем империализма можно будет реализовать гегемонистские амбиции в третьем мире»¹⁹.

¹³ Т. Н. Кауль. *India, China and Indochina*, p. 27.

¹⁴ *Ibid.*, p. 149.

¹⁵ *Ibid.*, p. 137.

¹⁶ *Ibid.*, p. 151.

¹⁷ *Ibid.*, p. 152.

¹⁸ S. Chaudhuri. *Maoist Betrayal. India: A Case Study*. New Delhi, 1980, p. V.

¹⁹ *Ibid.*, p. VI—VII.

Мао Цзэдун, пишет С. Чоудхури, никогда не был марксистом, за которого пытался выдавать себя на протяжении всей своей политической карьеры, а являлся носителем ханьской шовинистической идеологии²⁰. Придя к власти, он вначале исподволь, а затем все более открыто начал проповедовать идею восстановления былого величия «Срединной империи». Напоминая читателю о многочисленных фактах агрессии всех правивших в Китае династий против окружающих его государств — Бирмы, Вьетнама, Кореи, Монголии и др., автор подчеркивает: «Мао Цзэдун унаследовал экспансионистские традиции китайских императоров». Вслед за Чан Кайши и другими китайскими националистами Мао активно проповедовал необходимость возврата так называемых утраченных территорий. «И поэтому не удивительно, что, когда Китай совершил агрессию против Индии в 1962 г., ни слова осуждения не последовало со стороны тайваньских руководителей, хотя они считали себя заклятыми врагами пекинских лидеров». Более того, чанкайшисты постарались довести до сведения маоистов, что «политика Пекина в этом вопросе совпадает с их собственной позицией»²¹.

Исследуя предпосылки и эволюцию китайско-индийских противоречий, С. Чоудхури, как и Т. Н. Кауль, приходит к выводу, что даже в первые годы существования КНР, когда маоисты не чувствовали себя еще достаточно окрепшими и вынуждены были опираться на поддержку Советского Союза и других социалистических стран, в Пекине уже разыгрывались гегемонистские аппетиты. На Бандунгской конференции (1955) Чжоу Эньлай говорил о мире, а в Чжуннаньхае помышляли о том, как бы расправиться с Индией, становившейся препятствием на пути продвижения КНР в южном направлении. Вскоре после Бандунга «китайские лидеры открыто заявили: Тибет — ладонь Китая, Непал, Бутан, Сикким, Ладакх и северо-восточные районы Ассама — его пять пальцев. Ладонь была уже интегрирована в состав Китая, вскоре за ней должны были последовать и пальцы»²².

Со второй половины 50-х годов начались провокации на китайско-индийской границе, число которых росло в геометрической прогрессии. В 1962 г. Пекин развязал большую войну против Индии, преследуя при этом две цели: захватить часть индийской территории и заставить Дели примириться с китайской экспансией на Азиатском континенте. Характеризуя реакцию в мире на китайско-индийский конфликт, С. Чоудхури особо выделяет конструктивную позицию, занятую Советским Союзом. С самого начала СССР настойчиво призывал прекратить войну, которая была на руку лишь силам империализма и реакции, подчеркивает он²³.

В годы «культурной революции» агенты Пекина всячески подстрекали подрывные элементы в различных районах страны, прежде всего в Западной Бенгалии, на организацию террора и вооруженных выступлений против властей. Китайское руководство и поныне активно заигрывает с псевдореволюционерами в Индии, указывает С. Чоудхури, однако согласия в стране маоистов нет и по мере сближения КНР с империализмом его становится все меньше. «К каким бы маневрам ни прибегали новые китайские лидеры для перегруппировки и оживления своих сторонников за рубежом, эти фракции исторически обречены. Из-за своего антинаучного характера маоизм не способен дать ответы на кардинальные проблемы, стоящие перед миром в целом, и особенно перед развивающимися странами. Слепой антисоветизм толкнул маоистских лидеров на скользкий путь оппортунизма, что в конечном итоге привело их к активному участию в создании новой оси, которая

²⁰ Ibid., p. 23.

²¹ Ibid., p. 21—28.

²² Ibid., p. 41.

²³ Ibid., p. 51.

нацелена против мира социализма, против третьего мира и против национально-освободительного движения», — заключает автор рецензируемой книги²⁴.

Большое внимание уделяется в монографии анализу политики Китая в отношении соседних малых стран. На Бирму, говорится в ней, Пекин смотрит словно на своего вассала, бесцеремонно вмешиваясь в ее внутренние дела и пытаясь разговаривать с ней языком диктата. Уже вскоре после Бандунгской конференции китайские войска вторглись в северную часть этой страны, несмотря на то что бирманское правительство сыграло важную роль в приглашении КНР в Бандунг, поддерживало Китай в ООН и проводило дружественную ему политику в других вопросах. Пекин упорно отказывался оставить Бирму в покое, и агрессия против этого суверенного государства продолжалась вплоть до 1959 г., когда Китай, открыто выступив против Дели, решил «нейтрализовать бирманцев мирными инициативами». Но, замечает автор, «проблемы, связанные с моральной и материальной поддержкой Китаем антиправительственных сепаратистских элементов в Бирме, так никогда и не были решены. Эта поддержка в виде денег, оружия и обучения... продолжается, вызывая со стороны Бирмы огромные затраты ресурсов и энергии»²⁵. «Известно, что провинция Юньнань превращена в центр подрывных действий в Южной и Юго-Восточной Азии. Оттуда большие группы китайских советников и пять тысяч военнослужащих проникли в Качинский район Бирмы с целью создать коммуникации и обучить племена пользоваться китайским оружием для борьбы с центральным правительством...»²⁶. Там же, на севере Бирмы, пекинские агенты готовят подрывные элементы, засылаемые на территорию Индии. «В этом, — резюмирует Чоудхури, — и заключается важность Бирмы в общем стратегическом плане маоистского экспансионизма».

Еще один объект гегемонистских вождедений Пекина — Непал. Для него также припасены и «пряник», и «кнут». Когда политика «пряника» дает осечку, в действие приводится «кнут» — «нарушаются непальские границы, поносятся непальское правительство, подвергаются физической расправе непальские журналисты, осуществляется вмешательство во внутренние дела этой страны и разворачивается враждебная пропаганда против тех, с кем Непал поддерживает хорошие отношения»²⁷.

«Политика диктата» проводится и в отношении Шри Ланки, причем Пекин ищет союзников не только среди подкармливаемых им леваков, но и среди правых элементов. «История была такой же, как и в Бирме. Когда Шри Ланка выступила с протестом против нарушения Китаем дипломатических норм и экспорта маоистской литературы, последний заявил в угрожающем тоне, что «с 700-миллионным народом шутки плохи». Практическое выражение угроза нашла в «партизанской войне», организованной маоистскими группами в составе деклассированных элементов, ренегатов и других отбросов общества. Какой же, — спрашивает автор, — была цена, заплаченная этой маоистской «революцией»? Более тысячи человек было убито, а экономика этой небольшой островной страны подорвана. Но Китай остался безразличным к столь трагичным последствиям революции, поскольку он делал высокую ставку. Ставкой было стратегическое положение Шри Ланки, которая может предоставить Китаю удобную позицию для постоянной угрозы Индии»²⁸.

²⁴ S. Chaudhuri. *Maoist Betrayal*., p. 69.

²⁵ Ibid., p. 31.

²⁶ Ibid., p. 72—73.

²⁷ Ibid., p. 75.

²⁸ Ibid., p. 76—77.

Пакистан же, напротив, рассматривается китайским руководством как сообщник в «шовинистических и гегемонистских замыслах, направленных против Индии», а также против СССР²⁹. Кашмирский вопрос используется Пекином в качестве «дубинки против Индии» и одновременно «горючего» для разжигания индо-пакистанских противоречий.

Глава, посвященная китайской политике в отношении Дакки, озаглавлена: «Бангладеш — грязная роль Китая». На большом фактическом материале автору удалось вскрыть подноготную маневров китайской дипломатии вокруг событий в этом индоостанском государстве, действий, с помощью которых маоисты в союзе с американским империализмом пытались задушить освободительное движение в Бангладеш. Стремясь воспрепятствовать появлению нового независимого государства, Пекин рука об руку с Вашингтоном подталкивал в 1971 г. Исламабад на кровавую расправу с восставшим народом. «Этот союз, который действовал в унисон против интересов как Индии, так и независимой Бангладеш, в конечном счете стал решающим фактором в планировании и фактическом развязывании китайской агрессии против Социалистической Республики Вьетнам»³⁰.

Можно было бы ожидать, продолжает С. Чоудхури, что деятели, которые сменили Мао Цзэдуна, извлекут необходимые уроки и откажутся от его гегемонистской политики. Но этого не произошло. Внутренней страны «они продолжают курс на укрепление военно-бюрократической диктатуры, на милитаризацию страны и ее экономики, на реализацию в конечном итоге великодержавных, гегемонистских целей»³¹. «И во внешнеполитической сфере новые лидеры Китая унаследовали все постулаты «великого кормчего» ... Наследники Мао Цзэдуна с охотой продолжают выполнять его наставления о завоевании мирового господства ...» С этой целью они пошли на заключение сделки с США с «подключением к ней Японии и Западной Германии в роли младших партнеров. Она ... направлена против СССР, его социалистических союзников и стран третьего мира»³². По мнению автора, «особое беспокойство вызывает судьба недавно освободившихся народов, которым угрожает ... наступлением совместный фронт великоханьского гегемонизма и мирового империализма»³³.

Каковы же перспективы, возможны ли в обозримом будущем перемены к лучшему в поведении Пекина на мировой арене, задает вопрос С. Чоудхури? И склоняется к отрицательному ответу. Грубые провокации Пекина против Афганистана, сговор с самыми реакционными империалистическими кругами против революции в Иране, продолжающееся бесцеремонное вмешательство в дела соседних народов оставляют, по его мнению, мало сомнений в том, что Китай надолго превратился в «самый настоящий центр контрреволюции, угрожающий миру на Азиатском континенте»³⁴.

В книге Х. К. Сарина «Повстанчество в Северо-Восточной Индии» речь идет о попытках Пекина подогреть сепаратистские настроения среди населяющих пограничные штаты Индии племен и подорвать таким образом единство страны.

Х. К. Сарин прослеживает историю антиправительственных выступлений сепаратистов нага, за которыми неизменно стоял маоистский Китай, и доводит свое повествование до наших дней, когда в Пекине

²⁹ Ibid., p. 79, 86.

³⁰ Ibid., p. 99.

³¹ Ibid., p. 102.

³² Ibid., p. 107—109.

³³ Ibid., p. 111.

³⁴ Ibid., p. 115—116.

вдруг заговорили о желании замориться и жить впредь в согласии с Дели. Х. К. Сарин, однако, ставит под вопрос искренность намерений китайских руководителей и подкрепляет свои сомнения фактами, свидетельствующими о непрекращающихся интригах Пекина против Индии.

Одной из его «козырных карт» по-прежнему остается «проблема» нага. Последние, пишет автор, горячо желают мира, прекращения повстанческого движения, которое принесло им неисчислимые страдания. Но Китай стремится к другому: он продолжает «высисживать, словно насадка», подрывные элементы, надеясь не допустить затухания напряженности в соседних с КНР районах Северо-Восточной Индии, а также Бирмы. Правда, есть у него и проблемы: ни китайские агенты, ни их коллеги из американского ЦРУ не в состоянии пока примирить враждующие фракции повстанцев и создать из них «ударный кулак», в котором одинаково заинтересованы и в Пекине, и в Вашингтоне. Особенно изощренные средства давления используются китайским руководством против соседней Бирмы. Оно заключило соглашение о «взаимном сотрудничестве» и «помощи» с «бирманским лагерем нага», в соответствии с которым отношения между Пекином и сепаратистами нага поддерживаются формально «лишь по партийной линии». «На правительственном уровне Рангун заверяется в «укреплении» взаимной дружбы, в то время как все повстанцы в этой стране свободно опекаются маоистскими лидерами Китая... Это и есть маоистская концепция отношений добрососедства»³⁵.

«Идя по стопам империализма», китайская сторона, по сути дела, взяла на себя и осуществление «не решенной им задачи» — отколоть от Индии руками еще одной группы племен — мизо — территории штатов Манипур и Мизорам. «Вся имеющаяся сейчас информация подтверждает, — подчеркивает Х. К. Сарин, — что, если бы не маоистское вмешательство в дела Мизорама», в этом районе давно бы воцарился мир³⁶. Для подрыва территориальной целостности Индии Пекин стремится использовать — впрочем, по оценке автора, пока без особого успеха — и другие племена.

Активность же Национального фронта мизо (НФМ) привела к тому, что уже после выхода монографии в свет правительство Индии было вынуждено специальным указом объявить (январь 1982 г.) о запрещении этой организации. Против НФМ выдвинуто обвинение в том, что он запугивает население союзной территории Мизорам и осуществляет насильственный набор в так называемую национальную армию мизо. Лидерами НФМ открыто провозглашен лозунг создания «независимого Мизорама», в состав которого, по их замыслу, должны войти земли штатов Ассам, Манипур и Трипура³⁷.

В феврале 1982 г. силами безопасности Индии был раскрыт заговор с целью убийства главного министра правительства союзной территории Мизорам. У арестованного руководителя отряда террористов, сформированного из действующих там пропекинских организаций, были изъяты огнестрельное оружие китайского производства и боеприпасы. По сообщениям индийской печати, в Мизорам проникли еще несколько вооруженных группировок, прошедших подготовку под руководством китайских инструкторов. В связи со сложившейся обстановкой — нападениями сепаратистов на армейские патрули, убийствами политических и общественных деятелей, организацией взрывов и других диверсий —

³⁵ H. K. Sareen. *Insurgency in North-East India. A Study of the Sino-American Role*. New Delhi, 1980, p. 44.

³⁶ *Ibid.*, p. 59.

³⁷ См.: Правда, 22.I.1982.

индийские власти были вынуждены срочно принять дополнительные меры для обеспечения порядка³⁸.

В свете этих событий тем более весомо выглядит предостережение, звучащее в последних строках работы Сарина: «Повстанческие операции покрывают территорию общей площадью около 154,1 тыс. км² с населением примерно 39 млн. 891 тыс. человек от Аруначал Прадеша до Трипура, вдоль протяженной международной границы Индии в северо-восточном районе. Кроме того, Пекин подстрекает как Непал, так и Бутан против Индии. Вашингтон произвел разделение труда с Пекином, и эта ось угрожает сейчас независимости, суверенитету и целостности Индии»³⁹.

С разоблачающими политикой Пекина материалами выступает и бывший член индийского парламента Шаши Бхушан. В брошюре «Каракорумская дорога. Доминиционистский заговор Китая в Кашмире», изданной под эгидой консервативного Социалистического форума конгресса, вскрываются замыслы Китая в Кашмире, его попытки расшатать индийское государство и с этого направления. Автор напоминает, что Пекин давно уже занимает провокационную позицию в кашмирском вопросе. Он не только поддержал притязания Исламабада, но и занялся подготовкой вооруженных отрядов, которые должны помочь навсегда отторгнуть эту территорию от Индии.

В 1978 г. Китай завершил строительство Каракорумского шоссе и продолжает работы в этом районе по прокладке еще целого ряда магистралей. Эти коммуникации нужны Китаю прежде всего для оперативной переброски войск и оружия в Пакистан и к границам Афганистана. Уже законченные и строящиеся дороги дадут Китаю реальную возможность оказывать военное и политическое воздействие (через порт Карачи) на обстановку на Арабском Востоке и в Африке, а также в Юго-Восточной Азии. За активностью Пекина в Кашмире скрываются и экономические притязания: желание прибрать к своим рукам минеральные богатства этих мест⁴⁰.

Ш. Бхушан отмечает, что, приступив к реализации экспансионистского, гегемонистского курса, Пекин по логике вещей не мог не отречься от задач антиимпериалистической борьбы. В Вашингтоне, естественно, с одобрением отнеслись к этому. «В осуществление своих широких интересов США поддерживают Китай дипломатически. Их расчет — политический, их роль — империалистическая»⁴¹.

Автор книги выступает с настоятельным призывом не поддаваться на «медоточивые речи» и «миролюбивые» заходы Пекина: «В поисках нормализации отношений с Китаем не должно быть места иллюзиям. Многочисленные жертвы, принесенные индийскими солдатами и полицейскими, которые отдали свои жизни в защиту нашей страны, напоминают о том, что до тех пор, пока китайские агрессоры продолжают оккупировать хотя бы дюйм нашей территории, не может быть иных переговоров, кроме переговоров о выводе с нее китайских агрессоров»⁴².

О нежелании китайской стороны урегулировать пограничный вопрос и намерении использовать его для давления на Индию свидетельствует позиция, занятая Пекином на состоявшихся 10—14 декабря 1981 г. переговорах делегаций двух стран на уровне экспертов. Выступая на заседании руководящего органа правящей партии ИНК(И) — рабочего комитета, министр иностранных дел Индии Н. Рао заявил, что в их ходе не было достигнуто какого-либо прогресса по пограничной про-

³⁸ In: "Times of India", 10.11.1982.

³⁹ H. K. Sareen. *Insurgency in North-East India...* p. 93.

⁴⁰ In: Sh. Bhushan. *Karakoram Road. Dominationistic Conspiracy of China in Kashmir*. New Delhi, 1978, p. 4—5, 7.

⁴¹ *Ibid.*, p. 13.

⁴² *Ibid.*, p. 12.

блеме и что процесс нормализации, по-видимому, займет весьма много времени⁴³. Индия, писал в этой связи известный обозреватель А. С. Абрахам, отдает себе отчет в том, что полная нормализация индийско-китайских отношений не может быть достигнута без удовлетворительного решения пограничной проблемы.

В монографии молодого ученого Дев Сингх Карки «Китай и неприсоединение» прослеживается реакция Пекина на зарождение и последующее становление движения неприсоединения. Пекин, указывает Карки, формально одобряя неприсоединение, на практике осуществляет враждебный молодым государствам шовинистический, великодержавный курс, поэтому отношения между этими двумя важными факторами международной жизни отличаются нестабильностью и противоречиями.

Принцип мирного сосуществования и все другие политические и экономические концепции, ставшие неотъемлемой частью политики неприсоединения, с легкостью отбрасываются или игнорируются китайским руководством. Цену его громогласным декларациям, фарисейскую сущность внешней политики Пекина на собственном горьком опыте познали Индия и Индонезия, Бирма и Непал, Вьетнам и десятки других азиатских и африканских стран, констатирует автор. «Сейчас, когда китайцы сговариваются с империалистами, в том числе с США, с целью воспрепятствовать законным чаяниям и независимости малых наций планеты, разоблачение Китая необходимо более, чем когда-либо прежде. Самый последний пример этого сговора, конечно, Афганистан», — пишет автор⁴⁴. Проводимый послемаоцзэдуновским руководством курс, подчеркивается во вступительном разделе книги, не является каким-то неожиданным отклонением, а закономерно вытекает из всей предшествующей теории и практики Пекина в сфере международных отношений.

Д. С. Карки, как и С. Чоудхури, придерживается той точки зрения, что уже на Бандунгской конференции Пекин лицемерил: заигрывая с некоторыми афро-азиатскими лидерами, китайские представители тщательно избегали связывать себя какими-то конкретными обязательствами в отношении неприсоединившихся государств. Чжоу Эньлай «стремился использовать Бандунг для развертывания кампании по созданию, в противовес движению неприсоединения, сепаратного форума, через который экспансионистские амбиции КНР могли бы реализовываться без помех». Китайские делегаты сознательно переводили дискуссию на конференции с вопроса о путях расширения движения на обсуждение «расплывчатой», «абстрактной идеалистической афро-азиатской солидарности». Из-за этого, а также в результате разжигания Пекином противоречий между различными участниками конференции, эффект от нее, утверждает Карки, оказался куда меньшим, чем мог бы быть⁴⁵.

В дальнейшем, прикрываясь лозунгами о мирном сосуществовании, Пекин прилагал все больше усилий, чтобы материализовать свою «политику», противоречащую неприсоединению, и не отказывался от любой возможности нанести по этому движению удар⁴⁶. С конца 50-х годов все его помыслы были направлены на то, чтобы «поссорить неприсоединившиеся страны с их самым твердым сторонником — Советским Союзом»⁴⁷.

В 60—70-х годах китайское руководство осознало растущую роль движения неприсоединения в системе современных международных отношений и потому задалось целью — использовать неприсоединившиеся страны в своих узкокорыстных интересах. Вследствие этого маневры

⁴³ См.: Правда, 11.I.1982.

⁴⁴ D. S. Kariki. China and Non-Alignment. New Delhi, 1980, p. V.

⁴⁵ Ibid., p. 57.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Ibid., p. 41.

Пекина в отношении движения приобретают особенно зловещий характер: они стали сочетаться с линией на «сговор с лагерем империализма». Подчеркивая, что задачи движения неприсоединения и политики КНР в основе своей диаметрально противоположны, Д. С. Карки подмечает: Пекин «хорошо и совершенно правильно осознает, что консолидация движения неприсоединения работает против целей его глобальной политики, и так, несомненно, будет до тех пор, пока китайцы не откажутся от своего гегемонистского шовинизма... Что касается движения неприсоединения, то для него они — опасные волки в овечьих шкурах»⁴⁸.

Разоблачая лживость уверений Пекина в приверженности принципам мирного сосуществования на примере его отношений с каждым из азиатских государств, автор одновременно обращает внимание на такую характерную черту китайской политики, как тщательно камуфлируемое стремление использовать объективно существующие между странами Азии разногласия и даже противоречия для притупления их бдительности и «отвода глаз» от конечных целей руководства КНР. Гегемонистские построения, продолжает индийский ученый, лежат и в основе африканской политики маоистов: не счесть их провокационных действий против Анголы, Мозамбика, Ганы, Туниса, Кении, Бурунди и других государств континента, где не раз ловили за руку китайских представителей и агентов⁴⁹. Печальную славу снискала экономическая «помощь» Пекина: низкое качество китайского оборудования и товаров, методы политического давления на торгово-экономических партнеров, неспособность выполнять взятые на себя экономические обязательства. Но особое возмущение африканцев вызывают элементы великоханьского чванства, сплошь и рядом прорывающегося в поведении китайских представителей. Примером этого, указывает Д. С. Карки, может служить, в частности, расистская дискриминация, которой подвергаются обучающиеся в КНР африканские студенты.

Расчеты Пекина использовать государства Азии, Африки и Латинской Америки для обеспечения ведущей роли Китая в международных делах, говорится в заключение, обречены на неудачу. Тому немало причин. В развивающихся странах ширится понимание того, что «китайский авантюризм угрожает подорвать всеобщий мир». Немаловажное значение имеет и растущее осознание значения ценной политической поддержки и экономической помощи, оказанной им Советским Союзом. История нашего времени навсегда останется свидетелем того факта, что без советской помощи Вьетнам не мог бы выйти победителем в длительной войне против агрессии США. Благодаря щедрой поддержке СССР смогла выстоять и выжить Куба в противоборстве с американской мощью. В Анголу и Мозамбик освобождение также пришло при советской поддержке. Когда империалисты США прибегли к откровенной демонстрации дипломатии канонеров в период войны за независимость Бангладеш в 1971 г., именно решительная и твердая поддержка Советского Союза помогла неприсоединившейся Индии устоять в серьезном кризисе.

«Китайцы с ненавистью воспринимают тот запас доброго отношения, который накопил Советский Союз в «третьем мире», и не могут примириться с независимостью неприсоединившихся стран, консолидацией их сил и укреплением влияния, поскольку это расстраивает их гегемонистские замыслы и препятствует созданию собственной сферы влияния. Поэтому логично предположить, что в обозримом будущем КНР будет продолжать подрыв и саботаж движения неприсоединения. Наступит, очевидно, время, когда будет сорвано покрывало с действи-

⁴⁸ D. S. Kar ki, *China and Non-Alignment*, p. 67.

⁴⁹ *Ibid.*, p. 78—79.

тельных намерений Китая, без смущения объединяющегося с империалистами против прогрессивных движений в свободных и независимых государствах мира, а временами превращающегося в угрозу самому существованию малых стран... Неприсоединившиеся государства должны проявлять постоянную бдительность в отношении тайных деяний Китая»⁵⁰.

Анализ выходящей в Индии литературы на китайскую тематику позволяет сделать вывод, что индийскими исследователями достигнуты серьезные результаты в осмыслении фундаментальных основ внешней политики Пекина. Все более пристальное внимание индийских специалистов, придерживающихся самых различных воззрений и направлений научного поиска, привлекает в последние годы такой немаловажный элемент, как влияние китаецентристских факторов и настроений, бытующих в высших эшелонах китайского руководства, на выработку приоритетов в международной политике. С фактами в руках индийские исследователи вскрывают и убедительно доказывают преемственность и неразрывную связь гегемонистских по своей сути внешнеполитических постулатов и конечных целей феодальных правителей прошлого и наследников Мао Цзэдуна. С такими выводами трудно не согласиться.

⁵⁰ D. S. Karkl. *China and Non-Alignment*, p. 82—83.

Пекин и движение неприсоединения

В. С. Степанов

Движение неприсоединения, охватывающее ныне около ста государств, возникло после второй мировой войны в русле общемирового революционного процесса, выйдя из недр национально-освободительной борьбы. В Декларации о национально-освободительной борьбе, принятой на IV конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран (Алжир, 1973), отмечалось: «Политика неприсоединения, одной из главных целей которой является борьба за независимость и сохранение национального суверенитета, полностью отождествляется с освободительной борьбой угнетенных народов против всех форм угнетения и эксплуатации»¹.

Будучи неразрывно связанным с антиимпериалистической, национально-освободительной борьбой, движение неприсоединения с самого начала своей организованной деятельности выступило на международной арене и как активная сила, борющаяся за мир и мирное сосуществование, за разрядку международной напряженности и разоружение, против опасности глобального военного столкновения. Собравшиеся в 1961 г. в Белграде на свою первую конференцию главы государств и правительств 25 неприсоединившихся стран заявили, что они «категорически отвергают утверждение о неизбежности войны», которая «является не только анахронизмом, но и преступлением против человечества». Знаменателен вывод участников конференции о том, что «прочный мир может быть обеспечен только в том случае, если... колониализм, империализм и неоколониализм во всех их проявлениях будут полностью уничтожены»². В качестве альтернативы «холодной войне» и возможной всеобщей ядерной катастрофе участники конференции выдвинули принятие и осуществление политики мирного сосуществования. Таким образом, движение неприсоединения подчеркнуло неразрывную связь между антиимпериалистической, антиколониальной борьбой и борьбой за упрочение международного мира и безопасности. Борьба за достижение этих целей и составляет сущность движения, основу, на которой оно возникло и продолжает развиваться как влиятельный фактор всей международной жизни.

На рубеже 80-х годов произошло заметное обострение международной обстановки, вызванное тем, что наиболее реакционные империалистические круги, прежде всего в Соединенных Штатах Америки, взяли курс на антиразрядку и безудержную гонку вооружений. В этих условиях еще большее значение приобретает активизация деятельности всех мировых сил, выступающих против опасной тенденции сползания человечества к временам «холодной войны» со всеми вытекающими из этого последствиями для судеб сотен и сотен миллионов людей.

¹ Движение неприсоединения в документах и материалах. М., 1975, с. 207.

² Там же, с. 65—66.

В приветственном послании Л. И. Брежнева председателю движения неприсоединения Фиделю Кастро по случаю Дня движения неприсоединения указывалось, что роль этого движения «становится особенно важной сейчас, когда агрессивные круги империализма, противясь объективному ходу исторического развития, все более явственно делают ставку в мировых делах на силу... Объединяя в своих рядах почти две трети государств земного шара, движение неприсоединения обладает немалым потенциалом в борьбе против военной опасности»³.

Советский Союз, другие страны социалистического содружества неизменно выступали и выступают в поддержку этого движения, рассматривая его как важный фактор укрепления всеобщего мира, разрядки международной напряженности, сплочения всех сил мира, противостоящих империализму и реакции. Советское правительство приветствовало первую и все последующие конференции неприсоединившихся стран на высшем уровне. Аналогичной позиции придерживаются и другие страны социалистического содружества, международное коммунистическое движение. В документе Конференции 29 коммунистических и рабочих партий Европы, состоявшейся в 1976 г., подчеркивалась важная роль движения неприсоединения, его «активный вклад в борьбу за мир, безопасность, разрядку и сотрудничество на равноправной основе, за создание справедливой системы международных политических и экономических отношений, в борьбу против империализма, колониализма, неоколониализма и всех форм господства и эксплуатации»⁴.

В последние годы империалистические державы, в прошлом не скрывавшие своего отрицательного отношения к движению неприсоединения (объявленного Даллесом «аморальным»), изменили тактику и начали заигрывать с ним, пытаясь выдать себе за друзей неприсоединившихся стран, за радетелей «чистоты», «истинности», «подлинности», «независимости» этого движения. «Мы не предлагаем неприсоединившимся странам проводить политику неприсоединения больше в интересах Запада, чем Востока,— писала американская газета «Крисчен сайенс монитор», демонстрируя новый подход к неприсоединению.— Ведь все, что они (неприсоединившиеся страны.— В. С.) предлагают и защищают, это независимость от обеих сторон»⁵.

Новый подход Запада к движению неприсоединения был основан на концепции «равноудаленности» движения от двух основных сил современности, противостоящих друг другу на мировой арене,— империализма и социализма. «В последнее время мы стали свидетелями усилившихся попыток международной реакции выхолостить антиимпериалистическую направленность движения неприсоединения, расколоть ряды его участников, противопоставить их социалистическому содружеству, другим прогрессивным миролюбивым силам,— отмечал в своем докладе на Международной научной конференции в Берлине в октябре 1980 г. кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев.— Инструментом, с помощью которого пытаются реализовать эти попытки, стала концепция «равноудаленности». Пытаются изобразить эту «равноудаленность» как условие самостоятельной роли движения неприсоединения»⁶.

Концепцию «равноудаленности» движения неприсоединения подхватили пекинские политики, которые в начале 70-х годов пересмотрели свое прежнее, отрицательное отношение к движению неприсоединения и пытаются использовать его для реализации своих гегемонистских пла-

³ «Правда», 1.IX.1981.

⁴ «Коммунист», 1976, № 10, с. 19.

⁵ «Christian Science Monitor», 8.IX.1979.

⁶ Б. Пономарев. Совместная борьба рабочего и национально-освободительного движений против империализма, за социальный прогресс.— «Коммунист», 1980, № 16, с. 38.

нов в отношении развивающихся стран, нанесения максимального ущерба странам социалистического содружества.

Китайское руководство ныне настойчиво стремится в той или иной степени ассоциировать Китай с неприсоединившимися странами в качестве их активного союзника и покровителя. Именно с этой целью движение неприсоединения было включено пекинскими идеологами в понятие «третий мир», к которому Пекин, как известно, причисляет и Китай. В поздравительном послании премьера Госсовета Хуа Гофэна от 15 августа 1976 г. в адрес V конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран указывалось, что «Китай и многочисленные неприсоединившиеся страны относятся к третьему миру»⁷. Пекин постоянно утверждает, что движение неприсоединения является составной частью «третьего мира», возглавляемого Китаем. Такую же подчиненную роль отводит Пекин движению неприсоединения и в новейшей модификации маоистской внешнеполитической доктрины, заключающейся в стремлении «раздвинуть рамки «широчайшего международного фронта» борьбы против СССР, создать «структуру совместного сопротивления» Советскому Союзу путем вовлечения в них не только капиталистических и развивающихся государств, но и самых различных националистических и оппортунистических элементов в революционном и демократическом движениях»⁸.

Основная цель замыслов китайского руководства в отношении движения неприсоединения состоит в том, чтобы лишить его антиимпериалистического содержания, подтолкнуть вправо, придать ему антисоветскую, антисоциалистическую направленность. Для этого используется целый арсенал методов и средств — от идеологических диверсий против движения в целом до обработки представителей отдельных неприсоединившихся стран в нужном Пекину направлении.

Пекин предпринимает активные попытки фальсифицировать историю зарождения и становления движения неприсоединения, пытаясь внедрить идею о том, будто оно «возникло именно потому, что целый ряд стран не хотел примыкать к военным блокам во главе с Соединенными Штатами и Советским Союзом»⁹.

В связи с впервые отмечавшимся 1 сентября 1981 г. Днем движения неприсоединения китайская пресса выступила с рядом статей, в которых была предложена следующая схема его зарождения: после второй мировой войны в процессе подъема национально-освободительной борьбы и крушения колониальной системы на мировой арене появилась большая группа государств, добившихся национальной независимости; «вслед за этим две сверхдержавы, СССР и США, в целях завоевания мировой гегемонии приложили настойчивые усилия для создания противостоящих друг другу военных блоков, а также начали острое соперничество в третьем мире, стремясь перетянуть государства, добившиеся национальной независимости, на сторону собственного блока и превратить их в своих вассалов»; некоторые молодые государства распознали эту опасность и подняли знамя неучастия в блоках сверхдержав: «именно это и явилось причиной возникновения движения неприсоединения»¹⁰.

При такой интерпретации истории движения ставится знак равенства между империалистическими державами и социалистическими государствами, между США и СССР, умышленно замалчивается тот общезвестный факт, что не Советский Союз, а империалистические державы пытались (и пытаются сейчас) втянуть в военно-политические

⁷ «Жэньминь жибао», 16.VIII.1976.

⁸ О. Б. Борисов. XXVI съезд КПСС и некоторые проблемы исторических исследований по Китаю. — «Проблемы Дальнего Востока», 1981, № 3, с. 7.

⁹ «Жэньминь жибао», 21.VIII.1976.

¹⁰ Там же, 31.VIII.1981.

блоки освободившиеся страны. Проследившая генезис идеи неприсоединения в ее «отрицающем» аспекте — как «неприсоединения к блокам, созданным великими державами», член Национального совета Компартии Индии С. Митра справедливо отмечает, что у освободившихся от колониального господства стран не было выбора — к каким блокам присоединяться, так как ни в Азии, ни в Африке, ни в Латинской Америке не было и нет ни одного военного блока, который был бы создан Советским Союзом, а были только блоки, созданные империализмом США. «И речь для освободившихся стран могла идти только об одном — присоединяться к этим блокам или оставаться вне их. Эта последняя позиция и получила имя «неприсоединение»¹¹. Для молодых независимых государств концепция неприсоединения означала скорее «отсоединение», то есть освобождение от каких-либо военных и политических обязательств в отношении бывших метрополий¹².

В своей идеологической диверсии против движения неприсоединения китайское руководство в последнее время прилагает значительные усилия с целью навязать или приписать и всему движению, и отдельным неприсоединившимся странам антисоветское понимание термина «гегемонизм»¹³. Приклеивая Советскому Союзу ярлык «гегемонизма», пекинские пропагандисты тщатся доказать, будто выступление движения неприсоединения против политики гегемонизма в международных отношениях означает не что иное, как выступление против СССР, советской внешней политики, а также против ряда других социалистических стран, например Вьетнама, которому Пекин также приписывает «гегемонистские» замыслы («малый», или «региональный, гегемонизм»).

Между тем вопреки утверждениям Пекина ни в одном документе движения неприсоединения нет никаких свидетельств того, что оно, заявляя о необходимости вести борьбу против гегемонии, подразумевает под этим борьбу против Советского Союза. Более того, не кто иной, как Советский Союз первым поставил вопрос о необходимости исключить политику гегемонизма из практики международных отношений, внеся соответствующее предложение в Организацию Объединенных Наций. Это было продиктовано тем, что в последнее время агрессивность империализма сплошь и рядом стала принимать форму гегемонизма, форму борьбы за мировую гегемонию. К этой политике империалистических держав активно подключился и сам Пекин, в его внешней политике наблюдается дальнейшее усиление воинствующего великоханьского национализма, безудержного гегемонизма, антисоветизма и враждебности мировому социализму. Состоявшийся в июне 1980 г. Пленум ЦК КПСС отметил: «Партнерство империализма и пекинского гегемонизма представляет собой новое опасное явление в мировой политике, опасное для всего человечества, в том числе для американского и китайского народов»¹⁴.

Произвольно приписывая движению неприсоединения антисоветскую трактовку «антигегемонизма», пекинские политики хотели бы тем самым направить борьбу неприсоединившихся стран в русло борьбы против политики СССР и других стран социалистического содружества, с одной стороны, и вывести из-под критики, обелить действительно гегемонистскую политику империалистических держав, равно как и гегемонистскую политику самого Пекина, — с другой.

¹¹ С. Митра. Идеи Бандунга и реальности наших дней. — «Проблемы мира и социализма», 1980, № 5, с. 15.

¹² См.: Ю. Алимов. Движение неприсоединения — влиятельная сила международных отношений. — «Мировая экономика и международные отношения», 1976, № 11, с. 43.

¹³ См. напр.: «Жэньминь жибао», 6.VIII.1976.

¹⁴ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 июня 1980 г. М., 1980, с. 12.

В стремлении столкнуть освободившиеся государства, движение неприсоединения с Советским Союзом пекинская и империалистическая пропаганда активно пытаются очернить характер экономических отношений СССР с развивающимися странами, подбросить этому движению ложный тезис о равной ответственности западных и социалистических стран, «двух сверхдержав» за экономическую отсталость развивающихся стран. Поощряя такой подход к капиталистическим и социалистическим государствам, «Жэньминь жибао», например, следующим образом интерпретировала документы, принятые на V конференции глав государств неприсоединившихся стран: в экономической декларации не раз упоминается об эксплуатации развивающихся стран развитыми; под термином «развитые страны», неоднократно повторяющимся в тексте декларации, «подразумевается, среди прочих, и Советский Союз», который называет себя «развитой социалистической» страной; СССР вместе с США третирует неприсоединившиеся страны, но запрещает им применять одинаковые оценки к СССР и США¹⁵. Из приведенного рассуждения видно, что пекинские пропагандисты, как и в случае с термином «гегемонизм», сознательно подменяют понятия, с тем чтобы внедрить в сознание участников движения неприсоединения концепцию «равноудаленности», одной из идей которой является тезис о «равной ответственности». На деле же ни в прошлом, в эпоху колониализма, ни в современных условиях Советский Союз не принимал и не принимает участия в империалистической эксплуатации развивающихся стран, следствием которой и является их отсталость. «Точно так же социалистические государства никак не причастны к тем тяжелым последствиям, которые вызываются функционированием капиталистической экономики, кризисами, крахом капиталистических валют, инфляцией и другими потрясениями капиталистической мировой системы хозяйства»¹⁶.

Пекин активно поощряет имеющую хождение среди представителей некоторых неприсоединившихся стран концепцию «внеблоковости» движения неприсоединения. «Принцип внеблоковости является душой движения неприсоединения, источником его силы», — утверждают в Пекине¹⁷.

Безусловно, неучастие в военных блоках представляет собой один из важнейших компонентов концепции и политики неприсоединения, один из главных критериев членства в движении неприсоединения. Однако концепция неприсоединения вовсе не исчерпывается этим, она гораздо шире и главное — глубже по своей сути. Теория и практика неприсоединения отвергает упрощенный подход к определению этого понятия лишь как неучастие в блоках. Вся деятельность движения неприсоединения с момента его зарождения и до настоящего времени свидетельствует, что оно появилось на международной арене как активная и инициативная политическая сила (хотя временами в его деятельности наблюдались и спады, например во второй половине 60-х годов), выступающая за упрочение мира, в защиту разрядки и сотрудничества, против империализма, колониализма, неоколониализма, расизма и апартеида. В заключительной декларации последней конференции глав неприсоединившихся стран (Гавана, 1979) подчеркивалось, что «квинтэссенцию политики неприсоединения в соответствии с ее первоначальными принципами и основным характером составляет борьба против империализма, колониализма, неоколониализма, апартеида, расизма, включая сионизм, а также против всех форм агрессии, оккупации, господства, вмешательства или гегемонии, равно как и против великодержавной и блоковой политики»¹⁸.

¹⁵ См.: «Жэньминь жибао», 21.VIII.1976.

¹⁶ Р. Ульяновский. Равноправные партнеры. — «Правда», 28.IX.1981.

¹⁷ «Жэньминь жибао», 31.VIII.1981.

¹⁸ Цит. по: «Азия и Африка сегодня», 1980, № 3, с. 6.

Сужение концепции неприсоединения, сведение ее лишь к выбору позиции в отношении двух блоков, двух «сверхдержав» понадобилось Пекину для того, чтобы размыть основополагающие, исходные принципы неприсоединения, лишить его социального содержания. Ибо ставить знак равенства между двумя блоками, между двумя великими державами — значит исказить политический характер движения неприсоединения как антимпериалистической силы и как объективного союзника социализма.

Другим направлением идеологической диверсии китайского руководства против движения неприсоединения является вопрос о критериях членства в этом движении. И по этому вопросу Пекин блокируется с империалистическими державами. Западные государства, стремясь притупить антимпериалистическое острие движения неприсоединения, попытались в преддверии конференции в Коломбо ввести в движение ряд стран, которые в то время являлись — а некоторые и ныне остаются — участниками империалистических военно-политических блоков, а именно: Австралию (АНЗЮС), Пакистан (СЕНТО), Португалию и Турцию (НАТО), Таиланд и Филиппины (СЕАТО). Это вызвало разногласия и споры внутри движения неприсоединения.

Пекинские политики фактически одобрили такие попытки империалистических держав. Ни словом не обмолвившись о существовании разногласий среди неприсоединившихся государств по вопросу о критериях приема новых членов, китайская пресса начала исподволь связывать некоторые из названных выше стран с движением неприсоединения¹⁹. Однако вопреки желанию Пекина участники движения пришли к согласию в том, что расширение движения за счет членов военно-политических союзов чревато опасностью его размывания.

Мировая общественность не могла не обратить внимания и на проявленное Пекином стремление самому включиться в движение неприсоединения. Индийский еженедельник «Блиц», например, отмечал в мае 1976 г., что пекинские лидеры пытаются принять участие в конференции в Коломбо²⁰. В связи с этим ряд стран поставил вопрос о необходимости определить отношение движения неприсоединения к Китаю. В апреле 1976 г. в Дели состоялся международный семинар на тему «Роль неприсоединения в меняющемся мире», в котором приняли участие общественные и политические деятели, ученые, журналисты из 24 неприсоединившихся стран. На семинаре был обсужден широкий круг проблем, включая вопрос о критериях членства. В этой связи возникла и дискуссия о роли Китая. Многие участники семинара критиковали политику китайского руководства, в частности его позицию относительно Чили, Анголы, военного присутствия США в Индийском океане, указывали на территориальные претензии Китая к соседним странам, на попытки поощрять мятежи против правительств неприсоединившихся стран, использовать зарубежных китайцев для подрывной деятельности против местных правительств.

Ни один из участников семинара не поднял вопрос о допуске Китая в сообщество неприсоединившихся стран. Более того, многие высказывались за то, чтобы в отношении политики Китая держать ухо востро. Как сообщил участвовавший в семинаре председатель комиссии по иностранным делам индонезийского парламента И. Рошади, участники пришли к мнению, что Китай не может именовать себя неприсоединившейся страной²¹.

Эта дискуссия в Дели, проходившая на неофициальном уровне, показала, что сколь-нибудь серьезная попытка Пекина проникнуть в со-

¹⁹ См.: «Жэньминь жибао», 16 и 20.VIII.1976.

²⁰ См.: «Правда», 18.V.1976.

²¹ См. там же, 6.V.1976.

общество неприсоединившихся стран встретила бы с их стороны решительное противодействие. Более того, она привела бы и к нежелательному для китайского руководства открытому обсуждению внешней политики КНР и, как следствие этого, к ее осуждению. В конечном итоге Пекин вынужден был открыто заявить: «Китай отнюдь не является неприсоединившейся страной»²². Об этом же говорил в ноябре 1980 г. председатель ЦК КПК Хуа Гофэн в беседе с председателем Союзного исполнительного веча СФРЮ В. Джурановичем: «Китай ценит движение неприсоединения, хотя сам не принадлежит к движению», «Китай не является неприсоединившейся страной»²³.

С другой стороны, Пекин стал добиваться исключения из движения неприсоединения Кубы и Вьетнама, стремясь подорвать внутри движения позиции тех государств, которые выступают за сохранение и усиление антимпериалистической направленности политики неприсоединения, укрепление сотрудничества движения с миром социализма, с другими прогрессивными и демократическими силами. Пекинские политики, империалистическая пропаганда пытаются внушить сообществу неприсоединившихся стран, будто Куба и Вьетнам не имеют права находиться в рядах движения неприсоединения, так как являются союзниками СССР²⁴. Интернационалистская помощь, оказанная Кубой Анголе, а Вьетнамом — Кампучии, была клеветнически названа Пекином и Западом «агрессией» против неприсоединившихся стран, нарушением принципов движения неприсоединения. На этом «основании» были предприняты попытки сорвать проведение VI конференции неприсоединившихся стран именно в Гаване. Объединенные усилия империалистических держав и руководства КНР, направленные на срыв гаванской встречи, оказались безрезультатными. VI конференция, состоявшаяся, как и было намечено, в сентябре 1979 г. в столице социалистической Кубы, вновь подтвердила приверженность движения неприсоединения антимпериализму, антиколониализму, борьбе за мир и безопасность народов. Лондонская «Файнэншл таймс» была вынуждена признать, что в Гаване подчеркивался «главным образом антиколониальный, антисионистский и антирасистский характер этого движения»²⁵. В свою очередь Пекин, выражая мнимую озабоченность тем, что «в настоящее время движение неприсоединения переживает серьезный кризис» якобы из-за вмешательства СССР извне и «подрывных действий» Кубы и Вьетнама изнутри, косвенно также признал неудачу попыток ослабить антимпериалистический потенциал этого движения²⁶. На конференции была открыто осуждена не только агрессивная политика империализма, но и гегемонистская, экспансионистская политика самого Пекина, в том числе его вооруженная агрессия против СРВ.

Пытаясь навязать сторонникам движения неприсоединения мысль, будто отношения дружбы и сотрудничества с Советским Союзом несовместимы с членством в этом движении, китайское руководство имело в виду не только Кубу и Вьетнам, но и ряд других неприсоединившихся стран. Так, когда в Индии в 1977 г. пришло к власти правительство М. Десаи, пекинская пропаганда принялась утверждать, будто одной из главных причин отставки правительства И. Ганди явилась его политика сотрудничества с Советским Союзом и что эта политика будто бы подорвала авторитет Индии в движении неприсоединения²⁷. Однако подтверждение правительством Индии преемственности его внешней по-

²² «Жэньминь жибао», 22.V.1979.

²³ «Борба», «Политика» (Београд), 9.XI.1980.

²⁴ См.: «Жэньминь жибао», 22.V.1979.

²⁵ «Financial Times», 8.IX.1979.

²⁶ См.: «Жэньминь жибао», 11.II.1981.

²⁷ См. там же, 3.IV.1977.

литики, в частности политики дружбы и сотрудничества с СССР, показало несостоятельность попыток Пекина расшатать движение неприсоединения с помощью антисоветизма.

После Гаваны империалистические державы, пекинские гегемонисты активизировали свои параллельные или скоординированные усилия, с тем чтобы добиться ревизии антимпериалистических решений Гаванской конференции. И Пекин, и Запад стали поощрять правые режимы в движении неприсоединения на сколачивание некоего блока, который можно было бы использовать для борьбы с его антимпериалистической направленностью. Своего рода кредо сторонников этого блока в движении неприсоединения изложил в интервью японской газете «Асахи» в январе 1981 г. премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю, который заявил, что «деколонизация и борьба против империализма уже не являются объединяющей силой этого движения».

Эти заявления подкреплялись практическими шагами. Так, в январе 1981 г. министр иностранных дел Египта Б. Гали совершил поездку по ряду латиноамериканских стран — членов движения неприсоединения. В интервью аргентинским газетам «Насьон» и «Кларин» он раскрыл задачи своей миссии. Б. Гали заявил, что режим Садата явно обеспокоен некоторым уклоном влево в движении неприсоединения, и обрушился с нападками на Кубу, являющуюся председателем движения²⁸. В январе того же года Латинскую Америку посетил заместитель премьер-министра Сингапура С. Раджаратнам. По окончании визита в Аргентину он заявил, что на Гаванской конференции «цели движения неприсоединения были искажены, а само движение прибрали к рукам те, кто стремится к сговору с одной сверхдержавой». Поэтому, утверждал С. Раджаратнам, предстоящее совещание министров иностранных дел в Дели «должно постараться избежать повторения происшедшего в Гаване», добавив, что вышеуказанные вопросы обсуждались им с высокопоставленными аргентинскими официальными лицами²⁹. Китайская пресса, с готовностью подхватившая это заявление С. Раджаратнама, не оставила никаких сомнений относительно замыслов самого китайского руководства, которое при поддержке западных держав и при опоре на проимпериалистические круги внутри движения неприсоединения рассчитывало на очередном форуме неприсоединившихся стран взять реванш за поражение в Гаване.

Подрывная деятельность Пекина и Запада против движения неприсоединения в преддверии делийского совещания (в Гаване было принято решение о том, что совещание неприсоединившихся стран на уровне министров иностранных дел, традиционно созываемое в промежутках между конференциями в верхах, состоится в Дели в феврале 1981 г.) осуществлялась в двух направлениях: это идеологические диверсии с целью внедрения в движение ложных концепций и псевдотеорий, касающихся сущности, направленности, принципов движения неприсоединения, с одной стороны, и подталкивание отдельных неприсоединившихся стран, движения в целом на проимпериалистические и пропекинские позиции по конкретным международным вопросам, — с другой.

Пекинские и империалистические политики выбрали два вопроса — так называемые афганский и кампучийский, стремясь навязать их движению неприсоединения в качестве главных, основных проблем, вставших якобы не только перед движением неприсоединения, но и перед всем международным сообществом³⁰. При активной поддержке Пекина и Запада делегациям некоторых неприсоединившихся стран удалось втянуть делийское совещание в дискуссию по афганскому и кампучийско-

²⁸ См.: «Правда», 21.I.1981.

²⁹ См.: «Жэньминь жибао», 21.I.1981.

³⁰ См. там же, 9.I.1981.

му «вопросам», что не могло не сказаться на конструктивности обсуждения на нем узловых международных проблем. В итоговую декларацию конференции были включены положения, затушевывающие истинную ситуацию в Афганистане и Кампучии.

В Пекине объявили о своем удовлетворении результатами делийского совещания, имея в виду прежде всего указанные положения итоговой декларации. Средства массовой информации КНР, писавшие накануне совещания о «кризисе» движения неприсоединения, теперь утверждали, что в Дели была достигнута «большая победа принципов движения неприсоединения»³¹. Видимо, китайские руководители полагают, будто такого рода фальсификациями можно хоть как-то обелить их собственную контрреволюционную, проимпериалистическую политику в отношении Кампучии и Афганистана.

Важным направлением в совместной подрывной деятельности Пекина и империализма после конференции в Гаване были массированные усилия с целью дискредитации и изоляции внутри движения неприсоединения прогрессивных стран, прежде всего Кубы как председателя движения. Пекинские лидеры пытались сеять сомнения относительно добросовестности Кубы как председателя движения неприсоединения в надежде подорвать ее престиж и влияние. Извращая события в Афганистане, Пекин клеветнически обвинил Кубу как председателя движения неприсоединения в бездеятельности, в связи с чем якобы «сложилось такое положение... когда движение неприсоединения все еще лишено возможности принять какие-либо меры»³². Между тем известны активные усилия Кубы как председателя движения неприсоединения в целях нормализации положения в Юго-Западной и Юго-Восточной Азии. В заявлении правительства ДРА от 14 мая 1980 г. о путях политического урегулирования отношений Афганистана с Ираном и Пакистаном, например, прямо указывалось, что оно «приветствует и поддерживает инициативу, проявленную Республикой Куба в качестве председателя движения неприсоединения, по оказанию своих добрых услуг»³³.

В ход были пущены и новые формы дискредитации и изоляции Кубы. На XXXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН Соединенные Штаты, Китай и их пособники упорно препятствовали избранию Кубы очередным непостоянным членом Совета Безопасности, хотя она была главным кандидатом от группы латиноамериканских стран. США и Пекин, желая любой ценой помешать избранию Кубы, вынуждали Колумбию не снимать свою кандидатуру, тогда как она при голосовании получала меньше голосов, чем Куба, и по сложившейся традиции должна была уступить. Состоялось более 150 туров голосования, в ходе которых за Кубу подавалось от 74 до 95 голосов (требовалось 96—98 голосов). Лишь на заключительном заседании сессии, 7 января 1980 г., удалось выйти из этого тупика — на совещании латиноамериканской группы с участием Кубы была достигнута компромиссная договоренность о том, что Куба и Колумбия снимут свои кандидатуры в пользу Мексики, которая и была избрана непостоянным членом Совета Безопасности³⁴.

Эта затея Вашингтона и Пекина имела целью доказать неприсоединившимся странам, что они совершили ошибку, согласившись на проведение конференции на высшем уровне в Гаване и поручив Кубе председательство в движении неприсоединения на период до следующей конференции, так как Куба якобы не пользуется авторитетом в международном сообществе и не может достойно представлять в нем интересы неприсоединившихся стран.

³¹ «Жэньминь жибао», 15.11.1981.

³² Там же, 22.IV.1980.

³³ «Правда», 15.V.1980.

³⁴ См.: «Правда», 9 и 11.1.1980; «Известия», 7 и 9.1.1980.

Выступая в декабре 1980 г. на II съезде Компартии Кубы, Ф. Кастро отметил, что Куба стала председателем движения неприсоединения в период обострения международной напряженности, когда нарастают многочисленные конфликты, возникают новые очаги напряженности в различных районах, выявляются противоречия, сталкивающие одни страны движения неприсоединения с другими. «Куба стремилась найти справедливые и согласованные решения для устранения разногласий, существующих между некоторыми странами — членами движения неприсоединения и сталкивающих их в определенных случаях друг с другом. — заявил Ф. Кастро, — осознавая, что движению, чтобы оно играло свою важную роль в международной политике, необходимо внутреннее единство»³⁵.

Движение неприсоединения, будучи влиятельным фактором современных международных отношений, представляет далеко не простое явление. Внутри движения постоянно идет борьба как по вопросам его ориентации, так и по многим другим проблемам. Нелегко достигается и единство его рядов. Участие в движении неприсоединения множества стран различных континентов с различным экономическим, социальным и политическим строем (социалистические страны и феодальные государства, страны социалистической ориентации и капиталистические, государства с многоукладными экономиками и др.), а также национально-освободительных движений не может, естественно, не влиять на позиции этих стран по тем или иным конкретным международным вопросам, не приводить к расхождению во взглядах. Касаясь положения в освободившихся странах, составляющих большинство в движении неприсоединения, Л. И. Брежнев подчеркивал на XXVI съезде КПСС: «Страны эти очень разные. Одни из них после освобождения пошли по революционно-демократическому пути. В других утвердились капиталистические отношения. Некоторые из них проводят подлинно независимую политику, другие идут сегодня в фарватере политики империализма. Словом, картина довольно пестрая»³⁶.

Именно эту пестроту, неоднородность и пытается использовать Пекин, который хотел бы подчинить движение неприсоединения своей гегемонистской политике, разрушая антиимпериалистические основы этого движения, сталкивая его с государствами социалистического содружества, а также раскалывая его собственные ряды. Тем не менее расхождения во взглядах между отдельными неприсоединившимися странами или отдельными группировками этих стран не являются непреодолимой помехой для их сотрудничества по основным вопросам и во всех областях, которые составляют сущность движения.

Характерной чертой политики Пекина в отношении движения неприсоединения является стремление всеми средствами скрыть или сгладить глубокие противоречия между позицией китайского руководства и позицией большинства неприсоединившихся стран по основным проблемам современной мировой политики, стремление представить Китай их «надежным союзником». Однако, как показывает многолетняя практика и как свидетельствует характер общих дискуссий на форумах неприсоединившихся стран и принимаемых на них итоговых документов, движение неприсоединения отнюдь не разделяет цели и принципы, лежащие в основе внешнеполитической доктрины и международной деятельности китайского руководства. Курс Пекина в корне противоречит интересам неприсоединившихся стран. Более того, он представляет серьезную опасность для самого существования движения неприсоединения.

³⁵ «Гранма», 20.XII.1980.

³⁶ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 11.

Международная практика также показала, что подлинными друзьями неприсоединившихся стран являются государства социалистического содружества, другие прогрессивные и демократические силы. Существующие различия в позициях и расхождения во взглядах неприсоединившихся стран и социалистических государств по отдельным конкретным вопросам не являются и не могут служить препятствием для их сотрудничества в достижении основных целей, которые являются для них общими.

«Развитие дружбы и сотрудничества с неприсоединившимися странами, составляющими одно из важных звеньев общего фронта борьбы народов за мир и свободу, было и остается принципиальной позицией Советского Союза,— отмечал Л. И. Брежнев в приветствии по случаю 20-й годовщины движения неприсоединения. — Мы уверены, что лишь сообща, усилиями всех миролюбивых государств и народов можно сковать действия агрессивных сил, повернуть ход событий от нагнетания международной напряженности к упрочению разрядки, от обострения конфликтов к их урегулированию, к повсеместному внедрению в практику международных отношений принципов мирного сосуществования государств с различным социальным строем»³⁷.

³⁷ «Правда», 9. II. 1981.

Финансово-монополистический капитал и политический механизм Японии

А. А. Макаров

Развитие государственно-монополистического капитализма в Японии ведет к тому, что монополистический капитал оказывает постоянное и все возрастающее воздействие на курс государственной политики.

Вместе с тем после проведения в послевоенный период целого ряда политических, экономических и социальных реформ (1945—1952), введения в стране всеобщего избирательного права, усиления позиций прогрессивных сил, в первую очередь коммунистической и социалистической партий, монополии не могут афишировать свое политическое господство или осуществлять его открыто и прямо. Система политического доминирования монополий в Японии, как и в других империалистических странах, имеет не юридический, а фактический характер. Она в значительной степени анонимна и в большинстве случаев осуществляется, минуя традиционную систему представительства — выборы, парламент и т. д.

Это отчетливо показывает анализ деятельности ведущих предпринимательских организаций современной Японии. Они не могут быть названы государственными или полугосударственными, поскольку правительство и государственная бюрократия формально в них не участвуют. При этом монополистические объединения, которые обладают бюджетами, исчисляемыми миллиардами иен, и громадными штатами, практически не получают дотаций от государства. Тем не менее в формировании государственной политики ведущие предпринимательские организации зачастую играют гораздо большую роль, чем правительство или парламентская фракция правящей Либерально-демократической партии (ЛДП).

В современной Японии имеется значительное число организаций деловых кругов, формально выступающих как профессиональные объединения предпринимателей. Так, существует около сотни отраслевых предпринимательских организаций — так называемых промышленных и торговых ассоциаций. Наиболее влиятельные из них — Ассоциация металлургической промышленности Японии (Нихон тэкко рэммэй), Ассоциация судостроительной промышленности Японии (Нихон дзосэн когёкай), Ассоциация автомобильной промышленности (Дзидося когёкай), Японский совет по внешней торговле (Нихон боэкикай) и некоторые другие¹.

В Японии действуют также предпринимательские организации, построенные по региональному принципу. Из них выделяется Экономическая федерация района Кансай (Кансай кэйдзай рэнгокай), объединяющая ведущих бизнесменов таких крупных промышленно-торговых центров восточного побережья Японии, как Осака, Кобэ, Киото.

Деятельность отраслевых и региональных организаций оказывает

¹ In: Japan Company Handbook. Tokyo, 1980.

немалое влияние на выработку конкретных мероприятий правительства не только в области экономики, но и по многим другим вопросам жизни страны. Но наиболее интенсивное и постоянное воздействие на всю систему государственных органов — парламент, правительство, аппарат исполнительной власти — осуществляет так называемая «большая четвёрка» общенациональных предпринимательских организаций Японии, самым активным образом участвующая в принятии решений по важнейшим вопросам национальной политики. Эту группировку в политическом лексиконе страны принято именовать «дзайкай» — буквально «финансовые круги».

Руководство ведущих монополистических объединений Японии — Федерации экономических организаций (Кэйданрэн), Федерации предпринимательских организаций Японии (Никкэйрэн), Торгово-промышленной палаты Японии (Ниссё) и Комитета по вопросам экономического развития (Кэйдзай доюкай) — в большинстве случаев представлено лидерами крупнейших финансово-промышленных групп: «Мицубиси», «Сумитомо», «Мицуи», «Фудзи», «Дайити—Кангё» и «Санва», объединяющих подавляющее большинство ведущих предприятий промышленности, торговли и банков страны. Последние широко участвуют также и в отраслевых предпринимательских организациях. Таким образом, наиболее влиятельные деятели «большой четвёрки» имеют возможность в значительной степени контролировать деятельность основных торговых и промышленных ассоциаций.

Наиболее характерной особенностью дзайкай — финансово-монополистической верхушки современной Японии — является то, что ее представители, участвуя в деятельности ведущих предпринимательских организаций, выступают в контактах с правительственными органами не от лица каких-либо финансово-промышленных групп, а от лица всей монополистической буржуазии как ведущего отряда капиталистического класса страны. При этом они преследуют долгосрочные цели «большого бизнеса» и подчас даже готовы ради их осуществления принести в жертву интересы отдельных капиталистических предприятий.

Несмотря на значительное сходство функций ведущих предпринимательских организаций Японии, между ними существует определенная специализация. В то время как Кэйданрэн занимается наиболее общими экономическими и политическими вопросами, Никкэйрэн разрабатывает преимущественно социальные проблемы, главным образом связанные с взаимоотношениями между трудом и капиталом. Торгово-промышленная палата Японии, осуществляя контроль крупного капитала над мелкими и средними предпринимателями, разрабатывает в отличие от Кэйданрэн более конкретные экономические проблемы. Комитет по вопросам экономического развития представляет «мозговой трест» большого бизнеса страны, занимается исследованием наиболее перспективных направлений развития экономической и социальной структуры.

Хотя между ведущими предпринимательскими организациями современной Японии существует «разделение труда» и они формально независимы друг от друга, действуют же они в постоянном и тесном контакте. При этом главным координационным центром финансово-монополистической верхушки является наиболее мощное и представительное объединение — Федерация экономических организаций, включающая в себя по состоянию на 1980 г. 979 членов, в том числе 798 крупных корпораций и банков². Она играет в политической структуре послевоенной Японии примерно такую же роль, как Национальная ассоциация промышленников в США, Национальный совет французских предпринимателей («Патронат») во Франции или Конфедерация британской

² См.: Япония. М., 1981, с. 136.

промышленности в Великобритании. Остальные предпринимательские организации страны в значительной степени согласовывают с ней свою деятельность. В особенности это относится к Федерации предпринимательских организаций Японии, которую часто называют «отделом труда Кэйданрэн». В последние годы также отчетливо проявляется тенденция к сближению между Кэйдзай доюкай и Кэйданрэн.

Тесная координация деятельности ведущих предпринимательских организаций Японии обусловлена не только объективным совпадением их общих классовых интересов — стремлением сохранить и упрочить капиталистический способ производства и обеспечить наиболее оптимальные условия для монополистических объединений, но и организационной особенностью «большой четверки», заключающейся в одновременном членстве руководящего состава в двух или более предпринимательских организациях.

Пальма первенства в этом принадлежит, безусловно, Кэйданрэн, многие видные деятели которой занимают руководящие посты в других организациях «большой четверки». Так, президент Кэйданрэн Ёсихиро Инаяма и вице-президент Норисигэ Хасэгава являются одновременно членами руководства Никкэйрэн. Бывший глава Никкэйрэн Такэси Сакурада одновременно входил в состав руководства Кэйданрэн. В то же время один из основателей Кэйдзай доюкай Каньити Морой (президент компании «Тигбу сэменто») является одновременно исполнительным директором Никкэйрэн и советником Торгово-промышленной палаты Японии.

Отмечая особенности политического господства монополий, В. И. Ленин указывал, что «буржуазия... великолепно научилась лицемерить и тысячами приемов надувать народ, выдавая буржуазный парламентаризм за «демократию вообще» или за «чистую демократию» и тому подобное, искусно пряча миллионы связей парламента с биржей и капиталистами, используя подкупную, продажную прессу и всеми средствами пуская в ход силу денег, власть капитала»³. Эта ленинская мысль вполне применима и для характеристики политического стиля монополистического капитала Японии, который использует завуалированные методы воздействия на государственные органы и избегает прямого, открытого нажима на правительство страны.

Политическую систему послевоенной Японии отличает невысокая по сравнению с другими развитыми странами степень непосредственного участия финансово-монополистической верхушки в деятельности высших политических органов. Так, в нижней палате японского парламента — палате представителей — в 70-х годах бизнесмены составляли лишь примерно 12 % общего числа депутатов от правящей партии, являясь в ней третьей по численности группой после выходцев из правительственной бюрократии и местных политических деятелей⁴. В то же время, например, в США более четверти членов конгресса являются выходцами из деловых кругов. При этом следует учитывать, что японская статистика в эту категорию включает не только представителей крупных монополистических объединений, но и мелких и средних предпринимателей.

В современной Японии, кроме того, практически не наблюдается характерное для многих развитых капиталистических стран явление, когда представители элиты финансово-монополистического капитала получают назначение на высшие государственные посты. Из 15 послевоенных премьеров Японии ни один не входил в список наиболее состоятельных

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 160.

⁴ Характерно, что в послевоенный период эта доля неуклонно падала. Так, в 1946 г. она составляла около 20 %, в 1967 г. — уже 15 %. Подсчет по: М. Иси-кава. Сэнго сэйдзи кодзо (История политической структуры в послевоенный период). Токио, 1978, с. 24; «Дзю минсю», 1968, № 5, с. 36—37.

людей страны и не участвовал в руководстве какой-либо ведущей предпринимательской организации.

Среди лидеров фракционных группировок ЛДП также нет ни одного представителя финансово-монополистической верхушки Японии. Исключением является Токусабуро Косака, который до своего перехода к чисто политической деятельности в начале 70-х годов возглавлял химическую компанию «Синъэцу кагаку когё» и был активным членом Никкэйрэн и Кэйданрэн. Однако возглавляемое им Общество по изучению новых явлений в политике (Симпу сэйдзи кэнкюкай) объединяет политиков среднего ранга и играет второстепенную роль в правящей партии Японии.

Характерно, что сами лидеры дзайкай, стремящиеся по возможности держаться в тени, скрывая свою истинную роль в политическом механизме Японии, в подавляющем большинстве случаев не проявляют желания занять руководящие посты в государстве.

Среди членов послевоенных японских кабинетов, равно как и в парламентской фракции ЛДП, преобладают бывшие правительственные чиновники и профессиональные политики. Случаи назначения на министерские посты представителей деловых кругов крайне редки. Примерно из 200 назначений на министерские посты в 70-е годы на долю представителей деловых кругов приходится считанные единицы. Так, крупный промышленник, владелец судоходной компании «Санко кисэн» Тосно Комото занимал пост министра внешней торговли и промышленности в первом кабинете Т. Мики (декабрь 1974 — сентябрь 1976 гг.). Т. Комото является одним из ведущих деятелей фракции Т. Мики и, как указывают японские комментаторы, получил престижное назначение благодаря щедрой финансовой поддержке своего босса⁵.

Представителей деловых кругов нет и на руководящих должностях в бюрократическом аппарате Японии. Например, на посты послов в последние годы назначаются только кадровые работники министерства иностранных дел. Это не исключает, однако, назначения крупных бизнесменов главами специальных миссий в ранге послов, которые направлялись в 50-х годах главным образом в страны Юго-Восточной Азии для ведения переговоров о репарационных платежах в возмещение ущерба, нанесенного этим странам Японией во время второй мировой войны, а впоследствии — в самые различные точки земного шара, в том числе в КНР, США, Западную Европу и т. д. Например, на переговорах по внешнеторговому вопросу со странами ЕЭС в 1976 г. японскую официальную делегацию возглавлял Тосно Доко, тогдашний президент Кэйданрэн, а на вторых переговорах подобного рода, проводившихся в октябре 1981 г., — Ёсихиро Инаяма, нынешний президент Кэйданрэн⁶.

Несмотря на формально независимое друг от друга существование политических институтов и финансово-монополистического капитала и внешне незначительное непосредственное представительство монополий в политических органах и государственном аппарате, финансово-монополистическая верхушка принимает самое прямое участие в формировании важнейших аспектов государственной политики.

Воздействуя на систему политической власти, деловые круги имеют вполне определенные цели и задачи. Главной из них, бесспорно, является укрепление в стране политических условий, обеспечивающих сохранение существующей социально-экономической системы, основанной на принципах частной собственности и эксплуатации наемного труда.

Во второй половине 70-х годов, когда в парламенте Японии почти установилось равновесие сил между ЛДП и оппозиционными партиями, особенно резко зазвучали обращения к руководству либерал-демокра-

⁵ См.: К. Сасаго. Сэйдзи синкии (Политические фонды). Токио, 1979, с. 75—76.

⁶ См.: «Майштин симбун», 3.X.1981.

тов призывы лидеров дзайкай покончить с фракционными распрями и направить все усилия на противодействие натиску оппозиции. Весьма характерна статья президента Торгово-промышленной палаты Японии Сигэо Нагано, опубликованная в популярном общественно-политическом журнале «Тюо корон» вскоре после особенно неудачного выступления ЛДП на выборах в нижнюю палату парламента 9 декабря 1976 г. (тогда партия с трудом сумела обеспечить себе минимальное большинство). В ней фракционная раздробленность ЛДП подвергается резкой критике⁷.

Решая задачи обеспечения политических условий для большого бизнеса, монополистический капитал также непрерывно воздействует на государственную машину как ведущее звено политической системы, с тем чтобы содействовать созданию оптимальных экономических и социальных условий для деятельности монополий. Используя механизм государственного регулирования, финансово-монополистическая верхушка страны оказывает решающее влияние на формирование таких важнейших направлений политики японского государства, как общая экономическая структура, экономическое планирование, финансовая система, социальное обеспечение, образование, милитаризация и пр. При этом в условиях Японии, страны, в высшей степени зависимой от внешней торговли, для монополий особенно важное значение приобретает расширение внешнеэкономической экспансии.

Взаимодействуя с государственными и политическими организациями, деловые круги Японии используют совокупность каналов и методов, конкретный выбор которых зависит как от характера и масштабов преследуемых целей, так и от того, какая группировка предпринимательских кругов страны вступает в данном случае в это взаимодействие. Оно проходит на всех уровнях, включающих в себя правительство и руководство правящей Либерально-демократической партии Японии, центральный партийный аппарат и фракционные группировки ЛДП, центральный аппарат исполнительной власти, парламент.

Отношения между финансово-монополистической верхушкой и руководством правящей партии Японии традиционно отличается тесное взаимодействие, основанное на совпадении основных классовых интересов и целей. Это, однако, не исключает временных трений. Так, в 1956 г. значительная часть руководства ведущих предпринимательских организаций требовала отставки премьер-министра Итиро Хатояма, недовольная его курсом на нормализацию советско-японских отношений. В конце 1974 г. взаимоотношения между консервативной партией и финансово-монополистической верхушкой резко обострились из-за разоблачения популярным журналом «Бунгэй сундзю» незаконных источников обогащения тогдашнего премьера Какуэй Танака, что бросало тень на всю систему капиталистического «истэблишмента» в Японии. Монополистический капитал также весьма холодно отнесся к Такэо Мики, занимавшему пост премьер-министра в 1974—1976 гг., при котором было начато расследование крупнейшего в послевоенной истории страны скандала, связанного с разоблачением фактов подкупа американской авиационной корпорацией «Локхид» группы высших государственных деятелей Японии, в том числе К. Танака. Было выяснено, что за 1958—1975 гг. они получили от «Локхид», добивавшейся выгодного размещения своих заказов в Японии, взятки на общую сумму 3,7 млрд. иен (12 млн. долл. по курсу 1976 г.).

В ходе контактов лидеров финансово-монополистических кругов с правительством и руководством ЛДП согласовывается самый широкий круг вопросов: темпы экономического роста, основные направления внешнеэкономической политики, различные внутривнутриполитические пробле-

⁷ См.: «Тюо корон», 1977, № 2, с. 142—147.

мы, важнейшие законопроекты, выдвигаемые от лица правительства, и т. д.

На этом уровне японские монополии представлены обычно руководством одной из предпринимательских организаций, в большинстве случаев Кэйданрэн, или всей «большой четверкой», а правящая консервативная партия — ее председателем, занимающим пост премьер-министра, а также нередко генеральным секретарем и председателем Совета по изучению политических вопросов ЛДП. По конкретным вопросам переговоры ведутся с министрами кабинета, возглавляющими соответствующее ведомство центрального административного аппарата.

В фокусе внимания монополий Японии в последнее время находится планируемая «административная реформа», выдвинутая пришедшим к руководству в июле 1980 г. кабинетом Дзэнко Судзуки в качестве основной задачи в области внутренней политики на современном этапе. Вопрос о формах и масштабах «реформы», предполагающей общее сокращение правительственных субсидий всякого рода и штата административно-бюрократического аппарата, неоднократно согласовывался на совместных заседаниях правительства и ведущих предпринимательских организаций. Характерно, что главой Специального совета по административной реформе — совещательного органа при правительстве Японии, координирующего разработку проекта «реформы», был назначен виднейший представитель финансово-монополистических кругов Японии Тосио Доко (с 1974 по 1980 г. — президент Кэйданрэн) ⁸.

Личные контакты между главой японского правительства и лидерами дзайкай осуществляются как в официальной, так и в неофициальной форме. Премьер-министр обычно приглашается на съезды ведущих предпринимательских организаций, в свою очередь представители «большой четверки» — частые гости официальной резиденции премьер-министра. Нередки совместные встречи руководителей всех ведущих предпринимательских организаций с главой кабинета.

Весьма разветвленной является сеть личных контактов между правительством и деловыми кругами. При каждом послевоенном японском премьере существовало по нескольку — иногда свыше десяти — построенных по клубному принципу обществ, через которые осуществлялись связи с различными группировками предпринимательских кругов. Членство в подобных обществах часто связано с совместным обучением или одновременным окончанием того или иного университета, происхождением его участников из одного и того же района Японии и пр. Иногда они строятся также по возрастному принципу. Собрания таких обществ неизменно проводятся в неофициальной обстановке — в известных отелях, ресторанах, гольф-клубах и т. п. Эти встречи преследуют те же цели, что и официальные контакты финансово-монополистической верхушки с премьер-министром: доведение до сведения главы правительства мнений и пожеланий деловых кругов по самому широкому кругу вопросов, согласование на наиболее высоком уровне вопросов конкретной политики и пр.

По свидетельству журнала «Дзайкай», например, при М. Охире, занимавшем пост премьер-министра в 1978—1980 гг., имелось более 15 подобных обществ. В них состояли виднейшие представители финансово-монополистической верхушки: президент Никкэйрэн Б. Оцуки, президент Торгово-промышленной палаты Японии С. Нагано, глава крупнейшей нефтяной компании «Арабиа сэкию» А. Кобаяси, Е. Инаяма, до мая 1980 г. занимавший пост вице-президента Кэйданрэн, а затем ставший ее президентом, и др. ⁹

⁸ In: "Japan Times", 25.VIII.1981.

⁹ См.: «Дзайкай», 16.X.1979, с. 23—42.

Свое воздействие на политические органы финансово-монополистическая верхушка Японии осуществляет также через центральный аппарат ЛДП. Между лидерами дзайкай и высшими функционерами ЛДП, включая ее генерального секретаря и председателей двух наиболее важных подразделений штаба консервативной партии — Совета по общим вопросам (Сомукай) и Совета по изучению политических вопросов (Сэйму тэсакай), — осуществляется постоянное взаимодействие.

На этом уровне обсуждаются в основном те же проблемы, что и на встречах с премьер-министром, а также решаются вопросы финансирования партии. Последнее особенно важно для ЛДП Японии, так как она в отличие от большинства буржуазных партий в капиталистических странах не имеет собственной существенной финансовой базы и фактически полностью зависит от субсидий деловых кругов. Эти субсидии — основа бюджета ЛДП, в отдельные годы их доля достигает 80 % ее «политических фондов»¹⁰.

В качестве пожертвователей в фонд ЛДП выступает значительное число юридических и частных лиц: национальные и региональные предпринимательские организации, монополистические объединения, отдельные корпорации, многочисленные индивидуальные жертвователи. При этом в сборе субсидий для ЛДП главную роль играют крупнейшие частные банки и другие кредитно-финансовые учреждения, металлургические и электротехнические компании, представляющие те отрасли, которые в наибольшей степени выиграли от проводившейся консерваторами в 60-х — начале 70-х годов политики «форсированных темпов роста экономики», когда предприятия этих отраслей были в льготных условиях, получая крупные правительственные кредиты и заказы¹¹. В последние годы в связи с активизацией курса правящей ЛДП на милитаризацию страны усилилась политическая деятельность корпораций, связанных с производством оружия. Стремясь добиться от правительства решений об отечественном производстве всех важнейших видов вооружений, эти корпорации, объединенные в Японскую ассоциацию военной промышленности (Нихон хэйки когёкай), передают ЛДП значительные денежные суммы. Как сообщала газета японских коммунистов «Акахата», в 1978 г., например, они составили около 1,1 млрд. иен — примерно 10 % всего сбора ЛДП за год¹².

Роль координирующего центра по сбору средств для ЛДП играет Кэйданрэн. Она контролирует примерно 50 % «политических пожертвований», ежегодно централизованно получаемых консервативной партией через специальную посредническую организацию — Народную политическую ассоциацию (Кокумин сэйдзи кёкай) — или в виде прямых взносов в партийную казну¹³. Кэйданрэн играет важнейшую роль и в формировании предвыборных фондов правящей партии Японии, мобилизуя средства монополий перед выборами в парламент и в местные органы самоуправления.

Предоставление консерваторам огромных субсидий на проведение предвыборных кампаний стало практикой политической жизни послевоенной Японии. Их размеры неизменно увеличиваются. Так, перед выборами в палату представителей японского парламента 5 декабря 1976 г. штаб-квартира ЛДП получила 3,3 млрд. иен, перед выборами в ту же палату 7 октября 1979 г. — уже около 8 млрд. иен¹⁴. На проведение «двойных» парламентских выборов — одновременно в палату представителей и палату советников, — состоявшихся 22 июня 1980 г., ЛДП было

¹⁰ См.: «Асахи нэнкан», 1979, с. 278.

¹¹ См.: К. Сасаго. Сэйдзи сикин, с. 26.

¹² См.: «Акахата», 8.VIII.1979.

¹³ См.: Т. Акияма. Дзайкай ёндайтай-но сосики-то кацудо (Структура и деятельность четырех ведущих предпринимательских организаций). Токно, 1978.

¹⁴ Ил.: «Japan Times», 2.VIII.1979.

передано в общей сложности примерно 15 млрд. иен¹⁵. Столь щедрая материальная поддержка со стороны финансово-монополистических кругов явилась одним из важнейших факторов, позволившим консерваторам значительно увеличить свое представительство в парламенте летом 1980 г.

Субсидирование деловыми кругами консервативной партии происходит также на уровне ее фракций и отдельных либерал-демократов. Этим заняты ведущие промышленно-финансовые группы «Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо» и др., отдельные корпорации и компании, промышленные и торговые ассоциации, за исключением Кэйданрэн, которая делает взносы только в центральную кассу ЛДП.

Эти субсидии также играют очень большую роль в формировании «политических фондов» консервативной партии и осуществляются в большинстве случаев через специальные посреднические организации для сбора финансовых средств — так называемые «общества поддержки» («коэнкай»), которые имеются у всех фракционных лидеров ЛДП. По данным 1978 г., официально декларированные доходы пяти крупнейших группировок в ЛДП, возглавлявшихся Т. Фукуда, К. Танака, Я. Накасонэ, М. Охирэ и Т. Мики, составили примерно 2,1 млрд. иен — 20 % средств, поступивших в центральную кассу правящей партии Японии¹⁶.

Деятельность, связанная с воздействием на государственно-административный аппарат, занимает важнейшее место в системе участия финансово-монополистической верхушки Японии в государственно-монополистическом механизме. Ее значение определяется во многом специфическими особенностями Японии: традиционно чрезвычайно активной ролью исполнительной власти, отсутствием до конца XIX в. системы выборных органов, сохранением вплоть до конца второй мировой войны многочисленных феодальных пережитков в структуре государственной власти и пр. При этом монополии Японии стремятся установить прочные контакты в первую очередь с так называемыми «экономическими» ведомствами — министерствами финансов, внешней торговли и промышленности, земледелия, лесоводства и рыболовства, строительства, связи, труда, с Управлением экономического планирования.

Важнейшим каналом проникновения финансово-монополистической верхушки Японии в аппарат исполнительной власти страны является широкое участие ее представителей в деятельности многочисленных правительственных консультативных комитетов и советов, являющихся смешанными органами государства и монополий.

В 70-х годах при правительственных органах Японии действовало свыше 230 совещательных органов, в которые входило более 5000 человек. Наряду с представителями правительства, бюрократии и профессионально-академических кругов в них широко представлена монополистическая элита. Так, по данным на начало 1977 г., в важнейших консультативных органах, таких, как Экономический совет (при Управлении экономического планирования), Комитет по промышленной структуре (при министерстве внешней торговли и промышленности), Комитет по финансовой системе (при министерстве финансов) и некоторых других, 56 % членом являлись представителями финансово-монополистической буржуазии, 20,6 % — правительственных и бюрократических кругов. Оставшиеся 23,4 % приходятся на представителей различных общественных организаций и специалистов — профессоров университетов, врачей, адвокатов, журналистов и т. д.¹⁷

¹⁵ См.: «Акахата», 27.VI.1980.

¹⁶ См.: «Иомнури изнкай», 1980 (Ежегодник «Иомнури», 1980). Токио, 1980, с. 136.

¹⁷ См.: «Акахата», 5.III.1977.

Обладея большинством в основных правительственных консультативных органах, которые часто становятся одним из важнейших звеньев процесса принятия политических решений в современной Японии, монополистическая буржуазия оказывает самое активное воздействие на центральный административный аппарат и в конечном счете на правительство, большинство членов которого также входит в состав совещательных комитетов и комиссий. Согласованные на уровне консультативного аппарата рекомендации монополистических кругов затем либо переводятся на язык правительственных решений, либо воплощаются в выдвигаемых от имени правительства законопроектах. При этом наиболее важным является участие совещательных органов при центральной администрации в осуществлении одной из основных прерогатив японского правительства — в составлении бюджета, этого главного регулятора экономической жизни в стране. Представители дзайкай, заседающие в важнейших правительственных консультативных органах, действуют в тесном контакте с чиновниками из бюджетного департамента министерства финансов и имеют возможность участвовать в формировании бюджета. Особенно важна их роль на первоначальном этапе, когда определяется общая структура бюджета: перспективный уровень экономического роста, основные направления налоговой политики, курс в области финансов, внешней торговли и пр. Характерно, что предварительный проект бюджета не может быть принят кабинетом министров, если он не получил одобрения в вышеуказанных комитетах¹⁸.

Участие представителей финансово-монополистической верхушки Японии в правительственном консультативном аппарате позволяет им также активно воздействовать на экономическое планирование, ставшее в условиях государственно-монополистического капитализма одной из важнейших сторон деятельности японского государства. Ключевую роль в организации экономического планирования играет Экономический совет — консультативный орган, учрежденный в 1952 г. при Управлении экономического планирования. Как пишет американский специалист по Японии Харухиро Фукуи, на протяжении уже более чем двух десятилетий Экономический совет является «постоянным органом, созданным правительством специально для того, чтобы знать мнение делового сообщества относительно экономического планирования и сотрудничать с ним в деле пересмотра существующих экономических планов и в составлении новых»¹⁹.

Костяк Экономического совета неизменно составляют представители финансово-промышленной верхушки Японии; они же и руководят им. С 1966 г. до своей смерти в 1978 г. во главе Экономического совета стоял Кадзутака Кикавада, президент корпорации «Токио дэнки», в свое время президент Комитета по вопросам экономического развития (Кэйдзай доюкай) — виднейший представитель финансово-монополистической верхушки современной Японии.

Юридический статус Экономического совета отводит ему лишь вспомогательные функции при Управлении экономического планирования, однако реальное положение таково, что основные направления экономического планирования разрабатываются именно советом, а управление фактически превратилось в его своеобразный секретариат, выполняющий повседневную подготовительно-исследовательскую работу и ведающий технической стороной разработки государственного планирования²⁰. Рекомендации Экономического совета неизменно ложились в основу всех перспективных планов японского правительства, начиная от

¹⁸ См.: Т. Оно. Сираэдзэру сикайсятти (Властители, которых не знают). Токио, 1967, с. 119.

¹⁹ In: "Asian Survey", 1972, vol. XII, № 4, p. 331.

²⁰ См.: Нихон-но кэйдзай кэйкаку (Экономические планы Японии). Токио, 1969, с. 91.

первого Пятилетнего плана достижения экономической самостоятельности, опубликованного в декабре 1955 г., и кончая последним, Семилетним планом экономического и социального развития Японии на 1979—1985 гг.

Основные «экономические» консультативные органы при правительстве Японии действуют в тесном контакте с ведущими предпринимательскими организациями Японии, в первую очередь с Кэйданрэн. Уже многие годы рекомендации правительству совещательных комитетов и комиссий по важнейшим вопросам обязательно проходят предварительное рассмотрение в Кэйданрэн.

Важнейшую роль в системе связей Кэйданрэн — центральный консультативный аппарат — правительство Японии играет Комитет по промышленной структуре при министерстве внешней торговли и промышленности. Со времени образования комитета в 1964 г. его неизменно возглавляют президенты Кэйданрэн. 55,8 % членов комитета являются представителями монополистической верхушки страны, 7,8 % — представители правительства и бюрократической элиты. Особенно велика доля представителей «большого бизнеса» в отделе стали комитета, где они составляют 98 %. Этот отдел даже называют «теневым министерством внешней торговли и промышленности»²¹.

За годы своего существования комитет по промышленной структуре получил репутацию активнейшего проводника интересов монополистической верхушки страны. Он сыграл значительную роль в формировании политики «форсированных темпов экономического роста» в 60-х годах. В результате деятельности комитета в конце 70-х годов вот уже несколько лет проводится политика «перестройки и рационализации» мелких и средних предприятий в интересах крупных монополий Японии.

Традиционная слабость законодательной власти в Японии по сравнению с исполнительной, относительная непродолжительность истории парламентаризма в этой стране определили то место, которое занимает высший представительный орган в сложившейся системе государственно-монополистического капитализма. В отличие от США, где лоббистская деятельность в конгрессе является важнейшим функциональным элементом политической системы страны, в Японии финансово-монополистическая верхушка предпочитает действовать непосредственно через аппарат исполнительной власти. В то же время, взаимодействуя с правительством, руководством правящей партии и верхушкой государственной бюрократии, дзайкай в конечном счете оказывает воздействие и на парламент.

Политическая практика современной Японии не исключает, однако, и прямого воздействия деловых кругов на парламент страны. Лоббистская деятельность японских монополий наиболее рельефно видна на примере закулисного механизма принятия высшим законодательным органом страны решений о повышении цен на различные виды товаров и услуг. Подобные законопроекты, выносимые на рассмотрение парламента от лица кабинета министров, являются одним из основных элементов законодательной программы правящей партии Японии. Часто они находятся в прямой связи с предоставляемыми ей монополиями «политическими пожертвованиями».

Воспользовавшись так называемым «нефтяным шоком» конца 1973 г., последовавшим после повышения странами ОПЕК цен на нефть, японское правительство в последние годы провело через парламент целый ряд законопроектов о повышении цен за пользование газом, электроэнергией, железнодорожных тарифов и т. д. Это принесло монополистическим объединениям, действующим в соответствующих отраслях экономики, огромные барыши. В парламентской группе ЛДП сложилась

²¹ «Акахата», 5.III.1977.

четкая специализация, связанная с проведением в жизнь лоббистских интересов. Существуют так называемая «группа сухопутных перевозок», «нефтяные депутаты», «рисовые депутаты» и т. д. — группировки, которые выходят за рамки отдельных фракций и связаны с соответствующими ведомствами центрального административного аппарата²². Заинтересованные корпорации или организации и лица, представляющие их интересы, вступают в контакты с соответствующими группировками, требуя в обмен на обещания о «политических пожертвованиях» выгодных им изменений в области законодательства.

* * *

В результате развития государственно-монополистического капитализма в послевоенный период в Японии сложилась финансово-монополистическая верхушка, оказывающая интенсивное и постоянное воздействие на формирование важнейших направлений государственной политики. Действуя в большинстве случаев в обход традиционной системы представительства — выборы, парламент и т. д. — или оказывая прямое воздействие на определение состава представительных органов, финансово-монополистическая верхушка в лице руководства ведущих предпринимательских организаций превратилась в интегральную часть политической системы современной Японии. При этом наиболее интенсивное и всестороннее воздействие на государственные и политические органы страны оказывает ведущая предпринимательская организация современной Японии — Кэйданрэн.

Особенностью политического стиля японских монополий при этом является характерное стремление избегать непосредственного участия в выборных органах и правительстве страны. Предпочтение отдается косвенным методам давления на политические органы, неофициальным контактам с руководством ЛДП, фракционными лидерами этой партии, высокопоставленными правительственными чиновниками. Важнейшее значение при этом имеет то обстоятельство, что правящая ЛДП полностью зависит от субсидий монополий, что позволяет последним использовать «политические пожертвования» в качестве мощного рычага давления на японских консерваторов.

Одним из наиболее эффективных каналов воздействия монополистического капитала на формирование государственной политики в современной Японии является его взаимодействие с центральным государственно-административным аппаратом. Финансово-монополистическая верхушка имеет возможность непосредственно участвовать в работе министерств и ведомств, в первую очередь заседаая в важнейших правительственных консультативных органах, являющихся одним из ключевых звеньев системы государственно-монополистического капитализма в стране. Это также позволяет ей, воздействуя на аппарат исполнительной власти завуалированно, изнутри, как бы оставаться в стороне от ответственности за решения, принимаемые правительством. Получившая даже особое название — «плащ-невидимка» («какурэ-мино»), — подобная политика финансово-монополистического капитала, преследующая цель скрыть свою действительную роль в системе власти современной Японии, последовательно разоблачается демократическими силами страны, прежде всего коммунистами и социалистами, вскрывающими антинародную, промонополистическую сущность политики японского государства.

²² См.: К. Сасаго. Сэйдзи синкии, с. 102—103.

Инфляционные процессы в КНР

П. Б. Капралов,
кандидат экономических наук

В последние годы в КНР отчетливо наблюдаются признаки глубокого расстройтва экономики: дестабилизация системы цен и «цепная реакция» вздорожания основных видов продукции (продовольствия, сырья и топлива), многократный ввод в обращение крупных масс бумажных денег, не обеспеченных товарами, дезорганизация финансовой системы и серьезный бюджетный дефицит. Бурный рост дороговизны и беспорядочная денежная эмиссия, по признаниям китайской прессы, «оказали дезорганизующее влияние на экономическую деятельность, утяжелили бремя народа в городе и деревне, вызвали у людей тревогу и подорвали их доверие» к руководству страны¹. «Сможем ли мы остановить инфляцию — это сейчас со всех точек зрения самая важная проблема», — отмечал ведущий экономический журнал «Цзинцзи яньцзю»².

Нарастание инфляционных процессов в Китае явилось результатом длительного функционирования китайской экономики в условиях глубоких структурных диспропорций, неуклонного снижения эффективности общественного производства, ухудшения как общих народнохозяйственных, так и основных отраслевых показателей эффективности в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве.

Падение экономической эффективности как фактор инфляционных процессов в КНР

Националистический курс на безудержную милитаризацию привел к существенному замедлению темпов экономического развития страны, падению эффективности капиталовложений, значительному повышению удельных затрат на производство важнейших видов промышленной продукции, замораживанию низкого жизненного уровня трудящихся и снижению их трудовой активности. Форсирование китайскими лидерами курса на милитаризацию, искусственное подхлестывание темпов экономического развития, непомерное завышение нормы накопления и расширение масштабов строительства в тяжелой промышленности на протяжении длительного времени ухудшали условия воспроизводства в китайской экономике, характерной чертой которой остаются малопродуктивное сельское хозяйство и масса мелких промышленных предприятий. Такого рода одностороннее развитие, нарушая объективно необходимые пропорции, подрывает отсталый, слабо организованный народнохозяйственный комплекс страны, вызывает жестко обусловленную ответную реакцию — угрожающий рост затрат, требуемых для достижения намеченных экономических показателей. Осуше-

¹ «Жэньминь жибао», 26.IV.1980.

² «Цзинцзи яньцзю», 1981, № 8.

ствление Китаем ракетно-ядерных и других программ вооружений, поглощавших в 70-е годы, по оценкам экспертов, примерно 40 % бюджетных расходов, обернулось для страны осложнением узловых экономических проблем — растущим износом и устареванием производственных фондов в промышленности и сельском хозяйстве, обострением энергетического и продовольственно-сырьевого кризиса, особенно болезненного в условиях высокой плотности населения.

По расчетам китайских ученых, в 1970—1979 гг. прирост национального дохода на юань капиталовложений был вдвое ниже, чем в период первой пятилетки. На протяжении 1970—1978 гг. при завышенной норме накопления (в среднем 33 %) рост фонда накопления более чем вдвое обогнал рост национального дохода (соответственно 200 и 93 %). «В целом мы тратим сейчас две денежные единицы на то, что раньше обходилось нам в одну», — сетовал экономический журнал³. Вследствие ухудшения таких показателей, как отчисления государству по прибылям и налогам на единицу продукции, удельный расход горючего и оборотных фондов, казна КНР ежегодно теряет 20 млрд. юаней доходов (в 1979 г. — около пятой части бюджетных доходов), каждый год дополнительно расходуется 100 млн. т условного топлива (около пятой части ежегодного расхода) и несколько сот миллионов юаней оборотных фондов⁴.

Более детальное представление о перенапряжении и распылении сил китайской экономики, явившихся основной причиной усиления инфляционных процессов, дает таблица на стр. 97.

В 1978 г., в разгар бума «четырёх модернизаций», попыток ускоренной реализации амбициозного 10-летнего плана экономического развития, норма накопления была повышена до 36 % национального дохода, а объем капиталовложений составил почти половину бюджета⁵. Программа форсированного возведения сразу более ста крупных современных промышленных объектов привела к своего рода перенакоплению (особенно серьезному в условиях возрастания военных расходов) — мобилизации (ценой подрыва материально-технической базы экономики) огромных ресурсов, «переварить» которые не было никакой возможности. Для финансирования этих планов государство было вынуждено прибегнуть к выпуску дополнительного количества бумажных денег. Однако «попытки ускорить строительство, печатая бумажные деньги, не только не ускоряют ход строительства, — подводил итоги этой практики журнал «Хунци», — а, наоборот, замедляют его, — такие методы повсюду наносят один вред, разгорается конкуренция за распределение ресурсов, дезорганизуются планы, растягивается фронт строительства и сильно замедляются его сроки»⁶. Вкладывавшиеся в подобное экономическое строительство товарно-ресурсные массы, недостаточные для обеспечения раздутых планов, с одной стороны, и изъятые из процесса воспроизводства, не идущие на удовлетворение жизненных интересов трудящихся — с другой, превращались в омертвленный капитал. Следствием этого явились низкая эффективность вводимых фондов, увеличение разрыва между расходами и обратным поступлением в казну финансовых ресурсов.

В промышленном строительстве во второй половине 70-х годов вдвое увеличились сроки и стоимость возведения крупных и средних объектов по сравнению с серединой 50-х годов⁷. «Если крупные или

³ «Цзинци гуаньли», 1981, № 3; «Хунци», 1980, № 23; «Жэньминь жибао», 7.XII.1979.

⁴ См.: «Цзинци гуаньли», 1981, № 3; «Хунци», 1980, № 17; «Цайчжэи», 1981, № 2.

⁵ См.: «Цайчжэи», 1981, № 1, 2; «Жэньминь жибао», 24.III.1981, 9.IV.1981.

⁶ «Хунци», 1980, № 17.

⁷ См. там же, № 23.

Показатели	1-я пятилетка (1953—1957)	4-я пятилетка (1971—1975)
Доля накопления в национальном доходе, %	24,2	33,0
Доля тяжелой промышленности в валовой продукции промышленности и сельского хозяйства, %	22,5	39,8
Темпы роста производительности труда на государственных предприятиях, %	8,7	1,3
Средние темпы роста финансовых доходов, %	11,0	4,2
Необходимые основные фонды для увеличения национального дохода на 100 юаней, юани	168	346
Затраты условного топлива на 100 млн. юаней промышленной и сельскохозяйственной продукции, тыс. т	620	950
Сроки строительства крупных и средних предприятий, годы	6	11,5
Средние вложения в производственные мощности для производства.		
1 т стали, юани	1342	2452
1 т угля, юани	56	119

Источники: «Гуанмин жибао», 28. VI. 1980; «Жэньминь жибао», 29. IV. 15. VIII. 1980. 30. III. 1981; «Цзинцзи яньцзю», 1980. № 6; «Цайу юй куайцзи», 1980. № 10; «Хунцзи», 1980. № 16.

средние предприятия строятся десять лет, окупаются в последующие восемь лет, а затем многие из них еще требуют покрытия убытков, то что же мы в таких условиях сумеем сделать до конца столетия?» — восклицал автор статьи в журнале по финансам КНР⁸. Ввод крупного объекта сметной стоимостью 100 млн. юаней требует теперь дополнительного расхода еще как минимум нескольких десятков миллионов юаней. Распыление капиталовложений на непомерно растянутом фронте строительства новых промышленных мощностей обескровливает китайскую экономику: ради расширения строительства лишаются необходимых амортизационных отчислений и оборотных фондов действующие предприятия промышленности, откладывается реконструкция транспорта и энергетики, разоряется сельское хозяйство; намеченный ввод сооружаемых объектов надолго затягивается, а вводимые предприятия зачастую вынуждены простаивать из-за нехватки сырья, топлива и энергии. В подобных условиях создаваемые основные фонды, по оценкам китайских экономистов, окупают лишь 40 % капитальных затрат⁹. «Повсюду, где разбросаны объекты капитального строительства, — признавала китайская печать, — залеживается большое количество материалов, расходуется много топлива и электроэнергии, в то время как на множестве действующих предприятий из-за недостаточных поставок сырья, нехватки угля и электроэнергии простаивают мощности» — около трети общего объема¹⁰.

Публикуемые в КНР в последнее время статистические и оценочные данные рисуют картину своего рода «бега на месте», в который вылилась политика перенакопления. За 1965—1976 гг. основные фонды выросли на 178 млрд. юаней, однако за этот же период было произведено негодной и некачественной продукции на 100 млрд. юаней и только за 1974—1976 гг. столько же недополучено из-за простоев¹¹. Несообразное, несоответствующее возможностям страны расширение производственного аппарата тяжелой промышленности, сопровождавшееся затягиванием реконструкции, ростом доли малоэффективных мелких предприятий, привело к резкому ухудшению условий производ-

⁸ «Цайу юй куайцзи», 1980, № 10.

⁹ См.: «Жэньминь жибао», 26.II, 2.VI.1981.

¹⁰ Там же, 7.XII.1979.

¹¹ См. там же, 26.XII.1980, 15.I.1981.

ства, замедлению оборота производственных и денежных фондов, росту удельных затрат и убытков, сокращению финансовых доходов предприятий и отчислений в бюджет по всей промышленности, и прежде всего на ключевых предприятиях, финансируемых из госбюджета. Характерно, что из 140 тыс. предприятий, введенных в 1966—1976 гг., лишь 1570 относились к разряду крупных и средних¹². К концу 70-х годов по сравнению с 1966 г. на 30—40 % выросли некоторые важнейшие удельные затраты (в производстве электроэнергии, чугуна, синтетического аммиака, серной и азотной кислоты). Замедлилась оборачиваемость оборотных средств, увеличение за 1964—1979 гг. складских запасов сырья, материалов и оборудования обогнало рост национального дохода более чем втрое¹³. Существенно ухудшилась почти половина показателей, характеризующих расход ресурсов и качество продукции. Из-за неестественного для отсталой страны расширения доли предприятий группы «А» (61,7 % в 1978 г.), соответствующего удлинения сроков оборота рентабельность промышленности в целом снизилась на треть по сравнению с 1957 г., а на предприятии 1-го министерства машиностроения — на 40 % по сравнению с 1966 г.¹⁴ Но фактически рентабельность китайской промышленности снижается еще более, чем показывает официальная статистика. Уже долгие годы все возрастающую долю в доходах предприятий и, следовательно, в бюджетных поступлениях составляют «мнимые доходы», образовавшиеся после финансируемой государством закупки торговыми органами негодной и некачественной продукции, мертвым грузом оседающей на складах¹⁵.

Перенапряжение и распыление сил — уже при крайне незначительных государственных капиталовложениях — происходило на протяжении 70-х годов и в сельском хозяйстве. Китайская деревня вынуждена была самостоятельно накапливать огромные средства для обеспечения роста ее производственных и товарных возможностей. Сельским районам пришлось наращивать самостоятельный и громоздкий производственный аппарат, расширяя местное ирригационное строительство, создавая комплексы мелких предприятий группы «А» — металлургических, цементных по производству химических удобрений и сельхозтехники, мелких ГЭС. В капитальном полеводческом строительстве в 70-е годы постоянно снижалась доля государственных расходов и росла доля расходов населения. Под видом «займов» промышленные предприятия больших бригад, коммун и уездов получили право изымать у производственных бригад деньги и зерно. При этом рабочая сила, отвлекаемая на стройки и предприятия, содержалась на «дополнительные трудоединицы», выплачиваемые опять-таки производственными бригадами¹⁶.

Подобное напряжение, значительно превышая возможности сельских районов, тяжело отразилось как на состоянии и темпах роста сельскохозяйственного производства, так и на отдаче местной промышленности и ирригации. Непомерные расходы людских и материальных ресурсов в мелком ирригационно-промышленном строительстве и его невысокая итоговая эффективность (ненадежность мелких ирригационных объектов, дороговизна и низкое качество продукции мелких предприятий), среди прочих причин, обескровливали текущее сельскохозяйственное производство, приводили к уменьшению доходов, истощению сил крестьян, а в итоге — к замедлению развития сельского хозяйства и удорожанию его продукции.

¹² См.: «Жэньминь жибао», 15.I, 17.VII.1981.

¹³ См.: «Цайу юй куайци», 1980, № 10, 1981, № 5; «Хунци», 1981, № 18

¹⁴ См.: «Жэньминь жибао», 24.III, 3.IX.1980, 2.III.1981.

¹⁵ См. там же, 17.II и 31.III.1981.

¹⁶ См.: «Нунье цзинци вэньти», 1980, № 4.

Новый овеществленный труд, имеющий подобные низкие качественные показатели, при этом оказывается настолько дороже заменяемого им живого труда, что ставится под сомнение сама необходимость подобной разорительной «модернизации» и «механизации». По данным журнала «Цзинцзи гуаньли», цены на сельскохозяйственные машины, химические удобрения, ядохимикаты, пластмассовые пленки и пр. так высоки, что замена живого труда овеществленным обходится в 5 раз дороже. При этом, например, расширение машинной обработки полей происходит медленно, несмотря на увеличение парка сельскохозяйственной техники, в основном устаревшей и ненадежной, слабо обеспеченной горючим и запчастями. Типичным для китайской деревни стало то, что прирост производства зерна далеко не компенсирует расходы на покупку техники, удобрений, ядохимикатов, в лучшем случае лишь дает возможность покрыть эти расходы¹⁷. Зачастую же техника ввиду ее низкого качества, ненадежности и неуккомплектованности попросту простаивает.

Несмотря на существенное увеличение удельных затрат в сельскохозяйственном производстве (при незначительных государственных капиталовложениях) долгое время государство не повышало закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию. Создаваемая в деревне часть национального дохода перераспределялась из сельского хозяйства в ущерб его воспроизводству. По некоторым китайским оценкам, к концу 70-х годов посредством неэквивалентного обмена продукцией между сельским хозяйством и промышленностью, а также за счет сельскохозяйственного налога формировалось от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ государственных финансовых доходов¹⁸. Наиболее острое положение сложилось в зерновом производстве — господствующей отрасли сельского хозяйства Китая. Только для поддержания не меняющегося десятилетиями уровня душевого производства зерна (примерно 300 кг) средней производственной бригаде в условиях неизменно низких (в течение 12 лет — с 1965 по 1977 г.) закупочных цен приходилось изыскивать все новые и новые дополнительные средства — на содержание местных комплексов по производству сельскохозяйственной техники и инвентаря, химических удобрений, ядохимикатов, цемента, систем искусственного орошения. В результате рост производственных затрат заметно обгоняет рост сельскохозяйственного производства, что проявлялось в замораживании и снижении доходов крестьян. По данным китайской печати, при росте за 1965—1977 гг. объема производства всей сельскохозяйственной продукции в стоимостном выражении на 83 % затраты овеществленного труда выросли на 130 %, а закупочные цены — лишь на 9,2 %. Доходы же «членов коммун» в результате падения стоимости трудодня и роста потребительских цен остались на прежнем уровне — 5 юаней в месяц на душу — либо даже снизились¹⁹.

Увеличение внутренних затрат в сельскохозяйственном производстве в 60—70-е годы привело не только к обнищанию китайской деревни, но и к ухудшению всего комплекса природно-хозяйственных условий в сельских районах. При возрастании плотности земледельческого населения, медленном технико-экономическом обновлении сельского хозяйства нагрузка на природно-экономический потенциал постоянно возрастала, воспроизводство все больше осуществлялось ценой невосполнимого истощения этого потенциала. Для удовлетворения растущих потребностей в продовольствии и топливе распахивали под зерновые степи и пастбища, сводили леса и уничтожали растительный покров, сре-

¹⁷ См.: «Цзинцзи гуаньли», 1979, № 10; «Нунье цзинцзи вэньти», 1980, № 4.

¹⁸ См.: «Жэньминь жибао», 14.IX.1981.

¹⁹ См.: «Нунье цзинцзи вэньти», 1980, № 1; «Цзинцзи гуаньли», 1979, № 10; «Гуаньинь жибао», 7.XII.1978.

зая даже дерн. На топливо шли все доступные растительные ресурсы: солома, хворост, а также часть органических удобрений. Жестко диктуемые необходимостью текущего воспроизводства, подобные мероприятия с каждым годом все более ухудшают условия воспроизводственного цикла — в обширных земледельческих районах, где сведены леса, реками смываются все большие массивы пахотной земли, усиливаются характерные для Китая засухи и наводнения, лишенная защиты лесов истощенная почва теряет плодородие и подвергается эрозии, увеличиваются пространства непригодных для земледелия пустошей, плато в занесенных песками полей²⁰. Ежегодный ущерб от вымывания из почвы азота, фосфора, калия оценивается в 8 млрд. юаней²¹.

Рост цен и инфляция

Перераспределение национального дохода КНР на военно-промышленные цели путем искусственного занижения оптовых цен и фонда потребления длительное время замедляло работу всего хозяйственного механизма страны. Подобное перенапряжение давало себя знать в постоянном стихийном «урегулировании» и скрытом росте разных видов цен, прежде всего потребительских. «На протяжении десяти — двенадцати лет, — признавал журнал «Цайчжэн», имея в виду конец 60-х и 70-е годы, розничные цены постоянно росли, а реальные доходы трудящихся снижались»²². За 1965—1976 гг., например, рыночные потребительские цены выросли на 40%. По зарубежным данным, некоторые основные продукты питания уже к концу 60-х годов в сравнении с серединой 50-х подорожали как минимум в два с лишним раза или даже в пять раз²³. К концу 70-х годов разрыв между официально замороженными, «стабильными» ценами и реальными издержками, реальными возможностями мобилизации необходимых ресурсов вызвал глубокие нарушения в функционировании хозяйственного механизма, повлек за собой ломку существующей системы цен, весьма бурное вздорожание основных видов ресурсов и сырья, привел к дестабилизации бюджетно-финансовой системы КНР. В 1978—1981 гг. в КНР происходит плановое повышение цен (сопровождающееся, как правило, дальнейшим бесконтрольным) на продовольствие, сельскохозяйственное и промышленное сырье, топливо, зерно, различные культуры, хлопок, продукцию животноводства, чугуна, цемент, ряд видов проката, нефте- и лесоматериалы, уголь; в том числе на основные виды сельскохозяйственной продукции — на 20—50%, цемент, лес, прокат — на 100—150%²⁴.

На протяжении 1979—1981 гг. при значительном (примерно вдвое) падении темпов роста промышленного и сельскохозяйственного производства, тяжелых стихийных бедствиях и усугублении продовольственно-энергетических трудностей вздорожание основных видов ресурсов и сырья сопровождается аналогичным нездоровым разбуханием денежного обращения, фиктивным расширением совокупного спроса (районов, предприятий, населения). Китайская пресса определяет нынешнюю систему финансов КНР как «дерево без корней» и «вода без источника». По некоторым данным, подобный «прирост доходов» лишь примерно наполовину покрывается поставками потребительских товаров, обесценивается дороговизной, энергично изымается по банковским

²⁰ См.: «Хунци», 1980, № 9, 21; «Жэньминь жибао», 27.X.1980; «Нунгэ цзинцин вэньти», 1980, № 10.

²¹ См. там же; «Жэньминь жибао», 10.XI.1980.

²² «Цайчжэн», 1981, № 2.

²³ См.: «Чжунго цзинцин няньцзянь», 1981, с. IV—165; «Фэйцин юэбао», 1968, № 10.

²⁴ См.: «Тоё кэйдзай» (Токио), 1981, № 4280; «Жэньминь жибао», 1.II.1979, 1.I.1981.

каналам (в виде сбережений населения и облигаций займа)²⁵. Инфляционные процессы наглядно показывают глубокое расстройство всего организма китайской экономики, несоответствие существующей системы цен и доходов общественно необходимым затратам. В этой обстановке запоздалые и к тому же половинчатые меры по «урегулированию» оптовых цен, зарплаты и пр. ускоряют рост цен.

Для китайской печати и официальных материалов стало типичным двойственное определение текущего экономического положения, отражающее процесс инфляции, а именно «рост денежных доходов народа» при одновременном «сохранении значительного бюджетного дефицита и увеличении выпуска бумажных денег и росте цен на многие товары»²⁶. При тяжелом экономическом положении некоторые вынужденные денежные прибавки (при плановых, сверхплановых и свободных закупках — крестьянам, а также «премиальные» к зарплате рабочим и служащим), слабо обеспеченные товарным покрытием, ухудшают состояние госбюджета и дестабилизируют систему цен, практически не улучшая материального положения трудящихся Китая. Некоторое повышение с 1979 г. закупочных цен на основные виды сельскохозяйственной продукции в сочетании со вздорожанием топлива привело к быстрому повышению цен на продовольствие в городах, к связанным с этим некоторым прибавкам и компенсациям рабочим и служащим, а в результате — к повсеместному росту издержек на предприятиях, к цепной реакции открытого и замаскированного повышения цен в городах. В итоге произошло вздорожание товаров уже для сельского хозяйства — как производственного, так и потребительского назначения. Так, повышение закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию в 1979 г. составило 22,1 % и в 1980 г. — 7,1 %, рост розничных цен на продовольственные товары в городах — соответственно 30—40 и 13,8 %, предметы потребления как в городе, так и в деревне вздорожали в 1980 г. в среднем на 7 %²⁷. Вследствие того что ассортимент товаров и услуг, которых коснулось вздорожание, оказался широким, а уровень повышения значительным, стала «распространяться цепная реакция хаотического, часто замаскированного повышения цен»²⁸. Официально полустихийность этого процесса была признана в апреле 1980 г. в уведомлении Госсовета КНР, в котором предпринята попытка оправдать необходимость повышения «явно заниженных» цен, не покрывавших растущие издержки производства продовольствия, сельскохозяйственного сырья и топлива, а также утверждена процедура официального санкционирования новых цен на товары и услуги, «связанные с жизнью народа»²⁹.

Приведенные выше цифровые данные отражают лишь официальное «урегулирование» цен и не учитывают масштабы стихийного и скрытого вздорожания. Среднегодовые темпы роста цен в 1979—1980 гг., по официальным китайским данным, составляют 6 %, а по зарубежным оценкам — от 7—12 до 20—30 % ежегодно³⁰.

Растущая дороговизна в городе, как, впрочем, и в деревне, отражает также растущий дефицит основных жизненных средств: продовольствия, потребительских товаров, топлива, жилья, земли, воды. По отзывам горожан, перенаселенность «ужасна» и «возрастает с каждым днем». Более половины жилых домов в китайских городах, согласно статистике, — это неотресторированные и заброшенные строения. Между тем стоимость строительства жилья к 1981 г. выросла вдвое по сравнению с 1966 г., а показатель завершенности жилищного строи-

²⁵ См.: «Жэньминь жибао», 27.X. 7.XII.1981; «Хунци», 1981, № 4.

²⁶ «Жэньминь жибао», 13.IX.1980; 8.III, 30.IV.1981.

²⁷ См. там же, 1.XI.1979, 8.III., 30.IV.1981.

²⁸ Там же, 8.II.1980.

²⁹ Там же, 26.IV.1980.

³⁰ См. там же, 8.III., 30.IV.1981, 13.IX.1980; «Asia Business», 23.II.1981.

тельства снизился на четверть. Обостряется нехватка воды и постепенно вводится нормированное снабжение водой по числу душ. В 1978—1979 гг. с 18 до 22 увеличилось число городов с чрезмерно высокими показателями загрязненности воды, воздуха и осадков. Острота этих проблем становится более понятной, если учесть, что плотность населения в Шанхае, например, сейчас 41 тыс. чел. на 1 кв. км — втрое больше, чем была в 1957 г.³¹

«Перестройка системы управления экономикой» и инфляция

Волна инфляции и дороговизны в Китае — это результат провала не только волюнтаристской политики «скачков» и «сверхтемпов», но и тех выходящих из-под контроля перестроек в экономике страны, которые проводятся в последние годы под флагом «урегулирования» и «реформ».

Нынешнее руководство Китая совершает серию маневров и поворотов: отказывается от попыток ускоренного осуществления невозможных для сегодняшнего Китая задач «четырёх модернизаций», сокращает темпы экономического развития и размеры госбюджетных капиталовложений, допускает и поощряет различные формы частного, группового, мелкокрестьянского предпринимательства.

Во многом стихийный процесс перестройки народнохозяйственных связей, сопровождающийся ослаблением общегосударственного планово-распределительного начала, усилением местнических и центробежных тенденций, расширением свободного рынка, привел в последние годы к расстройству всей бюджетно-финансовой системы Китая, к сокращению доходов центрального бюджета, что также явилось важным фактором усиления денежной эмиссии и роста дороговизны.

Начиная со второй половины 1980 г. общий объем производства в тяжелой промышленности, и прежде всего на крупных предприятиях центрального подчинения (вслед за сокращением крупного и среднего промышленного строительства), в ключевых отраслях и индустриальных районах значительно сократился, возросли убытки и число убыточных предприятий, все больше расшатываются управление, трудовая дисциплина, снижаются отчисления в бюджет³². В этих условиях предоставление многим предприятиям в порядке «эксперимента» части их прибыли лишь усилило местнические тенденции и финансовые злоупотребления, открыв новые возможности для недоплат и уклонений от платежей в бюджет. За 1979—1981 гг. отчисления предприятий в бюджет сократились с 49,3 до 34,7 млрд. юаней³³.

Далеко не стабильный централизованный сектор промышленности и строительства в последние годы стала теснить анархия мелкокустарного производства. Введенная в 1980 г. «реформа финансового управления» — передача местам значительных полномочий в области финансов и капиталовложений — обернулась фактическим растаскиванием ресурсов национальной экономики, «оттеснением большого малым, передового отсталым». В результате объем местных капиталовложений за 1979—1981 гг. вырос почти в два раза (примерно с 11 до 20 млрд. юаней), а объем госбюджетных капиталовложений значительно сократился — с 51,5 до 26,4 млрд. юаней, в том числе централизованных более чем вдвое — до 17,6 млрд. юаней³⁴.

³¹ См.: «Жэньминь жибао», 1.VI, 5.VIII, 10.XI.1980; «Цзэфан жибао», 13.X.1980.

³² См.: «Жэньминь жибао», 12.IX.1980, 8.V.1981; «Цзинцзи гуаньли», 1980, № 12; «Хунци», 1981, № 8 и др.

³³ См.: «Жэньминь жибао», 30.VIII, 27.X, 15.XII.1981; «Цайу юй куайцзи», 1981, № 4.

³⁴ См.: «Жэньминь жибао», 8.III, 30.IV, 15.XII.1981.

В последние годы «новые пять малых» (примитивные текстильные, трикотажные, табачные, спиртовые, сахарные заводи, беспорядочно возникающие на местах в ходе переориентации с тяжелой промышленности на легкую) перехватывают сырье, предназначенное для крупных предприятий группы «Б», в то время как «старые пять малых» (мелкие металлургические, «машиностроительные», угольные, цементные и по производству химических удобрений) продолжают транжирить дефицитные материальные ресурсы в группе «А», в целом успешно противостоять попыткам центра ограничить их хозяйничанье³⁵. В результате на протяжении последних лет центральный бюджет лишается крупных сумм финансовых поступлений из-за низкой эффективности или убыточности хозяйствования на местах. На сотню юаней продукции эти предприятия дают втрое меньше прибыли и налогов, чем крупные предприятия³⁶. Между тем рост небольших предприятий без санкционированного в последние два года снижения налогов или даже отмены их был бы немислим, хотя это непосредственно бьет по казне.

В сельском хозяйстве КНР замаскированное или открытое дробление коммун, широкое распространение различных вариантов мелкогруппового и единоличного хозяйствования на договорных началах («системы производственной ответственности, закрепления производства либо заданий за группами, дворами и отдельными крестьянами»³⁷) сопровождается ослаблением системы государственных централизованных закупок, укреплением позиций свободного рынка в торговле сельскохозяйственным сырьем. Все это тесно связано с крайне напряженным положением во всем народном хозяйстве Китая, с общей тенденцией вздорожания основных видов продукции и инфляционным перегревом китайской экономики.

Вынужденное повышение закупочных цен на сельхозпродукцию в 1979—1980 гг., изображавшееся как «мера по повышению жизненного уровня крестьян», но слабо подготовленное с точки зрения покрытия растущего товарного спроса, было во многом непоследовательным. Манипуляции государственных органов на местах (занижение сортности, ужесточение требований к качеству сельскохозяйственной продукции и просто обвешивания и обсчеты) плюс вздорожание, в том числе скрытое, средств производства и потребительских товаров для деревни весьма существенно урезали разрекламированное повышение доходов крестьян. Симптоматично, что с осени 1979 г., когда начали действовать новые закупочные цены, в китайской прессе стали появляться статьи с такими характерными названиями, как, например: «Почему крестьяне не получают должных выгод от повышения цен на сельхозпродукцию»³⁸. При этом производственные расходы в сельском хозяйстве растут весьма ошутимо. Так, в сельских районах Шанхая, а они считаются образцовыми, в 1979—1980 гг. наблюдался «вихрь повышения цен» — в среднем на 50—60 % — на простейшие орудия труда: серпы, мотыги, грабли, бадьи для сбора удобрений и пр.

Остающиеся у крестьян свободные денежные массы, не обеспеченные товарами, как правило, отчуждаются государством, главным образом с помощью принудительных «банковских вкладов», которые увеличились за последние несколько лет почти втрое³⁹.

³⁵ См.: «Цзинцзи гуаньли», 1980, № 12; 1981, № 1; «Хунци», 1981, № 1, 11; «Цайчжэн», 1981, № 1.

³⁶ См.: «Цайчжэн», 1980, № 12; 1981, № 3; «Жэньминь жибао», 25.XII.1980.

³⁷ См. статистические данные в «Цзинцзи гуаньли», 1981, № 8; «Нунцунь гунци тунсюнь», 1981, № 9.

³⁸ «Жэньминь жибао», 28.X, 6.XI.1979; 29.III, 12.IX.1980; «Цзинцзи яньцзю», 1980, № 11.

³⁹ См.: «Гуанмин жибао», 19.IX.1980; «Цзинцзи яньцзю», 1980, № 11.

В этих условиях крестьяне вынуждены все шире использовать возможности маневра, предоставляемые им системой мелкогруппового и индивидуального хозяйствования. Занижая объем урожая, крестьянские дворы, за которыми закреплены земля и орудия, увеличивают «сверхплановую» продажу с наценкой в 50 % и продажу по рыночным ценам. Многочисленные материалы китайской прессы свидетельствуют о том, что крестьяне фактически реализуют все больше производимой ими продукции на свободном рынке⁴⁰.

Стихийное вздорожание на местах в 1980—1981 гг. охватило около половины всей номенклатуры сельскохозяйственной продукции первой и второй категорий. Особенно поднялись цены на сырье для легкой промышленности: хлопок, табак, шелковичные коконы, сахароносные культуры, продукцию скотоводства и пр., составляющие по стоимости не менее половины сельскохозяйственных закупок и пятую часть экспорта. В обстановке повышения государственных закупочных цен в 1979 г. на 22,1 % и в 1980 г. на 7,1 % рыночные цены растут еще быстрее, разрыв между ними весьма велик. На табак, например, рыночная цена на 20—50 % выше государственной, повышенной в 1979—1980 гг.⁴¹ Между тем табачные заводы соперничают в закупках все более дефицитного сырья, сплошь и рядом сбывая готовую продукцию опять-таки по ценам свободного рынка. Подобное явление — самостоятельная реализация многих изделий легкой промышленности по ценам, значительно превышающим государственные, — уже неоднократно фиксировалось в КНР на протяжении последних лет, и это, конечно, тесно связано с заметным вздорожанием сельскохозяйственного сырья. В 1981 г. в ряде районов закупочные цены на дефицитные виды сельскохозяйственной продукции подскочили на 20—100 %. И это не удивительно, учитывая, что, по некоторым данным, новые цены на сельскохозяйственную продукцию на 25—30 % ниже издержек производства⁴².

В последние годы в стране проявляется тенденция к некоторому ослаблению государственной системы распределения важнейших видов сырья. Официально разрешены оптовые ярмарки-распродажи в промышленности, заметно активизируется деятельность спекулянтов-перекупщиков и частных посредников, которые, наживаясь на перепродаже сельскохозяйственной продукции, потребительских товаров, промышленного сырья, способствуют стихийному росту цен. В подобной обстановке ослабевают, уступая место рыночной торговле по свободным ценам, система нормированного снабжения продовольствием городского населения по твердым государственным ценам.

* * *

Заметная активизация в конце 70-х — начале 80-х годов инфляционных процессов в КНР — свидетельство глубокого расстройтва экономики, вызванного прежде всего политикой милитаризации. Игнорирование китайскими лидерами научной программы экономического строительства, непрекращающаяся борьба за власть в верхушке, неразбериха на разных уровнях государственного и хозяйственного аппарата, ослабление централизованного контроля над производством и распределением препятствуют преодолению кризисных явлений в экономике, созданию нормальных и стабильных условий для товарно-денежного обращения в стране и производства, преодолению инфляции.

⁴⁰ См.: «Хунци», 1981, № 3, 4; «Жэньминь жибао», 26.XII.1981, 8.I.1982.

⁴¹ См.: «Цзинцзи гуаньли», 1981, № 4.

⁴² См.: «Жэньминь жибао», 29.IX.1981; «Фудань сюэбао», 1981, № 1.

Противники и сторонники урегулирования в Корее

В. И. Андреев,
кандидат экономических наук,
В. И. Осипов,
кандидат юридических наук

Нормализация положения на Корейском полуострове — одна из важных проблем мировой политики. Поиск конкретных путей решения этой проблемы — несомненно, внутреннее дело корейского народа. Однако задача обеспечения мира в этом районе касается всех государств и народов. По существу, корейский вопрос на протяжении всей его истории выступает как проблема противоборства двух диаметрально противоположных общественно-политических систем и двух линий во внешней политике. В этом его международное значение.

Трудовая партия Кореи и правительство Корейской Народно-Демократической Республики, поддерживаемые братскими социалистическими странами и всеми прогрессивными силами мира, прилагают неустанные усилия для того, чтобы корейская нация могла жить единой семьей. Большое внимание вопросу объединения Кореи было уделено на VI съезде ТПК, состоявшемся в октябре 1980 г.¹

В чем же причина отсутствия прогресса в решении корейской проблемы? Почему не принес никаких ощутимых результатов внутрикорейский диалог, начало которому было положено десять лет назад? Главная причина — в открытом вмешательстве империалистических сил, и прежде всего империализма США, во внутренние дела корейского народа. Это вмешательство направлено на поддержку наиболее реакционных кругов южнокорейской правящей верхушки и обеспечивает самосуществование и проамериканскую направленность сеульского режима.

* * *

Особое внимание империализма к Южной Корее объясняется многими причинами, и в первую очередь ее важным военно-стратегическим положением, позволяющим постоянно поддерживать в этом регионе очаг «холодной войны» и напряженности, а также благоприятными условиями для неоколониалистской экономической экспансии². В последние годы военно-стратегическое значение Южной Кореи еще более возросло в связи с «нормализацией» американо-китайских и японо-китайских отношений и отнюдь не бесплодными попытками пристегнуть Пекин к практически сложившейся военной оси Вашингтон — Сеул — Токио. Возрастанию роли реакционного южнокорейского режима в планах империализма способствовали также позитивные изменения и сдвиги, происшедшие в последнее время на Азиатском континенте: образование единого социалистического Вьетнама, присоединение к миру со-

¹ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1981, № 1, с. 44—46.

² В Южной Корее существуют весьма благоприятные условия для деятельности иностранного капитала: например, средний уровень заработной платы рабочих на предприятиях американских корпораций составляет лишь 12,8 % заработной платы рабочих на аналогичных предприятиях в США.

циализма Лаосской Народно-Демократической Республики, победа прогрессивных национальных сил в Кампучии, распад военного блока СЕАТО, победа антиимпериалистических революций в Афганистане и Иране. Юг Корейского полуострова остается одним из последних американских форпостов на Азиатском континенте, и потеря его может серьезно подорвать позиции американского империализма в Азии. Не случайно уже на следующий день после падения Сайгона Дж. Шле синджер, бывший тогда министром обороны США, заявил, что после ухода США из Вьетнама «фронтальной зоной обороны являются Западная Европа и Южная Корея»³.

Стратегическая цель политики Соединенных Штатов в Азии, заключающаяся в сколачивании здесь антисоветского альянса, определяет и их стремление укрепить сеульский режим как один из немногих непосредственно зависящих от Вашингтона. По мере изменения соотношения сил мира и войны во всем мире и на Азиатском континенте и приспособления Вашингтона к этим изменениям трансформировалась и роль, отводимая Сеулу. Если в период проведения «политики сдерживания» Южная Корея рассматривалась как плацдарм США для «отбрасывания коммунизма», то с начала 70-х годов Сеулу отводится главным образом буферная, связующая функция выдвинутого на континент «оборонного рубежа» Японии — «старшего» партнера Соединенных Штатов в Азии, который все более активно выступает проводником милитаристских планов Вашингтона. Хотя Япония и Южная Корея формально и не связаны военным союзом, однако фактически их вооруженные силы со времени нормализации японо-южнокорейских отношений в 1965 г. действуют в тесном контакте как между собой, так и с армией США⁴. Военное сотрудничество трех сторон выражается в поставках оружия и военного снаряжения Сеулу с целью «модернизации» его армии и во взаимодействии их вооруженных сил. Так, в 1976 г. под эгидой США была создана объединенная японо-южнокорейская радиолокационная система раннего оповещения. ВВС обеих стран и американские летчики используют единые коды. В 1977 г. ВМС США, Японии и Южной Кореи провели совместные учения, на которых отрабатывалось взаимодействие на случай «чрезвычайных обстоятельств». Для координации позиций по военным вопросам в апреле 1979 г. был создан японо-южнокорейский парламентский совет по проблемам безопасности. В июле 1979 г. состоялся первый за послевоенные годы официальный визит в Сеул начальника Управления национальной обороны Японии Г. Ямасита. В ходе беседы с министром обороны сеульского режима была достигнута договоренность «способствовать обмену должностными лицами, ведающими проблемами обороны»⁵.

В настоящее время свыше 40 компаний японского военно-промышленного комплекса во главе с крупнейшим концерном «Мицубиси дзюкогё» активно сотрудничают с Сеулом в оснащении южнокорейской армии боевой техникой и вооружением. Из Японии поставляются артиллерийское и стрелковое вооружение, боеприпасы, другая боевая техника и военное снаряжение⁶. Следует иметь в виду также неоднократные американско-японские заявления о том, что безопасность Южной Кореи «неотъемлема от собственной безопасности Японии». Эта формулировка коммюнике Сато — Никсона (ноябрь 1969 г.) разъяснялась официальными представителями японского правительства таким образом, что в случае военных действий на Корейском полуострове Япония «обязана немедленно предпринять действия в помощь таким военным опера-

³ "New York Times", 1.V.1975.

⁴ См.: В. М. Мазуров. Южная Корея и США (1950—1970 гг.). М., 1971, с. 191.

⁵ Цит. по: «Проблемы Дальнего Востока», 1981, № 1, с. 61.

⁶ См.: «Красная звезда», 21.III.1981.

ям, которые США начнут из Японии, даже до того, как ООН решит, является ли такая война в Корее агрессией или нет»⁷.

Именно отсюда вытекает система взаимоотношений Вашингтон — Сеул — Токио, определяющая значение Южной Кореи в империалистических планах и рост американской и японской помощи Южной Корее в достижении ею «военной самостоятельности», то есть в дальнейшей милитаризации страны⁸. Этим же определяется и заинтересованность империалистических кругов, в первую очередь империализма США, в сохранении раскола Кореи и их вмешательство в дела корейского народа с целью удержать в своих руках Юг Корейского полуострова.

Важнейшим фактором вмешательства извне в дела корейского народа является размещение на Юге Кореи американских войск, оснащенных ядерным оружием. США имеют в Южной Корее около 40 военных баз и почти 40 тыс. военнослужащих. В середине 70-х годов американские войска в Южной Корее, помимо обычного оружия, имели на вооружении 150 ядерных мин (кроме этого, около 300 ядерных мин размещены лишь в Западной Европе), ядерную артиллерию в составе 155-, 175- и 203-миллиметровых гаубиц общим количеством 70 стволов и 210 ядерных зарядов, 150 ракетных установок «Серджант», «Ланс» и «Найк Геркулес» класса «земля — земля», имеющих 162 ядерные боеголовки, 54 истребителя-бомбардировщика F-4 «Фантом», каждый из которых способен нести до четырех ядерных бомб⁹. В общей сложности американская армия в Южной Корее имеет на вооружении более 700 ядерных зарядов¹⁰.

Эти войска и военные базы, расположенные в зоне так называемой «дуги безопасности» США, предназначены, разумеется, для более широкого театра действий, чем собственно Корейский полуостров. Применительно же к Корее они служат гарантом существования на Юге угодного Вашингтону режима и являются главным препятствием к достижению мирного демократического объединения страны без какого-либо вмешательства извне. «Самое главное в решении корейской проблемы, — подчеркивал генеральный секретарь ЦК ТПК, президент КНДР Ким Ир Сен, — положить конец вмешательству внешних сил, предоставить корейцам возможность самим решить вопрос объединения своей страны. Без вывода американских войск из Южной Кореи вопрос объединения нашей страны не решится»¹¹.

США оккупировали Юг Корейского полуострова в сентябре 1945 г. С июля 1950 г. на основе неправомерной резолюции ГА ООН армии США, находившейся в Южной Корее, было присвоено наименование «войск ООН» и санкционировано ее пребывание там. В 1975 г. после принятия на XXX сессии ГА ООН соответствующей резолюции по Корее в качестве основания для сохранения здесь воинского контингента и военных баз США стал использоваться американо-южнокорейский договор о взаимной безопасности от 1 октября 1953 г. Согласно его статье 4 Соединенным Штатам было предоставлено неограниченное право размещать на территории Южной Кореи сухопутные, военно-морские и военно-воздушные силы. В ноябре 1978 г. было официально объявлено о создании так называемого американо-корейского объединенного командования вооруженными силами, которое призвано улучшить взаимодействие 600-тысячной армии Сеула и расквартированных там американских войск, обеспечить участие высших южнокорей-

⁷ "Japan Quarterly", 1970, № 3, p. 256. См. также: Д. Т. Капустин. Тайвань и Южная Корея в китайско-американских отношениях. М., 1980, с. 44.

⁸ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1980, № 4, с. 194.

⁹ См.: «Чхамго тхонсин», 1975, № 21-1, с. 17—18.

¹⁰ См.: «Нодон синмун», 20.III.1981.

¹¹ Ким Ир Сен. О самостоятельном мирном объединении родины. Пхеньян, 1980, с. 141.

ских офицеров в планировании военных мероприятий. Таким образом, войска США под тем или иным предлогом находятся в Южной Корее все 37 лет, прошедшие после освобождения страны от японского колониального ига.

В 70-е годы вопрос присутствия американских войск в Южной Корее, с одной стороны, был постоянным предметом политического маневрирования Вашингтона в рамках реализации им своей политики в Азии, центральным звеном которой остается укрепление там сил, противостоящих Советскому Союзу, дальнейшее сближение с Пекином. С другой стороны, отношение вашингтонской администрации к проблеме политического урегулирования на Корейском полуострове, главным условием которого является ликвидация американского военного присутствия в Корее, менялось вместе с общим колебанием внешнеполитического курса США. Так, в ходе осуществления «доктрины Никсона» и подготовки к первому визиту в Китай президента США американские войска в Южной Корее были сокращены к июню 1971 г. примерно на $\frac{1}{3}$ (на 20 тыс. человек из 64 тыс.), несмотря на отчаянные протесты Сеула. При этом была выведена дивизия, охранявшая 29-километровый участок демилитаризованной зоны. В результате вся 250-километровая демаркационная линия, разделяющая КНДР и Южную Корею, перешла под контроль южнокорейской армии, что, несомненно, и было главной идеей сокращения американских войск, так как оставшиеся части и подразделения армии США находились в глубине южнокорейской территории и в случае возникновения ограниченных конфликтов в районе демилитаризованной зоны в действие не вступали. Таким образом, США сделали миротворческий жест в сторону Китая, удалив свои войска из района возможной военной конфронтации с ним¹². Взамен Сеулу была предложена пятилетняя программа модернизации вооруженных сил и выделена в этих целях американская помощь в 1,5 млрд. долл.¹³

Осуществлявшийся администрацией Р. Никсона курс в отношении Корейского полуострова был в дальнейшем подтвержден в «тихоокеанской доктрине» Дж. Форда, в которой США впервые открыто выразили намерение использовать Китай для осуществления своей региональной и глобальной политики. Основные положения «доктрины», как известно, непосредственно обсуждались Дж. Фордом в Пекине накануне ее обнародования 7 декабря 1975 г.¹⁴ Из шести основных пунктов «тихоокеанской доктрины» один был прямо связан с Кореей. «Сохраняется напряженность в Корее,— заявил президент США.— Мы имеем тесные связи с Корейской республикой (официальное название Южной Кореи.— Авт.), и мы остаемся вовлеченными в дело мира и безопасности на Корейском полуострове, сохраняя там в то же время наши вооруженные силы»¹⁵. Очевидно, что, заручившись новым союзником, США по-прежнему имели целью своей политики сохранение статус-кво на Корейском полуострове.

Приход к власти в Вашингтоне администрации Дж. Картера вселил было надежду на положительное решение проблемы вывода американских войск из Южной Кореи. В период доминирования на международной арене духа разрядки Дж. Картер еще в ходе своей предвыборной кампании обещал, в частности, вывести войска США из Южной Кореи. Это обещание он повторил, уже будучи президентом на пресс-конференции 9 марта 1977 г., правда, с оговоркой, что вывод будет осуществляться поэтапно, в течение 4—5 лет, и коснется лишь 33 тыс.

¹² См.: Д. Т. Капустин. Указ. соч., с. 55.

¹³ См.: В. А. Маринов, А. В. Торкунов. Южная Корея — база империализма на Дальнем Востоке. М., 1979, с. 18.

¹⁴ См.: Д. Т. Капустин. Указ. соч., с. 130—131.

¹⁵ "Department of State Bulletin", 29.XII.1975.

сухопутных войск¹⁶. Были даже опубликованы наброски плана поэтапного вывода частей. Вместе с тем в качестве «компенсации» США выделили Южной Корее военную помощь в сумме 1,2 млрд. долл., включая передачу на 800 млн. долл. военного снаряжения американских войск, подлежащих выводу¹⁷. Оставались в силе и обязательства Соединенных Штатов по обороне Южной Кореи.

Эти заявления президента США были в целом положительно восприняты в Пхеньяне¹⁸. Однако переориентация внешнеполитического курса США на замораживание процесса разрядки привела в начале 1979 г. к тому, что выполнение обещаний было «отсрочено», а затем Дж. Картер полностью отказался от них, сославшись на получение каких-то новых данных о военной мощи КНДР. Более того, военно-воздушные силы США в Корее в 1979 г. были увеличены примерно на 20% как по численности личного состава, так и по количеству боевых самолетов¹⁹. Как полагают, столь резкому изменению планов президента США способствовало и негативное отношение Пекина к намерению свернуть американское военное присутствие в этом районе мира²⁰.

Нынешняя вашингтонская администрация Р. Рейгана, отвергающая все положительное, что было достигнуто в области разрядки международной напряженности в последнее десятилетие, прямо заявила, что не намерена выводить войска из Кореи. В ходе визита Чон Ду Хвана в Вашингтон в феврале 1981 г. президент Рейган «решительно высказался против вывода американских войск из Южной Кореи» и заявил о «безоговорочной поддержке» сеульского режима. Нагнетая напряженность в этом районе мира, США выразили готовность предоставить Южной Корее «соответствующие системы оружия и технологию для оборонной промышленности». На 1981/82 финансовый год США приняли решение предоставить Сеулу кредит на 167 млн. долл. для закупки вооружений и дополнительные средства на осуществление специальной программы подготовки южнокорейских войск²¹. Результаты визита Чон Ду Хвана в Вашингтон вызвали «глубокое удовлетворение» сеульского режима. Подтверждение Соединенными Штатами своих обязательств в отношении Южной Кореи поощряет Сеул к нагнетанию напряженности на Корейском полуострове, к созданию ситуации перманентной нестабильности во всем дальневосточном регионе.

В поддержку присутствия американских войск в Южной Корее выступают официальные круги Японии, следуя в фарватере американской дальневосточной политики. Их позиция была вновь зафиксирована в совместном коммюнике по итогам переговоров в Вашингтоне президента США Р. Рейгана и премьер-министра Японии Д. Судзуки в мае 1981 г.²²

Для того чтобы ввести в заблуждение мировую общественность, в 70-е годы США выдвигали свои «программы урегулирования» на Корейском полуострове, которые, однако, на деле означали продолжение вмешательства американского империализма во внутренние дела корейского народа. Все существовавшие на Юге режимы насаждались при непосредственном участии Соединенных Штатов как непосредственных проводников и исполнителей их политики.

С 1948 г. в Южной Корее существовала полнейшая диктатура Ли Сын Мана, а затем, с 1961 г., — военно-бюрократический режим Пак Чжон Хи. Убийство диктатора Пак Чжон Хи его подручными в октяб-

¹⁶ In: "Asian Survey", 1980, vol. XX, № 11, p. 1079.

¹⁷ Ibid., p. 1080.

¹⁸ См.: Ким Ир Сен. Указ. соч., с. 112—113.

¹⁹ In: "Asian Survey", 1980, vol. XX, № 11, p. 1079.

²⁰ См.: «Правда», 8. 21.I.1979.

²¹ См. там же, 3.I.1981.

²² См. там же, 25.V.1981.

ре 1979 г. не изменило, да и не могло изменить, ни положения внутри страны, ни ее внешнеполитического курса, ни отношения к проблеме урегулирования в Корее. Внешнеполитические обозреватели единодушно считают, что решение сменить диктатора было принято в Вашингтоне, поскольку, как писала «Нью-Йорк таймс», «его жесткая линия во внутренней политике, которая навлекла все большую критику со стороны Вашингтона, стала причинять беспокойство и ставить в затруднительное положение два крупных центра организованной власти в стране — вооруженные силы и разведывательное управление»²³.

Вместе с тем Вашингтон, встревоженный политической нестабильностью в стране после убийства Пак Чжон Хи, неспособностью «переходного» гражданского президента Цой Кю Ха «держать в узде» южнокорейское население, стал усиленно подталкивать на прямой захват власти сеульскую военщину, и так фактически контролировавшую всю внутривнутриполитическую жизнь страны. Для этого были использованы массовые выступления населения против существующего режима, за демократические права в мае 1980 г. Волнения охватили более 20 городов Южной Кореи, достигнув наибольшего подъема в городе Кванчжу. В Белом доме было проведено несколько срочных специальных заседаний в связи с южнокорейскими событиями; к корейским берегам были направлены американские военные корабли, в том числе авианосцы «Корал си» и «Мидуэй». Правительство США официально разрешило использовать для расправы с 800-тысячным населением Кванчжу отборные части вооруженных сил Южной Кореи, находящиеся под объединенным американо-южнокорейским командованием.

Воспользовавшись этой ситуацией, к власти пришла военная хунта во главе с генералом Чон Ду Хваном, который известен своими тесными связями с американской администрацией. Он даже не считал нужным скрывать, что его действия получили прямое благословение Вашингтона. Захватив власть, Чон Ду Хван заявил, что заблаговременно подробно информировал Соединенные Штаты о всех репрессивных мероприятиях, включая точную дату введения чрезвычайного положения²⁴.

Таким образом, США способствовали не только кровавому подавлению демократического волеизъявления южнокорейского народа, но и приходу к власти в Южной Корее своего нового ставленника. «В очередной раз Южная Корея переживает трагические дни, — писала газета «Юманите», — и в очередной раз вина за это лежит на американских оккупантах»²⁵.

Вследствие прихода к власти Чон Ду Хвана в Южной Корее сложилась весьма сложная обстановка: было введено чрезвычайное положение, распущен парламент, временно запрещена деятельность всех политических партий и общественных организаций. Жестоким репрессиям подвергались все, кто осмеливался критиковать новый режим и осуществляемые им меры. В лагеря «по перевоспитанию» было брошено около 50 тыс. человек. Эти «мероприятия» преследовали единственную цель — помешать процессу демократизации южнокорейского общества.

В таких условиях, как отмечалось на VI съезде ТПК, стал невозможен диалог между двумя частями Кореи. В заявлении председателя Комитета по мирному объединению родины, вице-президента КНДР Ким Ира от 20 января 1981 г., содержащем ответ на предложение Чон Ду Хвана провести встречу высших руководителей КНДР и Южной Кореи, было вновь подчеркнуто, что КНДР не может иметь дело с Чон Ду Хваном, который «незаконно стал президентом и несет ответствен-

²³ Цит. по: «Правда», 4.XI.1979.

²⁴ См.: «Известия», 1.VI.1980.

²⁵ Цит. по: «Международная жизнь», 1980, № 7, с. 134.

ность за чудовищные расправы над мирным населением и массовые репрессии». В документе указывается, что Чон Ду Хван, если он желает поддерживать контакты с КНДР, должен «принести извинения перед всей нацией за... массовые кровавые убийства соотечественников», немедленно освободить всех демократических деятелей и восстановить распущенные демократические партии и организации, отказаться от политики конфронтации и раскола страны, потребовать вывода из Южной Кореи американских войск и т. д. КНДР выразила готовность возобновить диалог лишь с теми южнокорейскими деятелями, кто придерживается патриотических позиций, выступает против раскола и фашизма²⁶.

Нынешняя администрация Вашингтона не только закрывает глаза на террор и насилия, творящиеся в Южной Корее, как закрывала глаза администрация Дж. Картера на бесцеремонное нарушение прав человека в этой стране режимом Пак Чжон Хи, но и продолжает оказывать Чон Ду Хвану всяческую поддержку. Об этом, в частности, свидетельствует пышный прием, оказанный Чону во время его визита в Вашингтон в феврале 1981 г. Газета «Юманите» опубликовала в связи с этим визитом комментарий под названием «Террорист в Белом доме», в котором говорится: «Оказывая почести и предоставляя кредиты режиму, в котором терроризм является главным содержанием, команда Рейгана — Хейга считает террористами тех, кто в Южной Корее и других странах борется, чтобы ликвидировать тиранию, запретить пытки, положить конец коррупции, покончить с иностранной оккупацией. Именно для борьбы с ними и обещал Рейган предоставить оружие Чон Ду Хвану»²⁷.

Тесную связь режима Чон Ду Хвана с империализмом США и японскими реваншистскими силами продемонстрировали также крупномасштабные двухмесячные американо-южнокорейские военные учения «Тим спирт-82», прошедшие в Южной Корее и у ее берегов в феврале — апреле 1982 г. Официально в Сеуле и Вашингтоне было объявлено, что основной целью этих учений являлась «отработка операций по развертыванию войск на случай возникновения чрезвычайной ситуации». Однако масштаб, состав и количество участвовавших войск, сам характер проводившихся учений не оставляют сомнений, что отработывалась в первую очередь наступательная, агрессивная стратегия. Для участия в учениях американское командование перебросило в Южную Корею, помимо находящихся там войск, специальные подразделения авиации, морской пехоты и различную боевую технику со своих баз, расположенных в Японии и других районах Тихого океана. Военные демонстрации подобного рода проводятся здесь ежегодно на протяжении последних семи лет. Они всегда носили провокационный характер и были направлены в первую очередь против КНДР²⁸.

В Пекине весьма сдержанно комментировали приход к власти Чон Ду Хвана и практически солидаризировались с действиями сеульской военщины и Вашингтона, приведшими его к власти, поскольку, как выразилось агентство Синьхуа, народные выступления в Кванчжу и других районах Южной Кореи наносят «ущерб стабильности на Корейском полуострове»²⁹.

Намерение США сохранить в Южной Корее свое военное присутствие полностью одобряется в Пекине. Зантересованность в этом пекинского руководства прямо следует из антисоветской политики правящей группировки Китая, ее курса на блокирование с империалистическими силами для борьбы против стран социализма. Китай исходит из того,

²⁶ См.: «Нодон синмун», 20.I.1981.

²⁷ Цит. по: «Литературная газета», 11.II.1981.

²⁸ См.: «Правда», 18.II.1982; «Известия», 20.II.1982.

²⁹ Цит. по: «Правда», 28.V.1980.

что сокращение американского присутствия в континентальной Азии уменьшает его шансы спровоцировать здесь столкновение между СССР и США. Провоцируя нагнетание международной напряженности в целом, Пекин не заинтересован и в разрядке на Корейском полуострове, которой объективно способствовал бы вывод оттуда иностранных войск³⁰.

Хотя истинные интересы Пекина на Корейском полуострове не составляют особого секрета, он не заявляет официально о своей позиции из тактических соображений, связанных с включением им Кореи в сферу своих гегемонистских притязаний. Двурушничество и лицемерие, присущие внешнеполитическому курсу китайских лидеров, как в фокусе, отражаются в позиции по корейской проблеме. «Пекин, — отмечал американский синолог Г. Хинтон, — проявляет осторожность, не признавая открыто совпадение своих интересов в Корее с интересами Соединенных Штатов»³¹.

Пекин прошел путь от прямого участия китайских народных добровольцев в отражении американо-лисымановской агрессии против КНДР в 1950—1953 гг. до признания этой помощи «серьезной ошибкой» и территориальных претензий к КНДР как в форме открытых притязаний на корейскую землю и провоцирования пограничных конфликтов в 60-е годы, так и в виде продолжающейся «картографической агрессии»³².

Одним из первых документов, зафиксировавших американо-китайский сговор в ущерб интересам корейского народа, является Шанхайское коммюнике по итогам визита Р. Никсона в Китай в 1972 г., текст которого свидетельствует о том, что по вопросу о Корее велись серьезные переговоры и обе стороны пошли на определенные уступки друг другу³³. Так, американская сторона, заявив о намерении сохранять тесные связи с Сеулом и оказывать ему поддержку, не расшифровала, какие имеются в виду связи и поддержка. Китайская сторона в свою очередь не включила в коммюнике прямое требование о выводе американских войск из Южной Кореи. Шанхайское коммюнике явилось закономерным итогом окончательной трансформации внешнеполитического курса китайских лидеров в дни «сентябрьского кризиса» 1971 г. — перехода от борьбы «на два фронта», то есть против СССР и других социалистических стран, с одной стороны, и империализма — с другой, к провозглашению СССР «главным врагом» и осуществлению линии на сближение с империалистическими силами для достижения великодержавных гегемонистских целей.

Вряд ли кого-нибудь может обмануть высказываемая зачастую в китайских официальных документах «поддержка» дела объединения Кореи, поскольку реальные факты свидетельствуют об обратном. Китай, например, игнорировал токийскую и алжирскую международные конференции в поддержку самостоятельного мирного объединения Кореи. Комментируя отсутствие представителей Пекина на токийской конференции, японская пресса, например, отмечала, что китайское руководство уклонилось от участия в ней потому, что на скамье подсудимых оказались южнокорейский режим, а также правящие круги США и Японии, выступающие за увековечение раздела Кореи на два государства³⁴.

Отношение Китая к объединению Кореи откровенно цинично выразил Дэн Сяопин в интервью корреспонденту газеты «Вашингтон пост»

³⁰ См.: В. А. Маринов, А. В. Торкунов. Указ. соч., с. 30.

³¹ Major Powers and Peace in Korea. Seoul, 1979, p. 110.

³² См.: «Правда», 24.V.1980, 20.V.1981. В «Краткой истории современного Китая», изданной еще в 1954 г., Корея наряду с другими странами была обозначена как «китайская территория, отторгнутая империалистами».

³³ См.: Д. Т. Капустин. Указ. соч., с. 96—97.

³⁴ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1979, № 1, с. 81, 82.

в ноябре 1978 г. Он заявил, что объединение двух корейских государств будет длительным процессом, и вообще поставил под сомнение необходимость воссоединения³⁵. Еще более ясно определили китайские руководители свою позицию по этому вопросу во время визита в КНР в январе 1980 г. бывшего министра обороны США Г. Брауна. В ходе визита обсуждалось положение на Корейском полуострове. Как стало известно, курс Соединенных Штатов на активизацию их военного присутствия в этом районе мира и закрепление раскола Кореи нашел полное одобрение у китайского руководства³⁶. Государственный секретарь в правительстве Р. Рейгана А. Хейг, аргументируя отказ США вывести войска из Кореи, недвусмысленно дал понять, что такой шаг был бы отрицательно воспринят Китаем. «Самое важное заключается в том, — заявил он, — что это дало бы КНР сигнал, который в данный момент был бы для нас пораженческим»³⁷.

По словам консультанта госдепартамента США Д. Загория, «Пекин практикует два подхода — публичный и приватный. Последний, который он не может высказать открыто, состоит в поддержке присутствия этих (американских. — Авт.) войск в Южной Корее»³⁸. Эта же точка зрения высказывается и авторитетным журналом «Эйшен сэвей»: «Несмотря на формальные призывы вывести войска США из Кореи, китайцы в действительности хотят, чтобы эти войска остались»³⁹. Многочисленные источники свидетельствуют о том, что в конфиденциальных беседах с американскими высокопоставленными чиновниками китайские лидеры открыто одобряют пребывание американских войск в Южной Корее, хотя официально заверяют КНДР в поддержке требования об их выводе⁴⁰. Когда же китайцам указывают на непоследовательность в этом вопросе, то, как отмечала «Вашингтон пост», «их ответы зачастую бывают туманными и безответственными»⁴¹.

В последние годы Пекин не гнушается и торговлей с Сеулом. В 1980 г. товарооборот между ними достиг почти 600 млн. долл., то есть был намного больше, чем между КНР и КНДР. Причем если прежде торговля осуществлялась главным образом через посреднические фирмы в Гонконге или Сингапуре, то теперь она ведется открыто, на официальной основе. Например, китайский уголь, поставками которого Пекин оплачивает импорт южнокорейских товаров, доставляется в Южную Корею непосредственно из китайских портов на судах под флагом КНР. По предварительным данным, в 1981 г. оборот между двумя странами превысил миллиард долларов⁴².

Сотрудничество между Пекином и Сеулом осуществляется также в сфере воздушного сообщения. С 1980 г. китайские гражданские самолеты пользуются правом пролета в воздушном пространстве Южной Кореи. По свидетельству западных источников, в 1980 г. Сеул инкогнито посетил эмиссар Пекина, продолживший секретные переговоры об экономическом и политическом сотрудничестве⁴³.

Факты неопровержимо свидетельствуют о том, что Корейский полуостров для Пекина всего лишь разменная монета в беспринципном и опасном для дела мира торге с Вашингтоном. Нельзя не согласиться с мнением американского востоковеда Р. Скалапино, который полагает, что в будущем Китай может занять позицию, еще более откровенно

³⁵ См. там же, с. 82.

³⁶ См.: «Правда», 10.I.1980.

³⁷ Цит. по: «Новое время», 1981, № 4, с. 13.

³⁸ «Korea News Review», 1978, August 5, p. 8.

³⁹ «Asian Survey», 1980, vol. XX, № 11, p. 1134.

⁴⁰ См., напр.: «Korea Herald», 2.X.1973; «Washington Post», 28.II.1976; «Asian Survey», 1980, vol. XX, № 11, p. 1133—1134.

⁴¹ «Washington Post», 3.IV.1980.

⁴² См.: «Известия», 17.II.1981; «Правда», 26.IX.1981.

⁴³ См.: «Правда», 10.VII.1981.

враждебную КНДР. В доказательство он приводит многозначительное высказывание Дэн Сяопина: «Еще не пришло время для изменения нашей политики по отношению к Корее»⁴⁴.

В заявлениях китайских лидеров все более явственно звучит призыв к созданию на Дальнем Востоке оси Вашингтон — Пекин — Токио — Сеул. Усиление военно-политических связей США и Китая, о чем свидетельствует визит в Пекин в 1981 г. госсекретаря А. Хейга, оказывает непосредственное влияние на формирование широкого альянса, имеющего целью сохранение раздела Кореи, упрочение южнокорейского милитаризма, торпедирование предложений КНДР по мирному независимому объединению Кореи.

Советский Союз и другие страны социалистического содружества постоянно выражают солидарность с курсом КНДР на восстановление национального единства корейского народа.

В Советском Союзе находят понимание и одобрение конструктивные шаги правительства КНДР и Трудовой партии Кореи, способствующие политическому урегулированию положения на Корейском полуострове. С трибуны XXVI съезда КПСС Л. И. Брежнев, выражая чувства советских коммунистов, всего советского народа и последовательную линию нашей партии и страны, вновь заявил, что «Советский Союз солидарен с борьбой Корейской Народно-Демократической Республики за мирное демократическое объединение родины без вмешательства извне...»⁴⁵.

О поддержке стремления корейского народа жить единой семьей неоднократно заявлял и Верховный Совет СССР. Отвечая на письмо председателя Постоянного совета Верховного народного собрания КНДР, председатели палат Верховного Совета СССР отметили, что советский народ с симпатией относится к мужественной борьбе братского корейского народа за преодоление искусственного разделения Кореи и солидаризируется с его усилиями, направленными на достижение этой цели. Основным препятствием к воссоединению Кореи является присутствие на Юге Корейского полуострова американских войск, поддерживающих своими штыками сеульскую марионеточную клику. Новые предложения КНДР, говорится в письме, свидетельствуют о том, что Трудовая партия Кореи и правительство республики неустанно ищут пути решения важнейшей проблемы корейского народа — мирного объединения Кореи на демократической основе без всякого вмешательства извне.

В письме Верховного Совета СССР разделяется уверенность в том, что мирное объединение Кореи приведет к нормализации положения на Корейском полуострове, внесет вклад в оздоровление обстановки на Дальнем Востоке, в укрепление мира и добрососедства в этом районе мира. Особо подчеркивается, что мирное объединение Кореи может быть достигнуто тем легче и скорее, чем прочнее и надежнее будут мир и безопасность в Азии, основанные на совместных усилиях государств этого континента⁴⁶.

Очередным свидетельством стремления Советского Союза всемерно содействовать справедливому урегулированию корейского вопроса и придать ему с этой целью должное международное звучание является выступление на пленарном заседании XXXVI сессии ГА ООН члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. Громыко, который заявил: «Может и должен быть решен мирными средствами корейский вопрос, неурегулированность которого — один из давних источников напряженности на Дальнем Востоке. Подходящей основой для урегулирования проблемы мы считаем предложения, выдвинутые Корейской Народно-Демократической Республикой»⁴⁷.

⁴⁴ "Korea Observer", 1980, vol. XI, № 3, p. 250.

⁴⁵ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 10.

⁴⁶ См.: «Правда», 27.1.1981.

⁴⁷ Там же, 23. IX. 1981.

Справедливая борьба корейского народа за объединение своей родины, за мир и безопасность на Корейском полуострове пользуется широкой поддержкой прогрессивной мировой общечеловечности. Свое отношение к проблеме мирного урегулирования в Корее мировое сообщество недвусмысленно продемонстрировало в ходе обсуждения корейского вопроса в 70-е годы в ООН, приняв на XXX сессии Генеральной Ассамблеи резолюцию, главным содержанием которой является требование о выводе американских войск из Южной Кореи. Выполнение Соединенными Штатами этой резолюции ООН, несомненно, явилось бы важным шагом на пути нормализации обстановки в Корее. Поддержку делу объединения Кореи неоднократно выражали страны — члены движения неприсоединения в различных резолюциях на многих форумах демократических международных организаций.

Последовательная борьба Советского Союза за мир и безопасность на Азиатском континенте полностью отвечает подлинным интересам корейского народа, ибо принципы, которые могли бы стать фундаментом безопасности азиатских стран, основанной на их коллективных усилиях, практически совпадают с принципами программы объединения Кореи, выдвигаемой КНДР, и находятся в полном соответствии с ее внешнеполитическим курсом как миролюбивой социалистической страны. Безопасность в Азии может и должна основываться на общепринятых нормах международного права и учитывать как положительный опыт государств, подписавших в 1975 г. Хельсинкское соглашение, так и объективные реальности современной Азии, ее традиции и особенности. Она могла бы строиться на таких началах, как отказ от применения силы или угрозы силой в отношениях между государствами, нерушимость государственных границ, урегулирование всех международных споров исключительно мирными средствами, взаимное уважение независимости, суверенитета и территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела, признание и строгое соблюдение права каждого народа распоряжаться своей судьбой, развитие взаимовыгодного сотрудничества⁴⁸.

Очевидно, что эти принципы взаимоотношений азиатских и других государств, представленных в регионе, будучи претворенными в жизнь, позволят решить наиболее существенные и принципиальные проблемы воссоединения Кореи, а именно: обеспечат мир на Корейском полуострове, будут способствовать свободному волеизъявлению южнокорейского народа относительно внутреннего устройства в этой части Кореи, устранению империалистического вмешательства во внутренние дела корейского народа, позволят наладить сотрудничество между Севером и Югом Кореи. Реализация предложений Корейской Народно-Демократической Республики по мирному демократическому объединению страны без вмешательства извне прямо зависит от общей обстановки в этом регионе, от соотношения здесь сил мира и войны, от того, какие принципы лягут в основу отношений заинтересованных стран.

Программа мира для 80-х годов, принятая на XXVI съезде КПСС, продолжает предложения XXIV и XXV съездов нашей партии, направленные на достижение мира на всех континентах и во всех районах планеты. Она охватывает меры по сокращению как ракетно-ядерного, так и обычного оружия, содержит предложения по урегулированию существующих и предотвращению новых конфликтов и кризисных ситуаций, проникнута стремлением к стабилизации и углублению разрядки, развитию мирного сотрудничества стран всех континентов. В ней выражается готовность Советского Союза вести переговоры по всем актуальным вопросам мира и безопасности, с пониманием отнестись к любым

⁴⁸ См.: И. И. Коваленко. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность в Азии. М., 1976, с. 188—189; «Известия», 30.IX.1981.

конструктивным идеям, откуда бы они ни исходили. Поэтому советские предложения не только расширяют возможности достижения мирного воссоединения Кореи, но и могли бы реально создать для этого необходимые условия и предпосылки, в том числе и важнейшую из них — смягчение напряженности на Корейском полуострове. Задача заключается не только и не столько в том, чтобы сохранить здесь достигнутое равновесие сил, сколько в снижении уровня военной и политической конфронтации.

В тесной связи с предложениями XXVI съезда КПСС о мерах доверия на Дальнем Востоке находится и предложение XVIII съезда Монгольской народно-революционной партии о том, чтобы выработать и подписать конвенцию о взаимном ненападении и неприменении силы в отношениях между государствами Азии и Тихого океана⁴⁹. Оно получило высокую оценку в ответном послании Л. И. Брежнева Ю. Цеденбалу, где, кроме того, выражается уверенность, что «инициатива МНР найдет положительный отклик во многих странах Азии и Тихого океана»⁵⁰.

Поддержка инициатив и предложений, направленных на превращение Азии в зону мира и сотрудничества, — это пробный камень искренности стремления того или иного государства к мирному урегулированию всех очагов напряженности на Азиатском континенте, одним из которых является Корейский полуостров.

Борьба корейского народа за объединение страны на мирной демократической основе без какого-либо вмешательства извне — составная часть борьбы всех народов за мир, безопасность, разрядку и социальный прогресс. Нет сомнения, что совместными усилиями всех миролюбивых народов она увенчается успехом.

⁴⁹ См.: «Правда», 27.V.1981.

⁵⁰ «Известия», 30.IX.1981.

ИДЕОЛОГИЯ

Критика буржуазной синологии

Апологеты «китайской модели» экономического развития

*А. Н. Желоховцев,
кандидат филологических наук*

В 1980 г. Гарвардский университет издал в серии исследований Восточной Азии сборник статей «Опыт развития Китая в сравнительном освещении»* под редакцией и с предисловием Роберта Ф. Дернабергера. Книга была создана при содействии Совета по Восточной Азии, в ее основу легли материалы конференции, состоявшейся еще до смены китайского руководства в 1976 г. Очевидно, что политические события в КНР задержали выход американской монографии и потребовали ее доработки. Р. Ф. Дернабергер специально оговаривает в предисловии, что «драматические перемены в китайском руководстве» привели к «смене радикальной программы и политики», но темой публикуемого исследования являются «фундаментальные черты программы внутри модели, которые остаются неизменными при обоих крыльях китайского руководства. Наша аргументация может быть сопоставлена с аргументами нынешних лидеров, а не радикалов» (с. V). Таким образом, участники симпозиума в предлагаемой монографии поставили себе целью дать обобщение закономерности развития Китая.

Как общую точку зрения Р. Ф. Дернабергер отметил масштаб и значение китайского опыта. Китай представляет собой примерно $\frac{1}{3}$ часть всего развивающегося мира. Вместе с тем китайское правительство проявляет, по мнению американских специалистов, «непоследовательность» в политике развития в такой мере, что эта непоследовательность стала характерной чертой всего китайского опыта. Кроме того, Китай развивается в «другой среде», чем остальные развивающиеся страны.

Это первоначально туманное выражение вскоре расшифровывается в книге как неприятные для американских специалистов социалистические черты в китайской экономике. И все же вывод автора предисловия однозначен: Китай развивается. Констатация этого простого факта уже означает сдвиг в подходе американской науки к КНР, поскольку прежде «развивающимся» признавался только Тайвань.

Р. Ф. Дернабергер повторяет принятую в США точку зрения, ссылаясь на Б. Рейнольдса: «Китайцы полностью и рабски скопировали советский прототип 50-х годов (плановое хозяйство)» (с. 4). Этот явно раздражающий американского специалиста вывод смягчается тем обстоятельством, что маоисты «скоро стали подчеркивать собственные нововведения» (с. 5). Так появляется основной мотив всего гарвардского теоретического исследования: всемерно опорочить советский опыт, «советскую модель развития» и всячески поднимать на щит «китайское своеобразие», особенно там, где заметны проявления национализма. Этим теоретикам неважно, что они противоречат общеизвестным фак-

* R. F. Dernberger (ed.): China's Development Experience in Comparative Perspective. Harvard East Asian Series, 93, Harvard University Press, Cambridge, Mass., 1980, 347 p.

там, их задача — польстить национальному самолюбию китайцев и «убедить» их в «бесперспективности» социализма.

Прежде всего для достижения этой цели американские теоретики рядятся в тогу судей над социализмом. И Роберт Дернбергер и Бенджамин Уорд, автор опубликованной в сборнике обширной статьи «Китайский подход к экономическому развитию», заявляют, что они «не верят» в социализм. Они не верят, что «в перспективе советская модель окажется эффективной в достижении экономических и социальных целей социализма» (с. 5). Оказывается, американским экономистам больше по душе маоистский вариант развития! Простая общезвестная статистика может показать очевидную разницу между плановым, стабильным экономическим ростом в СССР и скачкообразным развитием народного хозяйства КНР, которое то и дело отбрасывают назад маоистские эксперименты и вынужденные отступления для «урегулирования» порожденных ими диспропорций; но гарвардские авторы во что бы то ни стало хотят найти «преимущества» китайского опыта, потому что эти несуществующие преимущества нужны им для прославления «китайского опыта».

«Экономическая система и политика развития продолжают временно оставаться экономикой советского типа, — пишет Р. Дернбергер. — Этим Китай отличается от других развивающихся стран. Китайский подход может быть более интересным (1 — А. Ж.) для развивающихся стран, так как китайцы исправили очевидные и дорогостоящие недостатки модели и приспособили ее для нужд развивающейся страны» (с. 5).

Трудно поверить, но американский «знаток» социализма симпатизирует социализму «исправленному», избавленному от «очевидных недостатков», и такой исправленный социализм он находит в Китае. Это абстрактное, политически заданное, оторванное от фактической почвы теоретизирование настолько спорно, что в самой публикации содержится полемика между американскими же участниками сборника. Б. Уорд склонен отождествлять экономику маоистского Китая и советскую экономику. В качестве аргумента он приводит «четыре фундаментальных экономических института»: национализацию средств производства, коллективизацию сельского хозяйства, «мобилизацию государства и населения партией», индустриализацию как центральную экономическую цель. Р. Дернбергер согласен, что «эти детерминанты в Китае есть», но, с его точки зрения, Б. Уорд пренебрегает различиями между Китаем и СССР. «Экономическое функционирование в Китае иное, чем в развивающихся странах и в экономиках советского типа», — заявляет Р. Дернбергер (с. 5).

В этой полемике постепенно вырисовываются два направления в трактовке китайской экономики американскими учеными. Первое стремится вопреки историческим фактам отождествить китайскую и советскую экономику, выдать маоистскую экономическую политику за «ленинскую», социалистическую, а Компартию Китая — за «ленинскую партию». Это направление охотно признает недостатки и просчеты в руководстве китайской экономикой, но стремится взвалить всю вину на «ленинизм» и «социализм», чтобы всемерно, с помощью маоистских экономических провалов скомпрометировать реальный социализм.

Второе направление, которое в данной работе представляет Р. Дернбергер, напротив, подчеркивает «своеобразие» китайской экономики, ищет в ней специфику и различия с Советским Союзом, но готово вопреки истине прославлять любые «новации», внесенные маоистами в экономическую систему КНР.

Главный вопрос, который поставили перед собой авторы гарвардской монографии, это применимость китайского экономического опыта в других развивающихся странах и потенциальная возможность его

универсализации. А. Фейерверкер считает, например, что китайская экономика развивается в целом успешно, но в силу специфики китайских условий, ее взаимодействие с другими развивающимися странами становится невозможным (с. 13). «Специфику» он видит прежде всего в коллективизации сельского хозяйства, которая вообще больше всего раздражает американских авторов, пишущих о КНР, а также в «мобилизации рабочей силы» и малой производительности. Б. Уорд в этом вопросе более оптимистичен. Он считает, что «Китай предлагает институционную модель экономического развития, которая выглядит существенно лучше, чем ведущая альтернатива, капитализм; однако долгосрочная стабильная модель в китайской среде не установлена, и сохраняется сильная потенциальная вероятность разрушения успехов в распределении» (с. 113). Отмечая, что экономика Китая ко времени образования КНР была более отсталой, чем в СССР, Б. Уорд все успехи в китайской экономике объясняет «сильным и позитивным фактором национализма» (с. 103). Американский специалист, как ни парадоксально, отмечает как позитивный факт также «сильнейшую индоктринацию» населения в Китае. Он приходит к выводу, что необходимо «изучать возможность распространения китайской модели развития» в других странах (с. 113).

В заключительной статье сборника Р. Дернбергер, напротив, утверждает что китайская модель «не переносится» (с. 330). С его точки зрения, китайская экономика — уникальное явление. Прежде всего он отмечает, что в КНР «не сложилась экономика и не сложилось общество как целое» (с. 297). Следовательно, социально и экономически Китай переживает период нестабильности, что уменьшает его возможности воздействовать своим примером на другие страны.

Р. Дернбергер попытался сформулировать «китайскую модель экономического развития». С его точки зрения, определяющими факторами ее возникновения являются природная среда, политическое единство КНР и «китайский взгляд на природу человека», а характерной особенностью — «использование традиционных институтов и императивов современного китайского национализма в установлении социалистического общества» (с. 297).

Американские ученые всех ориентаций в данном вопросе едины: они дают самую высокую оценку китайскому современному национализму. Введение понятия «современный национализм» вызвано необходимостью разграничения «старого» национализма гоминьдановского Китая, сохранившегося на Тайване, и нового национализма пекинского руководства в КНР, который и получил определение «современного». Разумеется, ввиду политической щекотливости вопроса в книге отсутствует прямая формулировка и полная терминологическая ясность, тем не менее Р. Дернбергер прямо заявляет: «Китайские коммунисты правят Китаем как законные и авторитетные наследники руководства национальной революции» (с. 296).

В целом сборник производит противоречивое впечатление. Американская синология, судя по нему, не поспевает за темпом перемен в китайском руководстве и в экономической политике. В своих оценках американские экономисты совершают переход от попыток очернить социализм ссылками на провалы маоистских экспериментов к восхвалению «исправлений», «совершенствований» и «нововведений», внесенных китайским руководством, а общая оценка экономического развития КНР становится безусловно позитивной. Некоторые даже объявляют достигнутые там «успехи» «отличными и уникальными» (Перкинс, с. 148). Всемерно подчеркиваются и выискиваются несуществующие «преимущества» китайского экономического развития над развитием социалистического народного хозяйства в СССР. «Современный национализм» пекинского руководства вызывает у американских сиологов на-

стоящий энтузиазм. Они видят его истоки в традиционной китайской философии, в истории китайской национальной революции и полностью симпатизируют националистическим проявлениям в экономической и социальной политике КНР. Можно охарактеризовать в общих чертах такую позицию как прямо апологетическую в отношении нового китайского политического курса на сотрудничество с империализмом. В этом смысле гарвардская книга представляет собой отклик в научной сфере на политические авансы китайского руководства. Подобная апологетика, разумеется, не может не быть беспринципной и противоречивой в научном смысле. В самом деле, если «успехи» маоистской «модели» экономического развития — при допущении, что таковая реально существует как самостоятельное явление, что сомнительно само по себе, — «отличны и уникальны», то почему же все-таки приходится делать вывод об их неприменимости для всех прочих развивающихся стран? Не объясняется ли столь очевидное, на поверхности лежащее противоречие просто тем, что успехов-то и нет?..

«Смена веков», происшедшая в КНР в 1976 г., повлекла за собой перемены в экономической и социальной политике, которые затормозили публикацию гарвардской монографии; но этой сменой развитие политической ситуации в КНР не ограничилось, и это развитие отнюдь не подтверждает и не оправдывает апологетическую пропекинскую позицию американских авторов. Не прошло и года после выхода их труда, как весной 1981 г. пекинское руководство вынуждено было пересмотреть далеко идущие экономические соглашения и контракты с целым рядом капиталистических стран и отказаться от весьма амбициозных проектов развития, которые оказались экономически нереальными и необоснованными. Вот вам и «отличные и уникальные успехи», о которых поторопились объявить, хотя и тянули с публикацией несколько лет.

Подготовленная в гарвардской серии книга содержит значительный конкретный экономический материал, в том числе и собранный в КНР. В настоящей рецензии мы сознательно остановились только на самых общих вопросах отношения к проблемам китайского экономического развития и социальным проблемам Китая в этом сборнике, поскольку, на наш взгляд, его общая концепция не выдерживает критики, и именно в этом его главная слабость. Конечно, китайский опыт неприменим в других развивающихся странах, но совсем не потому, например, что в КНР проведена коллективизация сельского хозяйства, а в силу бессистемного, прагматического подхода китайского руководства к вопросам экономики, не имеющего ничего общего с научным социализмом.

В итоге американская работа показывает только неприкрытую симпатию к «современному национализму» и его проимпериалистической политике в Китае и не может дать какую-либо целостную обоснованную концепцию развития КНР. Политическая нестабильность в КНР, которая за один год способна опровергнуть теоретические построения американских специалистов, имеет своим необходимым следствием и нестабильность американской теоретической мысли. Американская синология еще не выработала концепции развития современного Китая на сегодняшний день.

Историческая судьба китайского комсомола; (К 60-летию КСМК)

*В. Н. Усов,
кандидат исторических наук*

Шестьдесят лет назад, 5 мая 1922 г., в Гуанчжоу открылся I съезд Социалистического союза молодежи Китая (ССМ), ознаменовавший рождение новой молодежной организации страны — китайского комсомола.

За шесть десятилетий китайским комсомолом пройден большой и трудный путь, отмеченный и значительными достижениями, и серьезными неудачами. Китайская пословица гласит: «Не забывай прошлого — оно учитель будущего». Прошлое китайского комсомола, основные направления развития молодежного движения в Китае, причины его успехов и поражений — все это полезно вспомнить еще раз в дни 60-летия Коммунистического союза молодежи Китая.

Победа Октябрьской революции в России, создание Коммунистического Интернационала, призывы к освобождению колониальных народов, к борьбе за национальную независимость вызвали бурный подъем национально-освободительного и рабочего движения в странах Востока. 25 июля 1919 г. возглавляемый В. И. Лениным Совет Народных Комиссаров принял обращение к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая, в котором говорилось: «Мы несем освобождение народам от ига иностранного штыка, от ига иностранного золота, которые душат поработанные народы Востока и в числе их в первую очередь китайский народ. Мы несем помощь не только нашим трудящимся классам, но и китайскому народу...»¹ Один из основателей КПК Ли Дачжао писал о значении опыта Октябрьской революции и Советского Союза для Китая: «Мы должны с гордостью приветствовать русскую революцию как свет новой мировой цивилизации. Нам надо внимательно прислушаться к вестям из новой России, которая строится на принципах свободы и гуманизма. Только тогда мы будем идти в ногу с мировым прогрессом»².

Подъем национально-революционного движения в Китае ознаменовался в 1919 г. бурными выступлениями студенчества, направленными главным образом против японского империализма. «Движение 4 мая» выражало протест против империалистической политики колонизаторов после первой мировой войны. Оно началось бойкотом иностранных товаров и учреждений после расстрела в Пекине антиимпериалистической демонстрации. Из левого крыла этого движения выделились наиболее революционные элементы, которые стали объединяться с целью создания коммунистической партии и социалистических союзов молодежи.

В. И. Ленин, Коминтерн и советские коммунисты оказали практическую поддержку китайским коммунистам в строительстве партии,

¹ Советско-китайские отношения. 1917—1957. Сборник документов. М., 1959, с. 43.

² Ли Дачжао. Избранные статьи и речи. М., 1965, с. 67.

разработке ее идеологических и организационных основ, установлении ее связей с рабочим классом, другими революционными силами. По прямому указанию Ленина советские коммунисты помогали первым марксистским кружкам в Шанхае, Пекине, Гуанчжоу, приняли участие в организации I съезда КПК³.

Такую же действенную помощь советские коммунисты оказывали и в создании китайского комсомола. По воспоминаниям участника I съезда Социалистического союза молодежи Китая С. А. Далина, китайская делегация, присутствовавшая на съезде революционных организаций Дальнего Востока и съезде революционной молодежи Дальнего Востока, в начале 1922 г. обратилась к Исполкому Коминтерна молодежи с просьбой послать своего представителя на первый Всекитайский съезд союза. Исполком КИМа поручил это С. А. Даллину⁴.

I съезд ССМ проходил шесть дней. С вступительной речью на съезде выступил Чжан Тайлэй. Представитель Центрального бюро КПК Чэнь Дусю сделал на съезде доклад о Марксе и марксизме. От Исполкома КИМа выступил С. А. Далин, который передал привет от этой международной организации, рассказал о ее задачах, подчеркивая те принципы КИМа, которые имели актуальное значение для китайского ССМ. 25 делегатов съезда, представлявших 15 организаций различных городов Китая, приняли программу и устав союза, проекты которых были разработаны Чжан Тайлэем, Цюй Цюбо и С. А. Даллиным⁵. В уставе было зафиксировано, что в союз молодежи могут вступать юноши и девушки «в возрасте от 15 до 28 лет, признающие программу и устав данной организации»⁶. В программе подчеркивалось, что перед Китаем стоит проблема буржуазно-демократической революции, которая обеспечила бы национальную независимость, свободу печати, собраний, союзов и стачек, выборность центральных государственных органов на основе всеобщего голосования. Рабочий класс, участвуя в этой революции, помогая свергнуть старый режим, тем самым готовит себя для грядущей пролетарской революции⁷.

На съезде был избран Центральный комитет. Секретарем ЦК был избран Чжан Тайлэй⁸. Съезд принял решение о вступлении союза в Коммунистический Интернационал молодежи.

В те годы важной задачей Коминтерна и КИМа являлась выработка обширной программы завоевания на сторону союзов молодежи многомиллионной массы молодых тружеников города и деревни. III Конгрессом Коминтерна 12 июля 1921 г. была принята специальная резолюция «Коммунистический Интернационал и коммунистическое движение молодежи», которая ориентировала коммунистические союзы молодежи на завоевание широких слоев рабочей молодежи посредством упорной и повседневной борьбы за их ближайшие экономические требования, а также путем углубления политико-воспитательной работы.

Принципиальное значение для борьбы против авангардистских тенденций в КИМе имел пятый пункт резолюции, в котором подчеркивалось, что коммунистические союзы молодежи подчиняются программе, тактике и политическим директивам компартий — секций Коминтерна в отдельных странах.

На состоявшемся в июле 1921 г. II Конгрессе КИМа, который прошел вслед за III Конгрессом Коминтерна, была принята специальная

³ См.: К 60-летию образования Компартии Китая. — «Коммунист», 1981, № 9, с. 91.

⁴ См.: С. А. Далин. Китайские мемуары. 1921—1927. М., 1975, с. 53.

⁵ См. там же, с. 75—76, 102; Ответы на вопросы по основным знаниям Коммунистического союза молодежи. Написаны канцелярией ЦК КСМК. Тяньцзинь, 1979, с. 3 (на кит. яз.).

⁶ Ответы на вопросы по основным знаниям..., с. 3.

⁷ См.: С. А. Далин. Указ. соч., с. 103.

⁸ См. там же, с. 104.

резолюция о взаимоотношениях между коммунистическими партиями и коммунистическими союзами молодежи⁹. Учитывая, что с образованием компартий изменилась и постановка задач перед коммунистическими союзами молодежи, которые в ряде мест были созданы раньше компартий, КИМ в своих документах подчеркивал, что насколько необходимой и полезной была авангардная роль комсомольских организаций до образования коммунистических партий, настолько вредной могла бы она стать после того, как компартии уже возникли, при отсутствии правильного взаимоотношения между молодежью и партией, а также если политическое руководство целиком не находилось бы в руках партии.

В тот период данная резолюция была своевременной и необходимой. Это доказывает положение в молодежном движении Китая. Социалистический союз молодежи Китая после своего создания пытался брать на себя функции КПК, подменять компартию, несмотря на предупреждения КИМа. IV съезд КПК, проходивший нелегально в январе 1925 г. в Шанхае, вынужден был специально уделить внимание этому вопросу. В резолюции IV съезда КПК о молодежном движении подчеркивалось, что комсомол должен абсолютно подчиняться партийному руководству. Наметив ряд мер для усиления партийного руководства молодежным движением, съезд ориентировал ССМ на завоевание широких масс рабочей и крестьянской молодежи, на «орабочивание» комсомола¹⁰.

Постепенно китайский Социалистический союз молодежи, опираясь на поддержку и опыт международного коммунистического и молодежного движения, становился мощным авангардом китайской молодежи и резервом Компартии Китая. Ко II съезду ССМ (август 1923 г.) его организации имелись более чем в 30 районах на территории 16 провинций Китая и насчитывали 6 тыс. членов¹¹.

В январе 1925 г. в обстановке революционного подъема в Шанхае был проведен III съезд ССМ. Он принял решение переименовать организацию в Коммунистический союз молодежи Китая (КСМК). Тем самым революционное объединение китайской молодежи открыто заявило о себе как о коммунистической организации. В декларации съезда говорилось о необходимости того, «чтобы китайская молодежь осознала силы пролетариата и поверила в них», подчеркивалось, что союз молодежи всецело стоит за дело пролетариата¹². Уже к сентябрю 1925 г. общее число членов КСМК составляло 9 тыс. человек, а процент комсомольцев из рабочих и крестьян возрос с 10 до 40. Свыше 3 тыс. комсомольцев вступили в партию¹³. КСМК стал надежным помощником партии в деле организации масс на борьбу против угнетателей, непосредственно принимал участие в вооруженной борьбе против реакционных милитаристских сил. Комсомол оказал значительную помощь партии в подготовке и проведении демонстрации 30 мая 1925 г. в Шанхае и других городах. Около 500 своих членов комсомол направил по призыву КПК в военную академию Вампу. Наряду с членами КПК они составляли лучшие, преданные революции кадры академии.

Особенно прочные позиции комсомол завоевал в районах наибольшего развития рабочего движения. Так, в Гуандуне численность КСМК возросла с 187 членов в 1925 г. до 2535 в 1926 г. К весне 1926 г. в Китае существовало уже 12 провинциальных и 55 городских комитетов

⁹ См.: Коминтерн, КИМ и молодежное движение, 1919—1943. Сборник документов. Т. 1. М., 1977, с. 91—92.

¹⁰ Подробнее см.: В. И. Глунин. О роли пролетариата в китайской революции (к 50-летию IV съезда КПК). — «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 1, с. 122.

¹¹ См.: Ответы на вопросы по основным знаниям..., с. 4.

¹² См.: «Чжунго циннянь», 1925, № 69, с. 297—298.

¹³ См.: «Народный Китай», 1957, № 10, с. 31.

КСМК, объединявших 795 первичных организаций¹⁴. Численный рост сопровождался изменением и социального состава союза. Если до «движения 30 мая» 80 % его членов составляли студенты, то спустя год процент рабоче-крестьянской молодежи увеличился до 40, а в Шанхае и в провинции Гуандун — до 50—65 %. К маю 1927 г. в рядах КСМК насчитывалось свыше 50 тыс. человек¹⁵.

В 1927 г. реакционные силы в Китае перешли в наступление. Были совершены реакционные перевороты в Шанхае, Гуанчжоу и других городах. Был запрещен журнал «Чжунго циннянь». В обстановке белого террора в мае в Ухани был проведен IV съезд комсомола, на котором присутствовало более 60 делегатов. Исходя из сложившейся обстановки, съезд принял решение о вовлечении широких масс молодежи в революционную борьбу против чанкайшистского режима.

Репрессии против коммунистов, террор привели к тому, что крупнейшие комсомольские организации в Шанхае, Гуанчжоу, Чанша и других городах были разгромлены, значительная часть комсомольских работников была истреблена. Печальный итог разгула реакции — сокращение числа членов КСМК к августу до 10 тыс. человек, то есть в пять раз.

Десятки тысяч комсомольцев отдали жизнь в борьбе за светлое будущее всего китайского народа. Они брали пример со своих старших товарищей, коммунистов-интернационалистов, таких, как Чжан Тайлэй, Дэн Чжунся, Цюй Цюбо, Цай Хэсэнь.

Серьезной заслугой КСМК, направляемого КИМом, явилась его борьба с ликвидаторством и «авангардистскими» тенденциями в руководстве КПК и КСМК. В 1927 г. в КПК имелась, с одной стороны, группа лиц с ликвидаторскими настроениями, которая настаивала на том, чтобы упразднить комсомол и полностью слить его с партией, а с другой — группа с «авангардистскими» настроениями, стоявшая за то, чтобы комсомол самостоятельно руководил всей борьбой, без партийного руководства. По их мнению, КСМК следовало стать параллельной КПК организацией и называться «партией коммунистической молодежи». В ноябре 1927 г. на расширенном пленуме ЦК КСМК как ликвидаторство, так и «авангардизм» были подвергнуты серьезной критике. Пленум, работой которого руководил Жэнь Биши, правильно указал, что ликвидация КСМК и слияние организаций союза с партией под предлогом концентрации сил и укрепления партии неизбежно привели бы к снижению революционной роли рабочей и крестьянской молодежи, к ослаблению влияния партии в массах молодежи. Пленум подчеркнул необходимость сохранения и всемерного укрепления КСМК как организации передовой революционной молодежи, ближайшего помощника КПК. Указав, что революционное движение молодежи является частью всеобщего пролетарского движения, пленум особо отметил, что комсомол лишь передовая организация пролетарской молодежи и что только коммунистическая партия может быть и является единственным авангардом пролетариата¹⁶.

Трудности подполья, однако, не сломили комсомол. Центр тяжести в работе был перенесен в сельскую местность. Уже к марту 1928 г. число членов КСМК возросло до 70 тыс.¹⁷. Но этот рост происходил за счет уменьшения прослойки рабочей молодежи и студентов и увеличения представителей крестьянской молодежи.

¹⁴ См.: Б. А. Митбрэйт. Очерки истории Коммунистического союза молодежи Китая. М., 1961, с. 44.

¹⁵ См.: «Народный Китай», 1957, № 10, с. 32—33.

¹⁶ См.: Материалы по истории молодежного движения в Китае, т. 3 (1926—1927). Пекин, 1957, с. 526—533 (на кит. яз.); «Народный Китай», 1957, № 10, с. 32—33; Славная страница в жизни комсомола Китая. М., 1957, с. 11.

¹⁷ «Народный Китай», 1957, № 10, с. 33.

В июле 1928 г. в Москве состоялся V съезд КСМК, который подытожил опыт и уроки работы после IV съезда и определил основные задачи комсомола: добиться сплочения еще более широких масс молодежи вокруг КПК, еще шире привлекать молодежь к участию в революционной борьбе рабочих и крестьян, помочь партии в подготовке масс к вооруженной борьбе и свержению существующей власти.

После вероломного нападения Японии на Китай в 1931 г. КСМК сосредоточил свои силы на мобилизации молодежи для борьбы с агрессором. Китайские комсомольцы героически сражались против японских захватчиков во время обороны Шанхая, боролись против капитулянтской политики Чан Кайши. В тот период более трети бойцов китайской Красной армии составляли комсомольцы. В 1933 г. ЦК КСМК создал молодежно-комсомольскую дивизию имени КИМа, проявившую исключительный героизм в разгроме походов Чан Кайши. В КПК тем временем все отчетливее складывались два направления: марксистское, интернационалистское, базирующееся на марксизме-ленинизме, знаменем которого были идеи Октябрьской революции, и националистическое, мелкобуржуазное, представлявшее различные непролетарские течения и взгляды — от шовинистов и националистов, видевших в компартии и марксизме лишь средство возрождения «былого величия Китая», до мелкобуржуазных революционеров, которые, по словам В. И. Ленина, «усваивают себе лишь некоторые стороны марксизма, лишь отдельные части нового мирозерцания или отдельные лозунги, требования»¹⁸. Последнее, связанное главным образом с именем Мао Цзэдуна, впоследствии оформилось в мелкобуржуазно-националистическое течение. Борьба между этими двумя линиями, естественно, на определенных этапах не могла не находить своего отражения и в деятельности китайского комсомола. Характерный тому пример — события 1930 г. В то время Ли Лисань, фактически возглавлявший руководство ЦК КПК, и поддерживавшая его часть руководства КПК и КСМК, включая Мао Цзэдуна, пытались повернуть компартию и союз молодежи на путь перепрыгивания через буржуазно-демократический этап китайской революции, на путь путчизма и авантюры. КИМ резко критиковал такую позицию лилисаневского руководства. «Декретируя организацию повсеместных вооруженных восстаний (несмотря на отсутствие в то время в решающих промышленных центрах Китая необходимых предпосылок для этого), лилисаневское руководство, по существу, стало на путь ликвидации компартии, КСМК и массовых революционных организаций, растворив их в создаваемых «подготовительных комитетах»¹⁹, — подчеркивалось в материалах декабрьского (1932 г. — В. У.) пленума ИК КИМа. «Лилисаневщина сильно ослабила позиции китайского КСМК в борьбе за массы трудящейся молодежи, — делался вывод на пленуме. — Прежде всего она ослабила ряды самого союза, на известное время превратив его в разобщенные и не связанные между собой организации. Прямым следствием этого явилось значительное сокращение численности КСМК с 30 000 до 15 300 (без советских районов)»²⁰.

Декабрьский пленум Исполкома подчеркнул: «Глубина последствий ликвидаторских, полутроцкистских установок Ли Лисаня в КСМК была следствием того, что тогдашнее руководство союза не только не организовало борьбы против проводившейся, по существу, ликвидации КСМК как самостоятельной организации, а выступило активным сторон-

¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, с. 65.

¹⁹ «Подготовительные комитеты», или «комитеты действия», — организации, которые хотели создать лилисаневцы, объединив партийные, профсоюзные и комсомольские органы.

²⁰ Материалы по национально-колониальным проблемам. М., 1933, № 4 (10), с. 104—105.

ником Ли Лисаня в его борьбе против линии Коминтерна и КИМ»²¹. Одну из основных причин подобного положения в китайском комсомоле КИМ видел в неудовлетворительном составе КСМК, в малочисленности пролетарских элементов в союзе. И только после вмешательства китайских коммунистов-интернационалистов и КИМа и отмены решений III пленума ЦК комсомола, а также изменения состава руководства КСМК серьезные ошибки удалось исправить²².

В ноябре 1935 г. ЦК КПК принял решение «О работе среди молодежи». Этим решением КСМК был преобразован в молодежную организацию сопротивления Японии и национального спасения, которая должна была носить «общенациональный характер». Хотя эти решения первоначально, казалось, содействовали созданию широкого молодежного фронта, они нанесли значительный ущерб идейному воспитанию китайской молодежи. К тому же силы реакции начали создавать в стране и укреплять свои молодежные организации, основной целью которых было не допустить объединения широких слоев молодежи Китая в единой организации. В ходе антияпонской войны, и особенно на ее последнем этапе, произошло значительное ослабление деятельности молодежных организаций. И хотя сама молодежь активно участвовала в войне во многих районах, это было отнюдь не следствием руководства молодежной работой со стороны КПК и китайского комсомола²³.

2 сентября 1945 г. милитаристская Япония объявила о своей безоговорочной капитуляции. Решающий вклад в дело разгрома японской Квантунской армии внес Советский Союз. Капитуляция Японии означала одновременно победу китайского народа в его борьбе против агрессора. Но мир не пришел на китайскую землю. По приказу Чан Кайши гоминьдановские войска начали наступление против Народно-освободительной армии Китая. Уже к концу октября 1945 г. гражданская война охватила 11 провинций Китая. В этот трудный момент Советский Союз стал надежным тылом для вооруженных сил КПК в Маньчжурии. Это позволило КПК значительно укрепить армию, перейти в наступление против гоминьдановских войск, расширить освобожденные районы.

Перед КПК встали новые задачи, в том числе и проблема усиления работы с молодежью. 28 сентября 1946 г. ЦК КПК выдвинул предложение о создании Демократического союза молодежи и поручил местным партийным организациям в опытный порядок осуществлять это мероприятие. Тем самым ЦК признал необходимым создать под политическим руководством партии новую молодежную организацию из передовой молодежи, более массовую, чем существовавший ранее КСМК²⁴. С этого времени начинается новый этап в истории китайского комсомола, связанный с созданием 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики.

1 января 1949 г. ЦК КПК принял решение о создании Новодемократического союза молодежи (НДСМ) на территории всего Китая. 11 апреля 1949 г. в Пекине состоялся I Всекитайский съезд НДСМ, на котором присутствовало 376 делегатов, представлявших 190 тыс. его членов. Среди делегатов съезда 10,9 % были рабочие, 15,4 % — крестьяне, 71 % — студенты и 2,7 % — служащие, приказчики и пр.²⁵ Почетным председателем съезда был избран Жэнь Биши. От имени ЦК КПК и НОАК с приветствием выступил Чжу Дэ.

²¹ Цит. по: Г. Беспалов. Китайский комсомол. М., 1931, с. 29—30.

²² См. там же.

²³ См.: Б. А. Митбрейт. Указ. соч., с. 97.

²⁴ См.: Славная страница в жизни комсомола Китая, с. 14.

²⁵ См.: Б. А. Митбрейт. Указ. соч., с. 111.

Проведение I съезда НДСМ явилось значительным событием в жизни не только молодежи, но и всего Китая. Съезд организационно оформил создание союза, избрал его руководящие органы, принял программу и устав, в которых были определены цели и задачи, характер союза молодежи, ставшего помощником и резервом КПК. В организационном отношении НДСМ был построен по принципу демократического централизма. Высшим руководящим органом союза являлся его съезд, а в промежутках между съездами руководство всей деятельностью осуществлял Центральный комитет, избравшийся съездом. Вся деятельность волостных, уездных, городских и других организаций союза направлялась соответствующими партийными организациями. На выработку документов I съезда НДСМ, видимо, сильное влияние оказали документы VII съезда КПК. Именно поэтому в Уставе I съезда НДСМ было зафиксировано требование ко всем членам союза усердно «изучать идеи Мао Цзэдуна».

Передовая молодежь Китая, объединенная в рядах НДСМ, внесла достойный вклад в дело разгрома гоминьдановских войск, в победу народной революции, а после образования КНР — в дело восстановления народного хозяйства страны, сыграла большую роль в борьбе против американской агрессии и в оказании помощи Корее.

Победа народной революции в Китае открыла перед молодежью страны замечательные перспективы. НДСМ стал инициатором многих ценных начинаний на трудовом фронте, возглавил «движение за новые производственные рекорды», которое оказало большую помощь в восстановлении и развитии промышленности, транспорта. НДСМ активно участвовал в проведении земельной реформы, в развитии движения за кооперирование на селе, в освоении целинных земель.

Летом 1953 г. в Пекине состоялся II съезд НДСМ, в работе которого приняли участие 795 делегатов, представлявших 9-миллионную армию членов союза, организованных в 380 тыс. низовых организаций. На съезде были внесены изменения в устав. Если раньше при вступлении в союз требовалась рекомендация одного члена НДСМ, то сейчас — двух членов либо одного коммуниста, что улучшало состав организации, повышало ее боевой дух. Из устава было исключено положение об «усердном изучении идей Мао Цзэдуна», что способствовало усилению влияния марксистско-ленинских сил в руководстве НДСМ.

Под руководством КПК молодежь Китая и ее авангард — НДСМ — в годы первой пятилетки проявили себя как активная и ударная сила в различных сферах производственной деятельности, активно участвовали в строительстве заводов и фабрик, которое велось по большей части с помощью СССР и других стран социализма. Из среды молодежи вышли тысячи героев и отличников труда. В те годы НДСМ имел тесные дружеские отношения с молодежными коммунистическими организациями стран социализма, прогрессивными молодежными организациями капиталистических стран, был активным участником общей антиимпериалистической борьбы, отстаивал мир, дружбу между молодежью, народами других стран. Всесторонние контакты НДСМ установил с советской молодежью и ее авангардом — ВЛКСМ. Деятельность организации НДСМ была направлена на воспитание членов союза и несоюзной молодежи в духе преданности своей родине, дружбы с Советским Союзом, другими странами социализма.

Знаменательным событием для всей молодежи и членов союза явился III съезд НДСМ, состоявшийся в Пекине в мае 1957 г. Деятельная подготовительная работа, проведенная союзом перед съездом, свидетельствовала о том, какую огромную роль должен был сыграть этот съезд в истории молодежного движения Китая. По всей стране прошли собрания и конференции членов союза, на которых молодежь обсуждала проект устава своей организации, конкретные вопросы жизни союза,

избирала представителей на съезд. К этому времени союз молодежи насчитывал 23 млн. членов, увеличившись на 14 млн. человек. Число первичных организаций возросло до 920 тыс. Из рядов НДСМ с 1949 г. было подготовлено к вступлению к КПК 2 млн. 800 тыс. человек. На съезд НДСМ приехали в качестве гостей представители зарубежных союзов молодежи из 16 стран, которые вместе с делегатами съезда радовались успехам молодежи Китая в строительстве новой жизни.

В приветствии от ЦК КПК, оглашенном на съезде, ставились три основные задачи для членов союза: правильно, честно относиться к труду, неуклонно и упорно учиться, добиваться сплочения широких масс молодежи. В нем подчеркивалась необходимость учиться у Советского Союза, у всех стран народной демократии передовому опыту, учиться лучшему у народов всех стран мира, сплотиться с народами социалистических стран, возглавляемых Советским Союзом, со всеми миролюбивыми людьми земного шара. Секретарь ЦК НДСМ в отчетном докладе подчеркнул, что главная задача союза молодежи — воспитание молодого поколения в духе коммунизма и сплочение всей молодежи под руководством партии для активного участия в строительстве социализма.

Съезд решил, что НДСМ выполнил свою миссию и что необходимо дать ему другое название — Коммунистический союз молодежи Китая (КСМК), которое точнее отражает политические задачи союза, характер молодежного движения в Китае, в связи с чем было принято специальное решение. Важнейшие изменения в молодежном движении и новые задачи, стоящие перед молодежью, нашли свое отражение в новом уставе союза, принятом на съезде.

Решения съезда вооружили комсомол Китая ясной программой дальнейшего совершенствования его организационной и идеологической работы. Они ориентировали союз молодежи Китая на развитие дружбы и сотрудничества с молодежными организациями стран социализма, прогрессивными организациями мира. В течение многих лет Ленинский комсомол оказывал большую бескорыстную помощь китайской молодежи, передавая ей свой опыт и знания. 11 тыс. китайских студентов и аспирантов, обучавшихся в советских вузах, 10 тыс. китайских практикантов на предприятиях Советского Союза повсюду и всегда ощущали дружескую поддержку советских юношей и девушек. Были налажены постоянные связи между молодежью Москвы и Пекина, Иркутской области и провинции Ляонин, Казахской ССР и Синьцзян-Уйгурского автономного района и т. д. Молодежные организации двух стран постоянно обменивались делегациями, в которых были представлены все категории советской и китайской молодежи. Все это способствовало развитию и укреплению прогрессивного молодежного движения в КНР, содействовало делу строительства социализма. Китайские товарищи в то время стремились к изучению опыта ВЛКСМ, и Ленинский комсомол всегда шел им навстречу. Первой зарубежной группой слушателей в Центральной комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ была группа китайских слушателей. За 1952—1957 гг. учебу в ЦКШ закончили 124 комсомольских работника Китая²⁶.

Однако прогрессивное, интернациональное направление развития молодежного движения в Китае не устраивало националистическую группировку в КПК во главе с Мао Цзэдуном. Особенно большое беспокойство вызывал у части руководства КПК интернациональный курс КСМК, его дружеские связи с ВЛКСМ, международными демократическими организациями. Мао Цзэдун и его сторонники понимали, что без

²⁶ См.: Г. Елисеев, А. Крушинский, В. Милютенко. Кричащие батальоны. Так называемая «великая пролетарская культурная революция» Китая вблизи. М., 1967, с. 111.

подрыва интернациональных связей китайского комсомола невозможно навязать ему националистический курс. По вине маоистов стали резко сокращаться контакты КСМК с ВЛКСМ и другими коммунистическими союзами молодежи, в стране начала распространяться клевета в адрес СССР, других социалистических стран.

Естественно, что становление культа личности в Китае, нагнетание антисоветизма внутри страны не могло не встретить сопротивления опытных, закаленных в горниле классовых битв партийных и комсомольских кадров. Однако это сопротивление было ослаблено рядом факторов, в первую очередь, сознательной политикой маоистов, направленной на резкое увеличение партийных рядов за счет главным образом мелкобуржуазных слоев и особенно неграмотных крестьянских масс, которым импонирует фигура «вождя». Кроме того, весной 1957 г. началась и продолжалась в течение двух лет чистка рядов КСМК. Ей предшествовало выступление Мао Цзэдуна в феврале 1957 г. с программной речью «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа», которая послужила началом так называемого «движения за исправление стиля». В результате свыше 900 тыс. низовых организаций КСМК (из 920 тыс.), по сообщениям китайской печати, были подвергнуты «упорядочению». На 9 млн. комсомольцев (то есть на одну треть) были наложены различные взыскания. В некоторых первичных организациях союза свыше 10 % комсомольцев были объявлены «правыми элементами»²⁷.

Наконец, ослабление КСМК объясняется и отсутствием гласности в работе партийных, комсомольских и государственных органов, что лишило многих членов партии и комсомола правильной ориентировки. Проведенные мероприятия облегчили Мао Цзэдуну и его сторонникам резкий пересмотр курса VIII съезда КПК и III съезда КСМК и замену его так называемым курсом «трех красных знамен: генеральной линии, большого скачка и народных коммун».

По мере отхода лидеров Пекина от согласованной линии в международном коммунистическом движении все яснее и четче вырисовывался их гегемонистский курс на международной арене, усиливался антисоветизм и начиналось сближение с силами империализма и реакции. Курс группировки Мао Цзэдуна противоречил интересам китайского народа, в том числе и китайской молодежи. Последняя, ее авангард КСМК, жестоко пострадали от «экспериментов» Мао Цзэдуна, его антинародного курса.

Уже в конце 50-х годов усилилась идеологическая обработка подрастающего поколения КНР в духе слепой веры в Мао и его политику. По стране прокатывались одна за другой кампании по изучению произведений Мао Цзэдуна. Первичные, городские, уездные организации КСМК были обязаны проводить слеты, совещания активистов этих кампаний. Возвеличиванию Мао и его «идей» служила кампания «учиться у Лэй Фэна», положившая начало целой серии кампаний-близнецов по изучению биографий погибших «героев».

В эти годы маоисты стали использовать КСМК для проведения «особого курса» на международной арене, для нападков на политику СССР, на деятельность Всемирной федерации демократической молодежи, Международного союза студентов. Тем самым они подрывали международные связи КСМК, всей китайской молодежи с молодежью стран социализма, демократической молодежью других стран мира.

В атмосфере утверждения в стране культа Мао Цзэдуна, навязывания международному коммунистическому, рабочему и молодежному движению особого курса, клеветы на Советский Союз, КПСС и ВЛКСМ, а также другие социалистические страны в Пекине в июне 1964 г. был проведен IX съезд КСМК, отсроченный в нарушение устава на три года.

²⁷ «Синдао жибао», 18.IX.1970.

На съезде частично, но существенно был пересмотрен Устав КСМК. Если раньше в нем было записано, что «теоретической основой организации является марксизм-ленинизм», то в новом уставе в качестве идейной основы провозглашались «идеи Мао Цзэдуна»²⁸. Секретарь ЦК КСМК Ху Кэши, выступая на съезде, сделал на этом особый акцент, заявив, что в новом уставе «ясно утверждены идеи Мао Цзэдуна в качестве руководящей идеологии»²⁹. Таким образом, складывалась беспрецедентная ситуация, когда «КСМК, проводящий свою работу под руководством КПК»³⁰, как записано в уставе комсомола, изменял свою идейно-теоретическую платформу, хотя в Уставе КПК руководящей идеологией формально еще на протяжении пяти лет по-прежнему оставался марксизм-ленинизм.

Из преамбулы Устава КСМК было выпущено и положение о том, что «КСМК, верный принципу пролетарского интернационализма, усиленно развивает и укрепляет сплоченность молодежи стран лагеря мира, демократии и социализма, возглавляемого Советским Союзом». Вместо этого было заявлено о необходимости борьбы китайского комсомола против «современного ревизионизма»³¹.

По новому уставу сокращалось число пленумов ЦК КСМК, была снижена роль Постоянного комитета ЦК КСМК между съездами и повышена роль Секретариата ЦК. Новый устав требовал от вступающих в комсомол не две, как это было раньше, а всего одну рекомендацию члена КСМК, что упрощало прием, обеспечивало более массовый приток в комсомол молодежи из непролетарских слоев населения. Только за 1965 г. в КСМК было принято 8,5 млн. человек, то есть более 25 % всех членов организации. Размыванию КСМК непролетарскими элементами способствовало решение ЦК комсомола о необходимости принимать в союз выходцев из семей «эксплуататорских классов». Лозунги, сформулированные весной 1966 г. на III пленуме ЦК КСМК, а также 3—11 июля на пленуме Пекинского горкома комсомола, мало чем отличались от лозунгов будущих хунвэйбинов.

Но даже такая организация не устраивала инициаторов «культурной революции», задумавших совершить контрреволюционный переворот и нанести удар по КПК, КСМК и другим общественным организациям. Вскоре после XI пленума ЦК КПК, в ходе которого Мао выступил с лозунгом «открыть огонь по штабам», китайский комсомол практически сошел с политической арены. 14 августа 1966 г. хунвэйбины — штурмовые отряды маоистов — захватили помещение ЦК КСМК. 16 августа вышел последний номер журнала ЦК КСМК «Чжунго циннянь», а вслед за ним — последний номер комсомольской газеты «Чжунго циннянь бао», секретари ЦК КСМК перестали появляться на протокольных мероприятиях, само слово «комсомол» все реже и реже стало встречаться на страницах газет, а затем и совсем исчезло. Мао Цзэдун и его окружение ликвидировали организацию молодежи, ссылаясь на то, что комсомол стал слишком пестрым по социальному составу, что он «в какой-то мере стал носить характер общенародной организации», а это расходится с теорией Мао об «обострении классовой борьбы».

Однако истинные причины были совсем другими. Мао Цзэдун и его ближайшее окружение стремились создать новую молодежную организацию, не имеющую традиций и опыта, оторванную от всех других массовых организаций, в первую очередь от партии. Замысел Мао Цзэдуна мешал прежде всего один из главных принципов деятельности КСМК, согласно которому комсомол, являясь помощником и резервом КПК, работает под ее непосредственным руководством. Их не устраивало то, что

²⁸ «Чжунго циннянь», 1964, № 14, с. 26.

²⁹ Там же, с. 20—21.

³⁰ Там же, с. 27.

³¹ Там же, с. 26—27.

комсомольские организации и органы на местах были тесно связаны с выборными партийными органами соответствующих ступеней. А подавление и отстранение партийных органов — от провинциальных до низовых — от руководства жизнью страны и было одной из главных задач «культурной революции». Все это побудило Мао Цзэдуна дать приказ о разгоне КСМК и пионерской организации под лозунгом «бунт — дело правое» и приступить к формированию хунвэйбиновских организаций.

С чем же пришел китайский комсомол к своему 60-летию? Каково положение в КСМК сегодня?

Уже в ходе «культурной революции», когда хунвэйбины и цзаофани стали не нужны Мао Цзэдуну и его окружению, их стали высылать в сельские районы на длительное поселение.

Мао Цзэдун и его сторонники «вспомнили» о китайском комсомоле и заговорили о необходимости «воссоздания» этой организации. К осени 1973 г. в Китае были сформированы комитеты комсомола на уровне провинций, городов центрального подчинения и автономных районов, однако создать общенациональную организацию при жизни Мао так и не удалось из-за фракционной борьбы в китайском руководстве и вновь созданных органах КСМК. В 1975 г. был образован специальный Подготовительный комитет по созыву X съезда КСМК, однако, несмотря на все его усилия, съезд комсомола не был созван ни в 1976, ни в 1977 г. Комитет был распущен в связи с арестом «банды четырех», которая якобы сформировала этот орган из своих ставленников³². Был создан новый Подготовительный комитет, который и занялся подготовкой съезда.

С 16 по 26 октября 1978 г. в Пекине прошел X съезд КСМК, созванный через 14 лет после IX съезда КСМК и через 12 лет после разгрома этой организации во время «культурной революции». На съезде было отмечено, что КСМК насчитывает 48 млн. членов, объединенных в более чем 2 млн. первичных организаций³³. Хань Ин (избранный после съезда первым секретарем КСМК) был вынужден признать, что в 1966 г. «был разгромлен ЦК КСМК и репрессирована большая часть комсомольских кадров», а сам комсомол в стране «последние 12 лет практически не существовал»³⁴. Хотя в документах съезда и подвергся корректировке ряд указаний Мао, однако основополагающие догмы маоизма остались без изменения. Молодежь призвали «учиться у армии», «готовиться к войне», «к борьбе против Советского Союза». На съезде было указано на «необходимость проведения культурной революции, если потребуется в будущем». По сути дела, в документах и решениях X съезда маоизм был закреплен в качестве «руководящей и направляющей силы всей работы комсомола»³⁵. На съезде были обойдены молчанием вопросы о месте и роли молодежи в китайском обществе, о свободе выбора профессии, о повышении квалификации молодых рабочих, их материального благосостояния, о ликвидации безработицы в городах, не обсуждалась проблема отмены возрастного ценза при вступлении в брак и многие другие. Менее всего на съезде обсуждались вопросы международной деятельности создаваемой организации. Участники съезда призвали руководствоваться маоистской теорией «трех миров», бороться против Советского Союза.

Одним из важнейших документов, принятых на съезде, был Устав КСМК. Правда, в Пекине пытались представить принятие этого документа лишь как утверждение поправок к уставу 1964 г. Но анализ этих документов и «поправок» к уставу 1964 г. приводит к выводу,

³² См. А. Красильников, В. Усов. К вопросу о проведении X съезда КСМК. — «Вестник КМО СССР», 1979, № 1, с. 31—36.

³³ «Жэньминь жибао», 27.X.1978.

³⁴ Там же, 24.X.1978.

³⁵ Там же, 28.X.1978.

что это совершенно новый документ. Идеологической и теоретической основой деятельности КСМК в уставе утверждены «идеи Мао Цзэдуна». В устав внесено положение о том, что китайский комсомол проводит «внешнеполитическую линию председателя Мао ...ведет борьбу за разгром... современного ревизионизма»³⁶. Тем самым нынешние пекинские лидеры обязывают молодежь Китая бороться против первой в мире страны социализма. В то же время в уставе ни слова не говорится о борьбе за мир, на что нацеливали китайский комсомол его прошлые уставы. Новый устав не предусматривает существования каких-либо контрольных органов в китайском комсомоле, не устанавливает критериев формирования руководящих органов, норм представительства на провинциальных и всекитайских съездах КСМК. В уставе не говорится, как определяется число членов и кандидатов в члены ЦК КСМК, из кого пополняется состав ЦК, если из него выбывают отдельные члены. Уменьшено число пленумов ЦК КСМК, которые, по новому уставу, созываются «один раз в год».

Ход подготовки и проведение X съезда КСМК, а также три последующих пленума ЦК КСМК, их документы свидетельствуют о том, что в КНР создана организация на новой, по своей сути маоистской основе. Пекинские руководители открыто пытаются превратить КСМК в оружие, способствующее осуществлению их великодержавного, гегемонистского курса. Однако, как показывают события последних лет, среди китайской молодежи имеются силы, понимающие пагубность маоизма, выступающие за коренной пересмотр всей политики страны, за возвращение ее на путь подлинного, научного социализма. От укрепления и развития этих сил во многом будет зависеть будущее КСМК, всей китайской молодежи.

³⁶ «Жэньминь жибао», 27.X.1978.

БОРЦЫ ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО

К 60-летию Коммунистической партии Японии

Сэйти Итикава — коммунист-трибун

В трудных условиях рождалась и начинала героическую деятельность Коммунистическая партия Японии. Военно-полицейский аппарат империалистической Японии делал все возможное для того, чтобы не выпустить коммунистов из подполья, помешать упрочению их влияния в массах, не допустить распространения идей социализма. Несправедливый суд, мрачные тюрьмы, а то и просто жестокая и скорая расправа без суда ожидали тех, кто вступал в ряды боевой партии японского пролетариата.

Среди жертв буржуазного террора был и Сэйти Итикава — один из замечательных японских революционеров, вступивший в коммунистическое движение под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Немного не дожидаясь 21 июля 1931 г. разгрома империалистической Японии. Он не смог выйти на волю из длительного заключения, скончавшись 15 марта 1945 г. от многочисленных лишений тюремной жизни¹.

С. Итикава говорил, что коммунист, даже когда он находится перед лицом буржуазного суда или на эшафоте, не должен прекращать своей борьбы, а напротив, продолжать ее, стоять во главе борьбы за освобождение рабочего класса. Пример собственной жизни С. Итикава показывает, как это нужно делать на практике. Яркой страницей вошли в историю Компартии Японии его выступления на начавшемся 21 июля 1931 г. процессе японского императорского суда против схваченной охранкой большой группы японских коммунистов. По поручению своих соратников по борьбе С. Итикава использовал буржуазный суд как трибуну для острого аргументированного ответа на ложь и клевету официальной пропаганды о японских коммунистах.

Речи Итикава перед судом политического противника, прибегающего к насилию, чтобы поставить преграду распространению идей построения социалистического общества, живо переключаются с современностью. Ведь и сейчас буржуазная пропаганда, а нередко и те, кто рядится в тогу «борцов за свободу», стремятся представить коммунистов «врагами демократии», предавая при этом забвению тот неоспоримый факт, что именно на коммунистов обрушивались главные удары фашистских режимов и они не имели, да и сейчас нередко не имеют физической возможности даже обьявить о своей идеологии на «законных основаниях».

С. Итикава вдумчиво проанализировал процесс рождения и становления КПЯ в первые девять лет ее существования, сделал много полезных выводов не только из первых успехов, но и из неудач и ошибок своей партии. Он обращал особое внимание на необходимость для коммунистов глубоко осваивать марксистско-ленинское учение, последовательно проводить в жизнь принципы пролетарского интернационализма. Недаром выступления С. Итикава в буржуазном суде стали фактически первым учебником по истории КПЯ, на котором воспитывалось, училось умножать революционные традиции партии не одно поколение японских коммунистов. Еще осенью 1931 г. речи С. Итикава были опубликованы в специальном номере японского журнала «Пурорэтари кагаку» («Пролетарская наука»), посвященном 14-й годовщине Октябрьской революции. Позже они были обработаны и дополнены самим автором и издавались неоднократно под названием «Краткая история борьбы Коммунистической партии Японии». В Советском Союзе выступления С. Итикава были опубликованы в 1934 г. в журнале «Тихий океан» (№ 1, с. 8—168), ставшим к настоящему времени библиографической редкостью.

Редакция полагает, что читателям будет интересно ознакомиться хотя бы с частью речей С. Итикава — наглядным свидетельством исторического подвига пионеров японского коммунистического движения, закладывавших основы Коммунистической партии Японии, которая встречает ныне свое шестидесятилетие. Перевод уточнен по Собранию сочинений С. Итикава, изданному Компартией Японии (Итикава Сэйти тэсакую, дзэ. Токно, 1962).

¹ Подробно о жизни и деятельности С. Итикава см. в книге: «Жизнь, отданная борьбе», М., 1966.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ СЭИТИ ИТИКАВА НА СУДЕ

Мы стоим перед судом только за то, что являемся членами Коммунистической партии Японии. Многие товарищи по причине принадлежности к КПЯ и деятельности в ее интересах подвергались буржуазией страшным преследованиям, арестам, тюремному заключению, долгосрочной каторге или пали от буржуазного белого террора. Я также стою перед судом только за то, что являюсь членом КПЯ. Других причин этому нет...

Этот суд является не чем иным, как одной из сцен классовой борьбы. Государственная власть Японии полностью превратила суд в арену классовой борьбы. Посмотрите! Разве суд не переполнен полицейскими, жандармами и надзирателями? Разве до нашего прихода сюда на нас не были надеты наручники, не лишают нас перед судом слова и не угрожают запрещением открытого судопроизводства?

Мы не должны прекращать классовой борьбы в любых условиях и как бойцы своего класса сражаемся с буржуазией. Коммунисты не прекращают, а напротив, становятся во главе классовой борьбы и в том случае, когда они предстают перед судом классового врага, когда находятся на эшафоте...

Буржуазия распространяет слухи, будто бы Компартия Японии — это организация поджигателей, насильников, убийц, прикрепляет коммунистам ярлыки заговорщиков, изменников, предателей родины и мятежников, применяет к ним крайние уголовные наказания, изображая коммунистов людьми, которых следует ненавидеть и бояться, как злодеев и зверей. Но буржуазия не довольствуется этим. Когда представляется случай, она стремится прикончить членов Компартии Японии, революционных рабочих и крестьян и других сочувствующих, оказывающих поддержку КПЯ, обходя при этом законы и суд, не прибегая к долгим процедурам. На практике буржуазия преследует коммунистов не только «законно», опираясь на закон. Она преследовала и всегда преследует коммунистов, прибегая к самым разнообразным «незаконным» средствам.

Однако что плохого сделала Компартия Японии, подвергаясь таким ужасным гонениям? За что больше всего ненавидит ее буржуазия? Чьим врагом и чьим другом является Компартия Японии?

Почему КПЯ со времени событий 15 марта² росла неуклонно, несмотря ни на какие репрессии? На место десяти арестованных членов партии становятся 100—200 новых членов партии. Партия превращается во все более страшного противника буржуазии. В силу каких причин партия оказалась неуязвимой, не поддающейся разгрому?

Это происходит потому, что Компартия есть партия пролетариата. До тех пор пока существует и растет пролетариат, неизбежно существует и развивается Коммунистическая партия — авангард рабочего класса. Пролетариат — продукт капитализма. Современный общественный строй Японии представляет собой капиталистическое общество. В его основе лежат классовые противоречия двух классов: буржуазии и пролетариата. Буржуазия присвоила общественные средства производства, захватила в свои руки государственную власть и с помощью этого эксплуатирует и порабощает пролетариат. Напротив, пролетариат производит все богатство общества, но сам не обладает ничем, кроме рабочей силы, которую должен продавать. Историческая миссия пролетариата как основного противника подобного общества и последовательного революционного класса — разрушить до основания общество капитализма. Следовательно, пролетариат не класс прошлого, он является классом будущего. Будущее принадлежит пролетариату. Компартия как партия пролетариата является руководителем великого исторического дела ликвидации господства буржуазии, установления диктатуры пролетариата и построения социализма.

Компартия является партией пролетариата, и это означает следующее. Во-первых, Компартия имеет самые глубокие корни в капиталистическом обществе, в последнем классовом обществе в истории человечества, поэтому ее нельзя ни создать, ни уничтожить по чьему-либо произволу. Во-вторых, как авангард рабочего класса Компартия является самым верным другом широких трудящихся масс и решительным врагом буржуазии, помещиков, всех эксплуататоров. В-третьих, Компартия не подчиняется буржуазному порядку и законам нынешнего государства, а борется против них. Компартия подчиняется только международной пролетарской дисциплине, которая не является абстракцией, а в концентрированном виде выражена в дисциплине Коминтерна. Иначе говоря, незаконность Коммунистической партии по отношению к буржуазии отражает изначальное существо пролетарского класса, и для пролетариата каждой страны безусловна вера в то, что, противостоя буржуазии собственной страны, рабочие всего мира сплачиваются...

Компартия Японии существует 9 лет. Все это время она постоянно действовала как одна из секций Коминтерна.

Буржуазия говорит, что КПЯ многократно создавалась заново. Но это от начала до конца ложь. КПЯ подвергалась многочисленным ударам в условиях буржуазных репрессий, ее развитие тормозил мелкобуржуазный оппортунизм, имевший место

² 15 марта 1928 г. по всей Японии были произведены массовые аресты коммунистов. (Здесь и далее прим. переводчика.)

внутри партии, и однажды дело доходило даже до роспуска партийной организации. Однако КПЯ продолжала существовать и вместе с Коминтерном, как его секция, шла по пути становления и развития.

Буржуазия и социал-демократы утверждают, что КПЯ была якобы создана путем сговора отдельных лиц — кучки социалистических главарей и невесть откуда появившихся умников. Они утверждают, что КПЯ является заговорщической организацией, управляемой этими главарями и умниками, партией немногочисленных избранников, вход в которую для масс наглухо закрыт. Это совершенно очевидная демагогия.

КПЯ создана, пользуется поддержкой и развивается революционными силами рабочего класса Японии, борющегося против буржуазии. На протяжении всего развития КПЯ, начиная с момента ее образования, фактически наибольшие усилия прилагали не знаменитые социалистические вожди и «умники», а неизвестные рядовые бойцы — рабочие. То, что КПЯ является конспиративной организацией для буржуазного правительства, нелегальной партией, не значит, что она является особой сектой заговорщиков. Компартия, которая должна мобилизовать на революцию широкие массы, не может быть сектой заговорщиков...

КПЯ — отнюдь не случайно возникшее явление. Коммунистическую партию нельзя произвольно ни создать, ни разрушить. Существует определенная обстановка, создающая почву для существования и развития Компартии Японии.

Если говорить о международной обстановке, то неслыханно жестокая мировая империалистическая война была первым большим взрывом международных противоречий. С того времени, как говорил великий вождь Ленин, мы вошли в период войн и революций. Это эпоха перехода от диктатуры буржуазии к диктатуре пролетариата в мировом масштабе. В 1917 году победила революция русского пролетариата, руководимая большевиками. Основан нынешний Союз Советских Социалистических Республик. В мире появилось первое пролетарское государство. Мир раскололся на две части: капиталистический мир, который все больше идет к развалу, и, с другой стороны, мир строительства социализма, который нельзя остановить никакой силой...

Теперь перейду к внутреннему положению.

Японский капитализм после войны очень изменился по сравнению с тем, каким он был до нее. Японский империализм необычайно развился, захватив во время войны новые зарубежные рынки и ресурсы. Но в то же время это развитие сопровождалось чрезвычайным обострением внутренних противоречий. Противоречия послевоенного времени остро поставили все японское общество перед непрерывными кризисами, депрессиями, застоєм.

Первыми вспыхнули рисовые бунты 1918 года, затем разразился экономический кризис 1920 года, землетрясение и кризис 1923 года, финансовый кризис 1927 года и, наконец, нынешний мировой кризис.

В течение ряда лет после войны производительные силы японского капитализма развивались, но внутренняя обстановка тормозила это развитие... Японская буржуазия пытается на внутренней арене найти выход из кризиса при помощи всяческих экономических и политических средств, насильственных и мирных, законных и незаконных. В конечном итоге жертвами становились рабочие и крестьяне Японии, а также трудящиеся массы ее колоний: Тайваня, Кореи и Маньчжурии. Но даже при всем этом выход из кризиса был невозможен. Экономический и политический кризис все больше и больше углублялся, и сегодня Япония находится в самом его центре. Это естественно и не является каким-то случайным несчастьем, а есть результат существования в Японии капиталистической системы.

Итак, происходило обострение противоречий и наступал кризис. Этот процесс способствует концентрации капитала в руках монополий. Политическая и экономическая власть сосредоточивается в руках кучки финансовой буржуазии.

В современной Японии на одной стороне находится крупнейшая буржуазия — разражавшаяся на крови рабочих, крестьян и населения колоний сверхкрупная буржуазия (Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Ясуда, Кавасаки, Окура), а на другой стороне — многомиллионные массы, изнемогающие от голода. Однако капиталисты по той причине, что их предприятия не дают удовлетворительной прибыли, закрывают заводы, восстанавливают машины и т. п. производительные силы. Руками буржуазии, которая правит в японском государстве, деревня доведена до невыносимого положения. Приближается аграрный революционный кризис, поскольку нет другого пути, кроме конфискации помещичьих земель.

Государственные финансы находятся на краю краха, а правительство не шевельнет и пальцем, чтобы сократить увеличивающиеся военные расходы, на которые оно уже не может получать деньги от крупной буржуазии — Мицуи и Мицубиси. Колонии (Тайвань, Корея и другие) и полуколонии (Маньчжурия), составляющие фундамент японского капитализма и империализма, теперь тоже невозможно так «умело» опустошать, как прежде. У японского капитализма нет собственных сил для спасения, буржуазная экономическая система страны находится на краю гибели. Буржуазия ищет выхода на путях разрушительной империалистической войны.

Несколько лет тому назад японские империалисты развязали грабительскую войну против Китая. На очереди вторая мировая война, которая захватит своими клещами Тихий океан! Эта империалистическая война, разрушительная и жестокая война, уже стоит на повестке дня японской военщины и других империалистов.

Таким образом, с одной стороны — экономический кризис, невыносимое обнищание и порабощение рабоче-крестьянских масс, а с другой, — разрушительная, зверская война! Это различные выражения одного и того же явления, порожденного алчным капиталом, которого не интересует ничто, кроме погони за прибылями. В таких вот условиях Компартия Японии родилась, боролась и развивалась...

Компартия Японии была основана в начале июля 1922 года в качестве японской секции III Интернационала, Коминтерна, являющегося партией мирового пролетариата. С момента своего основания до настоящего времени наша партия существует как секция Коминтерна. Но безусловно, нельзя представлять, что ее появление не имело отношения к японскому капитализму, к политической и экономической обстановке в Японии. Основной предпосылкой создания Компартии Японии является развитие японского капитализма. КПЯ — политическая партия японского пролетариата...

Уже в период Мэйдзи молодой пролетариат Японии принимал участие в либеральной массовой борьбе против правительства аристократии, абсолютистского правительства. В то время гласным и негласным руководителем массовой борьбы были буржуазные политические партии, но рядовыми бойцами в этой борьбе были рабочие. Когда поднялось недовольство японских масс против огромных жертв, понесенных в японо-русскую войну, японская буржуазия отвела их недовольство в сторону борьбы против Портсмутского договора. Деятели буржуазных партий, используя в своих целях пролетариат, предали его сразу, как только отпала в нем нужда, и заключили компромисс с аристократическим, бюрократическим правительством. Можно привести множество и других подобных примеров. Одним из таких безобразных примеров предательских действий буржуазии в отношении пролетариата является движение за всеобщие выборы. Одаки Юкио и ему подобные, возглавившие мобилизацию масс на демократическое движение, прежде всего на движение за всеобщие выборы, недолго занимали это место. Они быстро пошли на соглашение с правительством, передавая рабочих в руки полиции, отправляя их в тюрьмы.

В период от Мэйдзи до Тайсэ японский пролетариат накопил первый опыт политической борьбы. Безусловно, пролетариат Японии, подобно пролетариату всего мира, нередко подвергался обману, но тем не менее он уже вел борьбу против буржуазии. Как только пролетариат стал настаивать на своих интересах, оказывать противодействие капиталу, буржуазия немедленно приступила к его подавлению, используя силу полуфеодального государственного аппарата. Вновь возникшее движение рабочих, профсоюзное движение, а также социалистическое движение были объявлены незаконными и подверглись репрессиям.

Первая социал-демократическая партия была сразу после своего основания в 1901 году запрещена на основе полицейского закона об охране политического спокойствия. Позже была развернута травля социалистов с использованием дела Котоку (1910 год)³. В условиях таких гонений протекала борьба японского пролетариата. Во время японо-русской войны японский пролетариат переживал свое детство, и можно сказать, что ему еще почти не был присущ интернационализм. Тем не менее на международном конгрессе социалистических партий, состоявшемся в Амстердаме в 1904 году, в преддверии первой революции в царской России, товарищ Сэн Катаяма, представитель Социалистической партии Японии (сейчас он занимает видное руководящее положение в Коминтерне), крепко пожал руку Плеханову, представителю социал-демократической рабочей партии Российской империи — неприятельского для японской буржуазии государства. Факт пожатия руки социалиста враждебной страны в период молодости японского пролетариата одним из его пионеров — славная страница истории японского пролетариата.

Обратимся к рисовым бунтам 1918 года. В ходе рисовых бунтов их мелкобуржуазные руководители выступали под лозунгом разгрома бесчестных торговцев. Это было следствием кризиса японского капитализма, первым взрывом противоречий, получивших быстрое развитие во время мировой войны. Не буду говорить, каким зверским образом были подавлены рисовые бунты. Следует обратить внимание на то, что пролетариат, не имевший в то время своего организационно оформленного руководителя, смог тем не менее подняться до положения главы этого движения. Рабочие героически сражались, возглавив рисовые бунты, встав в центр этого движения.

Почему рисовые бунты должны были окончиться трагическим поражением? Причина состояла в отсутствии коммунистической партии, партии рабочего класса, в отсутствии сильного руководства со стороны организованного пролетариата, стоящего в центре массового восстания. Это наглядный урок того, какое тяжелое поражение выпадает на долю любого массового восстания при отсутствии коммунистической партии.

Естественно, что в результате появления таких объективных факторов, как рост численности рабочих и их концентрация на крупных заводах, а также по мере развития условий субъективного плана — на основе накопления собственного и международного опыта политической и экономической борьбы — японский пролетариат испы-

³ Судебный процесс против 26 японских социалистов, которым была инкриминирована подготовка покушения на императора. 12 из них были казнены, остальные приговорены к пожизненному или длительному заключению.

тывал потребность в собственной политической партии как едином органе руководства классовой борьбой.

В противовес этому стремлению в 1920 году был выдвинут законопроект о контроле над радикальными социальными движениями. Это был первый репрессивный акт перепуганной японской буржуазии, направленный против вступления японских рабочих в классовую борьбу, против тенденции развития революционной политической борьбы на основе большевистских лозунгов, которые были восприняты под влиянием русской революции. В то время японский пролетариат, а затем уже и объединившиеся коммунисты встали во главе массового движения против этого законопроекта. Под воздействием крупных политических демонстраций 11 февраля 1923 года законопроект о контроле над радикальными социальными движениями был отвергнут. Другим результатом массовых демонстраций, руководимых только что родившейся, еще слабой Коммунистической партией, был крах законопроектов о профсоюзах и арбитраже в арендаторских конфликтах.

В то время быстро расширялось профсоюзное движение, в лагере рабочих получило развитие коммунистическое движение. Тогда говорили об анархистах и большевиках; поразительно продвинулась политическая борьба. В декабре 1920 года была образована Социалистическая лига (Сякайсуги домэй). Она была объединением анархических, коммунистических и других революционных организаций. Социалистическая лига не обладала силой пролетарской политической партии, да и не имела такого характера. Тем не менее рабочие-социалисты, получившие уже опыт классовой борьбы и обладающие классовым сознанием, рассматривали ее как боевую организацию пролетариата, приветствовали создание лиги, многие из них приняли участие в ней. Многие из тех товарищей, которые и сейчас работают в КПЯ или находятся здесь, на скамье подсудимых, будучи схваченными как руководители партии, в то время состояли в Социалистической лиге...

Поскольку появление Социалистической лиги встретило горячий прием со стороны передовых рабочих, реформистские профсоюзные лидеры того времени Котаро Таанабаси и Хисаси Асо испугались политических требований рабочих, выступили против них, обратились к рабочим с призывом «Назад, в профсоюзы!», изо всех сил пытались отвлечь их от политической борьбы. Вполне естественно, что буржуазное правительство того времени через несколько месяцев обрушилось на Социалистическую лигу с репрессиями, запретило ее...

Передовые рабочие Японии, сознательные рабочие-социалисты остро ощутили слабость социализма, когда он либо не имеет партии, либо располагает одной идеологической организацией или конгломератом идеологических организаций. Они убедились, что идеологическая организация или объединение идеологических организаций, подобные Социалистической лиге, в конечном счете становятся бесполезными или даже приносят вред движению. В период экономического кризиса 1920 г. и последующей реакции они осознали, что при сохранении такого положения нельзя дать отпор капиталистам, занявшим жесткую позицию в отношении рабочих, нельзя добиться победы в повседневной экономической борьбе. Они поняли также непригодность прежних методов для того, чтобы обеспечить сосредоточение сил, придать массовый и революционный характер ныне раздробленному и реформистскому рабочему профсоюзному движению.

Классовому политическому развитию японского пролетариата мешали также анархизм и синдикализм, анархо-синдикализм. Ощущалась крайняя необходимость в новом сильном руководящем центре для ликвидации и этой помехи.

В силу указанных причин японские рабочие требовали создания своей, Коммунистической партии и явились главной движущей силой ее формирования. Безусловно, этот процесс ускорило, подтолкнуло развитие международного пролетарского движения; в особенности сказались влияние победы русской пролетарской революции, совершенной большевиками в 1917 году. Действительно, громадное влияние русской революции невозможно переоценить.

Японская буржуазия в сотрудничестве с мировой буржуазией окружила молодую Советскую Россию, предприняла против нее контрреволюционное наступление, развернула в прессе, школах, всеми другими средствами злостную пропаганду против русской революционной партии — большевиков. Несмотря на это, японский пролетариат проявил классовую солидарность и чувство дружбы. Он рассматривал революцию в России как событие, имеющее отношение к его собственной судьбе, и считал, что именно рожденная русской революцией рабоче-крестьянская страна, страна пролетарской диктатуры является государством рабочих. В этом корень того, что буржуазное правительство Японии начало контрреволюционное вмешательство в дела Советской России, а японский пролетариат, напротив, вступил в борьбу против такой злостной акции японского правительства, как интервенция в Сибири. Инстинктивное чутье рабочего, а также опыт мирового коммунистического движения подсказывают рабочим Японии, что победивший пролетариат России — старший брат японского пролетариата, уважаемый старший брат по классу, который учит и вдохновляет японских рабочих.

Мы непременно должны запомнить следующий исторический факт. Японские рабочие не просто проявляли из-за моря сочувствие русской революции. Передовые рабочие, высокосоциальные рабочие сами отправлялись через море в Сибирь, что-

бы оказать помощь в завершении русской революции. Они бесстрашно вели пропаганду среди войск японской буржуазии, совершивших агрессию, призывали не допустить разгрома русской революции, не направлять оружие против рабочих и крестьян Советской России, против страны нашего старшего брата, отечества рабочих. Преодолевая громадные трудности, наши товарищи, уважаемые передовые рабочие отправлялись в Сибирь и даже дальше, в европейскую часть России, оказывали помощь революции, боролись против агрессии японского империализма. Некоторые из них, подобно товарищу Сато, находясь в Сибири, пали в тяжелой героической борьбе в защиту русской революции. Иначе говоря, японские рабочие показали понимание того, что большевики, которых в то время называли экстремистами, уподобляли дьяволам, волкам, большевики, которые на капиталистов навели страх, являются для них подлинными друзьями и руководителями. Они показали понимание того, что именно крепкая, как сталь, революционная партия большевиков, ведомая самым выдающимся вождем мировой революции, Лениным, является подлинным авангардом рабочих, заслуживающим наибольшее доверие, другом трудовых масс.

Выше я говорил о фундаменте, на котором была создана партия. Хочу высказать также о непосредственных, конкретных обстоятельствах учреждения КПЯ. Прежде всего следует подчеркнуть, что рабочий класс Японии организовал КПЯ под непосредственным руководством и с помощью Коминтерна, в результате его деятельности. Коминтерн основан в марте 1919 года. В отличие от II Интернационала Коминтерн с самого начала уделял исключительное внимание Востоку. Пристальное внимание Коминтерна обращается к Востоку с его многочисленными колониями и полуколониями, с его народами, требующими освобождения от империализма, к Востоку, судьба которого состоит в том, чтобы стать громаднейшей ареной революционной борьбы. Для Востока как арены колониального революционного движения Япония, находящаяся в одном из его уголков, является опорой реакции и контрреволюции. Япония притесняет Китай, Корею и Тайвань, замышляет вторжение с востока в Советскую Россию...

В 1921 году Коминтерн, уделяющий огромное внимание Востоку, призвал созвать съезд народов Дальнего Востока. В конце 1921 года в Иркутске состоялось подготовительное совещание, а в январе — феврале 1922 г. в Москве проведен съезд народов Дальнего Востока. Помимо задачи революционного отпора новому разделу мира, новым замыслам мировой войны, важной целью съезда были формирование коммунистического движения и поддержка национально-освободительного движения на Дальнем Востоке.

В работе съезда участвовали представители победившего пролетариата Советской России, представители национального революционного движения Китая, корейского национального революционного движения, выступающего против японского империализма, революционного движения за независимость Монголии, национальных движений многих других стран, а также представители японского пролетарского движения. Между этими людьми — коммунистами, представителями социалистических революционных организаций или представителями национально-революционных организаций — имелись различия, но все они были революционерами, решительными противниками империализма. На съезде было принято решение, чтобы наряду с движением за создание коммунистических партий в Китае и Корею японские рабочие также поторопились с созданием своей Коммунистической партии.

Достигнув такого успеха на съезде народов Дальнего Востока, представители Японии внесли свой вклад в движение за учреждение КПЯ...

Коминтерн всеми способами осуществлял руководство японскими революционными рабочими. Он вел активную работу с революционно настроенными людьми, даже с анархистами, включая Саказ Осуги... Коминтерн стремился убедить, насколько ошибочны анархизм и синдикализм, разъяснить, что эти воззрения всего лишь пустая революционная фраза, не имеющая значения для освобождения пролетариата, что анархизм и синдикализм не затрагивают проблему власти и, не будучи способными в конечном счете обещать пролетариату победу, оборачиваются поражением.

Таким образом, руководители Коминтерна всеми способами, со всей энергией содействовали росту классового сознания японского пролетариата, созданию Компартии Японии как организации политической борьбы японского пролетариата, абсолютно необходимой для его победы в классовой борьбе, как руководителя, штаба революционного движения пролетариата.

Но, как я уже говорил ранее, передовые японские рабочие отнюдь не занимались пассивным ожиданием твердого и сильного руководства со стороны Коминтерна, они сами вели активную работу в интересах создания партии...

Компартия Японии не была навязана извне или сверху, со стороны Коминтерна, и, безусловно, не подчиняется Коминтерну механически. Об этом свидетельствуют и конкретные условия ее создания.

На основе встреч руководителей Коминтерна и японских коммунистических руководителей того времени в июле 1922 года была организована Коммунистическая партия Японии. В ноябре того же года ее представители, присутствуя на IV Конгрессе Коминтерна, доложили о создании партии, и только тогда КПЯ была признана как японская секция Коминтерна...

Если резюмировать кратко значение учреждения КПЯ, то его следует назвать историческим событием японского пролетарского движения.

С момента своего создания партия вела борьбу во имя класса пролетариев, стояла во главе этой борьбы. В девятилетний период своего существования партия не делала чего-то необычного, сверхъестественного, она просто защищала интересы рабочего класса и боролась за его освобождение, защищала интересы крестьян-бедняков и боролась за их освобождение.

Иными словами, наша партия вела борьбу в защиту повседневных интересов рабочих, в частности боролась против капиталистической рационализации в промышленности. Она, как никто другой, с большим прилежанием и честностью содействовала организации рабочих профсоюзов, боролась за их революционизацию и единый фронт. Далее, наша партия сражалась за интересы крестьян, особенно бедняков, вела борьбу во имя приближающейся аграрной революции.

Наша партия вела борьбу за молодежь и женщин-работниц, оказывала помощь коммунистическому союзу молодежи. Она выступала за сплочение рабочих и крестьян, вела борьбу за свободу слова, собраний и организаций для рабочих и крестьян, боролась против буржуазного антирабочего законодательства, против законопроекта о классах, против закона о контроле над радикальными социальными движениями, против закона о поддержании спокойствия и др., вела борьбу против белого террора, террора самой жестокой в мире полиции, боролась против правительства, идущего по пути фашизма.

Наша партия вела борьбу в защиту Советского Союза — единственного в мире пролетарского государства, в поддержку китайской революции, в интересах национально-освободительного движения колоний, за интернациональное сплочение с рабочими других стран. Она боролась, далее, против опасности империалистической войны и, конечно, против японской военной интервенции, против различных видов шовинизма и милитаризма. Вся эта борьба концентрировалась на задаче разгрома нынешнего японского государства, включая ликвидацию императорской власти, на задаче освобождения рабочих и крестьян; она осуществлялась во имя пролетариата, установления его диктатуры. В ходе различных видов деятельности наша партия вела упорную борьбу с социал-демократией.

Очень важным было то, что наша партия, в частности с помощью Коминтерна, преодолела всяческие формы правого оппортунизма в собственных рядах.

За этот период партия имела многие успехи, но испытывала также и поражения. Мы не намерены этого скрывать. Когда КПЯ как секция Коминтерна имела прочные связи с руководством Коминтерна, она шла по пути правильного развития. Когда партия отрывалась от руководства Коминтерна, она неизменно застывала, отдаляясь от масс, и попадала в изоляцию.

Без революционной теории нет революционных действий. Необходимо во что бы то ни стало вооружаться революционной теорией — марксистско-ленинской теорией. Эта революционная теория облегчит победу партии в борьбе рабочих и крестьян...

Кобо Абэ: мысли и образы

*Н. Т. Федоренко,
член-корреспондент АН СССР*

Среди современных писателей Японии Кобо Абэ принадлежит особая роль. Его творчество привлекает внимание раньше всего личным художественным зрением. Отсюда, пожалуй, и то, что каждая новая книга этого автора — примечательное событие в духовной жизни, и не только в его стране, раскрытие новых, неизведанных ее граней. Лишь по наивности, кажется, можно подумать, что все важнейшие сюжеты реальности и художественного воображения давно уже исчерпаны предшественниками, и это как бы обрекает писателей на повторение. Никто, однако, не знает, на чем способен сосредоточиться пронизательный взгляд писателя, какие открытия ждут читателя Кобо Абэ. Писатель явно не склонен переплывать старое поле, а хочет поднимать цепь.

Творчество Кобо Абэ противоречиво. Его отнюдь не отнесешь к ординарности, к литературному плоскогорью, независимо от тех или иных его спорных качеств. Это — художник определенного социального и духовного климата, певец огромного и печального города Токио.

История искусства слова, если опираться на многовековой опыт дальневосточного ареала, в частности на творчество народов Китая, Индии, Японии, указывает на то, что научной разработке и открытию различных явлений в природе и обществе предшествовало поэтическое прощание, художественное открытие.

Написанию этой работы предшествовали многие мои встречи с Кобо Абэ в Токио и Москве. Сопровождались они всегда увлекательными разговорами о творчестве писателя, нескончаемых его поисках, раздумьях и проблемах. Стремился читать и книги Абэ, как только они выходили в свет. И мне трудно теперь отделить содержание произведений писателя от сюжетов наших бесед и суждений.

Внимание привлекают слова Кобо Абэ, предпосланные им роману «Тайное свидание», который готовится к изданию на русском языке:

«Зрелость, духовное здоровье, даже могущество народа определяются уровнем его культуры. Не может быть слабым народ, который любит литературу, который создает неумирающие произведения искусства. Экономика и все связанное с ней находятся в подчиненном положении к культуре. Сегодня, говоря о будущем развитии страны, нужно обращать внимание не столько на количество выпускаемых автомобилей, сколько на количество и, главное, качество культурных ценностей, создаваемых народом, в том числе и ценностей литературных. В этом отношении, я думаю, Советский Союз обогнал многие, даже самые экономически мощные страны мира. Это первое, что мне хотелось бы сказать советским читателям».

Касаясь романа «Тайное свидание», вспоминаю нашу беседу с Абэ во время встречи в небольшом токийском кафе в декабре 1979 г. Автор считал необходимым охарактеризовать роман как произведение сатирическое, исполненное иронии, гневного осмеяния социального зла, всего порочного, бесчестного и недостойного человека. Нужно ли пространно говорить о том, что взаимоотношения между людьми сложны, а ритм нашей жизни чрезвычайно напряжен? Острому ироническому осуждению подвергается в этом произведении фальшивый гуманизм, лицемерное участие к судьбе слабого в современном буржуазном обществе. Писатель говорил о том, что действительная помощь нуждающемуся и униженному подменяется ханжеством, лицемерным пустословием, безоружными абстракциями.

Родился Абэ в 1924 г. Окончил медицинский факультет Токийского университета. Врачом, однако, не работал ни одного дня. Свое призвание он увидел в литературном творчестве. В 1948 г. в журнале появился первый его рассказ «Дорожный знак в конце улицы». Но известность принесла ему повесть «Стена. Преступление господина С. Карума», за которую он был удостоен высшей литературной награды — «Премии Акутагавы». Было это в 1951 г.

В 1960 г. вышел роман «Женщина в песках», за который Абэ получил «Премия Эмиури», в 1966 г. — «Чужое лицо», в 1969 г. — «Сожженная карта», в 1973 г. — «Человек-ящик». Все романы Абэ, начиная с «Женщины в песках», переведены и изданы во многих странах мира.

Широкую известность Абэ получил не только как прозаик, но и как драматург и режиссер. Им написано большое число пьес, часть которых переведена у нас («Крепость», «Охота на рабов», «Призраки среди нас»). Свои пьесы Абэ ставит в созданной им «Студии Абэ».

В 1980 г. руководимый Абэ театральный коллектив, который насчитывает двенадцать человек, побывал на гастролях в Соединенных Штатах и дал представления в пяти крупнейших городах, включая Нью-Йорк, Вашингтон, Чикаго. Гастроли прошли с большим успехом, что укрепило убеждение в правильности творческих принципов. Их можно свести к двум положениям. Задача искусства, утверждает Абэ, — ставить вопросы, и не давать готовые ответы на все случаи жизни. Театр отличается от литературы тем, что сценический диалог, слово есть также вид действия, движения. Слова, не подкрепленные движением, есть проза, и таким словам нечего делать на сцене. Театр — особая форма существования слова, оплодотворенного движением. Ведь отношения между людьми — это, в сущности, действия, в которых они проявляются, раскрывают в первую очередь самих себя.

Интересна в этой связи публикация болгарской газеты «Народна култура», 1979, № 45, напечатавшей интервью своего корреспондента с Абэ после просмотра его пьесы «Слоненок мертв» в Токийском театре «Сэйбу», в котором Абэ уже много лет работает в качестве его руководителя и режиссера. В спектакле изображаются как бы два мира: мир снов, населенный некими аморфными существами, напоминающими амёб, и мир реальный, где мужчины хладнокровно режут женщину. Представление заканчивается атомным взрывом, и в живых остаются одни амёбы.

Вопрос. Тема одиночества и отчуждения, присущая вашим романам, сегодня вечером в пьесе «Слоненок мертв» переросла в тему человеческого скотства и полной утраты человеком духовности. Значит ли это, что человек гибнет?

Кобо Абэ. Это один аспект темы. Вторая тема — жестокость нашего частного человеческого общества. Человек только тешит себя иллюзией, что он свободен. Мне трудно перечислить все, что сковывает его свободу. В этом спектакле многое выражено образами, а не словами.

Вопрос. Понимает ли вас публика? Как вы относитесь к смеху в зрительном зале?

Кобо Абэ. В США тоже смеялись. Я считаю такую реакцию естественной. Я рассчитываю на чуткость зрителя к пародии. Мне бы даже хотелось, чтобы смеялись чаще.

Вопрос. И все-таки смотрите ли вы хоть в какой-то мере оптимистически на будущее человека?

Кобо Абэ. Действительность не позволяет смотреть на будущее слишком оптимистически. Хотя я высоко ценю способность человека мечтать о лучшем будущем, я считаю, что он заслуживает этого лучшего будущего.

Вопрос. Ваше кредо как писателя?

Кобо Абэ. Времена меняются, а с ними и отношения между людьми. Некоторые считают, что отношения остаются всегда одними и теми же, я же ищу в них перемену... я исследую изменения в человеческих отношениях.

Вопрос. Что бы вы пожелали писателям, которые будут творить в XXI веке?

Кобо Абэ. Для XIX века было характерно описание жизни одного региона, для нашего — общечеловеческие проблемы. Для Гарсии Маркеса сцена — это его страна, но он исследует время и человека. Я очень люблю этого писателя, он перерос свой век.

Вопрос. А Хулио Кортасар?

Кобо Абэ. Я отдаю предпочтение Маркесу. В наше время очень важное значение имеет превращение человека в городского жителя. Есть старое представление о том, будто с деревней связано все красивое, а с городом — безобразное. Эта мысль опасна так же, как идеи Гитлера о том, что евреи — носители урбанизации, что арийцы, выходящие из Северной Германии, самые красивые из людей.

Вопрос. Вы сочувствуете горожанам?

Кобо Абэ. Да, я борюсь с предрассудками прошлого.

Вопрос. Как вы стали писателем?

Кобо Абэ. Я окончил медицинский, но никогда не работал врачом, потому что не создан для этой профессии, и начал писать, еще будучи студентом.

Вопрос. Кто ваши читатели?

Кобо Абэ. Прежде всего молодежь.

Вопрос. Что вы сейчас пишете?

Кобо Абэ. Я пишу по одному роману в четыре-пять лет, сейчас начинаю новый роман. Роман, который я недавно закончил, называется «Тайное свидание». Он довольно эксцентричен: город в нем превращается в больницу, больны все. Пессимистический роман, роман отчаяния, но есть в этом нечто противоречивое, какая-то поэзия и красота...

Быть одновременно прозаиком, драматургом, постановщиком, автором радио- и телевизионных пьес и фильмов, говорит Абэ, далеко не просто. Но ему кажется, что это позволяет глубже проникнуть в синтетическую природу искусства. Его романы, и последние в том числе, в чем-то сродни драматическим произведениям, ибо задача писателя, на его взгляд, воздействовать на чувства, вызвать душевный отклик, а уж

потом взволновать и разум. Именно такие произведения — и прозаические, и драматические — Абэ и старается создавать.

Примечательно и оригинально художественное воображение Абэ. Идея от книги к книге, мы обнаруживаем все новые сюжеты и новые образы, которые захватывают внимание читателя. Тайна здесь в том, что возникали мгновения, когда Абэ был Никки Дзюмпэем в романе «Женщина в песках», главными героями в романах «Чужое лицо» и «Сожженная карта», стержневым образом в «Человеке-ящике». Автору при этом удалось воплотить в социальных образах достоинств характеров с неподдельной живостью, естественностью, художественной убедительностью. Это, разумеется, отнюдь не означает, что автор таким именно и остался. Для того чтобы сделать живыми своих героев, художнику необходимо пережить их чувства, проникнуться их мыслями, найти их поступки и действия в окружающих и в самом себе. Именно поэтому художник превращает самого себя в предмет повествования, в зрелище.

Популярность Кобо Абэ в читающем мире, в том числе в нашей стране, объясняется не просто его высоким мастерством, но и тем, что он поднимает в своих романах острее проблемы, стоящие перед человечеством. Основная идея его романов — столкновение человека с враждебным ему обществом, безысходность, бесперспективность попыток уйти от этого общества, эмансипироваться от него. Отсюда — невysказанная, но вполне четко прослеживающаяся мысль: пока существует буржуазное общество, человек останется былинкой, неспособной определять свою судьбу, и, следовательно, главная проблема заключена в необходимости изменения общественного устройства, социальных условий существования человека. Вследствие этого у читателя произведений Абэ не может сложиться ложное представление, будто художественные его достижения не связаны с содержанием, социальной направленностью творчества автора.

«Быть напечатанным в России, — подчеркивает Абэ, — большая честь для любого писателя. Публикация моего романа в Советском Союзе — событие для меня очень радостное. Во-первых, потому, что я давний поклонник русской литературы. Еще в школьные годы я был очарован творчеством двух гигантов русской литературы — Гоголя и Достоевского. Я прочел почти все написанное ими, и не один раз, и причисляю себя к их ученикам. Особенно большое влияние оказал на меня Гоголь. Переплетение вымысла и реальности, благодаря чему реальность предстает предельно ярко и впечатляюще, появилось в моих произведениях благодаря Гоголю, научившему меня этому. Чтобы быть до конца честным, скажу, что этому же учил меня и англичанин Льюис Керролл.

Во-вторых, по моему глубокому убеждению, ни один писатель, творчество которого представляет определенный интерес, не может не выйти за рамки своей страны. Таким образом, факт, что мои произведения переводятся в Советском Союзе, как, впрочем, и в ряде других стран мира, знаменателен для меня, так как свидетельствует, что мое творчество привлекает внимание не только японского читателя. Я не настолько самоуверен, чтобы преувеличивать свое место в японской, а тем более в мировой литературе, но тем не менее каждый раз, когда мои произведения преодолевают границы Японии, я испытываю волнение и гордость.

В своем романе я хотел показать, во что может превратиться мир, если в нем правит ненависть, если человеческие отношения деформированы. Людям необходимо другое. Самое главное сейчас для человечества — мир, спокойная созидательная жизнь. Те усилия, которые предпринимаются в этой области, достойны всемерной поддержки».

Слова эти представляют интерес, ибо они приоткрывают завесу над идейными и творческими принципами Абэ и в то же время указывают на огромное уважение писателя к русской культуре и литературе. Кстати, в этом я убеждался всякий раз, когда встречался с писателем, который неизменно высоко отзывался об искусстве слова в СССР.

Творчество Абэ — явление сложное, неоднозначное. Бесспорно одно: Абэ обличает зло современного буржуазного общества, бессилие, ничтожность человека, столкнувшегося лицом к лицу с этим обществом. И эта тема присутствует во всех произведениях писателя. Тема отчуждения, одиночества людей, враждебности буржуазного общества личности человека — главная тема его романов.

Несомненное созвучие времени — примечательная черта творчества Кобо Абэ, о котором можно уверенно сказать, что ему чужды неподвижность и оцепенение образов и героев. Нет, он не погружается в полузабытый мир прошлого. В его творчестве, если соотнести его с предшествующим опытом, заметен сдвиг во взаимоотношениях читателя с художественным образом, при котором стало ненужным создавать видимость сюжета или похожесть на жизнь, на реальную действительность. В произведениях Абэ можно наблюдать вопиющие контрасты: доброта и участие людей соседствуют с откровенной низостью торгующих совестью.

«Чужое лицо» может поначалу показаться романом о трагедии человека, лишнего лица в прямом понимании. В результате взрыва в лаборатории на лице человека образовались глубокие рубцы, и он убежден, что его уродство, именно внешнее уродство, преградило ему путь к людям. Теперь он обречен на одиночество. И человек решает преодолеть трагедию. Путь один — прикрыть лицо маской. Казалось бы, так просто, ведь современное развитие химии как будто дает и для этого воз-

множество. Но все оказывается намного сложнее и трагичнее, ибо герою неведома природа маски, неведомо, что человек всегда в маске. И он вдруг прозревает: «все люди закрывают окно души маской из плоти и прячут обитающие под ней пиявки», и потому маска выполняет роль «прикрытия истинного облика человека».

В связи с экранизацией этого романа Жорж Садуль писал, что «обезображенный человек... должен символизировать лицо Японии, опустошенной войной». Таким образом, Абэ как бы вторгается в жаркие споры, введущиеся в мире, и в Японии в том числе, о месте в мире человеческой личности.

Надев маску, герой неожиданно для себя обнаружил, что она легко может служить для прикрытия правды, он вспоминает о так называемых «мнимых числах», которые, как ему представляется, по своей природе сходны с маской. Это «странные числа, которые при возведении в квадрат превращаются в отрицательные. В маске тоже есть нечто схожее с ними: наложить маску на маску — то же самое, что надевать ее вовсе».

Другое, весьма важное открытие, к которому приходит герой, — стремление людей отождествить внешний облик с внутренним содержанием, убеждение, что «лицо и душа находятся в совершенно определенной взаимосвязи». И отсюда стремление скрыть свое истинное лицо, чтобы не позволить посторонним проникнуть в душу. Вот почему, рассуждает герой, «в давние времена палачи... инквизиторы... разбойники не могли обойтись без маски...». Да, видимо, все, кто творит неправое дело, будь то во времена средневековья или в наши дни, стараются надеть на себя маску в прямом или переносном смысле, поскольку в своем крайнем выражении маска призвана «скрыть облик человека, разорвать связь между лицом и сердцем, освободить его от духовных уз, соединяющих с людьми». Таким образом, достаточно прикрыть маской свое настоящее лицо, и вскрывается истинная сущность человека, подчас весьма непривлекательная, а то и вовсе страшная. Следовательно, лицо человека — нечто гораздо более важное, чем мы привыкли считать, поскольку все в нашей жизни, в том числе и порядок, обычаи, законы, «эта готовая рассыпаться песчаная крепость удерживается тонким слоем кожи — настоящим лицом».

Итак, связь между внешним обликом человека и его внутренним содержанием существует несомненно, но она имеет совсем другой характер, чем предполагали физиогномисты или Ломброзо. По Абэ, лицо не выявляет сущность человека, оно связано с чем-то совсем иным. Ни черты лица, ни тем более цвет кожи не имеют никакого отношения к тому, что представляет собой человек. Для Абэ, убежденного противника расизма, такая постановка вопроса вообще немыслима. «Мы желтая раса, но мы не были желтой расой от природы, — говорит Абэ устами своего героя. — Впервые мы превратились в желтую расу благодаря тому, что были названы так расой с другим цветом кожи». Надев маску и тем самым обнажив свою душу, чтобы испробовать маску, герой направляется в корейский ресторан, подсознательно чувствуя, что он, лишенный лица, и корейцы — дискриминируемое национальное меньшинство в Японии — сродни друг другу. Именно здесь и осознает он, к немалому своему удивлению, что он — расист, и приходит к выводу: «Сам тот факт, что я искал убежища среди этих людей, был не чем иным, как перелицованным предрассудком».

Следуя за рассуждениями героя, мы в конце концов понимаем, что имел в виду автор, сопрягая лицо и душу человека: лицо человека — его совесть. Соорудив себе маску и прикрыв ею лицо, герой лишается совести. Теперь он готов на любые, самые ужасные поступки, а может быть, даже и на преступления. Значит, маску в прямом или переносном смысле должны иметь все, кто творит зло. И не случайны слова героя: «...именно солдат ведет совершенно анонимное существование. Хотя он и не имеет лица, это не препятствие для выполнения долга...» Безликая воинская часть — идеальное формирование. Идеальная боевая часть, которая, не дрогнув, пойдет на разрушение ради разрушения.

Герой, надев маску, превращается в насильника. А что, если все люди, надев маски, освободят себя от обязательств по отношению к обществу? — задает себе он вопрос. Тогда все преступления станут анонимны: преступника нет — маска. Но так ли уж далек этот вымышленный мир масок от того, что происходит в сегодняшней Японии? Ведь только личина, только способность прикрыть ею свою совесть позволяет добиваться успеха в жизни. Вымысел героя при ближайшем рассмотрении оказывается близким реальности.

Совершенно иной аспект приобретает проблема «потери лица», когда человек добр, когда он открыт людям. В этом плане весьма выразителен маленький эпизод в романе о трагедии девушки — жертвы Хиросимы, у которой искалечена половина лица и жизнь фактически перечеркнута. Не в силах вынести этого, она кончает жизнь самоубийством. Автор как бы предупреждает: пусть в мире не происходит трагедий, которые привели бы к «потере лица», будь то внутренняя катастрофа человека, будь то война.

Кобо Абэ — художник самоцельного творчества, сознательной, нарочитой зашифрованности, писатель аллегорического смысла и сатирических красок. В его произведениях неизбежно присутствует власть художественной иллюзии. Книги его написаны с щедрой образностью и вместе с тем со скрупулезностью исследователя. Сочинения его привлекают читателя творческими исканиями автора, оригинальностью и новизной видения явлений, личностными наблюдениями, меткость которых не вызывает сомне-

ний. В этом тайна искусства слова Абэ. С этим связана и темпераментная манера письма художника, неоднородность его произведений.

Несколько иной аспект проблемы «человек и враждебное ему общество» находим в романе «Сожженная карта». Безрадостная повседневность, в которой прозябает человек, не уверенный в своем завтрашнем дне, обыватели, укрывшиеся в своих квартирах-пеналах, монотонное их существование. Предельно выразительны слова агента, рисующего эту картину всеобщего «обывательства»: «Если смотреть сверху вниз, ясно осознаешь, что люди — шагающие на двух ногах животные. Кажется даже, что они не столько шагают, сколько, борясь с земным притяжением, усердно тащат мешок из мяса, набитый внутренностями. Все возвращаются. Приходят туда, откуда ушли. Уходят для того, чтобы прийти обратно. Прийти обратно — цель, и чтобы сделать толстые стены своих домов еще толще, надежней, уходят запастись материалом для этих стен». И запираются каждый в своем пенале — безликая серая масса, чтобы утром снова по сигналу почти одновременно повернуть ключ в дверях своего обиталища.

Такова картина одуряющей, разъединяющей душу повседневности, на которую обречены миллионы людей преуспевающей сегодня Японии. Мы видим, что экономическое благо никак не сочетается с духовным обнищанием, которое для сегодняшней Японии тоже примета времени. Внутренняя неустроенность человека, страх перед будущим, страх потерять даже то мизерное, чем он обладает сегодня, заставляют его делать бесконечные попытки найти опору в жизни.

Известно, что в условиях капиталистического принуждения даже труд, в процессе которого человек себя отчуждает, есть принесение себя в жертву, самоотжизнение. Труд, как и все его существование, проявляется для рабочего в том, что труд этот принадлежит не ему, а другому, и сам он принадлежит не себе, а другому. В итоге «труд производит чудесные вещи для богатей, но он же производит обнищание рабочего. Он создает дворцы, но также и трущобы для рабочих. Он творит красоту, но также и уродует рабочего. Он заменяет ручной труд машиной, но при этом отбрасывает часть рабочих назад к варварскому труду, а другую часть рабочих превращает в машину. Он производит ум, но также и слабоумие, кретинизм как удел рабочих»¹.

Пропавший без вести, которого по просьбе его жены разыскивает агент, как раз и принадлежит к таким людям. Верным средством удержаться на поверхности ему представляются дипломы. Потеряв место, он, как ему кажется, с помощью диплома может найти другое. Он получает диплом автомеханика, радиста, школьного учителя. Будущее обеспечено, утешается он. Но все оказывается гораздо сложнее. Никакие дипломы не могут спасти человека от самого себя, и тогда человек бежит из той жизни, на которую он обречен. Даже тот, кто не исчезает, внутренне ощущает себя беглецом. Не случайны слова жены агента, которому поручено найти пропавшего без вести: «Ты просто ушел из дому, убежал. Нет, не от меня... От жизни... От того, что нужно без конца хитрить, от напряжения, когда приходится ходить по канату, от того, что ты пленник спасательного круга — в общем, от всего этого бесконечного соперничества». И тогда агент понимает, что пропавший без вести не одинок, что «он существует в бесчисленных облициях».

Произведения Абэ в известном смысле можно назвать не просто зарисовками, но социальной живописью бегущей эпохи, запечатлевшими разного рода лики нынешнего мира буржуазной действительности. Бегущей эпохи. Еще точнее — неотвратимо исчезающего, гонимого всем ходом исторического движения времени. В романах Абэ с большой выразительностью обнаруживается социальная художнической его палитра, достоверность красок и оттенков, светотеней социальных образов. В этом видим мы истинное призвание современного японского живописца. Именно поэтому свидетельства его показания обладают чрезвычайной ценностью. Для нас и читателей будущего.

Художник вскрывает неизлечимые язвы буржуазного общества. Они многолики, хотя сущность их едина. Они обнаруживаются в явлениях социальных, психологических, нравственных, порой в наиболее обычных и, казалось бы, невинных движениях человеческой души.

Бесперспективность, неопределенность, а подчас и иллюзорность цели — вот основная причина, почему бежит из дому герой «Сожженной карты». Тасиро, еще совсем молодой служащий фирмы, в которой работал исчезнувший, говорит: «Эта мерзкая фирма... Я буквально убить себя готов, как подумаю, что ради этой фирмы торгую человеческими жизнями... Служу я там, и что меня ждет? Стану начальником отделения, потом начальником отдела, потом начальником управления... А если и об этом не мечтать, то жизнь еще горше покажется... Товарищей обойди, к начальству подлизись... Кто не следует этому правилу, того кто угодил ногой в пистолет, с таким, как с отбросом, обращаются».

Нет, не понижает свой голос Кобо Абэ. Напротив, он возвышает его, тревоги свои художник выражает громко, пронзительно. В этом примечательность творчества этого писателя. Громким своим голосом он властно привлекает наше внимание, тревожит тайны человеческой души. О большом и тревожном в мире он умеет сказать

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, с. 562.

Через метафорическую деталь, наблюдаемую в минуту художнического прозрения. Зерновки Абэ — это схваченные мгновения, зафиксированные, словно сфотографированные. Это как бы социальная реплика, обращенная к современнику, на плечи которого ложится вся тяжесть эпохи.

Автор словно бы спрашивает, разве в жизни одного человека мы не можем найти в той или иной мере ответа на другую жизнь? И разве не случается, что разные грани мысли получают свое олицетворение в целой жизни того или другого характера, человека, личности? Это ведет нас к заключению о существовании известного сходства и единства, сосредоточенного во всем сущем в окружающей нас реальности.

Имеет ли человек право мешать своему ближнему выбрать свой путь, если сам помочь ему не в силах? Разве перед человеком не открывается возможность искупления, нравственного исповедания? Для истинного художника, нет нужды это доказывать, человек — высшая ценность. Из этого возникают и проблема укрупнения мысли и чувства создаваемого характера, и духовные конфликты, рождающиеся в связи с поисками смысла его существования. Связано с этим также острое ощущение жанровых граней в построении образных ситуаций, наполнение создаваемых характеров, будто уже знакомых, чуть ли не хрестоматийных, новой, современной актуальностью.

В этой связи весьма интересна мысль одного из героев: «Мы по своему усмотрению определяем человеку место, где он должен жить, а сбежавшему набрасываем за шею цепь и водворяем на место... Мы видим в этом здравый смысл, но основатель ли он?.. Кому дано право наперекор воле человека решать за него, где ему жить?» Другой, как бы развивая эту мысль, говорит агенту: «Никак не возьму в толк, почему люди думают, что имеют право — и считают его само собой разумеющимся — преследовать человека, скрывшегося по своей собственной воле?»

Как бы привлекательно ни звучали эти слова, Абэ решительно отвергает идею догматичности, допустимости бегства человека от общества. «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»². — читаем у Ленина. Но большое общество часто не в ладах с логикой. Случайно ли, что в романе приводится газетная заметка, якобы документальная, в которой говорится, что в Японии ежегодно пропадают без вести восемьдесят тысяч человек? Эта цифра, разумеется, вымышленная, но Абэ специально приводит ее, чтобы лишний раз подчеркнуть универсальность явления, описанного им в романе.

Другая мысль, к которой автор неоднократно возвращается, — одиночество человека в нынешней Японии, где такое огромное число людей сосредоточено на сравнительно небольшой территории, что об одиночестве, казалось бы, не может быть и речи. «Под ночным небом, на котором дышит неон, водовороты людей, мчащихся к неведомой цели... людей, которые не могут увеличить расстояние между собой и чужими больше, чем на три метра, с какой бы скоростью они ни неслись». И вот в этом людском водовороте человек одинок.

Существует старинная картина «Ад одиночества». На ней изображено множество летящих людей. Они теснят друг друга, отстают, обгоняют, кажется, они слиты в единое целое, в какой-то общий несущийся вперед организм. Но весь ужас в том, что каждый из летящих одинок. Это души грешников, обреченных на вечное одиночество. Это одиночество и имеет в виду Абэ — одиночество духовное. Вот как говорится об этом в «Сожженной карте».

В подземном переходе, опершись о колонну, сидит человек. Но «людей, проходящих мимо, этот странный человек несколько не беспокоит. Видимо, потому, что для них он не больше, чем пустота, исчезающая под ногами, подобно узору на кафеле». Вот что для них человек — пустота. Они могут, не задумываясь, растоптать его, а не то что помочь — вдрут человек болен, умирает, и его еще можно спасти. Нет, такая мысль чужда окружающим. Сегодня они способны растоптать человека, завтра, нее исключено, растопчут их. Такова жизнь, обижаться, удивляться, негодовать не приходится.

От этой-то жизни и бежит человек, хотя прекрасно осознает, что бежит он в такую же точно жизнь, не сулящую ему никаких радостей, неспособную спасти его от тех горестей, которые его окружают.

Призывы «Убей!», «Укради!», «Все дозволено» могут быть субъективно, в устах тех, кто это проповедует, направлены против лицемерия буржуазного общества, пренебрегающего человека в ничтожную вещь. Но объективно все эти и другие подобные призывы представляют собой апологию зла, то есть еще более злобную и агрессивную форму той же буржуазности, глубоко враждебной трудящемуся человеку.

С выходом в свет книг Кобо Абэ мы видим, что в мире японского искусства слова возникают произведения, повествующие о человеке, о людях современных. Он, этот человек, представляет собой многозначное целое, продукт взаимодействия противоречивых явлений социального его бытия.

Кобо Абэ — художник многопланового творчества. Как охватить весь его мир, как разделить творческую его вселенную, когда она едино? Это состояние души, своеобразие личности автора, за плечами которого наблюдения и опыт жизни.

Дарование художника сочетается у Абэ с аналитическим складом ума. В его произведениях обнаруживается широта взглядов человека, внимательно следящего за раз-

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, с. 104.

витием философской, социологической и естественнонаучной мысли бурного и многоопытного нашего века. Именно поэтому книги Абэ представляют значительный интерес. Разве не возникает отсюда ощущение устойчивости собственной сущности писателя?

Герой романа «Человек-ящик» тоже пытается скрыться от общества, но не бегством от него, а надев на себя ящик и превратившись тем самым как бы в новое существо, олицетворяющее эмансипацию от общества, — в человека-ящик. Люди оказываются в ящике по самым разным причинам. Одни потому, что не в силах жить в обществе потребления, в обществе зла, когда отношение окружающих заставляет человека чувствовать свою ничтожность, инородность в этом обществе сытых, зараженных духом стяжательства. Поэтому не удивительно, что человек-ящик сначала очень робко, очень нерешительно освобождается от психологии стяжательства. «Накапливать трудно, выбрасывать еще труднее». Но постепенно, по мере превращения в настоящего человека-ящика, стяжатель умирает в нем. Человек освобождается от инерции накопительства.

Стремление укрыться в ящике для такого человека — это стремление к свободе. «Кто хоть раз нарисует в своем воображении безмятный город, существующий лишь для безмятных жителей, — двери домов в этом городе, если их вообще можно назвать дверьми, широко распахнуты для всех — любой человек твой друг, и нет нужды всегда быть начеку... кто хоть однажды размечтался об этом, того всегда подстерегает... опасность стать человеком-ящиком», — говорит один из героев романа.

Ящик позволяет увидеть все в истинном свете — в этом его преимущество. От «внимательного взгляда человека-ящика ничто не ускользнет. Глядя из ящика, можно рассмотреть и ложь, и злой умысел, укравшиеся в невидимой части пейзажа». Вот почему ящик для героя — это не тупик, в котором он оказался, а «широко распахнутая дверь в иной мир». И он не собирается покидать своего убежища. «Только ради того, чтобы вернуться в прежний мир, мне не стоит вылезать из ящика. Я бы покинул его только в том случае, если бы смог... сбросить кожу в ином мире».

Для других ящик — укрытие от позора, как, например, для отца опозоренного сына. Кстати, и опозоренного потому, что подозрительность, недоверие возведены в принцип отношений между людьми.

Итак, человек укрывается в ящике, превращаясь в некое новое существо человека-ящик. Механическое соединение человека и ящика — это не просто сложение двух разнородностей, а рождение третьей. Так же, как маска в «Чужом лице» привела к ломке всей психологии героя, так и ящик породил существо, психологически отличное от других людей. Ожил ящик, что скрыто в нем — никому неизвестно. Человек-ящик, как ему кажется, почти не обременяет общество и хочет лишь одного, чтобы и общество не обременяло его.

Разве не возникает вопрос: если человек не смиряется с окружающей реальностью, социальными условиями его жизни, то что же он может, что способен он предложить, противопоставить? Разве не бывает так, что жизнь представляется чем-то вроде вдрызг дотла сгоревшей в пепельнице спички? Человек нередко ходит по земле, не испытывая желания нагнуться и тщательно всмотреться в эту землю, рассмотреть все, что находится у него под ногами. Вместе с тем человек этот способен, ироничен и беспощаден, хирургически жесток, когда затрагивается честь простых людей, совершаются несправедливости к ним, обиды, которые он считает незаслуженными, несправедливыми. Иными словами, чем выше истины, тем большей осматрительности они требуют. Иначе они внезапно обращаются в общие места, которые не вызывают доверия.

Человек-ящик — логическое развитие образа человека из «Сожженной карты». «Все точно сговорились хранить молчание о людях-ящиках», — говорит герой. Их видят все, но никто не признается в этом. Для окружающих человек-ящик — пустота. Люди так привыкли игнорировать окружающих, что фактически все они для них не существуют, превратившись как бы в людей-ящики. Один из персонажей романа поражен, что лишь беспристрастный объективный фотоаппарат запечатлел человека-ящик. Незначительность, неинтересность для окружающих судьбы человека прекрасно переданы в размышлении героя о яде информации, которым заражено человечество. Ныне век информации. Но какая информация, какие новости интересуют людей? События мирового масштаба. Где-то полыхает война, гибнут тысячи людей, а я жив; землетрясение стерло с лица земли город, а я жив. Такая новость устраивает обывателя. Он сравнивает мизерное свое счастье с катастрофой, отчего оно представляется ему значительнее, весомее, прекраснее. Такая новость нужна. Но вот на улице умирает человек, и фоторепортер, нацелившийся было сфотографировать эту трагедию, вдруг передумал — кому нужна такая новость? А ведь именно Смерть Человека и есть самая потрясающая и печальная новость.

И если человек не находит силы противопоставить себя этому всеобщему безразличию, бороться с ним, у него действительно не остается другого выхода, как забиться в нору — укрыться в ящике. Общество отвергает человека, и что ж, человек тоже отвергает общество — такова нехитрая философия человека-ящика. На протяжении всего романа Абэ подвергает ее сатирическому осмеянию.

Человек одинок. Он никому не нужен. Казалось бы, что может быть прекраснее свободы человека, его независимости? Независимость человека, однако, рассматрива-

есть однобоко. Поскольку же человек независим от общества, у общества тоже нет по отношению к нему никаких обязательств. Абэ стремится вскрыть всю лживость подобных утверждений. Он доказывает, что связь между человеком и обществом разорвать невозможно, независимо от того, негативны эти связи или позитивны. Ни один ящик, даже во сто крат прочнее картонного, не в состоянии оградить человека от общества, сделать его независимым от него. Ведь ящик — это только физическая преграда, отделяющая человека от общества. Главное же — духовное порабощение человека обществом, от которого никакой ящик не спасет.

Нет ни одной мельчайшей клеточки классового общества и государства, где царил бы порядок и благообразие, все здесь находится в раздвоении и противоречиях, в постоянной борьбе и брожении. И чем больше возрастают несвобода человека, отчуждение людей друг от друга, тем больше обостряются самостоятельность и активность человеческого самосознания, стремящегося вырваться из тех узких границ, которые поставила ему буржуазная цивилизация. На этом пути отдельный человек и человеческий разум неизбежно терпят поражения и ошибки, но остановить их движение вперед невозможно, ибо оно — неотъемлемая черта «живой жизни», глубоко укоренено в самой внутренней природе вещей.

Для Кобо Абэ, насколько можно понять принципы его творчества, главное состоит в том, чтобы изображать мир не просто таким, как его видит художник, но таков, каков есть этот мир на самом деле. Его ведут, смею заметить, не зигзаги жизни, не зигзаги и фантазии, а предложенные обстоятельства. Предложенные кем? Своей жизнью. Поднимать пустые гири — занятие для Кобо Абэ вовсе не привлекательное. Отсюда тема смертельной схватки героев его книг, нередко с усталой больной душой, раскрывается в сфере вещей и духа, отсюда отчужденность и преступность, гложущая их тоска. Отсюда же поступки разрывающихся душой героев Абэ, жгучее стремление к физическому и духовному здоровью.

Разве не в этом главная причина того, что герои романов Абэ испытывают тяжесть свинцовой атмосферы окружающей действительности и готовы в любую щель заглядывать, в том числе искать спасения в образе человека-ящика? Разве читатель вместе с действующими лицами произведений Абэ не испытывает желание скорее вырваться из окружающего мрака, из той реальности, которая создана против воли человека и которая беспощадно его угнетает? Каждый по-своему носит в себе трагизм жизни, трагизм человеческой личности. Верно, что проблема человеческих отношений проста, как жизнь, и сложна, как жизнь. Типичное в его произведениях приобретает характер индивидуальный. Абэ выступает не только как зритель бытия, но и как участник ситуаций японской общественной жизни.

Чрезвычайно интересен образ нищего, увешанного значками и медалями, в шляпе, утыканной национальными флажками. Вряд ли можно сомневаться, что этот нищий духом, но отмеченный множеством отличий человек должен, по замыслу Абэ, олицетворять буржуазное правительство. Именно он проявляет наибольшую агрессивность по отношению к человеку-ящику, пытающемуся поставить себя вне общества. Чтобы распространить на него свою власть, нищий неожиданно вскакивает на ящик и втыкает в него свой флажок — теперь, мол, ты принадлежишь мне. И хотя герой убежден, что с настоящим человеком-ящиком нищему не совладать, читатель не разделяет его уверенности.

Порой слышатся голоса критиков: нужно освободиться от символики, от всяких условностей. Но когда художник избавляется от условных фигур, теряет ли сюжет своей мысли, исчезает ли искусство? И разве все метафоры и символы должны пониматься буквально? Как говорится, не все понимают афоризмы, и для таких приходится писать романы. «Кого не бьет меткое слово, того не будет бить и палка».

Прибегает ли Абэ к символике для того, чтобы сюжет не показался слишком обыденным, заземленным? Или речь идет о бессознательных символах? Не подменяются ли причины действительные причинами фиктивными? Или это дань системе знаков, в которой, согласно семиотике, язык человека — это знаки, жест — знаки, поведение — знаки? Без знаков нет информации. Исчезновение информации ведет к прекращению существования мира... Едва ли все можно объяснить только таким образом. Пожалуй, было бы это слишком легко и утешительно. Нет здесь одного простого пути.

Через весь роман проходят два образа: образ человека, упрятавшего себя в ящик, и обнаженного человека. Это столкновение «герметичности», «закрытости», страха соприкосновения с обществом и «открытости» как попытки вернуть разорванные связи с людьми. В эпизоде с подростком Абэ показывает, что такое понимание обнаженности, естественности чуждо людям, воспитанным в духе недоверия к человеку. Для них обнаженность — наказание. Они живут еще некими категориями средневековья, ставившего к позорному столбу обнаженного человека. И когда подростка заставляют обнажиться, то есть выставляют на осмеяние, этот, казалось бы, незначительный эпизод ломает всю его жизнь. До конца дней он обрекается на одиночество, что с предельной выразительностью показано в его сне о неудачной женитьбе.

В этом ряду стоит и образ обнаженной женщины, которая, по мысли автора, должна символизировать жизнь в ее первозданном, не замутненном сложными и противоречивыми человеческими отношениями состоянии. Вообще Женщина занимает в романе особое место. Собственно, она — центр, вокруг которого развивается все по-

вествовали. Но было бы неверно видеть в ней предмет физического влечения героя. В изображении автора она значительно больше, чем просто женщина — объект любви или вождения. Она олицетворяет Жизнь. И эта Женщина-Жизнь — единственная, кто может спасти человека от ящичка, дать силы, которые позволят ему противопоставить себя враждебному обществу, выстоять под его ударами, а может быть, даже и самому нанести удар.

Уже давно стало аксиомой, что не вымысел, не фантастичность ситуации, присутствующие в произведении, служат чертой, отличающей модернистскую литературу от реалистической. В модернистской литературе вымышленный мир существует независимо от реального мира, нередко вопреки ему. Мир вымысла в модернистском произведении создан не для того, чтобы глубже проникнуть в мир реальный, — в нем два эти мира не пересекаются.

В романах Абэ, в «Человеке-ящичке» в том числе, взаимосвязь вымышленного и реального миров существует постоянно. Автор использует документ, газетную статью, то есть факты реальные, и проецирует их на ситуацию вымышленную, чтобы подчеркнуть, что вымышленный мир его романа не фантастический, а лишь несколько деформированный воображением реальный мир.

Читатель поверит в реальность вымышленного мира Абэ, когда он ощутит на своем лице мешающую ему дышать маску, когда почувствует на своих плечах ящик. И читателю становится ясна психология человека, вынужденного надеть маску, человека, бежавшего в никуда, человека-ящичка, решившегося наконец оградить себя от общества.

Возникает, разумеется, вопрос и о позитивности программы Абэ. Она не обозначена в его романах, не находит своего выражения в прямых ориентациях и перспективах. Скорее, надо говорить о том, что писатель намечает пути избавления от социального зла, но и не видит перспективы движения к раскрепощению человека. Внимательный читатель, однако, едва ли не ощутит авторскую позицию, когда он, как сказал поэт, обращается к стене, чтобы читатель слышал его. Человек не имеет права совершать поступки, не взвесив их на весах совести («Чужое лицо»). Человек не может найти себя вне самого себя («Сожженная карта»). Человек беспелен эмансипироваться от общества («Человек-ящик»). Таковы некоторые постулаты, над которыми Абэ предлагает нам задуматься и, исходя из этого, строить свою программу жизни.

Изобразил ли Абэ в своих произведениях, спросим мы, страдания человека, осознавшего до конца глубину истины социальных несправедливостей в изображаемом частнособственническом обществе? Едва ли. Постигание истины явлений во всей их многосложности — задача куда как шире, неизмеримо труднее. Да вряд ли писатель вообще ставил перед собой задачу всеохватного изображения наблюдаемой реальности, хорошо понимая, что знания никогда не могут достигнуть крайних пределов. Справедливо это как в отношении жизни, так и в отношении искусства.

Все это, конечно, так. Смеем думать, однако, что позицию художника следует рассматривать в сложных взаимосвязях и противоречиях. Скорее можно говорить об изображении автором определенных сторон общественной жизни буржуазного общества, существенных социальных явлений, типичных для этого общества. Важно при этом указать, что характерные эти явления и персонажи писатель изображает не изолированно, не в отрыве, но на определенном фоне и во взаимосвязи со всей социальной действительностью современного буржуазного общества, в котором развиваются события.

Герои Абэ нередко предстают перед читателем не живыми людьми, а символами, признанными олицетворять то или иное явление. Происходит это потому, что романы Абэ тяготеют к притчам. В ответе на анкету «Реализм сегодня», проведенную журналом «Иностранная литература» еще пятнадцать лет назад, Абэ писал: «В области литературы мыслить диалектически — это не значит стремиться отобразить действительность во всей ее совокупности, но, на первый взгляд, ограничивая себя определенным кругом явлений, прийти в результате творческого процесса к открытиям, которые на деле обогащают наше познание действительности...» Таково понимание Абэ художественного метода, позволяющего, по его мысли, найти более рельефное отображение действительности.

Сказав это, мы должны в то же время констатировать, что не всегда и не во всем согласны с Абэ в методе отражения действительности. Усложненность формы, иносказательность, символичность нередко затрудняют проникновение в замысел писателя и, таким образом, могут привести к результатам, противоположным тем, на которые автор, быть может, рассчитывал.

Оставаясь в русле реалистической литературы, Абэ все же отдаст известную дань модернизму, особенно в романе «Человек-ящик». Верно, модернистский его поиск не представляется самоцелью. Абэ стремится к предельной выразительности повествования, к максимальному воздействию на читателя и ищет адекватных изобразительных средств. Поэтому даже те страницы романа, которые сделаны в модернистском ключе, неотвратно тяготеют к реализму гоголевского толка.

Вечно актуально указание В. И. Ленина, что новизна сама по себе не бог, которому надо поклониться, хотя все, что ново, заманчиво, так как создает новые свежие раздражители, вызывает элементарное любопытство. Особенно опасна такая новизна, когда художники увлекаются современным модернизмом, забывая предостережение

В. И. Ленин против бессознательного почтения к художественной моде, господствующей на Западе. Известно, что современная западная литература, включая авангардизм и модернизм, не стала средством социальных преобразований.

Указывая на зло, обнажая пороки буржуазного общества, автор находит выход для своих героев в некой абстрактно гуманной идее добра, которой они должны следовать. Вместе с тем весь ход повествования показывает, что все это химера, что только перестройка общества позволит переделать жизнь и психологию человека. Ибо за пристойным фасадом скрывается прогнившее существо социальных порядков, царит двойная мораль, двойная мера, двойные права в общественной жизни.

Существенно иметь в виду и другое: едва ли было бы обоснованно воспринимать романы Абэ как активный призыв к борьбе, социальной, классовой. Задачу свою Абэ, как и другие писатели, видит в том, чтобы главным образом ставить и заострять вопросы человеческого существования во враждебном обществе. Отсюда и обличительность его книг.

Отчужденность становится в последние годы все более модным словом, когда речь идет об отношениях между человеком и современным буржуазным обществом. Но вряд ли к чему-либо, кроме анархии, может привести попытка «освобождения» человека от общества, бегство от него как средство разрешения конфликта. Чтобы изменить характер отношений между человеком и обществом, нужно прежде всего изменить характер самого общества. Достигнуть этого можно не путем бегства от всего, но, напротив, путем активного вторжения в жизнь, революционными средствами. В книгах Абэ лишь указывается на мучительность существования в современном буржуазном обществе, осуждаются враждебные человеку условия в нем — и мы позволим себе это отметить, — но не предлагается средств, с помощью которых человек может действительно добиться своего социального раскрепощения. Именно на это обращается внимание литературной критикой, считающей, что присутствие позитивной программы в произведениях Абэ лишь усилило бы социальное их звучание. Можно надеяться, что это также произойдет в творчестве писателя. Только время всецелу учит, но нужно, чтобы пришло время. Ничто и никто не остается вечным и неизменным.

Многое ли у Кобо Абэ, однако, возникает умозрительно, идет от личных его ощущений и видения? Как соотносятся в творческом его сознании самодвижение жизни и авторская заданность, эмоции и интеллект, непосредственность и рассудочность, пластика и проблема? Несомненно одно: Абэ обладает ощущением художника, знающего меру. Он прекрасно чувствует время, существование и развитие наиболее типичного в обществе, реальность которого перед его глазами. Что существенного для нас в его рассуждениях о смысле страданий современного человека в частнособственническом обществе, страданий телесных, душевных, страданий человеческого духа?

У каждого, вероятно, свои представления о страданиях и счастье. Бронированный сейф или ящик, в котором человек будто бы способен обрести благополучие. — самое замечательное устройство для самосохранения в западном «свободном» обществе. Но, по словам мудреца, в жизни есть только два действительных фактора несчастья — угрызения совести, особенно при социальной бесчестности, и болезнь. Вспоминаются слова Л. Н. Толстого: «То, что мы называем счастьем, и то, что называем несчастьем, одинаково полезно нам, если мы смотрим на то и на другое, как на испытание».

Но Абэ повествует о боли, человеческой боли как о социальном недуге.

Случается, что глубина душевной боли помогает лучше осознать природу человека, охваченного внутренним противоборством сложных психологических сил. И отнюдь не всегда ему удается справиться со своим страданием. Нельзя долго испытывать судьбу. Нельзя без фатального риска, особенно человеку с изможденной душой. Известно замечено, что истинным художникам свойственно иметь «душу, терзающую самое себя». И дни зловещего предзнаменования — это то, чего они обычно не замечают. По словам поэта, «мчится в стремление к собственной смерти форель». Разве знает человек, когда открывает новую или последнюю страницу своей жизни?

Произведения Абэ всегда несут на себе печать личного авторского видения, ощущения многосложностей жизни. Все созданное писателем отмечено пронизательностью художественного таланта, выражает индивидуальность его сознания, сатирическое своеобразие стиля. Язык Абэ отличается лапидарностью: при определенной сжатости глубоко выразителен. Никакой инвентаризации языка: он сохраняется ясным, живым, уходящим корнями в живую речь. У него свой, самобытный почерк. И свои убеждения и привязанности. Думается, что главной болью писателя стала боль за человека той Японии, современником которой он является. Быть может, не слишком много в японской литературе таких писателей, которые столь болезненно испытывают чувство вины перед обществом, вины человека, который сам живет в этой социальной среде и которого неотвязно преследует трагедия происходящего.

Таково творчество художника, живущего в обществе антагонистических противоречий, где господствует система извечных социальных связей, жизнь человека идет как бы по распутице, каждодневно встает вопрос о смысле существования, а перед ним возникает стена замурованная.

Как преодолеть все это? Как понять людей с застывшей совестью? Речь, однако, не о том, что писатель искусственно дробит целое на отдельные части и освещает

лишь один из аспектов, одну из сторон жизни, то есть создает тематические романы о каких-то разрозненных явлениях. Нет, каждое явление творчества писатель должен увидеть во всем художественном контексте, обусловленном окружающей его реальностью.

Нетрудно себе представить положение живописца, который, казалось бы, все понимает и вместе с тем ничего не понимает. Быть может, потому, что затрудняется многое услышать, увидеть, осознать до конца. Тогда возникает вопрос, можно ли петь без голоса и собственного слуха.

Нет, Абэ не претендует на монополию мудрости и всезнайства. В художественном его сознании ясно обозначаются вспышки, творческое видение, которое подобно свету молнии, озаряющей, словно нескончаемую нить, жизненно важную грань человеческого бытия. И быть может, потому произведения Абэ насыщены напряженной, ищущей мыслью исследователя, прокладывающего свои вехи, прочерчивающего контуры собственного видения и понимания. И делает он это независимо от того, что есть люди в его обществе, которым всякое правдивое слово кажется жестким, как бы ни было оно правдивым.

Произведения Абэ, как они воспринимаются нами, не оставляют сомнения в авторской пронзительности, в понимании того, что многое сметено с лица земли суетною страстью, невежеством, стяжательским неистовством и властолюбием, которые пытаются выдать себя за воплощение прогресса и просвещения в условиях своекорыстия и классовых амбиций буржуазного общества.

Модель личности по-маоистски

(Об идейно-нравственном воспитании китайской молодежи в начале 80-х годов)

Н. Е. Боревская,
кандидат филологических наук

Проблема молодежи Китая — это проблема, касающаяся половины населения страны (в возрасте до 21 года). Кризис веры, рост преступности, в 10 раз превысивший уровень первой половины 60-х годов, падение нравов, массовое невежество — все эти явления составляют заметные черты общественной жизни КНР. Социальная практика и политика руководства очевидно совпадают здесь с деидеологизацией и деградацией морали общества, размыванием социалистических нравственных ценностей. Царящая в стране безработица, неэффективность экономической политики, военный психоз, беспринципный сговор руководства Пекина с реакционными режимами на мировой арене не могут не влиять на положение молодежи, ее настроения и образ мыслей.

Сами пекинские идеологи признавали, что серьезные проблемы в среде молодежи вызваны «социальными, политическими, экономическими, культурными факторами»¹, хотя перечисляли далеко не все из них и ограничивали их действие периодом до 1976 г. В числе негативных сторон китайской действительности, действовавших на формирование личности, следует назвать «серьезные ошибки, допущенные в процессе строительства государства» (как отмечали сами пекинские идеологи), извращенное представление о марксистско-ленинской теории, внушавшееся молодежи, воспитание ее на «идеях Мао Цзедуна», растлевающее влияние атмосферы «культурной революции», «феодално-фашистской диктатуры».

Помехи становлению социалистической личности в КНР нарастали с 1958 г., когда Мао Цзедун открыто провозгласил «особый» экономический курс, осуществление которого привело к созданию и особого политического режима в стране — военно-бюрократической диктатуры.

«Культурная революция» объединила прежние элементы маоистского воспитания в систему идеологической обработки молодежи. Достаточно вспомнить метаморфозу преподавания общественно-политических знаний в учебных заведениях страны. Недолгим было знакомство китайских учащихся с основами марксизма-ленинизма по учебникам, действовавшим с 1953 г. и составленным по рекомендациям передовой советской педагогики. В основе курса «социалистического воспитания», введенного в Китае с 1957/58 учебного года в школах, а с 1958/59 учебного года в вузах, уже были «китанизированный марксизм» и материалы текущих идейно-политических кампаний.

С конца 50-х годов маоистскому извращению подверглись основные принципы нравственного воспитания, в частности принципы взаимоотношения коллектива и личности, личного и общественного.

В период утверждения народной власти акцент в воспитании делался на то, чтобы выработать у молодежи гражданское сознание, общественные навыки, привить нормы социалистического общежития. В работах китайских авторов середины 50-х годов подчеркивалось единство интересов личности и коллектива².

С утверждением господства маоистской идеологии в период «большого скачка» «общественное воспитание» было противопоставлено воспитанию в семье, которое стало рассматриваться как препятствие на пути формирования гражданина социалистического общества. Ярким проявлением ложно понимаемого коллективизма явилась проводившаяся в Китае в 1958 г. кампания за превращение всех школ в интернаты для «более эффективного осуществления социалистического воспитания». Созданные интернатов преследовало цель усиления контроля за образом мыслей и поведением молодежи, выработки у нее, как и вообще у населения, группового стереотипа поведения.

Маоистская линия на нивелировку личности подразумевала отказ от самовыражения, от личных идеалов и устремлений. Очень образно писал об этом тогда один

¹ «Жэньминь жибао», 25.XI.1979.

² См.: У Цзян. Вопросы коммунистической морали. Пекин, 1955; Чжоу Юаньбин. Воспитание коммунистической морали у молодежи. Пекин, 1956, и др.

китайский студент: «Наше общество — как большая плавильная печь: каждый, кто в нее попадает, приобретает одинаковый облик... Произвольно накладываются ярлыки индивидуализма; тот, кто много читает, пишет, говорит о любимых вещах, выявляет некоторое своеобразие в характере и т. д., считается индивидуалистом...»

В соответствии с маоистской «теорией обострения классовой борьбы при социализме», провозглашенной X пленумом ЦК КПК в сентябре 1962 г., многочисленные политические кампании псевдоклассовой борьбы активно вовлекались и подростки. Борьба с «классовыми врагами» в лице учителей и соучеников на бесчисленных «собраниях критики» должна была «закалить волю и взрастить ненависть». Такое воспитание беспощадности к «врагу» в китайской школе не соответствовало социалистическим отношениям, нормам и ценностям, ибо не сопровождалось воспитанием социалистического гуманизма и высокой нравственности. Личность формировалась уродливо, однобоко.

«Патриотическое воспитание» проводилось на базе шовинистического тезиса о том, что «до XV в. представители желтой расы занимали ведущее положение в мире», раздувались настроения вражды к СССР и странам социализма. По существу, отсутствовало интернациональное воспитание.

Маоисты дали в тот период свое, антисоциалистическое толкование организованности и дисциплины, молодежи прививалось не сознательное отношение к своим обязанностям, а слепое послушание, не активное и добровольное исполнение долга, а безоговорочное следование указаниям вождя. В 60-е годы с этим связаны и постоянные попытки насадить в учебных заведениях армейские формы и методы работы.

Специфика работы с молодежью в период «культурной революции» заключалась в том, что ее вдохновители порождали, по существу, мелкобуржуазные настроения, эксплуатируя такие особенности личности подростков, как эмоциональная возбудимость, неустойчивость психики. Пропагандистские лозунги, брошенные в среду молодежи в период «культурной революции» («Бунт — дело правое», «Иди против течения», «Выступай против авторитетов», «Чем больше книг читаешь, тем реакционней становишься»), преследовали различные цели. Наиболее опасная из них — разжигание агрессивности, натравливание на объекты «борьбы». Но была и другая — скрытая и далеко идущая — ломка начал социалистического гражданского сознания, подавление прогрессивных народных традиций и обычаев: любви к родителям, уважения к старшим, стремления к знаниям, трудолюбия.

После 1976 г. в Китае много говорилось о том, что формы и методы работы с молодежью в предшествующие десятилетие калечили молодежь, способствовали появлению поколения «анархистов» и «хулиганов». Но что же было предложено взамен? Насущнейшей задачей провозглашено «изменение облика молодого поколения», воспитание его в духе «коммунистической морали». Однако решение задач коммунистического воспитания требует учета и использования множества факторов, формирующих личность, — экономических и политических, социальных и культурных, исторических и психологических. Пытаясь поддержать веру молодежи в маоизм, доверие к КПК, которые сильно пошатнулись в результате деформации социалистического строя и нарушения социалистической законности, ряд пекинских идеологов предложили в качестве основного содержания идейно-политической работы с молодежью «воспитание в духе поддержки четырех принципов» (социалистического пути, пролетарской диктатуры, партийного руководства, марксизма-ленинизма — «идей Мао Цзэдуна»). Однако никакая пропагандистская работа в этом направлении не даст положительных результатов, пока содержание этих понятий остается маоистским, пока социальная практика не придет в соответствие с подлинным марксизмом-ленинизмом.

Нерешенность экономических проблем, искажение социалистических общественных отношений, запущенность народного образования, произвол и беззаконие в повседневной жизни — таковы и поверхностность, и суть социальной действительности, которые прежде всего оказывают воздействие на процесс воспитания китайской молодежи.

Неразрешимую проблему представляет для китайского руководства трудоустройство 26-миллионной армии безработной молодежи. Следует также учесть, что в Китае ежегодно будет достигать трудоспособного возраста 23 млн. человек, а число рабочих мест возрастать лишь на 3 млн. Поэтому 80-е годы, по прогнозам китайской печати, будут отмечены резким обострением безработицы, особенно среди молодежи.

Другая сложнейшая проблема — нерешенность задач общего культурного строительства и, как следствие, низкий уровень грамотности. Всеобщее начальное образование планируется ввести к 1985 г. лишь в наиболее экономически развитых районах, а в целом по стране — не ранее конца столетия. Среднюю школу 1-й ступени в начале 80-х годов посещало, по нашим расчетам, не более 40—50 % детей школьного возраста, а 2-й ступени — 20—25 %³.

Представляется явно заниженной приводившаяся в 1978 г. официальная цифра — 150 млн. неграмотных. Столь же явно не учитывается при этом и «повторная неграмотность», имеющая широкое распространение в стране.

³ В настоящее время осуществляется переход на функционировавшую до 1966 г. 12-летнюю систему обучения: 6 лет — в начальной школе и 2 ступени (3 и 3 года) — в средней.

На формирование идейно-нравственных убеждений молодежи в последние годы неблагоприятно воздействуют и такие общественные процессы, как обострение межнациональных противоречий и углубление фактического неравенства неханьских народов, а также идеологический поворот вправо. Разочаровавшись в казарменном коммунизме, молодежь, которая воспитывалась в 60-е годы, в большинстве своем плохо представляет себе альтернативу такой «модели». Характерны результаты социологического опроса, проведенного корреспондентами газеты «Жэньминь жибао» среди различных групп молодежи — городской, сельской, учащейся. Более 60 % опрошенных безоговорочно подтвердили свою веру в преимущества социалистического строя, около 25 % молодых людей назвали эти преимущества, исходя из китайского опыта, незначительными, но с такой оговоркой: «Подлинный социализм имеет преимущества»⁴.

Молодежь начала 80-х годов, также не получившая закалки в действительной революционно-преобразующей деятельности, незнакомая с принципами научного коммунизма, утратила подлинные социальные ориентиры и ценности. В ряде вузов, например, студенты, лишённые возможности отличить марксистско-ленинскую теорию от «идей Мао», не хотели посещать лекции по общественно-политическим дисциплинам или же предлагали сделать их факультативными. «Посещаемость этих занятий и усваиваемость по ним очень низкие»⁵. Утверждая обязательность изучения марксистско-ленинской теории в социалистической школе, руководители системы образования призывают «усилить и перестроить преподавание этой дисциплины». Но что при этом имеется в виду? С 1981/82 учебного года занятия по пяти общественным дисциплинам в средних школах Китая стали проводиться на базе вновь отредактированных учебников. В программу неполной средней школы введены два новых курса: в 1-м классе — «Воспитание подростка» (воспитание нравственности), во 2-м классе — «Краткие сведения по законодательству» (предмет, актуальный в условиях, когда 60 % всех преступлений в Китае совершается молодыми людьми). В старших классах вводятся «Краткая история развития общества», «Общие сведения по политэкономии», «Основы диалектического материализма».

Однако в условиях «модернизации маоизма» в КНР не приходится рассчитывать на выработку у китайской молодежи подлинно научного мировоззрения — основы всестороннего развития личности. Боязнь ознакомить подростков с первоисточниками породила искусственное противопоставление им учебников по общественным дисциплинам. «Учащиеся лучше усваивают материал по учебнику, ибо при отборе статей легко нарушить первоначальный смысл, дать выборочную информацию»⁶. Более того, по решению министерства просвещения с 1981/82 учебного года в основу преподавания всех общественных дисциплин в китайской школе и вузах были положены решения VI пленума ЦК КПК, реабилитирующие, по существу, маоизм, носящие явно антисоветскую, антисоциалистическую направленность.

Соответствующие решения о внедрении выводов VI пленума в процесс обучения и воспитания были приняты состоявшимся в августе 1981 г. III пленумом ЦК КСМК, они же легли в основу деятельности пионерской организации. Отсутствие марксистско-ленинской теории в учебных программах лишает китайскую молодежь возможности выработать целостное стройное научное мировоззрение. Как и в предшествующие два десятилетия, от учащихся на деле требуется слепая вера в предлагаемые им маоистские истины, а не идейная убежденность, основанная на научном знании.

С недавних пор в качестве основной задачи идейно-нравственного воспитания молодежи в Китае выдвигается ни больше ни меньше как выработка «коммунистической нравственности». Во имя этой цели в стране, и среди молодежи в первую очередь, развернуто движение за так называемую «социалистическую духовную культуру». В учебных заведениях оно проводится в рамках внеклассной деятельности, дополняет и подкрепляет вступивший в действие в 1979/80 учебного года «Свод правил для учащихся начальных и средних школ». Параллельно ему развернуто прежнее маоистское «движение учебы у Лэй Фэна, утверждение нового стиля». Среди «четырех эстетических правил», составляющих содержание движения за «социалистическую духовную культуру», на первом месте стоит «красота слов и поступков», подобно тому как одной из центральных задач учебника «Воспитание подростка» объявлена выработка «нормативов мыслей и поступков». Выдвижение подобных задач сопровождается также требованием «гармонии слова и дела». Нынешняя практика китайского руководства отнюдь не способствует тому, чтобы рассуждения о нравственности и морали превратились в убеждения. В условиях сегодняшнего Китая идеи, сообщаемые народу и усваиваемые им через систему общественного воспитания и обучения, противоречат непосредственному наблюдению. Несоответствие в информации, получаемой молодежью из этих различных источников, таит в себе реальную возможность конфликта, а то и прямо порождает этот конфликт между личностью и обществом или раздвоенность личности. Типично для настроения молодых людей признание героя рассказа Ли То «Послушай эту песню»: «Я часто спрашиваю себя: когда же именно я привык к тому, что слова не соответствуют истине? Не то,

⁴ «Жэньминь жибао», 24.II.1981.

⁵ «Жэньминь цзяоюй», 1979, № 5, с. 33.

⁶ «Цэнлинь шида сюебао», 1979, № 4, с. 132.

что где-нибудь в толпе, но даже в присутствии более трех человек я очень редко говорю искренне и поступаю так, даже не задумываясь»⁷. Не случайно на страничку молодежной газеты попало письмо читателя, взывавшего к тому, чтобы увязать наконец пропаганду с действительностью⁸.

На миллионы молодых людей, чье детство оказалось искалеченным, чьи родители пострадали от бесчинств хунвэйбинских орд, от произвола властей, давно уже мало действуют проводящиеся в рамках «воспитания на революционных традициях» выступления бедняков и бывших батраков с воспоминаниями о горьком прошлом до провозглашения КНР. Для многих 16—25-летних характерна реакция героя рассказа «Неподдающийся», который лишь посмеивается, слушая воспоминания старой тетушки об издевательствах помещика: «Разве то, что хлебнул мой отец в «загоне» (название самодельных тюрем в период «культурной революции»), легче того, что перенесла ваша тетушка Бао в «Зале милосердия?»⁹.

Страх перед безработицей, суровая конкуренция в условиях нехватки школ и элитарной системы образования («ключевые школы», фактически единственные дающие право на поступление в вуз, составляют лишь 0,5 % всех средних школ страны) противоречат воспитанию отношений сотрудничества и взаимопомощи. Весьма распространенный в современной литературе о молодежи конфликт заключается в желании героев-подростков делиться с товарищами полученными знаниями — ведь каждый из китайских школьников мечтает сдать экзамен в «ключевую школу», что должно спасти его от безработицы. Очень характерны в этом отношении героиня рассказа «Одноклассницы», прячущая от подруги учебное пособие, и герой рассказа «Соловей», вынужденный ради поступления в вуз отказаться от своих музыкальных увлечений — ведь в случае провала он станет одним из многомиллионной армии «ожидающих работы». «Ждать, ждать, а сколько ее придется ждать?» — в страхе восклицает его отец¹⁰.

Условия сегодняшнего Китая разрывают коллектив и личность. В подлинно социалистическом обществе их неразрывное единство не означает поглощение коллективом личности, а, наоборот, полноценным признается лишь коллектив, составленный полноценными личностями. Маоистская интерпретация проблемы «коллектив — личность» признает лишь механический приоритет «общественных интересов» перед интересами личности, что подразумевает отрыв личности от общественных идеалов и устремлений.

После «культурной революции» с ее лозунгом «Убьем свое Я», с ее яростными потугами выработки примитивного сознания толпы уже в конце 70-х — начале 80-х годов в Китае вновь призывают избавиться от «анархизма» и «крайнего индивидуализма», якобы порожденных господством «банды четырех». И дело не просто в том, что этих свойств не должно быть у молодежи. Оскудение личности на протяжении десятилетий маоистского господства, отсутствие чувства самоуважения, поспание человеческого достоинства как норма явились прямым результатом маоистского «воспитания» и не могли не породить такой негативной реакции, как десоциализация.

На первых порах при новом руководстве страны молодежь, плененная посулами «демократизации», организовывала многочисленные выступления в поддержку социалистической демократии, требуя создания условий для развития личности. Однако скоро эти выступления — демонстрации, вывешивание даузыбао — были приравнены руководством к бунту цзаофаней. Выступая на сессии молодежной федерации провинции Ляонин, первый секретарь парткома заявил, что молодежь якобы «не может правильно использовать принципы демократического централизма, связь свободы и законности, хочет лишь личной выгоды и не думает об общем благе»¹¹. От молодежи решительно потребовали, чтобы она заменила слово «я» словом «коллектив», чтобы она «с презрением и негодованием отбросила индивидуализм, построенный на личных помыслах и личных интересах, чтобы она, подобно Лэй Фэну, всю свою жизнь отдала не имеющему границ служению народу».

Глубинная причина, вызывающая подобные установки, кроется все в том же принципиальном несоответствии интересов трудящихся и политики маоистского руководства. Отсюда и отсутствие у китайской молодежи энтузиазма в борьбе за осуществление маоистского идеала, построенного на попрании объективных общественных и личных интересов. «Для чего нам социализм, если не для того, чтобы наша жизнь стала радостней и краше?» — спросил молодой участник дискуссии, развернувшейся на страницах профсоюзной газеты «Гунжэнь жибао». Участники слета передовиков из числа молодежи, посланной в горные и сельские районы, жаловались на отсутствие элементарных жилищных условий и возможности продолжать учебу. И присутствовавший на слете нынешний председатель ЦК КПК Ху Яобан в ответ на это призвал молодежь и «впредь проявлять дух упорной самоотверженной борьбы», а возглавляющей группой Госсовета по работе с «грамотной молодежью», переселенной

⁷ «Иностранная литература», 1981, № 11, с. 142—143.

⁸ См.: «Чжунго цинянь бао», 12.VII.1980.

⁹ «Эртун вэньсюе», 1981, № 4, с. 42.

¹⁰ «Шаонян вэнь», 1979, № 10; «Эртун вэньсюе», 1981, № 7, с. 16.

¹¹ «Гуанмин жибао», 3.XI.1979.

в отдаленные районы, Ван Жэньчжун, патетически призвал молодежь «воспитывать в себе свойства ивы и сосны» — быть неприхотливыми и выносливыми, чтобы «с радостью переносить все невзгоды»¹².

Идеалы и ценности, провозглашаемые маоизмом, приходят в столкновение с опытом и нравственными установками самой личности, когда молодые люди пытаются наметить планы на жизнь. Именно это и порождает потерю веры в маоистские идеалы, а иногда и десоциализацию. С одной стороны, от молодежи требуют таких качеств, как неприхотливость, способность к «простоте и лишениям», как выразителей особого «стиля партии», который необходимо унаследовать. А с другой, молодежь наблюдает возрождение несоциалистических форм собственности и поведения, практику злоупотребления властью, обогащения за счет общества, нетрудовых доходов и т. п. Все это неблагоприятно воздействует на социально-нравственный климат. Дворец Ван Дунсина, многомиллионный по стоимости, о котором писала китайская печать, потянувшее всю страну дело заведующей угольной базой в провинции Хэйлуцзян, сколотившей за счет спекуляции состояние чуть ли не в полмиллиона юаней, шикарные виллы и собственные автомобили работников отделов образования, приобретенные на средства, предназначенные для строительства школ, — такие примеры повсеместно наблюдают те самые юноши и девушки, которых пропаганда воспитывает в «духе голытьбы».

Лю Биньянь опубликовал на эту тему очерк «Люди и оборотни», где есть такие грустные слова: «Взаимовыручка братишек, взаимная благодарность за услуги, дружба и прочие добрые чувства — всего лишь покров, накинутый на голый шкурнический интерес»¹³. Недаром символом продвижения к власти секретаря горкома КПК в киносценарии «Улыбка страдальца» представляются бесконечные переезды во все более роскошные квартиры, пока наконец он не добирается до величественного особняка за железной оградой. Автор одного из писем, присланных в редакцию молодежной газеты, рекомендовал тем китайским лидерам, которые пытаются наставлять китайскую молодежь, прежде всего самим «прекратить злоупотребления властью, использование общественного в целях личной выгоды, погоню за привилегиями, месть, клевету, торговлю совестью»¹⁴.

Между тем китайская пропаганда продолжает внушать молодежи, что истинно «коммунистический дух» заключается в «отказе от вознаграждений», «работе без всяких условий». «Устремляться к будущему» либо «стремиться к обогащению» (так обыгрываются омонимы «цзянь» — «вперед» и «цзянь» — «деньги») — символы, выражающие соотношение общественного и личного в китайской пропаганде. Носителями «коммунистической нравственности» объявляются ею лишь те молодые люди, которые готовы работать ненормированный рабочий день за мизерную зарплату, не надеясь на улучшение условий жизни нынешнего поколения, восхваляются те, кто «не вкладывал силы и средства в устройство своей маленькой семьи». Молодежная «Чжунго циннянь бао» противопоставила стремление к счастливому супружеству «высоким успехам в труде», называя эти понятия «несовместимыми». Искусственно сталкивая две группы категорий, личные и общественные интересы и потребности, маоистские идеологи препятствуют такой социальной ориентации и уровню развития личности, которые составляют цель и смысл социалистического общества.

Прославляя дух жертвенности, газета «Жэньминь жибао» восхваляла, например, подвиги двух молодых работников деревообделочного комбината, которые, бросив мужей и маленьких детей, отправились за тысячи километров в отдаленные горные районы, чтобы участвовать в добыче огнеупорных материалов. Из подобных примеров делается вывод о том, что «прогресс и преобразования общества, процветание и мощь государства всегда опирались на подобных передовых людей, обладающих духом жертвенности». И далее: «Независимо от того, в мирное ли время или в военную годину, мы обязаны во имя всенародных интересов сначала выдвигать общественное, потом личное, забывать о личном во имя общественного, сначала хлебнуть трудностей, а потом уже наслаждаться счастьем»¹⁵. Маоистские идеологи, трактуя понятия «личное» и «общественное», подчеркивают только одну сторону — заботу каждого об интересах «общества», а точнее — маоистского режима, и игнорируют заботу общества, коллектива о каждом его члене, а ведь только в единстве этих категорий и состоит социалистический гуманизм и коллективизм. Модель безликого индивида — идеала, заботящегося исключительно о пользе «общества», — тщательно внедряется пекинскими идеологами в движение за «социалистическую духовную культуру» и преподносится как «национальная традиция».

В Китае проповедь отказа от личного во имя «общественного» очень часто служит прикрытием трудностей, порожденных нежеланием или неспособностью решать главные экономические и социальные проблемы. Одна из таких проблем — крайне несовершенная структура высшего образования, далеко не соответствующая потреб-

¹² «Жэньминь жибао», 30.VIII.1979.

¹³ А. Н. Желуховцев. На распутье. — «Литературное обозрение», 1981, № 1, с. 84.

¹⁴ «Чжунго циннянь бао», 14.X.1980.

¹⁵ «Жэньминь жибао», 9.IV.1981.

ностям народного хозяйства страны. Проблема эта давняя, «культурная революция» лишь обострила ее. Многие выпускники вузов направляются на работу не по профилю, а то и вовсе на работу, не требующую знаний в объеме высшей школы. Еще в середине 50-х годов отдельные работники просвещения указывали на опасность извращения маонистами такого, казалось бы, правильного понятия, как «подчинение студентов при распределении интересам государства». Использование их на неквалифицированных работах, игнорирование индивидуальных склонностей молодых выпускников приходило в столкновение с подлинными интересами общества и задачами экономического строительства, наносили глубокий моральный ущерб. По данным 1980 г., от 40 % до 60 % выпускников Университета науки и техники в Шанхае вынуждены были сменить специальность, 50 % выпускников крупнейшего в стране Фуданьского университета не смогли найти работу по специальности, а окончившие университет по кафедре биологии моря три года ждут распределения. По данным центральной печати, в конце 70-х годов в ряде провинций 1/3 выпускников вузов работали не по специальности¹⁶.

Пропаганда духа жертвенности вновь связывается с «образцовым героем» Лэй Фэном. «Учеба у Лэй Фэна» объявлена одним из основных направлений идеологической обработки молодежи. Однако на нынешнем этапе восхваление этого «винтика» сталкивается с немалыми трудностями. Лэй Фэн на протяжении полутора десятилетий исправно служил образцом бездуховности, символом слепой исполнительности и бездумной веры. Сегодняшние китайские лидеры усиленно пытаются оболванить личность на сей раз во имя то «модернизации», то «урегулирования», прагматически сводят ее развитие только к узкопрофессиональной подготовке, возвращению «танталов», насаждают элитарные школы, пренебрегают социалистическими принципами народного образования. В то же время они пропагандируют в качестве идеального массового героя малограмотного бойца, прославившегося тем, что с утра до ночи зубрил изречения Мао и не выбрасывал старые носки. В среде молодежи Китая широко бытует мнение, что Лэй Фэн примитивен и безлик, не обладает никакими «индивидуальными особенностями и способностями»¹⁷. Студенты во всеуслышанье заявляют, что, определяя сущность Лэй Фэна, в модном термине «жэньцай» — «одаренная личность» следует использовать тот роероглиф «цай», который входит в словосочетания «муцай», «ганцай» (древесина, металл), тогда это слово приобретает значение «деревянная личность». «Что ему прикажут сделать, то он и сделает, в нем нет творческого начала»¹⁸.

«Делать жизнь с кого» китайским юношам и девушкам? Целая плеяда революционных героев времен антияпонской и революционных войн за освобождение Китая на протяжении многих лет находилась «под запретом», печать обходила их молчаливым. всех затмевал лишь один герой — «великий кормчий». Лучшие литературные герои, которые могли бы научить молодежь глубоко мыслить и полно чувствовать, многим просто неизвестны. Уроки литературы в школе поставлены крайне слабо, внеклассное чтение в большинстве школ пушено на самотек, да и читать-то особенно нечего, сельская местность почти не снабжается книгами для детей и юношества. В ходе опроса учеников деревенских средних школ выяснилось, что многие из них ничего не знают ни о Лу Синь, ни о Го Можо, ни о Мао Дуне. Зато дети увлекаются книжками-картинками на сюжеты средневековых китайских эпосов и «судебных дел», перензанными огромными тиражами. Результат отразился в итогах опроса, проведенного среди учащихся 4—5-х классов начальных школ. В ответ на вопрос «Кто твой любимый герой?» подростки называли имена героев средневековых рыцарских романов: Юэ Фэя, братьев из рода Ян¹⁹ и др. В свете подобных настроений в китайскую печать попадают предложения разнообразить галерею «образцовых героев»: «Сейчас один-единственный образец подменяет, заслоняет все остальные. Разные слои молодежи надо увлекать различными образцами», — писал обозреватель молодежной газеты²⁰. Тем не менее лэйфэновское движение будет набирать силу до тех пор, пока пекинскому руководству будут нужны «неприхотливые буйволы».

В списке героев, у которых рекомендуется учиться китайской молодежи, по-прежнему лидируют военные, причем в один ряд с действительными героями антияпонской и революционных войн (Чжао Имань, Лю Хулань), рядом с борцом против «банды четырех» Чжан Чжисинь поставлены герои «оборонительного контрудара» — агрессии против СРВ. Повсюду организуются митинги — встречи молодежи с участниками провокационного нападения на СРВ, в школах на стенах и стендах висят их фотографии, среди учащихся проводится кампания «учиться у героев оборонительного контрудара», чтобы уметь даже «в детские годы пожертвовать жизнью». В эту кампанию активно включилась литература — плохие ученики перевоспитываются после того, как их сажают за парту, за которой раньше сидел бывший хунвэйбин, а ныне солдат, сражавшийся против СРВ, либо во имя того, чтобы порадовать успеха-

¹⁶ См.: «Гуанмин жибао», 26.VII.1980; «Жэньминь жибао», 6.V.1978.

¹⁷ «Жэньминь жибао», 5.III.1981.

¹⁸ «Жэньминь цзяоюй», 1981, № 5, с. 21.

¹⁹ См.: «Жэньминь жибао», 6.IX и 18.XI.1981.

²⁰ «Чжунго циннянь бао», 6.IX.1979.

ми своих старших друзей или родственников, участвовавших в этой агрессивной акции²¹. Обращение ЦК КСМК ко всем пионерским и комсомольским организациям, изданное в мае 1979 г., раскрывает цели учебы у подобных героев: «Во всех действиях подчиняться командованию, куда укажет партия — туда и бить, ставить интересы государства и нации выше личных»²². Именно на такой примитивной формуле настаивал тогдашний министр просвещения Цзян Наньсян, выступая на Всекитайском совещании по идейно-политической работе в учебных заведениях, когда определял основную черту «коммунистической нравственности»²³.

Становление системы коммунистического воспитания неотделимо от преобразований во всех сферах общественной жизни, и, конечно же, в области народного образования. В ходе осуществления новой реформы системы образования внутри китайского руководства явно происходит борьба по вопросу о целях и задачах, которые должна ставить перед собой школа. Формулировки Мао Цзэдуна, с конца 50-х годов определявшие цели воспитания в учебных заведениях Китая, значительно сузили понятие образования как средства всестороннего развития личности, сведя его к заучиванию политических лозунгов, к подготовке механических исполнителей и работников примитивного физического труда. После смерти Мао Цзэдуна была выработана формулировка, где в маоистский каркас добавлены понятие «всестороннего развития», а наряду с задачей подготовки «труженников» — задача подготовки «квалифицированных кадров». В принципе это ничего не меняет, так как закрепляет социальные различия. «Наше воспитание в стенах учебных заведений должно ставить целью подготовку культурных труженников, обладающих социалистической сознательностью, а также формирование квалифицированных кадров, всесторонне развитых в нравственном, умственном и физическом отношении, и «красных» и «специалистов»²⁴. Появившаяся осенью 1980 г. статья заместителя министра просвещения Чжан Чэнсяня «Последовательно проводить курс на всестороннее развитие, повышать качество образования» давала более широкое толкование «всестороннего развития»: «Нравственное воспитание, умственное, физическое, эстетическое и техническое развитие — на все эти стороны следует обращать внимание, все они представляют собой неотъемлемые части единого содержания, обеспечивающие здоровый физический рост и психическое развитие молодежи. Пренебрежительное отношение даже к одной из сторон является ошибочной и вредной тенденцией»²⁵. В статье говорилось о необходимости готовить учащихся к творческому труду, о диалектической связи накопленных знаний и развития способностей, о необходимости индивидуального подхода в воспитании. Автор назвал ряд ошибок и трудностей, которые стоят на пути «всестороннего развития», в особенности практика натаскивания «перспективных» учащихся выпускных классов. Названа лишь одна из причин подобного положения — серьезное нарушение пропорций между средней и высшей ступенями образования, и в результате чего лишь 4—5 % выпускников средней школы 2-й ступени (в основном выпускники «ключевых школ») могут рассчитывать на продолжение учебы. Не менее остро стоит вопрос и при сдаче конкурсных экзаменов в среднюю школу 1-й ступени, а оттуда — в школу 2-й ступени. Не поступившим угрожает безработица.

Из 96 % детей школьного возраста, поступивших учиться, лишь 60 % оканчивают начальную школу (программу в полном объеме усваивают лишь 30 %), из них 12 % не имеют возможности поступить в неполную среднюю школу. Лишь около 50 % выпускников неполных средних школ переходят в следующую ступень. Особенно велик отсев среди девочек, именно девушки пополняют в основном армию неграмотной и полуграмотной молодежи.

Причины отсева много, среди них на одном из первых мест — платность обучения. Китайское руководство, отделившись общаниями, не идет на значительное повышение государственных ассигнований на образование — жизненно необходимую меру в условиях сегодняшнего Китая. Вместо этого пытаются повысить качество за счет увеличения платы за обучение. По сообщениям из начальных школ провинции Хубэй, плата за учебу одного ребенка в начальной школе выросла с 7 до 15—19 юаней в год, а родители детей, проживающих вне границ района, охватываемого школой, должны внести еще дополнительно 25—35 юаней²⁶.

Окончившие начальную и даже неполную среднюю школу из-за низкого уровня обучения в последние 15 лет также в значительной мере пополняют армию неграмотных и полуграмотных 130 млн. молодых людей в возрасте от 15 до 25 лет, проживавших в сельской местности в 1980 г.²⁷ Особенно трагично положение неханьских народов. В Синьцзяне неграмотные среди сельской молодежи составляют 45 %, в Гуйчжоу неграмотно 60 % сельского населения, в Ганьсу — 70 %, а в районах этой провинции, где проживают в основном неханьские народы, — 98 %.

²¹ См.: «Шаолянь вэнь», 1980, № 1, 4.

²² «Жэньминь жибао», 9.V.1979.

²³ «Гуанмин жибао», 4.VIII.1981.

²⁴ Там же, 22.IX.1981.

²⁵ «Хунцзи», 1980, № 22, с. 45.

²⁶ «Гуанмин жибао», 28.X.1981.

²⁷ «Жэньминь цзяоюй», 1980, № 1, с. 38.

На пути создания единой общеобразовательной школы в Китае множество преград, но главная проблема не столько в наличии преград, сколько в подходе к ним. Нынешнее китайское руководство наследует и развивает не раз высказывавшийся Мао Цзэдуном положения о необходимости приспособлять типы школ к местным условиям, к нуждам местной промышленности, к аграрному профилю того или иного района. Это многие годы препятствовало и ныне препятствует созданию в Китае единой регулярной общеобразовательной социалистической школы. На проходивших летом 1980 г. совещаниях в Секретариате ЦК КПК по вопросам образования снова был выдвинут тезис о том, что в специфических условиях Китая «ни в коем случае не следует добиваться единообразия типов школ». На фоне общей экономической отсталости страны и кризисного состояния системы образования это означает, что большинство учебных заведений Китая еще на многие годы сохранит нерегулярный характер. Несравненно более низкий уровень подготовки учащихся этих школ заранее предопределяет и ограничивает характер будущей деятельности выпускников, их социальный статус, структуру личности.

Проблема всестороннего развития учащейся молодежи — не только в содержании учебных программ, но и (что не менее важно) в возможности для всех детей пройти полный курс обучения, в повышении общего уровня образования. В настоящее время объем знаний китайских школьников, даже при нынешних, не очень строгих требованиях, чрезвычайно низок. В ряде начальных школ провинции Хубэй в классах до 25 % второгодников. Если в 1—2-х классах выдерживают экзамены 70—80 % учащихся, то в 4—5-х классах — лишь 40—50 %. Не лучше положение даже в районе Пекина: только у 30 % выпускников неполных средних школ уровень знаний соответствовал пройденному курсу²⁸.

Низкий уровень знаний учащихся вызван целым рядом причин: слабой материально-технической оснащенностью школ (как минимум 17 % всех школьных помещений в Китае находятся в аварийном состоянии), несовершенством программ, расшатанной за период «культурной революции» дисциплиной и не в последнюю очередь крайне слабой подготовленностью учителей, их чрезвычайно низким культурным уровнем. Около 70 % учителей сельских начальных школ фактически знают не больше своих учеников²⁹, 60 % учителей полных средних школ не имеют вузовских дипломов. Во многих школах просто некому преподавать такие дисциплины, как иностранный язык, физика, химия, биология.

В подобных условиях все высказывания о всестороннем и гармоническом развитии личности воспринимаются в лучшем случае как благое пожелание. Они могут коснуться учащихся «ключевых учебных заведений», которые охватывают лишь несколько процентов от общего количества школьников и студентов. Именно на них был рассчитан распространенный министерством просвещения в апреле 1981 г. экспериментальный проект учебных планов, в котором усиливалось внимание к преподаванию иностранного языка, биологии, музыки, рисования.

Художественное воспитание детей в стране практически вообще не организовано. Отсутствует сеть специализированных музыкальных и художественных школ (музыкальных школ — по одной-две даже в наиболее крупных городах). Только в июне 1981 г. была создана первая в Китае студия детских и юношеских фильмов («взрослые» студии выпускают ничтожно мало фильмов для детей). На всю страну насчитывается лишь два профессиональных детских театра, семь детских библиотек. С такого уровня предстоит начать свою работу организованному весной 1981 г. при министерстве культуры Комитету по художественному воспитанию детей и юношества, обладающему к тому же очень малыми возможностями.

Проблемы воспитания молодого поколения теснейшим образом связаны с решением задач во всех сферах общественной жизни страны. Только коренные перемены в политике государства, отказ от духовных пут маоизма могли бы создать в КНР предпосылки для формирования гражданина социалистического общества.

²⁸ См.: «Жэньминь жибао», 7.VII и 12.XI.1981.

²⁹ См. там же, 13.X.1981.

Был ли этот путь «шелковым»?

В. С. Кузнецов,
кандидат исторических наук

Иллюстрированный журнал «Китай», рассчитанный на широкий круг читателей как в самом Китае, так и в странах Европы, Азии, Африки, Северной и Южной Америки, опубликовал серию очерков под рубрикой «Шелковый путь». Публикацией очерков о Шелковом пути редакция журнала «Китай», видимо, имела целью, во-первых, вызвать у зарубежного читателя чувство признательности к китайским императорам, которые были инициаторами установления мирных отношений со своими западными соседями, и, во-вторых, хотела убедить читателя в КНР и за ее пределами, будто Китай с незапамятных времен присутствовал в Центральной Азии, которая составляла часть традиционного китайского понятия «Западный край».

Шелковый путь, сообщает журнал, начиная со II в. до н.э. и кончая XIII—XIV вв. н.э. служил Китаю для осуществления «дружественных и культурных связей» с границей. Начинаясь он в Сиани, затем пересекал Шэньси, Ганьсу, Синьцзян, Памир, Среднюю и Западную Азию и завершался в странах Средиземноморья¹.

Идея проложить этот путь принадлежала императору Уди (140 — 87 гг. до н.э.), которому, как пишут авторы очерков, весь некитайский мир обязан введением в обиход шелка и приобщением к прочим благам китайской цивилизации².

Конечно, по Шелковому пути осуществлялся торговый и культурный обмен Китая с Западом. Но это только один, хотя и важный, аспект данного вопроса. Другой немаловажный вопрос заключается в том, какими способами и методами прокладывался Шелковый путь, ради каких целей. Замыслив проложить путь на Запад, Уди вовсе не собирался облагодетельствовать западных «варваров». Хорошо известно, что он обратил свой взор на Запад, думая исключительно о своем обогащении. Как в свое время верно писали и в самом Китае, у него и его приближенных возрос «аппетит к роскоши», они стремились «к захвату пленных и расширению внешних рынков»³. С этой целью Уди предпринимал военные походы против своих непосредственных соседей на Западе — гуннов и других неханьских народов. В 119 г. до н.э. Вэй Цин и Хо Цюйбин с 200-тысячным войском пересекли Великую пустыню Гоби и разбили гуннов. «Победа в войне с гуннами способствовала росту честолюбивых захватнических замыслов ханьского Уди», и в 110 г. до н.э. «100-тысячная армия Ханьской империи покорила племя цян, которое оставалось единственной преградой на пути общения Хань с западными странами»⁴.

Словом, Уди решил проторить путь на Запад по чужой земле, не спрашивая на то согласия у ее хозяев. И эту дорогу, названную потом Шелковым путем, проложили отнюдь не мирные караваны, груженные китайскими тканями, а ханьские полчища, которые несли смерть и разрушения некитайскому населению Центральной Азии⁵.

Шелковый путь не был вопреки заверениям журнала «Китай» мирной караванной дорогой, по которой «китайский шелк продвигался все дальше и дальше на Запад». Это был путь захватнических войн, прокладывая который Ханьская держава осуществляла свою военно-политическую экспансию в Центральноазиатском регионе, пытаясь прибрать его к рукам. Начало этому положил Уди, а его почин продолжили преемники — императоры Восточной (Поздней) Хань. «Среди тех, — читаем на страницах журнала «Китай», — кто в I столетии нашей эры совершил поход по Шелковому пути, были Бань Чао и его товарищи»⁶.

Естественно, возникает вопрос, кто же такой Бань Чао и какими побуждениями он руководствовался. Относительно его личных мотивов авторы очерков умалчива-

¹ См.: «Китай», 1979, № 6, с. 21.

² См. там же, с. 26; 1980, № 6, с. 38; № 8, с. 11; № 9, с. 30.

³ См.: Очерки истории Китая с древности до «опиумных» войн. Под ред. Шан Юэ. Пер. с китайского. М., 1959, с. 80.

⁴ Там же, с. 82, 83.

⁵ См. там же, с. 81.

⁶ «Китай», 1979, № 6, с. 27.

юг. Исчерпывающий ответ содержится в биографии Бань Чао, изложенной в китайском источнике. В нем говорится, что положение мелкого пшца не удовлетворяло Бань Чао, и он решил попытаться счастья в иноземных владениях при помощи меча. «Вы и я, — говорил Бань Чао своим людям, оказавшимся в государстве Шаньшань (Лоулань), — находимся на краю света. Все мы желаем совершить подвиги, чтобы обрести богатство и стать знатными»⁷.

Что касается цели, с которой было решено отправить Бань Чао в поход, то редакция журнала сообщает: после образования династии Восточная Хань в бассейне Тарима «был послан Бань Чао, который быстро восстановил здесь порядок... за что снискал большую любовь местного населения»⁸.

Поскольку журнал «Китай» умалчал о том, как Бань Чао наводил порядок в чуждом доме, за что якобы снискал любовь его обитателей, воспользуемся этим пробелом сведениями из биографии ханьского конкистадора. Едва Бань Чао прибыл в государство Хотан, располагавшееся на территории нынешнего Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, как тут же заманил к себе верховного жреца этого государства и отсек ему голову⁹. Немного позже в ходе покорения государства Гумо было обезглавлено более 700 местных жителей¹⁰. Такими же головорезами, под стать Бань Чао, были его подручные. В ответ на просьбу Бань Чао прислать ему войска на подмогу ханьский двор направил к нему Сюй Ганя, земляка Бань Чао, во главе отряда, набранного в основном из помилованных преступников¹¹.

Утверждения журнала «Китай», будто Бань Чао «быстро восстановил порядок» в государствах Запада и снискал любовь местного населения, находятся в вопиющем противоречии с историческими фактами. В 74 г. до н.э. Бань Чао длительное время держал в осаде войска государства Куча и Гумо. Ханьский император Суизун выражал опасения, что у Бань Чао не хватит сил, чтобы продержаться, и даже решил было отозвать его¹². Перспектива надолго увязнуть в Западном крае из-за активного противодействия местного населения устремлениям империи Хань заставила некоторых ханьских царедворцев даже подумать о том, чтобы на время вообще оставить этот регион в покое. Так, сановник Бао И заявил: «Ныне посланные нами люди в трудном и опасном месте. Нужно быстро оставить это место (то есть Западный край. — Л. В.), а то мы вызовем жестокий гнев варваров, и они убьют наших»¹³.

В конечном счете правители Поздней Хань все-таки не отказались от мысли закрепиться в бассейне Тарима. Но заботились при этом отнюдь не о том, чтобы навести прочные мосты торгового и культурного обмена со Средиземноморьем, как представляет дело журнал «Китай». Бассейн Тарима привлекал ханьский двор прежде всего как объект территориального захвата, как огромный район ханьской колонизации. Объясняя, почему не нужно уходить из Западного края, Бань Чао подчеркивал: земли в Шачэ, Шулэ (Кашгар) плодородны и обширны, на содержание войска Среднему государству можно было бы и не тратить, оно само обеспечит себя всем в достатке¹⁴.

В стремлении выдать захватнические походы китайских войск за своего рода наезды с целью передать достижения ханьской культуры жителям варварской периферии редакция журнала «Китай» не останавливается ни перед какими домыслами. «Посланцы и солдаты династии Хань, — уверяет читателя журнал, — передали технику сталеварения жителям Даваня (пшце Фергана. — В. К.), у китайцев же даваныцы обучились и технике пробивки колодезь»¹⁵. Как же было в действительности?

В 104 г. до н.э. император Уди послал свои войска в Фергану. Но местное население нанесло им сокрушительное поражение. В 102 г. Уди повторил поход и тоже неудачно, удалось лишь добыть табун лошадей. В указе от 30 августа 1757 г. цинский император Хунли (девиз правления Цяньлун, 1736—1795) напомнил о безуспешных походах войск Уди в Фергану: «В прошлом император династии Хань Уди отправил свои войска в труднейший поход в Фергану, но они лишь добыли коней и с этим вернулись». Если бы население Ферганы не знало, как пшсет журнал «Китай», техники сталеварения, не полегло бы столько ханьских солдат на чужбине, порубленных стальными мечами даваныцев.

Вызывает недоумение и утверждение журнала о том, что ханьское воинство будто бы научило население Ферганы рыть колодезь. Как же обходились ферганские

⁷ См.: Фань Е. Хоу Ханьшу (История Китая периода Поздняя Хань). Пекин, 1965, с. 1571.

⁸ Там же, с. 1572.

⁹ «Китай», 1980, № 11, с. 30.

¹⁰ См.: Фань Е. Указ. соч., с. 1573; Л. С. Васильев. Бань Чао в Западном крае. — «Вестник древней истории», 1955, № 1, с. 112.

¹¹ См.: Фань Е. Указ. соч., с. 1575.

¹² См. там же, с. 1576.

¹³ См. там же, с. 1575.

¹⁴ Цит. по: Л. С. Васильев. Указ. соч., с. 113.

¹⁵ См.: Фань Е. Указ. соч., с. 1576; Л. С. Васильев. Указ. соч., с. 116.

¹⁶ «Китай», 1979, № 6, с. 27.

земледельцы без колодцев до прихода ханских войск? И как умудрились ханские солдаты передать свой опыт пробивки колодцев, когда они воевали с местным населением? В своем стремлении возвеличить захватчиков и грабителей редакция «Китай» еще раз доказала, что от великого до смешного один шаг. О том, что представляли собой «культуртрегеры», которых посылал Уди в древнюю Фергану, красноречиво свидетельствует современник — историк Сыма Цянь: подавляющую часть войска, направленного Уди в Фергану, составляла молодежь «дурной репутации»¹⁷, иными словами — отбросы общества.

Авторы репортажей и редакция журнала «Китай» настойчиво внушают читателю представление о том, что без китайского присутствия в Центральной Азии местное население якобы прозябало бы, не было бы развития в его социально-экономической жизни: караваны верблюдов и лошадей, навьюченных шелком и другими товарами, пересекали пыльное лессовое плато, будоражили тишину в Хэси и пробуждали дремавшую Таримскую впадину, государство Шулэ процветало благодаря Шелковому пути¹⁸.

Вопреки этим розовым живописаниям в действительности все было иначе. Спокойную жизнь населения в Хэси будоражили не торговые караваны из Китая, а вторжения ханской солдатни. Что касается Таримской впадины, то тамошние государства жили полнокровной жизнью, и она замирала там, где проходили ханские полчища, например в упомянутом государстве Шулэ, которое неоднократно подвергалось нападениям отрядов Бань Чао¹⁹.

Но, очевидно, редакция журнала «Китай» действовала по нехитрому принципу «для достижения цели все средства хороши» и потому разбойные дороги грабежей и военных захватов ханского воинства представила как мирный торговый путь, по которому на Запад шли только китайские шелк и технический опыт.

Историю Шелкового пути, помимо журнала «Китай», интерпретируют на свой, великоханьский, лад и другие издания КНР. Так, например, на страницах ежемесячника «Китай на стройке» (издается на английском, французском, испанском, арабском, немецком и португальском языках) гидами зарубежных читателей по Шелковому пути выступают некие Ван Си и Лю Цинся. Они — авторы репортажа о балете «По Шелковому пути». Древний Шелковый путь, комментируют Ван и Лю. — основная торговая артерия Китая времен династии Тан (618—907), соединявшая его с Западом. «Экономический и культурный обмен между Китаем и зарубежными странами, — продолжают они, — процветал в ранний период правления династии Тан. В частности, очень оживленно происходил обмен китайского шелка на жемчуг из Персии»²⁰.

На фоне пейзажей Шелкового пути в балете разыгрываются события, с пафосом живописуют Ван и Лю, которые отражали дружественные отношения, существовавшие тысячу лет назад между Китаем и странами, расположенными к западу от него. Хореографы, как уверяют авторы репортажа, осуществили глубокие научные изыскания, чтобы воссоздать подлинный облик средневековых музыкантов и танцоров из различных стран. Что же касается самих Вана и Лю, то они в своих экскурсах в прошлое не проявили желания отразить историческую действительность. И по той простой причине, что если учитывать ее, то окажется, что отношения танского Китая с западными соседями отнюдь не были идиллическими, как их представили Ван и Лю. Достаточно обратиться к фактам, чтобы убедиться в этом. На начало правления династии Тан пришлось серия захватнических войн Китая против независимых государств Центральной Азии. В 629 г. танский император Тайцзун предпринял кампанию против Восточного тюркского каганата, и это тюркское государство перестало существовать. В 640 г. танские войска уничтожили государство Гаочан. В 648 г. они нанесли удар по царству Куча²¹.

Правители империи Тан интересовались не только персидским жемчугом. Они имели виды и на территорию Персидского государства. Форсируя территориальные захваты на Западе, танский двор рассматривал часть подконтрольных земель как «Персидское наместничество» («Госы дудуфу») ²². Фируз, сын сасанидского правителя Иездегерда, по прибытии в танскую столицу был возведен в ранг «китайского правителя Персии»²³. И именно агрессивные поползновения империи Тан привели к вооруженному столкновению ее с арабским халифатом. В 751 г. на реке Талас арабское войско разгромило китайскую армию под командованием Гао Сяньчжи²⁴, положив конец попыткам танского Китая вмешаться в дела Средней Азии.

¹⁷ In: Records of the Grand Historian of China, translated from the "Shih chi" of Ssuma Chien by B. Watson, vol. II. New York—London, 1961, p. 281.

¹⁸ См.: «Китай», 1980, № 11, с. 30.

¹⁹ См.: Фань Е. Указ. соч., кн. 45, с. 575—583.

²⁰ Wang Xi, Liu Qingxia. Along the Silk Road Dance Drama. — "China reconstructs", 1980, vol. XXIX, № 3, p. 24.

²¹ См.: Очерки истории Китая..., с. 210—211.

²² In: The Cambridge History of China, vol. 3, part 1. (Ed. D. Twitchett). Cambridge University Press, 1979, p. 280.

²³ Li Ungbing. Outlines of Chinese History. Shanghai, 1914, p. 141.

²⁴ См.: Очерки истории Китая..., с. 212.

Из истории китайской общины на Мадагаскаре

Е. И. Петрова

Исторически сложилось так, что современные независимые государства Тропической Африки формировались не на базе национальной организации. Государственное объединение предшествовало там объединению национальному, что привело к повсеместной внутрисоциальной этнической пестроте. Поэтому национальный вопрос занимает важное место в выработке социально-экономической и культурной политики стран этого региона.

Решение национального вопроса, само по себе достаточно трудное, в условиях африканских стран усложняется присутствием значительного инонационального (иноконтинентального, инорасового) населения. Проблема инонациональных меньшинств выходит за рамки межнациональных отношений, представляя для государства не только самостоятельную, но и дополнительную экономическую, социальную и политическую проблему наряду с собственными сложными и незавершенными процессами национальной консолидации.

Собственно проблема взаимоотношений коренного местного и инонационального населения существовала в некоей подавленной форме еще в условиях колониального господства и регулировалась колонизаторскими методами. После провозглашения независимости она приобретает особую актуальность. Это связано с тем, что независимость, как правило, не устраняет всех последствий колониализма в экономике, социально-этнических и культурно-национальных областях. Обещая более широкие возможности для инонациональных меньшинств, открывая и принципиально новые возможности для местного населения, эта независимость делает весьма вероятной ситуацию конкуренции.

В этой обстановке новое государство часто оказывается в двойственном положении. С одной стороны, оно не может не учитывать экономические позиции тех или иных инонациональных общин, с другой, не может не откликаться на требования африканизации. К тому же ему приходится учитывать традиционное, подчас негативное отношение местного населения к выходцам с других континентов, а также международный резонанс на соответствующие события и отношения. Это далеко не полный перечень факторов, влияющих на действия государства в отношении инонациональных меньшинств. Однако одним из решающих остается фактор, складывающийся из социальной и политической характеристик самой инонациональной общины, ее численности, экономической значимости, условий и особенностей ее формирования и развития, исторического наследия в отношениях с местными народами.

Проблеме инонациональных меньшинств в Тропической Африке посвящена обширная научная литература. И все же эта тема отнюдь не исчерпана, до сих пор не изучены, например, проблемы китайской общины в Африке.

Историография вопроса об азиатских общинах на Мадагаскаре насчитывает лишь несколько работ. Практически все они носят описательный характер¹. Наибольший интерес представляют работы Л. Славецкого², посвященные мадагаскарским китайцам и написанные на базе широкого использования малагасийских архивов.

Интерес, который представляет изучение китайской общины на Мадагаскаре, обусловлен тем, что она составляет менее 1% населения острова, занимает сильные экономические позиции и способна оказывать влияние на экономическую обстановку в стране и внешнеполитическую ориентацию государства.

В этой связи следует отметить, что Пекин, проводящий великодержавный геомонистский проимпералистический курс во внешней политике и рассчитывающий на использование в своих интересах развивающихся стран, сделал общины зарубежных китайцев объектом своего пристального внимания. Руководство КНР заявляет, что китайские эмигранты являются «составной частью китайской нации» и что «судьба

¹ См., напр.: J. Donque. Les minorités chinoise et indienne à Madagascar. — "Revue française d'études politiques africain", 1968, № 26; Tsién Tche-Hao. La vie sociale des chinois à Madagascar. — "Comparative studies in society and history", 1961, vol. 3, № 2.

² L. M. S. Slawicki. French policy towards the chinese in Madagascar. London, 1972; L. M. S. Slawicki. L'origine et la croissance de la communauté chinoise à Madagascar. — "Bulletin de Madagascar", 1969, № 276.

китайцев, проживающих за рубежом, неразрывно связана с родиной»³. Практика «наведения мостов» и вовлечения хуацяо в сферу своих интересов подтверждает недвусмысленное намерение Пекина создать свособразную «пятую колонну» в ряде развивающихся стран.

Иммиграция китайцев на Мадагаскар, продолжавшаяся более столетия, протекала неравномерно, на разных этапах различные причины давали толчок каждой ее новой волне. Первое упоминание о китайцах на острове встречается в книге английского миссионера Уильяма Эллиса, вышедшей в Лондоне в 1867 г.

Во второй половине прошлого столетия китайцы с Маврикия стали распространять свою торговую деятельность на Мадагаскар. В конце XIX в. характер пребывания китайцев на острове несколько изменился. Мадагаскар из периферии стал центром торговой деятельности китайцев, переселившихся сюда с Маврикия. Численность их возросла. Обосновывались они в уже хорошо знакомых маврикийским китайцам местах на восточном и северо-восточном побережье.

Этот поворот, в частности, связан с тем, что подавляющее большинство китайцев эмигрировали из провинции Гуандун и Гонконга. Большая их часть — выходцы из Гонконга — обосновалась на Маврикии (они говорили на диалекте хакка). Меньшинство, прибывшее также на Маврикий из Гуандуна, говорившее на диалекте юэ, в результате разлада с первыми было вынуждено искать себе новое пристанище — на Мадагаскаре. И по сей день китайцы, говорящие на хакка, составляют большинство на Маврикии, в то время как мадагаскарские китайцы говорят на юэ. Китайцев привлекали новые экономические возможности, открывшиеся с началом активной колонизации острова французами.

Когда в 1896 г. Мадагаскар был объявлен французской колонией, характер миграции изменился, уже не торговая деятельность легла в ее основу, а острая нехватка рабочих рук, в частности на строительстве железной дороги от восточного побережья в глубь страны, что заставило колониальную администрацию обратить свои взоры на Восток в поисках дешевой рабочей силы. В 1896—1897 гг. на Мадагаскар были переправлены четыре партии китайских кули общей численностью 3 тыс. человек. Эти операции, как и две последующие, в 1900 и 1901 гг., окончились неудачно. Значительная часть рабочих погибла от голода, болезней, тяжелых условий работы, непривычного климата. Оставшихся в живых приходилось спешно репатриировать⁴.

Дальнейший рост китайской общины происходил за счет свободной эмиграции непосредственно из Китая. В 1909 г. на Мадагаскаре было 512 китайцев, в 1921 г. — 935, в 1931 г. — 1805, в 1941 г. — 3637 человек⁵. Таким образом, численность общины увеличилась с начала массовой иммиграции в шесть раз.

Курс на ограничение иммиграции, в частности введение обязательного письменного разрешения генерал-губернатора на въезд в колонию, привел к резкому сокращению потока иммигрантов на Мадагаскар. В послевоенный период увеличение численности азиатского населения на острове происходит в основном за счет естественного прироста. В настоящее время в Демократической Республике Мадагаскар проживает около 13 тыс. китайцев.

Законом 1925 г. на Мадагаскаре были учреждены конгрегации — объединения китайцев, когда на определенной территории их проживало более девяти человек. Институт конгрегаций, по существу, являлся формой административного контроля за азиатскими общинами.

Глава китайской конгрегации выбирался ее членами, утверждался представителями колониальной администрации и служил связующим звеном с ней. Конгрегация представляет собой замкнутый, недоступный для постороннего мира, в котором осуществляется едва ли не вся социальная жизнь китайцев.

Будучи в основном приверженцами традиционных верований, китайцы не афишируют свои религиозные убеждения. Различные культовые действия, свадьбы, похороны, празднования китайского Нового года проходят в рамках конгрегации — хранительницы китайских традиций.

Важнейшей чертой структуры китайской общины на Мадагаскаре стала клановость. Первичным звеном клановой системы является семья. Разросшийся семейный клан или их объединение создают клан экономический. Клан более высокого порядка — политический, на Мадагаскаре их существует только два.

По мнению Л. Славецкого, начало разъединению на два клана положила ссора между двумя родственниками, породившая отношения соперничества и борьбы за влияние сначала в пределах одного семейства⁶. К каждой из соперничающих групп примыкали все новые и новые сторонники. В результате все китайцы, живущие на Мадагаскаре, оказались разбитыми на два лагеря. Поскольку один из зачинателей

³ Цит. по: Т. М. Котова. Курс Пекина на использование зарубежной китайской буржуазии. — «Проблемы Дальнего Востока», 1978, № 2, с. 108.

⁴ Подробно о китайских кули на Мадагаскаре см.: L. M. S. Sławeckі. French policy..., p. 20—50.

⁵ In: L. M. S. Sławeckі. L'origine et la croissance..., p. 497.

⁶ L. M. S. Sławeckі. French policy..., p. 70.

ссоры — конечно же, не родственной по существу — был верным и преданным членом гоминьдана, другой решил объявить себя противником гоминьдана. Таким образом, в начале 50-х годов появились два «политических клана», по недоразумению именуемые «правым» и «левым».

Гоминьдановская группировка характеризовалась большей политической и социальной активностью. Объясняется это тем, что она представляла собой политическую организацию, в то время как сплоченность противостоящей ей группировки носила скорее традиционный характер. На Мадагаскаре еще в 1921 г. была организована секция гоминьдана и назначен консул гоминьдановского правительства. К ним в конце 40-х годов весьма лояльно стала относиться колониальная администрация, стремившаяся использовать ее явную антикоммунистическую направленность. Политики поддержки гоминьдана и самых тесных связей с Тайванем придерживалось в 60-х годах и правительство Ф. Цирананы.

Так называемая антигоминьдановская группировка стала объектом оживленной пекинской пропаганды. В конце 40-х годов среди китайцев Мадагаскара возникли первые коммунистические ячейки, а затем все чаще стали появляться изданные в Пекине брошюры, распространялись тайные послания, возросло число слушателей пекинского радио. Ф. Циранана даже пригрозил членам этой общины высылкой из страны «за ведение подрывной деятельности»⁷.

Гоминьдановцы проводили кампании сбора средств в помощь режиму Тайбэя, издавали до недавнего времени единственную газету китайцев на Мадагаскаре, первыми в 1930 г. открыли китайскую школу в городе Таматаве. Позже была организована и школа антигоминьдановски настроенных китайцев.

Разные китайские школы, являющиеся следствием политического разделения, воспроизводят это разделение и в новых поколениях. Впрочем, сейчас наблюдается ослабление этого «воспроизводства», связанное с новыми существенными изменениями, происходящими в китайской общине и стране в целом.

Если раньше китайская община была расколота на две части вертикально, то теперь наметился раскол по горизонтали на два пласта. Молодые китайцы, совершенно не связанные со своей далекой родиной, с ослабленными старопатриотическими установками, предрассудками и идеалами, воспитаны в иных условиях и гораздо более открыты, восприимчивы и мобильны, настроены на универсализацию жизнедеятельности.

Эти стремления обусловлены, на наш взгляд, несколькими причинами политического, экономического и социального характера. В свете событий, происшедших за последние пятнадцать лет на континенте и в Малагасийской Республике, граждане азиатского происхождения не исключают возможности выезда из страны и стремятся получить знания, навыки и профессию, которые могли бы им пригодиться на новом месте, хотя это лишь более или менее вероятная перспектива, а не устойчивое намерение.

Экономическая основа переориентации молодежи заключается в том, что проводимая правительством малагасизация экономики делает значительно труднее путь китайца к успеху в сфере торговли, ранее почти полностью зарезервированной за ним. Возможность попробовать свои силы в других областях (в промышленности, на государственной службе и т. д.), предоставленную независимостью, им осуществить нелегко. Дело в том, что традиционный характер и низкий уровень обучения в китайской школе, невозможность получить в ней современное, в частности техническое, образование делают выпускника такой школы не способным конкурировать с выпускником франко-малагасийской школы. Но с завоеванием независимости мадагаскарские китайцы получили такую важную социальную возможность, как обучение во франко-малагасийских средних учебных заведениях. Таким образом, многие молодые люди сталкиваются с дилеммой: или учить китайский язык в китайской школе и затем продолжать отцовское «дело», или попытаться преуспеть в нетрадиционных сферах деятельности, получив образование в государственной школе или профессионально-техническом училище.

Впрочем, для многих молодых китайцев проблема выбора встает только тогда, когда они уже достаточно взрослые, чтобы судить об этом, но и уже слишком взрослые, чтобы переучиваться. В этих условиях некоторые вынуждены обращаться к специальностям, которыми они в состоянии овладеть сами: ремонт электрооборудования, автомобилей и т. д.

Конъюнктура и компромисс — основа социального поведения китайца-иммигранта, и если политическая и экономическая конъюнктура для него отправная точка в любом деле, то решение — всегда компромисс.

Китайская община представляет собой в известной степени «открытую» систему, что на первых порах было обусловлено исторически и демографически. По переписи 1904 г., на Мадагаскаре проживало 452 китайца, среди которых было только 6 женщин. И хотя женитьба на китайке была для китайца предпочтительнее, отсутствие их вынуждало заключать браки с малагасийками. Необходимость в адаптации, под-

⁷ L. M. S. Slawicki. Two Chinas in Africa. — "Foreign affairs", 1963, vol. 41, № 2, p. 400.

крепленная их национальной и религиозной терпимостью, развившейся вне Китая, и стремление к этой адаптации выразились в том, что китайцы продолжали жениться на малагасийках, даже когда было достигнуто равновесие. Получившая же в последнее время практика официальной регистрации браков, существующая уже два-три десятилетия, диктуется соображениями иного порядка. Перед лицом возможных перемен наименее радужной для китайца представляется перспектива покинуть «насиженное» место и отправиться в неизвестность. В этой ситуации он вновь приходит к компромиссу. Оставляя за собой китайское или тайваньское гражданство, которое имеет по большей части символический смысл и олицетворяет верность прародине и праотцам, китайцы одновременно обретают статус не как собственно эмигранты — нечто инородное, а как главы малагасийских семей.

В то же время китайская община «открыта» лишь в той мере, в какой этого требует экономическая или политическая конъюнктура. Сама по себе она замкнутый, недоступный для постороннего мир. Метис, признанный общиной, часто посещает китайскую школу, некоторым даже удается получить высшее образование. В 1964 г. из 34 учившихся на Тайване мадагаскарских китайцев двое были метисы⁸. Положение метисов все же остается двойственным: они могут стать официальными представителями — главами конгрегаций, но не могут быть учителями в китайской школе.

Метисы, или синю-мальгаши, численность которых сейчас достигла 14 тыс., хотя и не могут полностью влиться в китайскую общину, остаются одним из каналов распространения китайского влияния на острове, тем более что метис в отличие от китайца очень часто имеет малагасийское гражданство. Зять бывшего президента ДРМ Ф. Цирананы, метис, был советником по иностранным делам в канцелярии президента. Однако китайцы обычно не внедряются в государственный аппарат страны.

Основная масса китайцев занята в мелкой и розничной торговле городов и сельских районов. Они, как правило, совмещают торговлю с ростовщичеством и перепродажей сельскохозяйственных продуктов. Владельцы сельских лавок снабжают население предметами первой необходимости: солью, сахаром, мукой, керосином, мылом, одеждой и т. п.

Китайцы-горожане заняты в основном в бакалейной торговле. Среди них встречаются владельцы отелей и ресторанов. В колониальный период китайцы занимали по доходам среднее положение между европейцами и местным населением. В экономической структуре колониального общества иммигранты составляли промежуточное звено. Они сохранили свои экономические позиции и после провозглашения независимости. В конце 60-х годов китайцам принадлежало около 2 тыс. различных предприятий. Китайская община на Мадагаскаре не знает сильной социально-экономической поляризации. Подавляющее большинство китайцев, эмигрировавших на Мадагаскар, составляли торговцы, и перед ними практически не было альтернативы в выборе занятий.

Китайские иммигранты, во всяком случае большинство из них, рассматривали эмиграцию как способ заработать деньги (как можно больше и быстрее), чтобы безбедно существовать по возвращении на родину. Оптимальным средством достижения этой цели была, конечно, торговля. Считая свое пребывание на Мадагаскаре временным, китайцы поначалу не стремились прочно обосноваться здесь, они вообще не приобретали землю.

По данным на 1951 г., китайцев в торговле было 2181, в промышленности — 41, в сельском хозяйстве и рыболовстве — 39, в транспорте — 12, в педагогической деятельности — 7, в армии — один человек⁹, 93,6 % всего самостоятельного китайского населения (2320 человек) было занято в сфере коммерции.

Другая причина заключается в том, что китайцы с самого начала были экономически тесно связаны с французами, функционируя под их эгидой. Тесную связь и зависимость китайцев от экономической деятельности французов продемонстрировали еще данные за 1896 г., по которым из 50 китайцев, осевших к тому времени на Мадагаскаре, 10 жили на Нуси-Бе, 30 — в Диего-Суаресе, а остальные — на восточном побережье¹⁰, то есть в районах, находившихся под контролем Франции еще до 1895 г.

Французов очень устраивала роль посредников, которую играли при них китайцы, что давало возможность контролировать развитие китайского бизнеса. Китайцы в своих экономических операциях ограничивались теми местными европейскими фирмами и предприятиями, с которыми изначально сотрудничали. Китайцы не могли выйти на прямые контакты с иностранными фирмами или самостоятельно проводить крупные торговые операции. Путь в большой бизнес им был практически закрыт. Они так и не смогли создать мощные корпоративные организации, крупные экспортно-импортные фирмы или торговые дома.

Третья причина отсутствия сильной социальной дифференциации в китайской общине связана с ее важнейшими внутренними особенностями, в частности наличием

⁸ In: L. M. S. Sławeck i, *French policy...*, p. 60.

⁹ *Ibid.*, p. 43.

¹⁰ In: L. M. S. Sławeck i, *L'origine et la croissance...*, p. 495.

ем общинной солидарности как основы отношений уравнительной поддержки и взаимопомощи.

В политическом плане мадагаскарские китайцы внешне индифферентны. За исключением сино-мальгашей, они не играют видимой роли на внутривнутриполитической арене, но не скрывают своих внешнеполитических симпатий. Они являются постоянным каналом обратного воздействия Пекина или Тайбэя на саму общину. Если же учесть значительную прослойку сино-мальгашей, которые в отличие от «чистых» китайцев принимают деятельное участие в общественной жизни страны, то это воздействие осуществляется и на страну в целом.

Умение и желание китайцев адаптироваться в местных условиях, тенденция к принятию китайцами малагасийского гражданства, наличие связующего звена между китайцами и местным населением — сино-мальгашами, отсутствие антагонизма по отношению к китайцам со стороны местного населения делают позиции китайцев на острове сравнительно прочными.

Руководство Пекина и власти Тайбэя всеми силами стараются привлечь на свою сторону как можно больше сторонников из числа хуацяо. Они не оставляют без внимания и Мадагаскар — «африканский остров», занимающий важное стратегическое положение в Индийском океане.

Колониальная администрация Мадагаскара, равно как и ее прямой наследник, первый президент страны Ф. Циранана, поддерживала самые тесные связи с Тайванем. Мадагаскар первым из африканских государств открыл в 1964 г. свое посольство в Тайбэе. В январе того же года, когда Франция установила дипломатические отношения с КНР, Ф. Циранана, слывший самым верным и преданным сторонником и последователем французской политики, выступил с заявлением, где, в частности, говорилось: «Если Франция признала Коммунистический Китай, то для этого, видимо, были свои причины. Но в первый раз я не последую примеру генерала де Голля. Мадагаскар считает, что признание пекинских лидеров будет противоречить его интересам»¹¹.

К слепому антикоммунизму Цирананы примешивалось вполне практичное суждение. Он вовремя вспомнил о существовании на Мадагаскаре сильной китайской общины, которая, как он предполагал, способна стать не только объектом пекинской пропаганды, но и проводником идеи китайского гегемонизма.

Совершенно недвусмысленно высказался по этому поводу министр иностранных дел правительства Цирананы, отвечая на вопрос, разумно ли не признавать КНР с его огромным населением: «Мы видим в Китае воинственную и империалистскую нацию. Знаете ли вы, что Пекин считает Мадагаскар чуть ли не провинцией Китая? Главной задачей малагасийских вооруженных сил даже объявлялось «предотвращение возможного нападения вражеской силы» — в первую очередь китайской»¹².

Пришедшее в 1972 г. к власти новое правительство Мадагаскара, провозгласившее курс на социалистическое развитие страны, разорвало связи с Тайванем и установило в 1972 г. дипломатические отношения с КНДР, ДРВ и КНР, а в 1974 г. подписало в Пекине экономическое, техническое и торговое соглашение с Китаем. Развернувшаяся после этого активная маоистская пропаганда оказала влияние не только на местных китайцев, но и на определенные малагасийские политические силы. Профессор социологии Манандафи Ракутунирина, основавший движение МФМ, которое на малагасийском языке расшифровывается как «Маленькие люди у власти», заявил в те дни: «Мы не возражаем против эпитета «маоист», если он применяется в смысле «сторонник власти, исходящей из низов, и непримиримый противник всякой бюрократии»¹³.

Что же касается собственно китайской общины на Мадагаскаре, то в силу указанных выше исторических причин мадагаскарские китайцы до 70-х годов больше тяготели к Тайбэю, чем к Пекину.

Установление дипломатических и экономических отношений с КНР было позитивно воспринято не только той частью китайцев, которые и ранее симпатизировали Пекину. Сказалось то обстоятельство, что практически все местные китайцы являются потомками выходцев из южного Китая — части современной КНР.

Со своей стороны Пекин ориентируется не только на реальных, но и на возможных союзников из числа хуацяо. В программной статье заместителя председателя Постоянного комитета ВСНП Ляо Чэнчжи прямо указывается: «Нам следует вести работу даже среди тех, кто еще питает недоверие к родине и выступает против нас, с тем чтобы по мере возможности превратить пассивные факторы в активные»¹⁴.

¹¹ «Monde», 23.I.1964.

¹² «Jeune Afrique», 2.XII.1968, № 414.

¹³ «Monde», 23.I.1973.

¹⁴ «Жэньминь жибао», 7.III.1978.

Внешняя политика СССР на Дальнем Востоке

(сентябрь 1939 — июнь 1941 гг.)

Проблемы советской внешней политики в первые годы второй мировой войны, накануне Великой Отечественной войны, привлекают особое внимание советской исторической науки, во-первых, потому, что это был один из наиболее сложных периодов деятельности советской дипломатии, и, во-вторых, поскольку в отношении этого периода западными буржуазными историками распространяется масса лжи и фальсификации, имевшей своей целью оклеветать внешнюю политику Советского Союза. Объективный и лучший показ деятельности советской дипломатии позволяет сделать вывод о рациональности внешнеполитических шагов Советского правительства в тех сложных условиях и убедительно разоблачить вымыслы буржуазных фальсификаторов истории международных отношений того периода.

К числу научных исследований, в которых глубоко и всесторонне проанализирован названный период в советской дипломатической деятельности, относится рецензируемая работа П. П. Севостьянова*. В работе комплексно рассмотрена борьба Советского Союза за обеспечение безопасности всех своих границ в период с сентября 1939 по июнь 1941 г.; при этом большое внимание уделено борьбе Советского Союза за безопасность и ослабление угрозы японского милитаризма на Дальнем Востоке и оказанию

советской поддержки Китаю в его войне против японской агрессии.

В начальный период второй мировой войны борьба за обеспечение безопасности нашей страны на Дальнем Востоке была одним из важнейших направлений внешнеполитической активности СССР. Дело в том, что на протяжении всего этого периода западные державы толкали Японию на войну с Советским Союзом. По своей значимости и масштабности задачи внешней политики СССР на Дальнем Востоке немногим уступали тем задачам, которые решались советской дипломатией на ответственных политических направлениях в Европе. Основные задачи советской дипломатии на этом участке носили многоплановый характер и состояли в том, чтобы не допустить агрессии Японии против СССР, предотвратить объединение империалистических группировок на антисоветской основе, оказывать всемерную поддержку Китаю в японо-китайской войне, в то же время не поддаваясь на попытки китайского правительства столкнуть СССР с Японией, и, наконец, используя межимпериалистические противоречия, ослабить антисоветскую основу сотрудничества между милитаристской Японией и фашистской Германией.

«Главным в подходе СССР и милитаристской Японии к проблеме сдерживания и предотвращения ее агрессии против Советского государства, — отмечает автор, — было стремление ослабить угрозу японского милитаризма политическими средствами и добиться по возможности более конструктивных отношений с Японией в сочетании с твердым отпором антисоветизму Токио во всех его проявлениях» (с. 55). Милитаристская Япония в конце 30-х годов дважды пыталась военной силой проверить надежность границ Советского Союза на Дальнем Востоке и оба раза получила сокрушительный отпор. Исход военного конфликта на Халхин-Голе был вкладом СССР в срыв «мюнхенской политики» западных держав в Азии.

Особую роль для СССР в 1939—1941 гг. имел братский союз с Монгольской Народной Республикой, с которой Советский Союз договорился о взаимной помощи в случае агрессии на одну из сторон. СССР и Монголия, борювшиеся совместно за нормализацию международных отношений на

* П. П. Севостьянов. Перед великими испытаниями: Внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны. Сентябрь 1939 г. — июнь 1941 г. М., Издательство, 1981, 367 с.

Дальнем Востоке, в то же время совместными усилиями укрепляли оборону Монголии.

В качестве большой заслуги советской дипломатии в работе П. П. Севостьянова оценивается умелое использование ею противоречий в лагере германо-японской группировки для достижения во второй половине 1939 г. такого положения, когда Германия, будучи главным потенциальным противником СССР в Европе, подталкивала Японию, главного потенциального противника СССР в Азии, к стабилизации отношений с нашей страной (с. 266). Это явилось следствием укрепления безопасности СССР на Западе и заключения советско-германского пакта о ненападении. Правда, позднее, в 1940 г., начав практически готовиться к войне против СССР, фашистская Германия изменила свою тактику и стала добиваться поддержки японских милитаристов в подготовке войны против Советского Союза.

В работе П. П. Севостьянова ясно прослеживается два противоположных подхода к агрессивным действиям японского милитаризма на Дальнем Востоке — последовательная и настойчивая борьба Советского Союза против агрессивной активности Японии и «умиротворение» ее со стороны западных стран на антисоветской основе.

Советская дипломатия стремилась материализовать применительно к азиатскому очагу военной угрозы идею коллективной безопасности. Как известно, Англия и США не выразили согласия с советской идеей, выдвинутой в 1933 г., о заключении Тихоокеанского пакта — коллективной политической преграды развитию экспансионизма Японии. Ни одна из западных держав не выступила совместно с СССР в поддержку Китая, ставшего летом 1937 г. жертвой японской агрессии. Что касается Советского Союза, то он оказал Китаю существенную экономическую и военную помощь, включая направление в Китай советских военных специалистов — добровольцев. В тот же период США и Англия добились на Брюссельской конференции (ноябрь 1937 г.), обсуждавшей положение в Восточной Азии, отклонения предложения СССР применить против Японии коллективные санкции Лиги Наций. В июле 1939 г. в Токио было подписано соглашение, по которому Англия признавала захват Японией в Китае и обязывалась не препятствовать осуществлению японскими войсками своих намерений в Китае. В Париже также отказались от прежней политики поддержки Китая.

Период 1939—1941 гг. был для Англии и Франции (до ее поражения), по определению автора, «временем активного продолжения политики «дальневосточного Мюнхена» (с. 263). Что касается США, то они связывали свои главные расчеты с перспективой развития японской экспансии против СССР. Даже активизацию экспансии Японии в южном направлении в Вашингтоне первоначально рассматривали как стремле-

ние Японии завладеть стратегическими ресурсами для осуществления агрессии против СССР. В серьезной поддержке Китаю Вашингтон отказал.

Благодаря готовности Советского правительства в интересах безопасности страсти вести широкий диалог с Японией в 1939—1940 гг. удалось добиться договоренности между СССР и Японией по целому ряду торгово-экономических и политических вопросов, в частности по вопросам рыболовства, улаживания выплаты Японией взноса за КВЖД, урегулирования пограничной линии между МНР и Манчжоу-Го в районе конфликта и заключения пакта о нейтралитете между СССР и Японией. Договоренности с Японией по всем этим проблемам удалось добиться благодаря принципиальной и твердой позиции советской дипломатии, гибко использовавшей как интересы японских деловых кругов, так и межимпериалистические противоречия капиталистических стран. Заключение 13 апреля 1941 г. пакта о нейтралитете между СССР и Японией означало полный крах политики «дальневосточного Мюнхена», угрожавшей интересам не только СССР, но также Китая и других стран Азии. «Заключение пакта о нейтралитете между СССР и Японией», пишет П. П. Севостьянов, — наносило мощный удар по планам гитлеровцев, актив готовивших нападение на СССР. В определенной мере по своему практическому эффекту пакт с Японией оказывал на Германию такое же воздействие, как полтора года назад советско-германский пакт о ненападении оказал на Японию, — подрыв единства держав-агрессоров в отношении СССР» (с. 287—289).

Вместе с тем подписание пакта о ненападении не означало полного устранения японской агрессии, поэтому правительство СССР на протяжении всех последующих лет, вплоть до разгрома гитлеровцев, ослабляло своей бдительности на Дальнем Востоке. Важно отметить, что пакт о нейтралитете не отразился на развитии советско-китайских отношений, которые определялись предоставлением со стороны СССР восточной военной, финансовой и другой материальной помощи китайскому народу в борьбе с агрессивной японской милитаризацией. Этому вопросу уделено много места в работе.

Опыт политики СССР на Дальнем Востоке периода 1939—1941 гг., в преддверии Великой Отечественной войны, помогает глубже понять дальновидность нынешней политики Советского Союза по противодействию гегемонистским устремлениям Пекина и реакционным проимпериалистическими кругами Японии. Работа П. П. Севостьянова является хорошим пособием для всех тех, кого интересует история международных отношений и внешней политики СССР на Дальнем Востоке.

С. Л. Тихвинский,
академик

Актуальные проблемы современной Японии

Советскими учеными создан новый труд по современной Японии, являющийся глубоким исследованием большого круга принципиальных проблем экономического и политического развития нашего дальневосточного соседа*.

Авторский коллектив книги «Япония», изданной в серии «Современный монополистический капитализм», осуществил свое исследование, исходя из общезвестного факта превращения Японии наряду с США и западной Европой в один из основных центров империалистического соперничества. Место Японии в современном мире кратко и наглядно показано в первой главе монографии (автор — Д. В. Петров).

Основной акцент авторы новой книги сделали на выявлении характерных особенностей развития Японии в 70-е годы. Сравнение с 60-ми годами, неоднократные обращения к другим периодам послевоенной истории Японии, рассмотрение явлений этой страны на фоне изменений в современном капиталистическом мире, в его главнейших тенденциях, — все это позволило довольно ясно и рельефно охарактеризовать нынешнюю экономическую и социальную структуру, результаты, проблемы и противоречия внутренней и внешней политики Японии.

Наибольшее место в монографии отведено анализу японской экономики. Я. А. Певзнер, Е. А. Пигулевская, В. К. Зайцев, Л. Леонтьева, Ю. С. Столяров и Б. П. Семенов тщательно рассмотрели процесс концентрации производства и монополистическую структуру, механизм государственного монополистического регулирования экономики, основные черты и противоречия производственного процесса, а также характер внешнеэкономических связей.

Разностороннее изображение японских производительных сил в их динамике не только дает картину их нынешнего состояния, но и позволяет представить направление и общие перспективы будущего развития. За три послевоенных десятилетия был создан новый производственный потенциал, накоплены крупные средства производства и соответствующие им ресурсы квалифицированной рабочей силы, необходимый научно-технический и организационный опыт. Многие отрасли японской промышленности отвечают самым современным требованиям науки и техники. Произошло существенное изменение структуры обрабатывающей промышленности со структурой ее в США, нынешние различия между этими двумя странами «находятся в пределах двух близких, но типичных структур промышленности»

(с. 41). Близко подошла Япония к другим развитым капиталистическим странам и по соотношению крупных отраслей в структуре валового национального продукта.

Однако заняв в капиталистическом мире второе место по объему ВВП и промышленного производства, Япония далеко не во всем сравнялась с ведущими странами этого мира. Авторы книги указывают, в частности, что Япония еще не преодолела «технологический разрыв» с другими развитыми странами, так как в ее хозяйстве сохранился большой слой мелкого производства, снижающего в целом общий уровень производительности труда. Остается трудоемким, с относительно низкой производительностью труда и более высокими издержками, чем в других капиталистических странах, сельское хозяйство Японии.

По мере выхода Японии в ряд ведущих держав капиталистического мира перед ее экономикой возникали новые проблемы. В книге справедливо обращается внимание на то, что ускоренное превращение Японии в один из главных очагов индустрии, в одну из главных стран-экспортеров «во многом опиралось на дешевизну и доступность сырьевых и топливно-энергетических ресурсов» (с. 42). В этих благоприятных условиях, развивая обрабатывающую промышленность, Япония, не имеющая собственной сырьевой базы, сосредоточила на своей территории все циклы и стадии его переработки. Но дешевизна сырья и энергоресурсов ушла в прошлое.

Постепенно сходит на нет и такой фактор, как низкий уровень заработной платы в стране, обеспечивавший в значительной мере высокую международную конкурентоспособность японской продукции. Япония перестала быть единственной среди промышленно развитых капиталистических государств страной с дешевой рабочей силой.

Возникла необходимость перестройки отраслевой структуры, ликвидации проблем, связанных с диспропорциями в территориальном размещении производительных сил, с загрязнением окружающей среды, с переходом от экстенсивного к интенсивному пути использования трудовых ресурсов, от преимущественно трудоемкого к капиталоемкому варианту развития. Семидесятые годы, констатируется в книге, стали переломным периодом на всем пути послевоенного развития экономики Японии, и это выразилось прежде всего в переходе от высоких к умеренным темпам роста.

Интересные наблюдения сделаны в книге в связи с анализом процесса концентрации производства и изменений в монополистической структуре. В Японии крупные предприятия с числом занятых свыше 1 тыс. составляют лишь 0,1 % всех предприятий, но они концентрируют 15 % занятых, 26 % отгруженной и 24,9 % чистой продукции, занимают доминирующие позиции в ключевых отраслях (с. 77). Япония незначительно отстает от США по масштабам крупных производственных единиц в черной металлургии, электротехнической, автомобильной, нефтехимической промышленности. Но быстрый рост промышленности в 60-х годах

* Япония. Отв. ред. Я. А. Певзнер, Д. В. Петров, В. Б. Рамзес. М., «Мысль», 1981, 430 с.

происходил не только за счет крупных предприятий, но и за счет мелких и средних.

Высокого уровня достигла в Японии концентрация капитала, причем с конца 60-х годов многие японские фирмы встали на путь слияния, которое охватило даже крупные корпорации. Результатом крупномасштабных слияний явилось усиление к началу 70-х годов позиций японских корпораций по отношению к западноевропейским и американским. В 1979 г. уже 74 японские корпорации находились среди 300 наиболее крупных неамериканских корпораций, а шесть входили в состав крупнейших корпораций мира (с. 86).

В книге рассматриваются некоторые последствия господства монополий, в том числе их влияние на ценообразование. Выявляя механизм формирования монопольных цен, позволяющий могущественным корпорациям присваивать часть прибавочной стоимости, создаваемой на других предприятиях, автор отмечает, что монополистический контроль над ценами и ослабление (но отнюдь не полное вытеснение) ценовой конкуренции стали характерной чертой японского рынка.

Среди различных форм монополистического предпринимательства отмечается возрастание роли финансовых групп как объединений, обладающих относительно устойчивыми связями и финансовой мощью. Именно на уровне финансовых групп (могущественная шестерка: «Мицубиси», «Мицубиси», «Сумитомо», «Фуэ», «Санва» и «Дайити — Кангэ»), как отмечается в книге, принимаются важнейшие стратегические решения по вопросам инвестиций, цен, организации производства, социальной политики, взаимоотношений с государственным аппаратом и политическими партиями и др. Естественным следствием развития монополистической структуры является дальнейшее интегрирование в него государства.

Исследование новейших изменений в монополистической структуре привело авторов монографии к выводу о дальнейшей громадной концентрации экономической мощи и возрастании «власти финансовых олигархий, монополизировавшей и узурпировавшей все выгоды развития кооперированной формы процесса труда и достижений научно-технического прогресса» (с. 121).

Как отмечается в книге, государство, поддерживая монополистическую собственность и опираясь на нее, «постоянно стремится к тому, чтобы с помощью регулирования предотвратить возрастающий разрыв между общими интересами монополистического капитала и узкокоммерческими интересами отдельных монополий» (с. 122).

При несомненном усилении роли государственной администрации и государственного предпринимательства основная регулирующая функция государственно-монополистического экономического аппарата все же лежит не в сфере административной деятельности, а в области перераспределения национального дохода средствами финансовой и кредитной политики. ГМК принес с собой расширение сферы функционирования финансово-кредитной системы, которая

в настоящее время имеет задачей не только финансирование государственного аппарата как политического орудия буржуазии и «многогранную поддержку воспроизводственного процесса» (с. 140).

Сравнительно новым для капиталистической экономики феноменом является государственное программирование и прогнозирование. Оно направлено на общее укрепление государственно-монополистического капитализма и снижение остроты социальных конфликтов. Государственная политика Японии подчинена интересам монополистического капитала. Но именно это и определяет ограниченность государственного программирования. Практика его применения свидетельствует о том, что возможности капиталистического государства с точки зрения учета проблем социального благосостояния «ограничены классовыми интересами буржуазии, переступить которые невозможно, не порождая при этом непосредственной опасности самому существованию капиталистического строя» (с. 159). На основе анализа экономической политики японского государства в 70-е годы авторы приходят к следующему заключению: непрерывно растущая объективная необходимость государственного регулирования опережает возможности ГМК; успехи, достигнутые в развитии научно-технической базы планирования, могут принести свои плоды только на основе радикальных преобразований общественных отношениях.

В монографии исследуется специфика циклов и кризисов в послевоенной японской экономике. При этом подчеркивается, что растущая интернационализация хозяйственных отношений в капиталистическом мире вносит свои коррективы в экономический цикл в Японии. С этим связывается необычное течение кризиса 1974—1975 гг. В этот кризис, считают авторы, циклические фазы переплелись с проявлениями длительных структурных диспропорций в развитии японской экономики и глубокого структурного кризиса мировой капиталистической экономики. Вступление в действие новых факторов, среди которых одним из главных названо резкое обострение энергетической и сырьевой проблемы, придало кризису особенно глубокий и затяжной характер.

С учетом возрастания влияния внешних экономических факторов на экономическое развитие Японии правомерно включение в монографию специальной главы о внешних экономических связях. В ней выявлены особенности японской внешней торговли, обрисована география внешнеэкономических связей, анализируются тенденции зарубежных инвестиций Японии. Много места отводится рассмотрению валютных проблем, охарактеризована роль государства во внешнеэкономических связях.

Опираясь фактами, авторы доказывают, что зависимость Японии от внешних рынков, несмотря на перемены в структуре внешней торговли, будет расти, а ее торговые противоречия с другими капиталистическими странами переместятся на другие товары. При этом произойдет дальнейшее развитие специализации и кооперирования

производства японских монополий с монополиями других империалистических стран.

Одним из важнейших направлений внешнеэкономической экспансии японского империализма стало инвестирование за рубежом, вывоз капитала. Предпринимательскую деятельность за рубежом активизируют, сталкиваясь с серьезными трудностями на внутреннем рынке, крупнейшие монополии до начала 70-х годов в заграничном инвестировании Японии основное место занимали средние и даже мелкие промышленные, а также универсальные торговые компании. Сформировался ряд японских международных монополий с глобальными экономическими интересами. (Можно было бы ожидать, что тема формирования транснациональных компаний, их деятельности в Японии и за рубежом получит в монографии значительное развитие. К сожалению, так не случилось. Это один из заметных недостатков книги.)

Анализ состояния и тенденций внешнеэкономических связей логически подводит к прогнозированию неизбежности дальнейшего усиления столкновения между интересами Японии и интересами двух других центров империалистического соперничества — США и стран ЕЭС.

Большая работа по исследованию социально-классовой структуры проделана в монографии автором главы седьмой. В. Б. Амзес кратко и вместе с тем наглядно продемонстрировал методику своих расчетов, результатом которых стало выявление основных направлений социальных сдвигов, изменений в классовой структуре японского общества. Автор опровергает утверждение официальной японской пропаганды о перестройке Японии в «бесклассовое государство всеобщего благосостояния», указывая на углубление поляризационных тенденций, продолжающийся и усиливающийся раскол японского общества на ничтожную горстку эксплуататоров и десятки миллионов эксплуатируемых. По его расчетам (табл. 46), в 1975 г. доля пролетариата в самостоятельном населении Японии составила 59,8 % (в 1965 г. — 56,1 %), промежуточных слоев, к которым автор относит административно-управленческий персонал капиталистического хозяйства, работников служб охраны порядка и полупролетарский слой сельских собственников, — 9,2 % (7,7), мелкой буржуазии — 24,6 % (31,4) и буржуазии — 8,4 % (4,1).

Интересны содержащиеся в той же главе наблюдения о кризисе традиционной системы отношений между трудом и капиталом, основывающейся на использовании для целей производства особенностей японского социально-бытового уклада, религиозных и этических норм, что выражалось прежде всего в насаждении на предприятиях атмосферы фиктивного родства по подобию феодальных семей-кланов.

В монографии характеризуются условия труда и уровень жизни трудящихся, указываются основные направления борьбы японских профсоюзов за улучшение положения трудящихся (глава восьмая, автор — Н. Хлынов), отмечается возрастание по-

литической активности различных слоев городских и сельских жителей.

В еще одной главе того же автора, посвященной проблемам внутренней политики, исследуется расстановка политических сил в стране. В ней говорится, что в 70-х годах создалась объективно благоприятная обстановка для широкого и интенсивного наступления демократических сил; конфронтация между силами демократии и реакции проявилась по самому широкому кругу проблем, борьба за демократию и социальный прогресс вышла за рамки разовых единичных действий и приобрела характер постоянных выступлений, направленных своим острием против господства монополий.

Автор главы дает позитивную оценку разработке Коммунистической и Социалистической партиями конкретных программ экономического развития Японии как «основы демократической альтернативы господству монополий». «Отражая реальные планы перестройки японской экономики в условиях капитализма, они предусматривают осуществление комплекса демократических преобразований, направленных на ограничение власти монополий и улучшение положения трудящихся» (с. 327).

К сожалению, в монографии отмечаются только предложенные КПЯ и СПЯ направления перестройки экономики — в сторону большего учета интересов трудящихся, а пути и методы, которыми эти партии намерены добиться такой перестройки, не анализируются. Что же касается среднесрочных экономических программ, разработанных центристскими партиями оппозиции, то они лишь упоминаются. Все это затрудняет понимание перспектив осуществления альтернативных предложенной оппозиции.

Заключительная глава монографии (автор — Д. В. Петров) содержит анализ внешней политики Японии. Характерными чертами японской дипломатии в 70-е годы автор считает: 1) резкое возрастание в ней экономического фактора (дипломатия нацелена в первую очередь на обеспечение наиболее благоприятных условий для экспансии монополий, все шире применяются экономические средства и методы внешнеполитической борьбы); 2) упорное наращивание усилий по стабилизации империалистической системы в целом; 3) углубление и закрепление глобального характера внешней политики (особенно путем активного участия в совместных действиях империалистических держав); 4) сохранение и развитие тесных связей с США, значительное повышение их уровня и расширение объема при существенном увеличении роли и функций Японии в американской военно-стратегической системе в Азии; 5) углубление противоречия между официально провозглашаемым курсом на развитие по пути мира и отказа от применения вооруженной силы и реально проводимой в Японии политикой ремилитаризации и наращивания военного потенциала (с. 334—337). Подмеченные черты японской дипломатии подтверждаются в книге большим фактическим материалом.

Вполне правомерно, что в специальном разделе главы о внешней политике анализи-

руется нынешняя кампания за перевооружение Японии. Правящие круги разрабатывают и всячески пропагандируют систему аргументов в пользу милитаризации, планомерно проводят курс на создание материальных, организационных, правовых и психологических условий, которые должны обеспечить в дальнейшем развертывание в кратчайшие сроки мощных вооруженных сил. Добиваясь создания правовой базы более интенсивной милитаризации страны путем пересмотра конституции, запрещающей иметь вооруженные силы и обращаться к войне как средству политики, правящие круги Японии наращивают военный потенциал «явочным порядком». Об этом свидетельствуют, в частности, непрерывно возрастающие темпы увеличения военных расходов. Если в США они возросли в 1979 г. по сравнению с 1960 г. в 2,4 раза, в ФРГ — в 8,1 раза, во Франции — в 4,9 раза, в Англии — в 3,8 раза, то в Японии — в 13,1 раза (с. 342). Отсюда делается вывод, что курс на широкую милитаризацию является совершенно четко определенной тенденцией в политике Японии.

Процесс милитаризации в Японии тесно связан с военно-стратегическими концепциями и внешнеполитическим курсом США. Японские правящие круги надеются, что увеличение военной мощи приведет к укреплению позиций Японии в рамках военно-политического союза с США, расширит возможности достижения собственных целей в торге с их союзником и в то же время самым мощным и опасным конкурентом. Однако их курс приводит в противоречие с долгосрочными национальными интересами, на практике означает «дальнейшее втягивание Японии в американскую военно-стратегическую систему и ограничение свободы политического маневрирования» (с. 338).

Заметим в этой связи: такое развитие событий отнюдь не способствует обеспечению ни военной, ни экономической безопасности Японии. Авантюристический, агрессивный характер внешней политики американского империализма может поставить страну перед опасностью вовлечения в вооруженные конфликты, нанести ущерб японским экономическим интересам в самых разных регионах мира, в том числе в тех странах, которые являются важнейшими поставщиками сырья и энергоресурсов. Именно так, например, случилось с Японией во время конфликта США с Ираном, продолжающегося до сих пор. В Японии должны видеть и еще одно важное обстоятельство: настойчиво требуя от Японии непрерывного наращивания военных расходов, американские правящие круги возлагают надежды на то, что это ослабит ее позиции в торгово-экономическом соперничестве с США.

В монографии предпринята попытка выявить мотивы сближения между Токио и Пекином. В частности, констатируется, что правящие круги Японии «стремятся путем развития связей с Китаем не только обеспечить интересы деловых кругов страны, но и добиться достижения своих внешнеполи-

тических целей. Здесь на первом месте стоят расчеты на то, чтобы с помощью более тесных отношений с КНР и привязывания китайской экономики к экономике Японии закрепить пекинское руководство на его антисоциалистических, антисоветских позициях, тем самым ослабить социалистическую систему в целом, использовать Китай в долговременном плане как важнейшего союзника империализма в его конфронтации с силами мира и социализма» (с. 381). Немаловажную роль играет тот факт, что руководство КНР сомкнулось с японской реакцией в самых острых проблемах политической жизни Японии, официально поддерживая японско-американский военный союз, курс на милитаризацию страны, против которых ведут борьбу демократические силы.

Япония предпринимает конкретные шаги по согласованию своей деятельности на международной арене не только с американским империализмом, но и с пекинскими гегемонистами. Это наглядно видно из многих фактов японской внешней политики. Справедливо указывается, в частности, что японская политика в отношении социалистического Вьетнама практически полностью подчинена «задачам военного союза с США и далеко идущим целям сближения с Китаем» (с. 376). Такого рода японо-китайское сближение ведет лишь к дестабилизации международно-политической обстановки в Азии.

Вместе с тем между Японией и КНР остается много глубоких противоречий. Более того, по мнению авторов книги, противоречия этих двух держав в борьбе за господствующее влияние в Азии будут обостряться по мере усиления экономической и военно-политической мощи Китая.

При рассмотрении японо-советских связей в монографии аргументированно показано, что задачи обеспечения мира в Азии и удовлетворения торгово-экономических потребностей Японии требуют развития добрососедских дружественных связей с СССР. Отмечаются значительные достижения в этом направлении, подвергаются критике те силы, которые предпринимают не имеющие ничего общего с интересами японского народа попытки помешать развитию дружеских отношений Японии с СССР.

Обеспечение мира и безопасности Японии и повышения ее роли на международной арене, говорится в заключении книги, можно добиться лишь на основе ее конструктивных усилий, направленных на закрепление разрядки напряженности и развитие действительно дружественных, добрососедских связей со всеми странами.

Появление книги «Япония», в котором исследованию подверглись столь разнообразные актуальные проблемы, вызовет несомненный интерес у самого широкого круга читателей, будет способствовать углублению их познаний, относящихся не только к Японии, но и к общим закономерностям развития современного капиталистического мира.

А. И. Сенаторов

Экскурс в историю китайской революции

Новый поворот в политике пекинских лидеров, взятый ими проимпериалистический курс вызывает недовольство в китайском народе, который все больше задумывается над вопросом, почему его руководители, называя КНР социалистической страной и провозглашая на словах своей целью строительство социализма, на деле ведут вкупе с империализмом борьбу против СССР и других социалистических государств.

Другой вопрос, который вызвал острую дискуссию в различных слоях китайского общества, — как относиться к роли Мао Цзэдуна и к маоизму в истории Китая? Эта дискуссия обостряется по мере приближения XII съезда КПК и особенно в связи с тем, что нынешнее китайское руководство берет на вооружение, правда, в несколько модифицированном виде, все националистические, волюнтаристские и антисоветские концепции маоизма.

В ходе дискуссии обнаружили многие факты преступных действий «великого кормчего», нанеших непоправимый моральный, политический и экономический ущерб стране и народу. ореол непогрешимости Мао, «мудрости» его «идей» стал тускнеть.

Разоблачение пороков маоизма достигло таких масштабов, что стало опасным для нынешних руководителей, поднявших кампанию этой критики из тактических соображений. Окончательное разоблачение Мао и подрыв устоев маоизма не входил и в планы пекинских лидеров. Ради упрочения своей власти они готовы были пойти на то, чтобы выпустить пар из котла народного негодования, реабилитировать пострадавших от хунвэйбинских репрессий, дать им возможность выместить на «банде четырех» накопившееся возмущение маоистской политикой и несправедливостью. Но Мао и маоизм нужны нынешним лидерам Китая как «знамя» и «теоретическое» обоснование своих националистических и гегемонистских притязаний. Кроме того, по мнению пекинских лидеров, преобразованный в «китайскую модель социализма» и «модернизированный» маоизм более всего отвечает их целям и замыслам на современном этапе.

На состоявшемся в июне 1981 г. VI пленуме ЦК КПК китайские руководители предприняли попытку найти временный компромисс, который устроил бы и «левых» во главе с Хуа Гофэном, и «прагматиков» группировки Дэн Сяопина. Для сохранения власти и те и другие сочли необходимым восстановить подорванный престиж Мао и авторитет его «идей». С целью приглушить и затормозить дальнейшую критику маоистских концепций на VI пленуме ЦК КПК была выдвинута директивная установка: «заслуги Мао Цзэдуна следует ставить на

первое место, а его ошибки — на второе».

В Пекине для доказательства справедливости этого тезиса готовы перевернуть всю историю Китая, переписать заново, уложить ее в прокрустово ложе надуманных концепций, не останавливаясь перед извращением фактов и искажением исторической действительности. В попытках подогнать историю КНР к потребностям нынешнего режима в Пекине китайские лидеры искажают не только историю КПК, но и советско-китайские отношения.

В этой связи важное значение приобретает знание подлинных фактов, ясное представление о злобешей роли Мао Цзэдуна в ухудшении отношений Китая с Советским Союзом, показ того, как и в чем наследники Мао извращают историю. Вот почему весьма своевременным представляется выход в свет книги О. Борисова «Из истории советско-китайских отношений в 50-х годах»^{*}.

Ценность монографии О. Борисова заключается как в использовании новых, неизвестных ранее широкому кругу читателей многочисленных исторических материалов, так и в глубокой марксистско-ленинской оценке событий, точном проецировании исторического прошлого на политику нынешних руководителей КНР, установление тесной взаимосвязи между политикой Пекина в прошлые годы и на современном этапе. Изложить подлинную историю советско-китайских отношений, рассказать правду о том, какую противоречивую и в основном негативную роль сыграл в ней Мао Цзэдун, о его попытках помешать становлению и развитию дружбы между советским и китайским народами — вот та непростая задача, которой посвятил автор свою книгу.

Содержание монографии выходит далеко за пределы ее названия. Сжатый, но насыщенный фактами экскурс в историю китайской революции, многочисленные данные из политической биографии Мао Цзэдуна, из истории межгосударственных и межпартийных отношений СССР и КНР, КПСС и КПК, принципиальные оценки и характеристики, данные в свое время Мао Цзэдуну свидетелями его жизни и деятельности, помогают читателю лучше представить весь путь Мао и его подручных к захвату власти, процесс формирования реакционно-националистического великодержавного курса Пекина.

Ради обладания всей полнотой власти, говорится в книге, Мао долгие годы лавировал и маневрировал, спекулировал на идеалах революции, социализма и коммунизма, рвался всеми способами и средствами к руководству партией, армией и страной, жестоко расправляясь со своими политическими противниками, даже с теми, кто помогал ему взойти на пьедестал власти. С деятельностью Мао у китайского народа связано столько тяжелых потрясений, не-

^{*} О. Борисов. Из истории советско-китайских отношений в 50-х годах (к дискуссии в КНР о Мао Цзэдуне). М., «Международные отношения», 1981, 143 с.

взгод и трагедий, что о них еще долго будет с горечью вспоминать не одно поколение.

Приведенные в книге краткие биографические данные о Гао Гане, Пэн Дэхуае, Лю Шаоци, Хэ Лунае, Линь Бяо — то есть о тех руководящих деятелях Китая, с которыми расправился Мао, — помогают лучше представить политическое лицо наиболее видных и авторитетных представителей КПК и КНР, занесенных Мао в списки своих соперников. Страницы из биографий некоторых китайцев-интернационалистов, работавших в разное время в Китае — Г. И. Мордвинова, П. П. Владимирова, Отто Брауна (Ли Дэ), — дополняют картину драматической борьбы в Китае между двумя линиями: марксистско-ленинской, интернационалистической, и маоистской, националистической (см. с. 107—128).

Нынешние пекинские лидеры создают версию, согласно которой ответственность за поражения и провалы в революционном и социально-экономическом развитии Китая, вызванные главным образом и прежде всего действиями Мао Цзэдуна, должны разделять с ним все руководящие деятели КПК и даже вся партия. А успехи и заслуги партии и народа приписываются исключительно «правильной политике» одного Мао Цзэдуна. Чтобы создать видимость объективности, адвокаты Мао в туманной и пригласительной форме признают, что «в преклонные годы» жизни у него «были недостатки, ошибки и даже отдельные серьезные ошибки», которые «принесли партии и народу несчастье и нанесли раны». К этим «недостаткам», условно разделенным на два типа, отнесены, во-первых, «болезнь погони за количеством и быстротой в процессе руководства социалистической революцией и социалистическим строительством» и, во-вторых, «абсолютизация и расширение классовой борьбы», в том числе «использование методов, применимых в отношении врагов, для урегулирования противоречий внутри партии».

Официальная китайская пропаганда пытается сейчас внушить народу, что «идеи Мао Цзэдуна — это ценное достояние, которое добыто кровью и потом миллионов коммунистов», десятков миллионов революционеров. В рецензируемой книге автор привел факты, которые иллюстрируют, во что обошлись эти «идеи» китайскому народу, сколько его крови и пота было бесцельно пролито по вине Мао (с. 8, 35, 90—91, 93). Если говорить об успехах Китая, то они были достигнуты отнюдь не благодаря, а вопреки «идеям» Мао, в борьбе с ними, в преодолении их последствий. «Большой скачок», начатый по инициативе Мао в марте 1958 г., за три года нанес ущерб стране, по самым скромным подсчетам, в 100 млрд. юаней. По признанию китайской печати, он «вызвал серьезные диспропорции», «резкое ухудшение положения в экономике». Значительно снизился жизненный уровень трудящихся.

Столь же авантюристичным было возвращенное в деревне осенью 1958 г. движение за создание «народных коммун», кото-

рые выдавались за идеал коммунистического общества. Нереальные планы строительства крестьянского социализма с абсолютной уравниловкой, ликвидация системы заработной платы и необоснованный переход на обеспечение населения по типу военного коммунизма усугубили и без того тяжелое положение деревни. И моральный, и материальный урон, вызванный дискредитацией Мао Цзэдуном идей научного социализма, трудно поддается исчислению. Развитие КНР застопорилось на многие годы. Только к середине 60-х годов страна стала выходить из шокового состояния.

Нельзя сказать, что все китайские руководители следовали своевольным и безрассудным указаниям Мао, не предупреждали о пагубных последствиях его «идей», не выступали против волюнтаризма. На Лушаньском пленуме осенью 1959 г. Пэн Дэхуаи на многочисленных примерах показал порочность маоистского курса «трех красных знамен» — этого свидетельства «мелкобуржуазного фанатизма» и левачества. Мао жестоко расправился с Пэн Дэхуаем и другими своими оппонентами (с. 130).

На X пленуме ЦК КПК Мао Цзэдуном выдвинул новую теорию — «ошибочную», как ее робко расценивают ныне сами китайские руководители. Это концепция о том, что «на всех исторических этапах социализма продолжает существовать классовая борьба». Таков был пролог к очередной репрессивной кампании, развернутой Мао против КПК и народа в середине 60-х годов.

Чудовищная политическая кампания, начатая в 1966 г. Мао Цзэдуном и инициально названная им «культурной революцией», вылилась в преднамеренное избиение и массовое уничтожение лучших партийных и государственных кадров, прогрессивной интеллигенции, в подавление руководящей роли рабочего класса и его авангарда — Компартии Китая, в насаждение атмосферы террора и рабского культа личности Мао.

В Китае до сих пор не могут подсчитать тот колоссальный ущерб, который понесла страна за «десятилетие большого хаоса», как теперь там называют мрачный период «культурной революции». Но даже отрывочные сведения дают достаточно ясное представление о цене, заплаченной китайским народом за эту «левоуклонистскую ошибку» Мао. По признаниям китайских властей, за годы «культурной революции» более 200 млн. человек подверглось различным репрессиям и гонениям, а 10 млн., в основном коммунистов, замучено и физически истреблено.

Еще в сентябре 1967 г. Л. И. Брежнев указывал: «То, что группа Мао Цзэдуна именует «культурной революцией», правильнее было бы называть контрреволюцией». Показательно, что спустя 10 лет к такому же выводу пришли и в Китае. Руководители КНР, как указывается в рецензируемой книге, задним числом были вынуждены характеризовать период «культурной революции» в Китае как «десятилетний хаос».

«большое разрушение», «белый террор», «контрреволюционную подрывную деятельность, толкнувшую народ в бездну страданий, а дело социализма — в пучину бедствий». «Уже по этой причине «культурной революции» не должно было быть», — говорили сами китайские руководители (с. 8).

Но тем более нелогичными, странными и кощунственными выглядели их последующие попытки изобразить трагедию китайского народа как результат всего лишь «ошибки» Мао Цзэдуна, который, дескать, как и любой человек, имел право иногда ошибаться. Нет, «культурную революцию» нельзя назвать лишь плодом заблуждений Мао, простой «ошибкой», пусть даже серьезной, «великого революционера». Это было сознательное разрушение всей структуры социализма, демократии и народной власти, всего, что стало преградой на пути сумасбродных «идей» и волюнтаризма одержимого маиней величия, своевольного и жестокого узурпатора. Разве не Мао поставил страну «на грань катастрофы»? Разве не ему обязана китайская молодежь тем, что она стала «потерянным поколением»? «Кризис доверия», безработица — разве это не маоистское наследие?

Извращая историю, нынешние ее пекинские толкователи пытаются представить дело таким образом, будто китайский народ не пользовался интернациональной поддержкой Советского Союза, других стран, а всегда вел революционную борьбу независимо, самостоятельно, «в опоре на собственные силы». Более того, утверждает, что КПК во главе с Мао Цзэдуном «всегда решительно противодействовала ошибочному зарубежному влиянию и давлению» и «только благодаря этому китайская революция была доведена до конца». Сегодня пекинские лидеры пытаются даже переложить часть ответственности и вины за провалы маоистских экспериментов на Советский Союз, который якобы оказывал «огромное политическое, экономическое и военное давление на Китай». Проводится мысль, будто внутренние трудности Китая усугублялись необходимостью противостоять «давлению извне», «вести справедливую борьбу» против СССР.

Нисколько не умаляя роли КПК на всех этапах развития китайской революции, следует все же напомнить, что в свое время сами китайские руководители не раз заявляли: без поддержки СССР и других социалистических стран КПК и китайский народ не смогли бы добиться победы и тех успехов, которыми ознаменовались первые годы народной власти и экономического строи-

тельства в Китае. Разве не те же китайские руководители благодарили за помощь и поддержку, оказанные Советским Союзом китайской революции на всем ее протяжении, отмечали решающую роль Советской Армии в разгроме миллионной японской Квантунской армии, оккупировавшей весь Северо-Восток Китая, большой вклад советского народа и народов других социалистических стран в 50-х годах в восстановление и развитие разрушенной экономики, в становление и упрочение международного положения КНР (с. 64—68)?

В ходе дискуссии о роли Мао пропаганда Пекина пытается фальсифицировать конкретные факты истории советско-китайских отношений, полагая, что время стерло в памяти народов существо дела и неподготовленный читатель будет брать пекинские измышления на веру. Китайскому народу и зарубежной общественности, например, внушают, будто «Советский Союз вероломно разорвал контракты и отозвал специалистов, а также в широких масштабах повел подрывную и раскольническую деятельность в Синьцзяне», стремился «нанести ущерб суверенитету Китая и поставить его под контроль» и т. п. В книге О. Борисова дается четкий и ясный ответ на эти инсинуации, раскрывается подоплека клеветнической политики Пекина в отношении СССР (с. 68—75).

Дискуссия по вопросу об оценке Мао и его «идей» имеет принципиально важное значение. Вопрос в том, найдет ли в себе силы и смелость китайское руководство освободиться от тяжелого бремени маоистского наследия. Лишь творческое применение марксистско-ленинского учения, идей научного социализма может вернуть Китай на единственно правильный путь строительства подлинно социалистического государства, которое отвечало бы интересам китайского народа и принципам пролетарского интернационализма.

«Опыт социально-экономического развития КНР за два последних десятка лет, — отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, — тяжелый урок, показывающий, к чему ведет извращение принципов социализма, его сути как во внутренней, так и в международной политике». Книга О. Борисова служит наглядной иллюстрацией к этому важному выводу. Она представляет несомненный интерес не только для специалистов-китаеведов, но и для широкого круга читателей, интересующихся международными проблемами.

Ю. С. Семенов

Важная веха в истории КПК

Последние три-четыре года в идейно-политической жизни КПК происходят процессы, заслуживающие пристального внимания. В официально обобщенном виде они нашли отражение в Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР, принятом на VI пленуме ЦК КПК 27 июня 1981 г. В результате длительной борьбы внутри китайского руководства, развернувшейся после смерти Мао Цзэдуна и затрагивавшей, помимо прочих аспектов, проблему оценки «идей» и деятельности Мао Цзэдуна, был выработан компромиссный документ, в котором идеализированный, подновленный маонизм выдается за обогащенный опытом китайской революции марксизм-ленинизм. Одна из очевидных целей подобной фальсификации исторического опыта КПК и мирового коммунистического движения состоит в том, чтобы обосновать претензию на «исключительность» Китая, «особый китайский путь» в революции и социалистическом строительстве, отвергнув общие закономерности построения реального социализма, значение опыта КПСС и других коммунистических партий¹.

Вместе с тем поиски путей выхода из глубокого кризиса, в который завел страну маонизм, объективные потребности развития современного китайского общества вынуждают китайское руководство независимо от его субъективной воли и тактических расчетов в той или иной степени и форме заимствовать и применять на практике некоторые аспекты исторического опыта реального социализма, включая и ту его часть, которая была апробирована в самом Китае в первое десятилетие существования КНР. Подобный процесс неизбежно порождает ряд глубоких противоречий, отражающих как непосредственно так и опосредованно подлинные реалии китайской действительности.

Поступающие из КНР историко-партийные материалы — выступления высшего партийного руководства, официальные резолюции, в том числе и упомянутое Решение VI пленума, и пр. — позволяют вычленивать по крайней мере некоторые основные течения, действующие на историко-партийном фронте. Одно из них представляет пока еще, быть может, малочисленная, но довольно активная (о ее реальном влиянии еще трудно судить) группа, которая стремится к близкой к марксистской интерпретации истории КПК, к полному очищению ее от маонистских наслоений. Другое течение

представлено значительным числом преподавателей истории КПК и авторов всевозможных историко-партийных пособий, не желающих или не способных отказаться от маонистского наследия, отстаивающих «чистоту» «идей Мао Цзэдуна» и делающих в лучшем случае лишь формальные уступки новым веяниям. Данное течение имеет глубокие корни в националистических традициях Китая и пользуется влиятельной поддержкой, в том числе со стороны военных. Третье течение, наиболее выпукло отразившееся в Решении VI пленума, занимает как бы промежуточную, компромиссную позицию. Это течение, ставшее официальной платформой нынешнего партийного руководства, пытается «примирить» марксизм с маонизмом двояким способом: с одной стороны, как бы наполняя националистическую оболочку «идей Мао Цзэдуна» марксистским содержанием, увеличивая «удельный вес» марксистских положений в маонизме, но вместе с тем сохраняя в неприкосновенности некоторые из основополагающих постулатов маонизма. Особенно наглядно эти попытки проявились в том разделе Решения VI пленума, где трактуется «шесть составных частей» «идей Мао Цзэдуна». Эти «идеи» преподносятся как результат «соединения марксизма-ленинизма с практикой китайской революции», осуществленного якобы Мао Цзэдуном и его ближайшими соратниками.

В свете сказанного выше особое значение приобретают советские исследования по истории КПК, основанные на марксистско-ленинской методологии и солидной источниковедческой базе. За последние 15 лет советское Китаеведение создало крупный научный задел в изучении истории КПК, позволяющий рассматривать современные идейно-политические процессы в КНР в свете широкой исторической ретроспективы, на надежном историческом фоне.

Заметным явлением в советской Китаеведческой историко-партийной литературе является рецензируемая монография доктора исторических наук А. М. Григорьева^{*} — одна из серии аналогичных работ выполненных в последние годы советскими историками. Достоинство рецензируемого труда не только в его научной фундаментальности, но и в политической актуальности. Автор данной рецензии разделяет высокую оценку научных и политических достоинств монографии А. М. Григорьева, данную проф. А. В. Мелксетовым².

Основное достоинство монографии А. М. Григорьева состоит, на мой взгляд, в углубленной проработке на массовом, достоверном конкретно-историческом материале одной из ключевых проблем международного коммунистического движения — проблемы общего и специфического, соот-

¹ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1981, № 3, с. 88—99; О. Б. Борисов. Внутренняя и внешняя политика Китая в 70-е годы. Политический очерк. М., 1982, с. 363—383.

^{*} А. М. Григорьев. Революционное движение в Китае в 1927—1931 гг. (Проблемы стратегии и тактики). М., «Наука», 1980, 294 с.

² См.: «Народы Азии и Африки», 1981, № 4, с. 205—210.

вопросы интернационального и национального факторов развития революционного процесса, в данном случае китайской революции и КПК. В китайской историко-партийной литературе эта проблема была обозначена в известную формулу «соединения марксизма-ленинизма с практикой китайской революции», под которой подразумеваются «идеи Мао Цзэдуна».

Марксистский подход к раскрытию процесса разработки революционной стратегии и тактики КПК, хотя бы на узком хронологическом отрезке 1927—1931 гг., позволил А. М. Григорьеву произвести дифференцированный анализ накопившегося в эти годы практического опыта КПК, его идейно-теоретического осмысления на разных уровнях — в местных и региональных организациях партии, в ее центральном руководстве и представительстве при Исполкоме Коминтерна, наконец в самом Коминтерне. Материалы книги показывают, что выработанная в эти годы долговременная стратегия партии явилась результатом совместного коллективного творчества Коминтерна и КПК; то же самое относится и ко многим тактическим, организационно-практическим решениям партии.

Но это лишь самый общий вывод. Автор идет дальше: он детально исследует, то, где, когда, на каком уровне, в каком конкретном политическом и идейно-теоретическом контексте находил и принимал то или иное теоретическое, стратегическое, тактическое, организационное решение. Благодаря этому в стратегии и тактической линии КПК удается достаточно точно выделить то, что было взято из прежней общей сокровищницы и общего опыта мирового коммунистического движения, какие новые решения были найдены в те годы Коминтерном, что составляет действительно новый самостоятельный вклад китайских коммунистов, стоявших на марксистско-ленинских позициях, а что представляло собой явное или скрытое искажение марксизма.

Наиболее подробно все это прослежено на примере работы VI съезда КПК в Москве и в главах о линии Ли Лисаня. При этом, что важно, в частности, для решения вопросов приоритета, материалы книги дают возможность подсчитать, так сказать, «долевое» участие Коминтерна и КПК в разработке стратегии и тактики китайской революции. Оказалось, что львиная доля приоритетных решений принадлежала Коминтерну. Историческая эрудиция автора позволила ему, несмотря на узкие временные рамки исследования, показать, как на основе теоретических посылок, опыта предшествующего этапа борьбы, общих и частных тактических решений постепенно вырисовывались контуры долговременной стратегической линии Коминтерна и КПК в китайской революции. Эта стратегическая линия включала положения о демократическом, антиимпериалистическом и антифеодалном характере китайской революции, союзе рабочего класса и крестьянства при идейной гегемонии пролетариата как ее главной движущей силы, об аграрно-

крестьянском вопросе как главном социальном вопросе революции, о территориальных опорных базах в деревне, о роли армии и вооруженной борьбы, наконец, о партийном руководстве армией и базами как форме «идейной гегемонии пролетариата» в крестьянской стране с господством докапиталистических форм социально-экономических отношений и политической организации общества. Все основные компоненты очерченной стратегической линии, как и соответствовавшие ей тактические решения, были, как убедительно показано в книге, выработаны Коминтерном и руководством КПК без непосредственного участия Мао Цзэдуна, а нередко вопреки его сопротивлению.

Книга А. М. Григорьева вносит весомый вклад в развенчание мифа о роли Мао Цзэдуна как творца долговременной стратегической линии КПК, якобы приведшей партию к победе в 1949 г. Материалы рецензируемой книги свидетельствуют о том, что «соединение марксизма-ленинизма с практикой китайской революции» представляло собой исторический процесс, причем марксистское осмысление практического опыта китайской революции происходило преимущественно на уровне Коминтерна. В книге А. М. Григорьева прослеживаются, как поступавшие из Китая конкретные материалы и данные о ходе революционного процесса преобразовывались Исполкомом Коминтерна в четкие марксистские разработки, рекомендации и директивы по основным вопросам теории, стратегии и тактики китайской революции.

Произведенный автором книги анализ идейно-политических связей революционного движения, руководимого КПК, дает веские аргументы против антинаучного, антиисторического, реакционного характера попыток противопоставить «мировую деревню» «мировому городу», национальный китайский опыт — мировому коммунистическому движению. В свете стремления авторов Решения VI пленума втиснуть исторический опыт КПК в «идеи Мао Цзэдуна» и представить эти «идеи» как оригинальную, самостоятельную китайскую «модель» революционного процесса актуально звучит следующий вывод А. М. Григорьева: «Реальный ход советского движения (в Китае — В. Г.) показал, что его развитие и позитивные итоги были бы невозможны без предыдущего, «городского» этапа революции, без идейно-политической и другой помощи КПК со стороны «мирового революционного города» в лице Коминтерна и его партий, Советского Союза. Именно благодаря этому молодая, непролетарская по составу Компартия Китая могла осуществлять идеологическую гегемонию пролетариата в разветвлявшемся крестьянском движении» (с. 259).

Рассматриваемый в книге период развития КПК с июля 1927 г. по сентябрь 1931 г. был одним из ключевых, переломных периодов в истории партии, когда происходил постепенный перенос центра тяжести ее работы из города в деревню, к созданию собственных вооруженных сил и опор-

ных территориальных баз революции, к преимущественно вооруженным, точнее, военным формам борьбы с реакцией.

После выхода гоминьдана из единого фронта и поражения руководимого КПК массового рабочего и крестьянского движения в 1927 г. партия переживала полосу острого идейно-политического кризиса, разброда и шатаний, поиска новых путей развития революции. Преодоление этого кризиса неразрывно связано с помощью, оказанной ВКП(б) и Коминтерном. В ряде основополагающих документов Коминтерна, адресованных Компартии Китая, была показана бесперспективность, нереальность тактики легальной оппозиции гоминьдановскому режиму, предлагавшейся некоторыми деятелями КПК, обоснована объективная возможность и социально-исторические, экономические, политические, военно-технические условия для перехода к вооруженной борьбе против гоминьдана, для создания собственных вооруженных сил КПК и территориальных баз (советских районов) в китайской деревне. Курс Коминтерна «на развитие советского движения, — отмечается в книге, — позволил КПК сохраниться как партии, начать строительство Красной Армии, создать очаги революционной власти — опорные базы, открыл КПК путь к крестьянству — самой массовой силе китайской революции» (с. 258).

Новая ориентация партии, подчеркнута в книге, разрабатывалась на основе общих положений марксистско-ленинской теории о задачах национально-освободительных революций, о роли крестьянства в революциях на Востоке, на основе сделанных ранее выводов Коминтерна и КПК о решающем значении аграрно-крестьянской проблемы, о роли вооруженных сил и вооруженной борьбы в китайской революции с учетом опыта создания баз революционных сил в 1925—1927 гг. (с. 259).

Особенно велики были роль Коминтерна в преодолении различных ошибочных уклонов и опасных тенденций в КПК и значение его последовательной борьбы против правоуклонистских, «лево»-революционаристских и троцкистских извращений важнейших проблем китайской революции. В этой связи автор, в частности, анализирует деятельность и труды Мао Цзэдуна в исследуемый период. Произведенный им анализ полностью опровергает маоистский тезис об «абсолютном приоритете» Мао Цзэдуна в разработке и решении всех проблем китайской революции, раскрывает субъективно-идеалистический и националистический характер этого тезиса. Назойливое подчеркивание «самобытного» характера «идей Мао Цзэдуна» в китайской историко-партийной литературе и документации, замалчивание роли международного фактора в формировании исторического наследия КПК лишней раз подтверждает националистические амбиции китайского руководства, его стремление навязать мировому революционному движению абсолютизированный и искаженный опыт китайской революции, облеченный в модифицированный вариант «идей Мао Цзэдуна».

Приведенные в книге многочисленные документы показывают, что позиция Мао Цзэдуна в исследуемый период не имела ничего общего с ее изображением в решениях по некоторым вопросам истории КПК, принятых VII пленумом ЦК КПК в апреле 1945 г. и VI пленумом ЦК КПК в июне 1981 г. Автор отмечает, в частности, что земельные законы и резолюции по аграрно-крестьянскому вопросу, принятые под руководством либо при активном участии Мао Цзэдуна в 1930 г., не вошли ни в одно из изданий его работ. Так, например, позиция Мао Цзэдуна, отраженная в Земельном законе Реввоенсовета Китая (июнь—август 1930 г.), а также в резолюции «Земельный вопрос», принятой президиумом Комитета действия Цзянси в г. Цзяни 18 ноября 1930 г., не только полностью совпадала с линией Ли Лисаня, но и тянула партию еще дальше «влево» (с. 195—197). «Тенденция, обнаружившаяся уже в «цзинганшаньских» документах и решениях Мао Цзэдуна по аграрно-крестьянскому вопросу и сложившаяся в определенную линию в 1930 г. (отнесение значительных слоев середнячества к кулаку, к эксплуататорским слоям деревни со всеми вытекающими отсюда последствиями), вновь проявилась у Мао Цзэдуна после 1949 г. — в форсировании кооперирования деревни в 1955—1956 гг. и в ходе организации «движения за социалистическое воспитание в деревне» в 1962—1965 гг.» (с. 197).

Достоинство книги А. М. Григорьева заключается и в том, что проблемы разработки стратегии и тактики КПК исследуются строго конкретно-исторически, в тесной связи, в частности, с той социальной средой, в которой приходилось действовать китайским коммунистам. Влиянию этой докапиталистической, традиционной среды на социальный состав КПК, на характер и нормы ее внутрипартийной жизни, на ее идеологию и политическую линию посвящены многие страницы книги. В воздействии подобной специфической социальной среды, в том числе многомиллионной бедняцко-пауперской и люмпенской массы, автор усматривает одну из главных причин устойчивости, повторяемости опасных левацко-авантюристических уклонов и тенденций в КПК. Эта проблема нуждается, видимо, в дальнейшем исследовании.

Более углубленной разработки требует также вопрос о временных успехах советского движения в начале 30-х годов и затем о его поражении в середине 30-х годов. Вывод автора о том, что «советское движение стало не стратегическим, а тактическим этапом» (с. 258) представляется не вполне доказательным. Делая подобный вывод, автор, на мой взгляд, вступил в противоречие с собственным анализом существования сложившегося к началу 30-х годов стратегического курса КПК. Вряд ли можно рассматривать как «перепрыгивание через исторически необходимый этап» (с. 103) и тактику свержения гоминьдана — главную в тех условиях задачу партии.

Название рецензируемой книги не вполне соответствует ее содержанию. Книга

А. М. Григорьева — это историко-партийное исследование, посвященное главным образом разработке и осуществлению стратегии и тактики КПК в 1927—1931 гг. с акцентом на историю создания советских районов и китайской Красной армии. Другие стороны революционного процесса в Китае в этот период автором не рассматриваются или затрагиваются вскользь. Автор не ставил перед собой также задачу дать всестороннюю оценку места советов, их роли и влияния в общем контексте развития политической ситуации в стране в целом, ибо это тема более широкого исследования. Для такого исследования требуются конкретные разработки истории всех или хотя бы основных политических течений: революционного, реформистско-оппозиционного, консервативного и реакционного характера. Таких разработок в нашей литературе, к сожалению, пока еще мало; к основательному изучению политической (как и социально-экономической) истории Китая в новейшее время во всей ее совокупности и во всем ее разнообразии наше Китаеведение только приступает. Недостаточно изучены у нас (и за рубежом) городские движения 30—40-х годов. Частично этот пробел восполнила недавно защищенная докторская диссертация Т. Н. Акатовой о рабочем движении в 1927—1937 гг., но кардинальным образом положение в этой отрасли советской историографии изменится после появления целой серии исследований на «городские» темы.

Детально исследуя центральную тему всей монографии — стратегию и тактику КПК, А. М. Григорьев попутно поднял целый комплекс других историко-партийных проблем, нуждающихся в специальном изучении: функционирование, характер, состав органов революционной власти в опорных базисах, конкретный ход аграрных преобразований в зависимости от изменений военно-политической ситуации, организационное состояние КПК и нормы ее внутривнутрипартийной жизни. Особого внимания заслуживает такая тема, как взаимоотношения партии и армии, их симбиоз, борьба и сотрудничество, взаимное влияние и взаимная зависимость на всем протяжении гражданских и освободительных войн 1927—1949 гг.

Модификация нынешним руководством КПК «идей Мао Цзэдуна» и пресловутой формулы «соединения марксизма-ленинизма с практикой китайской революции», возведение их в ранг «коллективного опыта партии», противопоставляемого опыту международного коммунистического движения, побуждает советских историков к еще более глубокой и детальной проработке проблемы влияния интернационального фактора на развитие революционного процесса в Китае, к созданию новых работ о политике Коминтерна, КПСС и Советского государства в отношении Китая.

Советскими историками, философами, экономистами проделана гигантская работа по изучению и разоблачению маонизма. В книге А. М. Григорьева также уделено достаточно внимания роли Мао Цзэдуна, уже в то время выдвигавшегося в ряд наиболее влиятельных руководителей КПК. Немало страниц рецензируемого труда посвящено также оценке вклада Цюй Цюбо, Чжоу Эньлая, Сян Ина, Ван Минна, Бо Гу и других деятелей КПК в разработку ее стратегии и тактики в исследуемый период, помощи Коминтерна и ВКП(б) в подготовке кадров КПК. В то же время деятельность интернационалистов, представителей марксистско-ленинского направления в КПК, их политические выступления и теоретические труды изучены нашей отечественной историографией и освещены еще недостаточно. Настало, видимо, время подумать над составлением перспективного плана публикаций произведений китайских марксистов, рассчитанного на длительный период ввиду большого объема этой работы и трудностей по выявлению и собиранию таких произведений, рассеянных, как правило, в труднодоступных периодических изданиях.

Рассмотренная монография А. М. Григорьева является ценным вкладом в раскрытие подлинного содержания формулы «соединения марксизма-ленинизма с практикой китайской революции», а тем самым в марксистское осмысление исторического опыта КПК.

В. И. Глушин,
доктор исторических наук

Фальсификация истории Киргизии

Разоблачение и аргументированная научная критика маонистских концепций истории народов Средней и Центральной Азии, в том числе киргизского народа, является важной задачей советской исторической науки. В этой связи заслуживает внимания книга «Против маонистских фальсифицированной истории Киргизии», выпущенная изда-

тельством «Кыргызстан» в 1981 г. под редакцией члена-корреспондента АН СССР К. К. Каракеева. Работа подготовлена историками АН Киргизской ССР В. М. Плоских, М. Я. Сушанло, Г. П. Супруненко, а также научным сотрудником Института востоковедения АН СССР Б. П. Гуревичем*.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения и небольшого редакторского предисловия. Во введении дан обстоятельный анализ изданных в последние годы в

* Против маонистских фальсификаций истории Киргизии. Фрунзе, «Кыргызстан», 1981, 140 с.

КНР работ по центральноазиатской проблематике. В нем отмечается, что историческая наука КНР нередко используется маоистами как орудие для достижения тех или иных неблагоприятных политических целей, в частности для разжигания в стране антисоветизма, обоснования территориальных притязаний на земли сопредельных государств. «Пекинские идеологи, — подчеркивают советские исследователи, — с помощью «исторических» примеров стараются закрепить в сознании китайского народа маоистский тезис, будто «северный сосед» всегда был и остается «главным врагом» Китая, и одновременно путем подтасовки фактов истории обосновывать территориальные притязания к СССР» (с. 10). Выполняя этот «социальный заказ», современные историки Китая, говорится далее во вводной части работы, пытаются, с одной стороны, «пересмотреть уже решенные в исторической науке вопросы образования многонациональной Российской империи и вхождения в ее состав Казахстана и Средней Азии, а с другой — извратить характер взаимоотношений казахов и киргизов с Цинской империей...» (с. 14). При этом акцент делается на то, чтобы «в угоду великодержавно-гегемонистским устремлениям маоистского руководства КНР всячески... опорочить роль России в исторических судьбах казахов, киргизов и других среднеазиатских народов, большинство из которых добровольно принимало российское подданство» (с. 16). Извращается при этом древняя и средневековая история народов Центральной Азии, которых маоисты причисляют сегодня к «ветвям единой китайской нации».

Свою задачу авторы данного исследования видели в том, чтобы, привлекая широкий круг источников и литературы на русском и китайском языках, «разоблачить псевдоисторический подход историков КНР к прошлому народов Средней Азии, и прежде всего Киргизии, показать, как складывались взаимоотношения народов, населявших в разное время Центральную и Среднюю Азию, с Китаем, как зарождались и крепились связи киргизского народа с Россией», а также рассказать о том, как в действительности происходило русско-китайское размежевание в Центральной Азии (с. 20).

Первую главу рецензируемой книги, «Туркестан — страна тюрков», авторы посвятили критическому анализу приемов и методов, с помощью которых китайская феодальная историография фальсифицировала исторические события, тенденциозно, с китаецентристских позиций трактовала историю соседних, прежде всего кочевых, народов, искажала характер их отношений с Китаем. В этой главе рассматриваются также некоторые узловые вопросы древней и средневековой истории тюркских народов, населявших Восточный Туркестан, Тянь-Шань и прилегающие районы Центральной и Средней Азии, в том числе экспансия Китая на запад от Великой китайской стены. Сопоставляя данные письменных источников и материалы археологических раскопок, авторы проследили процесс возникновения и смены культур ранних кочевников на террито-

рии современной Киргизии: Сакской, Кенкольской, Карабулакско-Ворухеской, Шураба-шатовской и др. Изучение памятников материальной культуры кочевников Киргизии позволило советским ученым сделать вывод о том, что культура древнего населения края «наиболее тесно связана с памятниками Южной Сибири и Монголии и не имеет ничего общего с культурой Китая, Ирана, Византии» (с. 30). Таким образом, ни о каких «неразрывных тысячелетних связях», якобы существовавших между Китаем и Центральной Азией в древности и в средневековье, не может быть и речи. Это, конечно же, не означает, что кочевники Киргизии не поддерживали контактов с вышеперечисленными странами.

Китайские императоры династий Хань (Западная Хань: 206 г. до н. э. — 25 г. н. э.; Восточная Хань: 25—220 гг. н. э.) и Тан (618—907 гг.) неоднократно пытались установить свое господство в Сиюе — Западной красе (так называлась в Китае территория, лежащая к западу от Великой китайской стены). С этой целью китайский двор прибегал к самым разнообразным, причем весьма изощренным, методам воздействия на кочевников, начиная от подкупа и шапталов вплоть до вооруженных вторжений. Среди прочих средств наиболее часто китайские императоры прибегали к тактике под названием «н и чжи и» — «обуздывать одних варваров руками других варваров», то есть разжигать межплеменную и межнациональную вражду среди неханьских народов, выступив затем в качестве этакого верховного арбитра, подчинять их своей власти. Как осуществлялась эта тактика, не приносящая, однако, успеха завоевателям из Китая читатель узнает, познакомившись с соответствующим разделом книги (с. 23—34).

Авторы справедливо подчеркивают, что после изгнания из Центральной Азии войск Танской династии в IX в. китайские завоеватели не появлялись там почти 800 лет. Это время на территории данного обширного региона Азии возникло и распалось около десятка крупных государственных образований, значительно изменился этнонаселение Киргизии в X—XII вв. входило в состав государства Караханидов, в XIII—XV вв. попало под власть Чагатай, а затем Тимурлана и, наконец, в XVI в. признало власть правителей Могулистана. Никаких связей население Киргизии с Китаем не имело. «Границы Китая в это время, — указывается в книге, — были далеко от Тянь-Шаня и Китайская стена являлась не только символом, а была реальностью» (с. 31). Подводя итог рассмотрению древней и средневековой истории кочевников Киргизии, авторы пришли к выводу, что «автохтонность тюркского населения Средней Азии, многовековая история его политического, социально-экономического и культурного развития, борьба за независимость с внешними врагами, в том числе и с Китайской империей, противоречат утверждению маоистских фальсификаторов о принадлежности якобы древнему и средневековому Китаю тянь-шаньско-не-памирских районов» (с. 40). Вывод этот базируется на изучении широкого круга ис-

точников, в том числе китайских хроник, и заслуживает доверия.

Во второй главе, «Борьба киргизского народа против захватнической политики Циннов», исследуется политическая роль киргизских родо-племенных объединений в жизни Средней и Центральной Азии в XVIII — первой половине XIX вв. Центральное место отводится освещению захватнической политики маньчжурской династии Цин в отношении Джунгарского ханства, Восточного Туркестана, Средней Азии. Излагая события, связанные с агрессией Цинской империи в Центральной Азии в 50-х годах XVIII в., с уничтожением маньчжуро-китайскими войсками Джунгарского ханства, завоеванием Восточного Туркестана, авторы книги отмечают, что Цины неоднократно пытались привлечь на свою сторону родо-племенную верхушку киргизов, но встретили решительное сопротивление (с. 49). Тем не менее только на том основании, что в 1757—1758 гг. цинские военные отряды прошли по кочевьям киргизских племен саяков и сары-багышей и некоторые киргизские маңапы направили свои посольства в Пекин, Цины поспешили заявить, будто киргизы «выразили согласие покориться Китаю». Советские историки, проанализировав материалы китайских официальных хроник, доказали, что подобные утверждения абсолютно не соответствовали реальному положению дел (с. 51—52).

В 60-х годах XVIII в., после образования наместничества Сибиря, незначительная часть киргизских племен, кочевья которых располагались в Восточном Туркестане, оказалась под гнетом Цинской династии. Жестоким колониальным режим, установленный завоевателями на захваченных территориях Джунгарии и Кашгарии, феодальная эксплуатация, национальный гнет, надругательство над традициями и обычаями неханьских народов края вызвали отпор и служили почвой для почти не прекращавшихся антицинских выступлений. Киргизы, как, впрочем, и другие народы Средней Азии, «неизменно поддерживали антицинские выступления населения Восточного Туркестана против жестокого иноземного гнета» (с. 60—61). Наверное, не было в Сибиряне ни одного крупного антицинского национально-освободительного движения неханьских народов, в котором киргизы не принимали бы участия. Только в XIX в. это имело место в 1822, 1826, 1830, 1847, 1855, 1856, 1857, 1861 гг., не говоря уже о восстании 1864—1878 гг. Повстанцы из Восточного Туркестана всегда находили в киргизских кочевьях приют и помощь.

В книге содержатся интересные сведения о дислокации и численности цинских войск в Сибиряне, о расположении караулов и дозоров (с. 57, 61). Авторы на конкретных исторических фактах показывают, что политика Цинской империи в Центральной Азии носила характер «варварского разбоя и геноцида, в процессе которых истреблялись целые народы, уничтожались ценности их материальной и духовной культуры» (с. 64). В свете многочисленных и неопровержимых фактов попытки современных историков

КНР оправдать злодеяния, приукрасить деятельность маньчжуро-китайских завоевателей, отрицать прогрессивный, национально-освободительный характер восстаний неханьских народов Сибиряна представляют собой грубое извращение исторических реалий, являются выражением великоханьской шовинистической политики правящих кругов Китая в национальном вопросе.

Авторы исследования самым серьезным образом проанализировали источники, на которые ссылаются историки КНР, утверждая, что якобы имела место зависимость киргизских племен Тянь-Шаня от цинского императора, о включении Киргизии в состав вассальных владений Цинской империи. Изучив такие источники, как «Географическое описание Западного края», «Краткий свод важнейших сведений о Западном крае» известного китайского историка цинского времени Ци Юньши, «Описание виденного и слышанного о Западном крае» маньчжурского чиновника Чунь Юаня, долгое время служившего в Сибиряне, «Хроника правления великой династии Цин» и другие материалы и сопоставив их с показаниями источников на русском языке, ученые пришли к вполне обоснованному заключению: цинское правительство всеми средствами пыталось навязать киргизам Тянь-Шаня свою власть и насильственно присоединить киргизские кочевья к владениям империи, однако потерпело полную неудачу (с. 67—68). Авторы книги обратили внимание на следующую весьма характерную черту китайских источников, которую маонистские историки стараются не замечать: «Все рассуждения авторов этих материалов о «вассалитете» киргизов фактически строятся на отношениях с восточнотуркестанскими и немногими (а точнее, двумя-тремя) соседними племенными подразделениями», но «отношения с несколькими соседними племенами Восточного Туркестана не позволяют делать далеко идущие обобщения и говорить обо всех киргизах» (с. 69, 70). Единичные факты кратковременного пребывания в киргизских кочевьях отдельных отрядов цинских захватчиков также не могут считаться достаточно весомым аргументом для территориальных притязаний на киргизские земли.

В конце раздела авторы кратко изложили причины, побудившие киргизского бия Атаке из племени сары-багыш вступить в непосредственные посольские связи с русским правительством.

О сближении и присоединении Киргизии к России говорится в третьей главе — «Исторический выбор киргизского народа — вместе с Россией». Обстановка в киргизских кочевьях, резко осложнившаяся вследствие вторжений кокандских феодалов и обострения межродовых усобиц, и одновременно укрепление торговых и политических контактов киргизов с Россией, владения которой приблизились к их кочевьям, привели к тому, что в начале 50-х годов XIX в. родо-племенные объединения северных киргизов обратились к русскому правительству с просьбой принять их в подданство России. Начинается процесс добровольного вхождения Киргизии в состав Российской империи.

Цинские власти, отмечают авторы, стремились помешать русско-киргизскому сближению, засылая в киргизские кочевья свои вооруженные отряды, загнывая с представителями родо-племенной феодализирующейся знати. Бесчинства цинских грабителей вынудили киргизских манапов из рода Бугу обратиться в 1862 г. к русским властям с просьбой оказать им помощь. В своем послании они указывали: «Сделавшись подданными России, мы надеялись жить спокойными и освобожденными от притеснений китайцев, но они и донныне обижают нас, отнимают у нас стойбища по Текесу, Музарту и Кегену, называя их своими, тогда как земли эти с незапамятных времен, со времен предков наших, всегда были нашей собственностью, а теперь сделались даже царской собственностью, как народа, подданного России» (с. 100). Русские власти предприняли соответствующие меры и оградили своих подданных от иноземных вторжений (с. 100—102).

Рассказывая о русско-китайском территориальном размежевании в Центральной Азии, авторы подчеркивают, что граница была четко определена компетентными правительственными комиссиями и зафиксирована в соответствующих договорах и соглашениях: Пекинском (1860), Чугучакском (1864), Петербургском (1881), Ново-Маргеланском (1884) и ряде других.

Заканчивается книга описанием событий мощного национально-освободительного восстания неханьских народов Синьцзяна в 60—70-е годы XIX в., сбросивших иго цинских колонизаторов и создавших несколько самостоятельных государств. Киргизы принимали активное участие в этом восстании. Целый ряд введенных авторами в научный оборот документов позволил им уточнить некоторые моменты из истории этого восстания. В заключение затрагиваются вопросы падения Кокандского ханства и вхождения в состав России Южной Киргизии и Ферганы (с. 114—115).

В заключительном разделе исследователи указывают, что политика современного китайского руководства в национальном вопросе по-прежнему носит реакционный, шовиннистический характер, хотя и прикрывается в последнее время демагогическими рассуждениями о «заботе», о «благее» неханьских народов. Однако положение коренного населения Синьцзяна остается тяжелым (с. 135—137), тогда как трудящиеся социалистической Киргизии превратили свою родину за годы Советской власти в высоко развитую индустриально-аграрную республику, достижения которой в области науки, техники и культуры широко известны не только у нас в стране, но и за рубежом.

Таким образом, в книге охвачен весьма широкий спектр исторических проблем, имеющих важное научное и политическое значение. Глубокое знание предмета исследования, привлечение широкого круга источников позволили авторам создать серьезный научный труд, выводы и оценки которого тщательно аргументированы. Однако, на наш взгляд, работа выиграла бы, если бы анализ особенностей китайской феодальной историографии и вообще специфики китайских источников был дан во введении или в специальном разделе первой главы, а не рассеян в нескольких параграфах (с. 21—23, 50—52). Кроме того, следовало бы использовать источники на тюркских языках, прежде всего на уйгурском. Эти замечания ни в коей мере не снижают высокой оценки работы. Факты, изложенные советскими учеными, еще раз неопровержимо свидетельствуют об антинаучном, псевдоисторическом подходе историографии КНР к проблеме взаимоотношений народов Центральной и Средней Азии с Китаем и Россией, о ее отходе от марксистско-ленинского, классового анализа исторических явлений.

В. А. Моисеев,
кандидат исторических наук

* * *

Вторая Всесоюзная конференция китаеведов

25—27

января с. г. в Москве под руководством Научного совета АН СССР по проблемам зарубежного Дальнего Востока проводилась II Всесоюзная конференция китаеведов. Организация ее была поручена Оргкомитетом Институту Дальнего Востока АН СССР.

Конференция носила представительный характер. В ней приняли участие около 400 человек (из общего числа приблизительно 1000 советских китаеведов), работающих в 53 научно-исследовательских институтах, высших учебных заведениях, практических организациях.

На конференции были представлены все отрасли советского китаеведения: история, историография, экономика, внутренняя политика, государственный строй, право и традиции, внешняя политика, идеология, литература и искусство, языкознание.

Целью второй конференции, состоявшейся через 10 лет после первой, было подведение итогов научной деятельности китаеведческих центров и отдельных китаеведов, определение задач и перспектив на будущее.

На пленарном заседании после вступительного слова вице-президента АН СССР академика П. Н. Федосеева с докладами выступили Первый заместитель Заведующего Отделом ЦК КПСС О. Б. Рахманин, директор Института Дальнего Востока АН СССР член-корреспондент АН СССР М. И. Сладковский, заведующий первым Дальневосточным отделом МИД СССР М. С. Капица, член-корреспондент АН СССР Н. Т. Федоренко, заместитель директора ИНИОН АН СССР доктор исторических наук Л. С. Кюаджян, заместитель директора ИВ АН СССР доктор филологических наук В. М. Солнцев, а также представители владивостокского и среднеазиатских

центров китаеведения: доктор исторических наук Ф. В. Соловьев, кандидат филологических наук А. А. Хаматова, член-корреспондент АН Казахской ССР Р. Б. Сулейменов, доктор исторических наук Б. А. Ахмедов и кандидат исторических наук К. Ш. Хафизова.

На заседаниях восьми секций конференции было заслушано 120 докладов и сообщений о состоянии и перспективах научных исследований в различных отраслях китаеведения, а также по отдельным наиболее важным проблемам.

Главная задача конференции состояла в том, чтобы проанализировать уже проведенные научные исследования и поставить перед советским китаеведением ряд актуальных и важных как в научном, так и в политическом отношении задач, вытекающих из решений XXVI съезда КПСС, из обстановки, связанной с глобальным характером антисоветской, антисоциалистической деятельности пекинских лидеров, их тесным смыканием с империализмом, острой внутренней борьбой, политической и экономической нестабильностью в Китае.

Вице-президент АН СССР академик П. Н. Федосеев во вступительном слове указал, что смыкание китайского руководства с империализмом наносит огромный ущерб делу мира, национального освобождения и социального прогресса. Принципиальная линия КПСС, направленная на разоблачение и противодействие гегемонистским планам Пекина, преследует цель защиты не только интересов советского народа, но и интересов китайского народа, возвращения Китая на путь социалистического развития. Эта линия полностью подтверждена жизнью.

Советские китаеведы — верные помощники партии — вложили свой труд в разработку этой линии и тем самым выполнили свой патриотический и интернациональный долг перед советским и китайским народами, перед братскими социалистическими странами, перед всем прогрессивным человечеством.

Дальнейшая деятельность советских китаеведов должна направляться решениями XXVI съезда партии, указаниями Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева о необходимости

выявления основных тенденций в развитии КНР и научной критики пагубности для судеб китайского народа и Китая внешнеполитического курса пекинского руководства, направленного на альянс с империализмом.

Особое внимание должно быть уделено разработке сложных проблем, связанных с предложениями XXVI съезда КПСС о мерах доверия на Дальнем Востоке, которым всячески противодействует Пекин, а также развитию научных направлений, исследующих роль и место Китая в регионе и в мире в целом, характер внешнеполитической стратегии и тактики китайского руководства на международной арене.

В заключение академик П. Н. Федосеев выразил надежду, что советские китаеведы будут и дальше надежными помощниками партии и правительства в разработке проблем политики СССР в отношении Китая.

Подробная оценка вопросов развития советского китаеведения в свете решений XXVI съезда партии и современного положения в Китае была дана в докладе О. Б. Рахманина. Указав, что советское китаеведение оказало серьезную помощь партии в изучении актуальных проблем Китая, содействовало созданию научной основы для разработки эффективной политики в отношении КНР, О. Б. Рахманин подчеркнул, что главным содержанием работы конференции должна быть мобилизация китаеведов на осуществление указаний Л. И. Брежнева на XXVI съезде КПСС о необходимости осуществить всесторонний марксистско-ленинский анализ классового содержания событий в Китае и корней нынешнего курса руководителей КПК.

О. Б. Рахманин подчеркнул, что с конца 70-х — начала 80-х годов курс китайского руководства все отчетливее эволюционирует вправо, и сейчас можно говорить о новом этапе этого курса. Новый этап характерен стремлением создать с империалистами «структуру совместного сопротивления» СССР; расширением рамок «широчайшего международного фронта» против СССР и социалистического сотрудничества в целом путем вовлечения в него как капиталистических и развивающихся стран, так и разношерстных оппортунистических и националистических элементов; укреплением базы китайского гегемонизма посредством упорядочения политической системы и расширения социальной опоры режима; модификацией маоизма с целью оправдания блока Пекина с империализмом и оппортунизмом.

В своем докладе О. Б. Рахманин поставил перед китаеведами ряд ответственных задач: подготовить работу по истории КПК, в которой на основе достоверных документальных материалов освещалась бы борьба между интернационалистскими и мелкобуржуазно-националистическими элементами в КПК и подлинная роль интернационального фактора; всесторонне исследовать изменения, происходящие во

внутриполитической и социально-экономической обстановке в Китае; раскрыть сущность борьбы вокруг маоистского наследия и основные направления модификации маоизма; подвергнуть научной критике концепцию Мао Цзэдуна о так называемой «новой демократии», взятой на вооружение нынешним руководством в качестве особой «китайской» и даже «азиатской» модели перехода к коммунизму.

Важное значение О. Б. Рахманин придал в своем докладе наблюдающемуся кое-где чрезмерному выпячиванию специфики Китая, возводимой в абсолют. Политическим следствием этого является отрицание некоторыми исследователями за рубежом возможности перехода Китая к социализму или утверждение о преждевременности этого процесса и узаконение маоизма как якобы естественного для Китая феномена. Исследование китайских традиций, специфики Китая, подчеркнул О. Б. Рахманин, необходимо, но оно должно осуществляться, как этого требует марксистско-ленинская методология, в тесной увязке с общими закономерностями развития человеческого общества.

В заключение О. Б. Рахманин затронул ряд сложных проблем современного положения в Китае, вызывающих различные толкования, и внес ясность в существо и интерпретацию этих проблем.

В докладе члена-корреспондента АН СССР М. И. Сладковского проанализирована обстановка в Китае за последние 10 лет и меры, принявшие нашей партией для нормализации отношений с Китаем. М. И. Сладковский подробно осветил состояние и результаты исследований в важнейших отраслях китаеведения. Он отметил, что особое внимание было уделено изучению проблем советско-китайских, русско-китайских отношений и истории формирования русско-китайской границы, имеющих важное политическое значение в связи с территориальными притязаниями китайского руководства и советско-китайскими пограничными переговорами.

Было подчеркнуто значение исследований в области экономики КНР, проведенных, несмотря на трудности, связанные с отсутствием официальных статистических материалов.

В докладе М. И. Сладковского были также подведены итоги исследований советских китаеведов в области изучения политической системы Китая, идеологии маоизма, внешней политики, национальных традиций и национальных отношений. Подчеркнуто значение изучения Китая и проблем, связанных с ним, в периферийных центрах — Казахстане, Узбекистане, Киргизии, на Дальнем Востоке, Украине.

В докладе нашли также отражение издательская деятельность Института Дальнего Востока и итоги десятилетнего выпуска журнала «Проблемы Дальнего Востока».

Заведующий I-м Дальневосточным отделом МИД СССР профессор М. С. Ка-

лица в докладе, посвященном проблемам советско-китайских отношений, глубоко проанализировал причины разногласий между СССР и КНР, порожденные великодержавно-шовинистическими и милитаристскими амбициями маоистского руководства (территориальные притязания, гонка ядерных вооружений, особая позиция в вопросах войны и мира, антисоветизм в идеологии и внешней политике). В докладе вскрыта эволюция основной внешнеполитической цели Пекина — от стремления (исходя из левоопportunистических позиций) толкнуть СССР на войну с США к попытке (уже с правоопportunистических позиций) толкнуть США на войну с СССР. Провоцируя США на войну с СССР, китайское руководство в то же время всячески препятствует нормализации межгосударственных отношений с СССР, навязывая совершенно неприемлемые условия, представляющие, по существу, вмешательство во внутренние дела нашей страны.

Как отметил М. С. Капица, по-прежнему важное место в позиции Пекина занимают территориальные притязания к СССР — требование «признания» советской стороной неравноправного характера договоров России с Китаем, что ставит под вопрос суверенитет СССР над 1,5 млн. кв. км исконной советской территории, и решения в пользу КНР вопроса о так называемых «спорных районах».

Советский Союз противопоставляет этим недопустимым «условиям» ясную и четкую программу нормализации отношений, изложенную в выдвинутом СССР в 1979 г. проекте Декларации о принципах взаимоотношений между СССР и КНР, основанном на принципах мирного сосуществования и отказа от применения силы и угрозы применения ее, отказа от каких-либо претензий на особые права или гегемонию в Азии и во всем мире, сдержанности в отношениях и недопустимости обострения их, отказа от недружественной пропаганды в отношении другой стороны, урегулирования спорных вопросов в духе доброжелательства и проведения для осуществления этих целей встреч между руководителями обеих стран, в том числе и на самом высоком уровне.

Исходя из этих принципов, правительство СССР неоднократно вносило предложения правительству КНР об урегулировании отношений и завершении переговоров по пограничным вопросам, о расширении торгово-экономических связей, научно-техническом сотрудничестве.

Не откликаясь на эти предложения или прямо отклоняя их под разными надуманными предложениями, нынешнее китайское руководство ограничивается тактикой «малых шагов» (разрешение научно-технических и спортивных контактов на международных форумах и соревнованиях, закупка литературы, просьба разрешить транзит товаров в торговле КНР с Западом, изучение советской техники с целью заимствования современных образцов), по

категорически отказывается от двусторонних контактов на постоянной основе. Сохраняя ограниченный характер двусторонних межгосударственных отношений с СССР, китайское руководство на международной арене выступает с позиций открытого противодействия курсу СССР на разрядку международной напряженности, клеветнически изображая СССР «главным источником войны», и стремится создать «международную структуру борьбы» против СССР с участием Китая, империалистических держав и всех реакционных сил. Сделанные в докладе Л. И. Брежнева на XXVI съезде КПСС предложения о распространении мер доверия на регион Дальнего Востока отклонены правительством КНР.

В докладе М. С. Капицы подчеркивается, что сползание Китая на проимпериалистические позиции привело к новым наслоениям, к появлению новых проблем в советско-китайских отношениях.

Доклад члена-корреспондента АН СССР Н. Т. Федоренко, посвященный задачам изучения китайской литературы, фиксировал внимание Китаеведов на необходимости глубокого изучения и исследования классического наследия многовековой китайской культуры, которое маоисты всячески хулили в годы «культурной революции», а также той новой китайской литературы, которая следует принципам критического и социалистического реализма. Произведения видных представителей этой литературы, подвергавшихся в разное время репрессиям со стороны маоистской верхушки, многие годы не издавались в Китае, и изучение и издание их в СССР явилось важным интернациональным вкладом советских ученых как в укрепление советско-китайской дружбы, так и в поддержание прогрессивных традиций китайской литературы.

Доклад заместителя директора Института востоковедения АН СССР доктора филологических наук В. М. Солнцева был посвящен исследованиям в области китайского языкознания. Подчеркнув, что эти исследования охватывают все отрасли языкознания, докладчик привел ряд примеров, показывающих достижения советских ученых в области изучения китайского языка. В частности, он сообщил о завершении многолетней работы над полным китайско-русским словарем, возглавляемой известным Китаеведом профессором И. М. Ошаниным. Первый том словаря уже находится в печати.

Доклад заместителя директора ИИИОН АН СССР доктора исторических наук Л. С. Кюзадзяна ознакомил делегатов конференции с состоянием научно-информационной работы по Китаю. Докладчик подробно остановился на организации сбора, обработки, анализа и публикации данных о монографиях, статьях и других изданиях по Китаю, публикуемых в зарубежной прессе. В последнее время с возобновлением ряда научных изданий в Китае особое внимание уделяется их реферированию.

Большой интерес конференции вызвали доклады представителей быстро развивающегося центра китаеведения на Дальнем Востоке — заведующего сектором Китая Института истории, этнографии и археологии Дальневосточного научного центра АН СССР доктора исторических наук Ф. В. Соловьева и декана Восточного факультета Дальневосточного государственного университета кандидата филологических наук А. А. Хаматовой. Они информировали конференцию об итогах работы этих учреждений в области изучения Китая, в частности о подготавливаемой институтом «Истории Маньчжурии» и о подготовке кадров китаеведов в ДВГУ и внесли ряд предложений об улучшении подготовки и использования этих кадров.

С интересом были заслушаны также доклады представителей среднесазнатских научных учреждений, занимающихся исследованием проблем истории Китая и сопредельных с ним государств: члена-корреспондента АН Казахской ССР доктора исторических наук Р. Б. Сулейменова, кандидата исторических наук К. Ш. Хафизовой (Алма-Ата) и доктора исторических наук Б. А. Ахмедова (Ташкент). Они убедительно показали, какое значение для изучения истории Китая и его политики в отношении соседних стран имеют источники на тюркских, арабском, персидском и других языках соседних с Китаем народов Востока, а также роль китайских источников и китаеведческих исследований в изучении истории этих народов.

В докладах Р. Б. Сулейменова и К. Ш. Хафизовой показана также важность комплексного использования и сопоставления источников на различных языках для изучения древней и средневековой истории народов Азии. Полезным является предложение привлечь для изучения истории Китая и соседних с ним народов данные археологии, этнографии и языкознания. Попытки комплексного использования всех этих источников делаются в Институте истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР и дают плодотворные результаты.

В докладе доктора исторических наук Б. А. Ахмедова проанализирована работа ученых Узбекской ССР. Для нее характерно широкое использование работ на уйгурском, персидском и других восточных языках, хранящихся в рукописном фонде Института востоковедения АН Узбекской ССР и представляющих большую ценность для исследования истории Восточного Туркестана.

О развитии и состоянии отдельных отраслей советского китаеведения за последние 10 лет можно было получить представление из докладов и обсуждений на секциях.

На секции истории (руководитель — доктор исторических наук В. И. Глумин) было заслушано и обсуждено 11 докладов: 8 по новейшей и 3 по новой истории Китая. В докладах был затронут широкий

круг проблем, касающихся истории КПК, истории китайской революции, роли интернационального и военного факторов в революции, истории рабочего движения, современных процессов в КПК, а также историографии истории КПК и китайской революции. Из области новой истории получили освещение антиманьчжурские народные движения, русско-китайские экономические отношения, а также политика китайского правительства в Синьцзяне.

Основное внимание в ходе обсуждения докладов было обращено на необходимость дальнейшей разработки концепции китайской революции и истории КПК. В докладах был выдвинут ряд положений, требующих дальнейшего обсуждения, как, например: идея единства революционного процесса в Китае начиная с Синьхайской революции 1911 г. до образования КНР, дискриминирующая роль в ней национальных факторов, что якобы определило ряд противоречий в развитии китайской революции и становлении КПК. Упомянулось и о феодальном характере китайского крестьянства, что ставит под сомнение фактор мелкобуржуазности в китайской революции.

В докладах подчеркивалась необходимость детального изучения китайского милитаризма, характера и роли рабочего и крестьянского движений, роли интернационального фактора, в частности Коминтерна, в китайской революции. При этом выражалось пожелание, чтобы при разработке указанных проблем уделялось особое внимание периоду 40—50-х годов.

На секции истории было внесено предложение о переводе на русский язык и публикации произведений представителей марксистско-ленинской линии в КПК.

На секцию историографии (руководитель — доктор исторических наук В. Н. Никифоров) было представлено 25 докладов, из которых было заслушано 16. При этом преимущество было предоставлено докладчикам периферийных китаеведческих центров. В докладах равномерно освещено состояние исторической науки по Китаю в СССР (5 докладов) и на Западе (6 докладов), но недостаточно представлена китайская историография (3 доклада) и японская (1 доклад). Доклады касались главным образом изучения древней и средневековой истории Китая, в частности таких проблем, как процесс формирования китайской нации, характер общественного строя, внешняя политика, роль милитаризма и традиции.

Из докладов можно сделать вывод, что важнейшей задачей советской историографической науки в 80-х годах явится пристальное изучение западной и китайской историографии, особенно последней, и создание специального научного подразделения для повседневного наблюдения за китайскими историческими исследованиями и анализа их концептуального содержания.

Периферийные историки, особенно из Средней Азии, поставили вопрос о развитии широкого сотрудничества и помощи им со стороны историков Москвы и Ленингра-

да в целях надлежащего использования имеющихся у них исторических источников на не китайских языках.

Были внесены также предложения по подготовке к составлению и изданию «Средневековой истории Китая» «Энциклопедии Китая».

Работа секции «Экономика КНР» (руководитель — доктор экономических наук В. И. Акимов) вызвала значительный интерес не только у китаеведов-экономистов, но и у специалистов по другим направлениям советского китаеведения. На секции было сделано 18 докладов и сообщений.

На заседаниях секции отмечалось, что за прошедшее десятилетие советскими китаеведами-экономистами проделана большая работа по изучению производительных сил в КНР. В частности, было подготовлено и издано 35 коллективных и авторских монографических исследований, а также большое число статей и других научных публикаций по самым различным проблемам экономики КНР.

Советские экономисты смогли достаточно точно оценить пагубные последствия для народного хозяйства КНР «большого скачка» и «культурной революции», вскрыть основные тенденции и особенности экономического развития в 1961—1965, 1970—1981 гг., дать весьма близкие к фактическому положению количественные и качественные оценки состояния экономики Китая.

Анализ экономического развития КНР показывает прерывистый и неравномерный характер воспроизводства после 1957 г. В КНР налицо несовпадение направлений и интенсивности воспроизводства общественного продукта, производственных отношений и рабочей силы. На фоне зигзагообразного роста производительных сил происходят «скачки» и «откаты» в формах собственности, стагнационные процессы в развитии совокупной рабочей силы и резкие колебания в массах применяемого живого труда в крупном и мелком производстве, в строительстве, в сфере услуг. Все это подтверждает, что маоисты в своей экономической политике отошли от коренных принципов строительства плановой социалистической экономики, нарушают требования объективных экономических законов и пренебрегают долговременными классовыми интересами трудящихся. Предпринимаемый в последние годы поиск новой «модели» экономического и социального развития КНР очень часто идет по пути некритического восприятия и попыток насаждения элементов западного опыта в принципиально отличные китайские условия.

Сложившаяся в КНР иррациональная структура сельского хозяйства является важной причиной его отставания от потребностей экономического развития, приводит к обострению продовольственной проблемы. Изучение аграрной политики нынешнего китайского руководства дает основание утверждать, что принятые им меры не привели к эффективному реше-

нию проблем многоотраслевого развития сельского хозяйства.

Несмотря на официальные заявления китайского руководства, условия жизни трудящихся КНР после 1957 г. заметно ухудшились. Серьезно осложняют продовольственную проблему значительные абсолютные приросты населения. По-видимому, 80-е годы не станут поворотным рубежом в решении продовольственной проблемы в КНР.

В ходе работы секции были высказаны предложения и пожелания относительно целесообразности создания специализированной системы информации по КНР, необходимости большей централизации в изучении состояния науки в КНР и демографических проблем Китая.

Работа секции «Внутренняя политика, государственное строительство и политические традиции современного Китая» (руководитель — доктор юридических наук Л. М. Гудошников) привлекла внимание не только специалистов по упомянутым проблемам, но и специалистов по национальному вопросу, социальным проблемам и др. Всего на секции было заслушано 11 докладов и сообщений.

В докладах был рассмотрен широкий круг вопросов, связанных с изучением внутренних проблем КНР, проанализированы основные направления внутривнутриполитической деятельности китайского руководства в 70—80-х годах. В частности, отмечалось, что у нас в стране проделана значительная работа по изучению социальной структуры КНР. В настоящее время идет процесс формирования системы историко-социологических исследований как особого, и притом перспективного, направления исследований в советском китаеведении. В связи с этим встает вопрос о необходимости подготовки кадров китаеведов-социологов.

На заседаниях секции было рассмотрено также состояние современного китайского права. Как известно, с конца 70-х годов китайское руководство стало предпринимать определенные шаги в законодательной области в свете политических установок о «наведении всеобщего порядка в стране» и программы «четыре модернизации». Однако, как показывают факты, в КНР происходит не укрепление «социалистической законности», как об этом твердит китайская пропаганда, а усиление карательных функций государственных органов. В хозяйственно-правовом законодательстве страны весьма значительное место занимает правовое оформление сотрудничества КНР с иностранным капиталом, которому создаются льготные условия для функционирования в стране.

Значительное место в исследованиях советских китаеведов занимает изучение национальных проблем. Неханьские народы КНР глубоко не удовлетворены национальной политикой китайских руководителей, требуют от Пекина справедливого решения национального вопроса, оказывают властям всяческое сопротивление.

Сегодня национальный вопрос в КНР более обострен, чем в 50-е годы.

В последние годы все более активно исследуются проблемы исторического наследия и политической культуры КНР. Маоистская доктрина «использовать древность ради современности» прочно вошла в политическую культуру китайцев и является одним из важных элементов политической и идеологической жизни КНР. Эта доктрина используется для решения стратегических задач внутренней и внешней политики китайского руководства. Поэтому сейчас стоит вопрос о необходимости более углубленного изучения и исторического наследия и механизма функционирования «древности» в политике китайского руководства.

В ходе работы секции были рассмотрены актуальные проблемы изучения роли вооруженных сил в политике Пекина. Было отмечено, что постепенное превращение НОАК в оружие и опору Мао Цзэдуна и его сторонников в 60-е годы поставило перед советскими Китаеводами задачу непосредственного изучения роли армии в политической жизни страны. В этой области уже немало сделано, хотя и довольно много нерешенных проблем. В связи с этим было выдвинуто предложение, чтобы изучение роли армии в политике Пекина велось по следующим основным направлениям: использование НОАК во внутривнутриполитической жизни страны; изучение роли фактора военной силы во внешней политике Пекина; исследование проблем собственно военного строительства.

На заседании секции внешней политики (руководитель — доктор исторических наук М. С. Капица) было сделано 9 докладов и сообщений. Были обсуждены основные итоги и задачи в исследовании внешней политики КНР, вопросы изучения русско-китайских и советско-китайских отношений, проблемы китайско-японских отношений, военные и политические аспекты гонки вооружений в КНР, политики Пекина в зоне развивающихся стран и др.

Было отмечено, что военно-политическое партнерство китайского гегемонизма и империализма превращает Китай в интегральную часть мировой империалистической реакции, обостряет напряженность в мире и является источником серьезной военной опасности.

В докладах отмечалось особое внимание, которое уделяет китайское руководство сближению с Японией, рассчитывая на совпадение антисоветских интересов, исходя из географической близости, определенной исторической общности, а также целей получения японской помощи и технологии.

Выступавшие подчеркивали, что в обозримой перспективе Китай с позиции фактического союзника империализма будет продолжать попытки провоцировать военное столкновение США и СССР, стран НАТО и Варшавского Договора, втянуть эти государства в различные ло-

кальные конфликты. По мере роста военного потенциала КНР будет усиливаться давление Китая на соседние страны, ужесточатся его территориальные притязания. Продолжатся попытки расколоть единство социалистического содружества с помощью «дифференцированной политики», подорвать связи содружества с развивающимися странами и национально-освободительными движениями. Китай будет пытаться еще шире использовать в своих стратегических, тактических и пропагандистских целях ООН и другие международные организации. Все более острой будет проблема вовлечения Китая в переговоры об ограничении гонки вооружений и разоружение.

Подчеркивалась целесообразность привлечения внимания Китаеведческих научных центров к исследованию темы «Китай в системе международных отношений» по следующим направлениям:

- позиция Пекина по основным глобальным проблемам международных отношений и его способность влиять на ход их решения;

- деятельность КНР в ООН и других международных организациях, маневры Китая в связи с борьбой за новый порядок в мировых экономических отношениях;

- курс Пекина в отношении кризисных ситуаций в мире как существенный индикатор стратегической направленности его внешней политики;

- возможности Китая влиять на развитие международных отношений внутри двух мировых социальных систем и на взаимоотношения самих систем;

- роль международных факторов в борьбе внутри Китая и на мировой арене за четкое определение ориентации его социального развития;

- наиболее вероятные направления эволюции внешней политики КНР.

На секции идеологии (руководитель — кандидат философских наук В. Ф. Феоктистов) выступили 12 Китаеведов ИДВ, Института философии, Института востоковедения АН СССР, Сибирского отделения АН СССР, Института стран Азии и Африки при МГУ. Были подведены итоги изучения китайской философии и идеологической ситуации в КНР за последние десять лет. Было отмечено, что советские Китаеведы в содружестве с учеными Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Института философии АН СССР активно участвовали в разработке марксистской концепции маоизма как мелкобуржуазного социал-шовинистического идейно-политического течения, одной из разновидностей антикоммунизма. Выступавшие указывали на сохранение основ маоизма в идеологии и политике нынешнего руководства КПК. Современный этап эволюции маоизма характеризуется ужесточением антисоветизма и враждебности научному коммунизму, усилением великодержавного шовинизма, гегемонизма и милитаризма, дальнейшим сдвигом политического курса вправо, поли-

гическим и теоретическим прагматизмом, паразитированием на марксизме-ленинизме, углублением кризиса маонизма и попытками его подновления и корректировки наиболее одиозных маонистских идей, которые тормозят осуществление стратегических планов Пекина. Продолжается борьба двух основных версий маонизма — левацкой и правонационалистической. Соглашаясь в главном — в стремлении сохранить и развивать основное содержание маонизма в качестве идейно-теоретической основы партии и государства, — они расходятся лишь в определении конкретных путей достижения маонистских стратегических целей. И хотя выработка очередных «версий» маонизма происходит в столкновении различных тенденций и позиций в китайском руководстве, общей их чертой является желание сохранить основы маонизма.

Важной задачей советского Китаеведения, подчеркивали докладчики, является дальнейший марксистско-ленинский научный анализ маонизма, разработка таких проблем, как классовая сущность идеологической платформы КПК на современном этапе, ее социальная база, обусловленность социально-экономическими и политическими процессами, а также прогнозирование эволюции маонизма.

Обсуждение на конференции наиболее актуальных проблем современного Китаеведения позволило сделать следующие выводы и предложения для дальнейшей работы:

1) В связи с глубокими кризисными явлениями в экономике КНР и противоречивыми тенденциями ее развития изучение направлений и перспектив социально-экономического развития Китая является одной из главных задач советского Китаеведения.

2) Поскольку нынешнее руководство Китая, вынужденное признать многие ошибки Мао Цзэдуна, в то же время стремится сохранить гегемонистскую, антисоветскую сущность идеологии маонизма, прикрывая ее вновь возрождаемым понятием «китайизированный марксизм», важнейшей задачей советского Китаеведения является разоблачение его антимарксистской сущности, равно как и теории «новой демократии» Мао Цзэдуна.

3) Учитывая, что современный политический режим в КНР, сохраняя свою сущность военно-бюрократической диктатуры, испытывает серьезные затруднения во всех областях своей деятельности, китайское руководство вынуждено искать более широкую социальную основу для

проведения своей политики. Отсюда вытекает задача проведения широких комплексных исследований всех сторон современных общественных отношений в Китае в тесной взаимосвязи исторических, политических, экономических, социальных, национальных, идеологических, культурных и других проблем. Среди них важное значение имеет глубокое изучение истории КПК, китайского милитаризма.

4) Изучение внешней политики КНР и советско-китайских отношений как главной арены проявления великодержавной и антисоветской сущности этой политики остается весьма острым и актуальным направлением советского Китаеведения и должно быть направлено, с одной стороны, на изыскание эффективных путей улучшения советско-китайских межгосударственных отношений, а с другой — на разработку мер противодействия «дифференцированной политике» китайского руководства, направленной на разобщение и раскол социалистического содружества. Особое внимание необходимо обратить на изучение различных аспектов политического партнерства Пекина с американским и японским империализмом и на разработку путей осуществления разрядки на Дальнем Востоке, в особенности мер доверия, предложенных XXVI съездом КПСС.

5) В связи с фальсификацией руководством КНР китайской и мировой истории в целях «обоснования» территориальных притязаний к СССР и другим соседним с Китаем странам выдвигается задача глубокого разоблачения несостоятельности этих притязаний и научного раскрытия самобытности и независимого от ханьцев государственного, экономического и культурного развития ряда народов Китая и соседних стран, разоблачения агрессивного характера политики правителей Китая в отношении этих народов. К осуществлению этих задач необходимо привлечь ученых МНР, Вьетнама, других соседних с Китаем стран, а также ученых Узбекистана и Казахстана.

6) Наряду с научно-исследовательскими задачами, стоящими перед советскими Китаеведами, условием успешности их работы является осуществление ряда научно-организационных мер, как-то: улучшение подготовки и использования кадров, ускорение сроков издания Китаеведческой литературы, создание специальной информационной службы, улучшение использования документальной и источниковедческой базы на восточных языках в Узбекской ССР и Казахской ССР.

* * *

XIII конференция молодых китаеведов

31 марта в Институте Дальнего Востока АН СССР состоялась XIII конференция молодых ученых по проблемам Дальнего Востока. В ней участвовали научные сотрудники и аспиранты ИДВ, представители других научно-исследовательских институтов, высших учебных заведений и практических организаций. Конференция предоставила им хорошую возможность для свободного обмена мнениями, получения новой информации, расширения профессионального кругозора, приобретения опыта научных выступлений.

Пленарное заседание конференции открыл заместитель директора Института Дальнего Востока АН СССР, доктор исторических наук профессор В. А. Кривцов. Он отметил непрерывный и стабильный рост научного творчества молодежи института, повышение качества и научной ценности подготавливаемых работ. В. А. Кривцов призвал молодых сотрудников института продолжать совершенствование профессионального уровня и поставил перед участниками конференции ряд задач, являющихся частью общей работы института. Китаеведение — наука комплексная, она, по существу, состоит из многих наук, подчеркнул В. А. Кривцов. Поэтому уровень научно-теоретической подготовленности в области этих наук должен быть особенно высок. Только на этом уровне работа с конкретными китайскими материалами дает возможность создавать действительно интересные и ценные научные труды. Одной из наиболее важных проблем, стоящих перед отечественным китаеведением, отметил В. А. Кривцов, является проблема советско-китайских отношений. Борьба за нормализацию советско-китайских отношений, сказал он, — дело каждого из нас. Эта задача определена партийными документами, и в частности решениями XXVI съезда КПСС и речью Генерального секретаря ЦК КПСС. Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева в Ташкенте. В. А. Кривцов выразил уверенность, что молодые китаеведы внесут достойный вклад в разработку и решение этой сложной и актуальной проблемы.

В выступлении доктора исторических наук профессора Е. Ф. Ковалева говорилось, что в решении главной задачи, поставленной перед Институтом Дальнего Востока АН СССР, — не только изучать Китай, но и вести борьбу за социалистический Китай — приобретает большую важность подготовка молодых специалистов. Необходимо много работать, сказал Е. Ф. Ковалев, для того, чтобы поднять на еще более высокий идейно-политический и научный уровень нашу деятельность. Е. Ф. Ковалев отметил, что важное значение имеет совершенствование методологии,

уменно применять основные идеи классиков марксизма-ленинизма к современной китайской действительности. Е. Ф. Ковалев подчеркнул значимость открывшейся конференции молодых ученых по проблемам Дальнего Востока для научной жизни всего института. «Творческая активность предполагает живой обмен мнениями, — сказал он, — и это неперемное условие для совершенствования научных и теоретических основ. Конференция собирается в тринадцатый раз. Ее работа вновь премонострирует, как каждый из нас на своем участке выполняет задания, поставленные партией, и лозунг: «Решения XXVI съезда — выполняем!»

С заключительным докладом на пленарном заседании выступил кандидат экономических наук П. Б. Капралов. «Всесторонний марксистско-ленинский анализ социально-экономических, идеологических и политических процессов, происходящих в Китае, — это ответственная задача, поставленная перед советскими китаеведами решениями партии, в полной мере относится и к коллективу молодых сотрудников Института Дальнего Востока. Молодые ученые института приложат все силы к тому, чтобы быть на уровне высоких требований, предъявляемых сегодня к китаеведческой науке и внести достойный вклад в научные исследования по Китаю».

В дальнейшем работа конференции проходила в трех секциях: экономики, истории и идеологии, международных отношений.

В секции экономики было заслушано 15 докладов, посвященных анализу общеэкономических и отраслевых проблем развития народного хозяйства КНР. С большим интересом были встречены доклады Е. В. Гребенниковой «Состояние научных исследований в КНР», Е. Ф. Авдокушина «Проблемы соотношения плана и рынка в работах китайских экономистов», В. Е. Зотова «Некоторые проблемы распространения системы производственной ответственности в современной китайской деревне», С. Н. Алексахиной «Проблемы структуры и динамики развития отраслей растениеводства в КНР». Работу секции экономики отличала разносторонность тематики, комплексный подход к исследованию и обсуждению современных социально-экономических процессов в КНР.

В секции истории и идеологии наибольший интерес вызвал доклад С. Р. Белоусова «Модифицированная трактовка идейного наследия Мао Цзэдуна». В нем проанализированы события, происшедшие за последние полгода в политической и идеологической жизни Китая, показано, как современное пекинское руководство модернизирует и использует основные постулаты маоизма. Привлекли также внимание доклады А. Б. Краснова «К вопросу о понимании политики в древнем Китае» и Д. А. Смирнова «Модификация маоистской концепции «новой демократии» накануне победы народной революции в Китае и в первые годы после образования КНР».

В секции внешней политики возникла интересная дискуссия по поводу возможности участия Китая в «тихоокеанском сообществе», которое, как известно, предполагается создать по предложению Японии в составе США, Канады, Японии, Австралии, Новой Зеландии и пяти государств АСЕАН.

В заключение необходимо отметить, что конференция рассмотрела и обсудила ряд актуальных проблем стран Дальнего Востока. Многие доклады представляли серьезные исследования, чувствовалось стремле-

ние авторов не только досконально проанализировать важные проблемы стран региона, но и внести новое в их разработку. Конференция стала настоящей школой для молодых специалистов. Она проводится уже тринадцатый раз, и эта полезная традиция помогает молодым ученым еще глубже войти в проблематику, совершенствовать свой профессиональный уровень.

Е. Ф. Пискунов

* * *

Проблемы молодежного движения в Китае

В начале 80-х годов отмечен резкой активизацией политики руководства КНР в отношении китайской молодежи, составляющей в настоящее время более половины населения страны. Воссоздание на новомасштабной основе Коммунистического союза молодежи Китая, Всекитайской федерации молодежи и Всекитайской федерации студентов, задачи, поставленные перед ними как внутри страны, так и в международном молодежном движении свидетельствуют о новых явлениях в молодежном движении КНР.

Рассмотрению этих вопросов была посвящена II Всесоюзная научная конференция молодых ученых-китаеведов по проблемам молодежного движения в КНР, проходившая с 8 по 12 февраля 1982 г. в г. Фрунзе.

В работе конференции приняли участие молодые ученые г. Москвы, республик Средней Азии, Владивостока, Хабаровска, Иты, Благовещенска, из них 35 выступили докладами и сообщениями. Большинство выступивших являются членами Проблемной группы при ЦК ВЛКСМ и Института Дальнего Востока АН СССР по изучению молодежного движения в КНР. На пленарных заседаниях участвовали также члены восточковедов АН Киргизской ССР, омсомольские активисты, лекторы, пропагандисты, представители вузов, учреждений предприятий г. Фрунзе.

На конференции с развернутыми докладами выступили секретарь ЦК ВЛКСМ Дергаусов Ю. А., заместитель директора Института Дальнего Востока АН СССР, доктор исторических наук профессор Ронцов В. А., кандидат исторических наук Карымов В. Г.

На конференции работали три секции: внешнеполитических, социально-экономических и внутриполитических проблем, а так-

же идеологии, культуры, национальных и демографических проблем.

Важное место в работе конференции было отведено разоблачению сущности империалистической внешней политики китайского руководства, деструктивной тактике Пекина в международном молодежном движении. Участники конференции на конкретных примерах показали, что пекинское руководство в последние 2—3 года все активнее привлекает Коммунистический союз молодежи Китая, Всекитайскую федерацию молодежи и Всекитайскую федерацию студентов для раскольнической деятельности в международном движении.

На конференции были всесторонне рассмотрены тяжелые социально-экономические условия жизни китайской молодежи. Предметом обсуждения явилась также одна из очень сложных проблем современного Китая — проблема безработицы. Отмечалось, что рассмотрение социально-экономического положения различных социальных слоев молодежи составляет основу для правильного понимания сущности процессов, происходящих в настоящее время в молодежном движении КНР. Указывалось, что назрела необходимость обобщения исследований в этой области и разработки научных прогнозов влияния молодежного движения на внутриполитическое положение КНР.

В ходе работы секции идеологии, культуры, национальных и демографических проблем выступавшие отмечали обострение социальных противоречий в различных социальных слоях молодежи, ее недовольство своим положением: социальные противоречия приводят к тому, что интенсивная идеологическая обработка их не дает желаемых результатов. Особенно остро стоят социальные и экономические проблемы среди молодежи неханьских национальностей.

Конференция прошла в атмосфере заинтересованного, делового обсуждения трудного положения современной китайской молодежи как результат нестабильности и противоречий в экономическом и социально-политическом развитии КНР.

Сдано в набор 07.04.82. Подписано в печать 19.05.82. А 01737 Формат 70×108¹/₁₆.
Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Бум. л. 6.5. Усл. печ. л. 16.8. Уч.-изд. л. 19,89. Изд. № 36334.
Заказ 846. Цена 70 коп. Тираж 18 830 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17
Ордена Трудового Красного Знамени
Чеховский полиграфический комбинат ВО «Союзполиграфпром»
Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
г. Чехов, Московской области